

история / география / этнография

Ганнибал

Илья Кораблев

Ганнибал

Илья Кораблев

Ломоносовъ
издательство

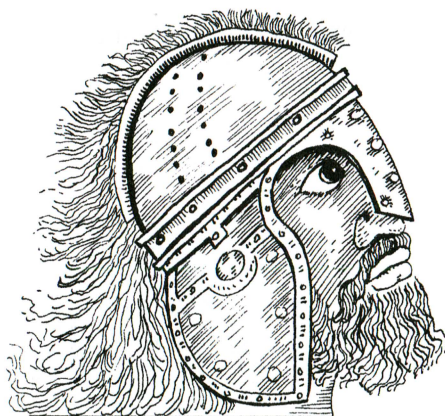

Илья Кораблев

Ганнибал

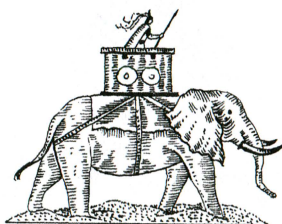
Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(397.3)
ББК 63.3(0)32
К66

*Sanjay
Vidyanus & Kati*

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

Моей матери, Юлии Борисовне

Великий Карфаген вел три войны.
После первой он еще оставался вели-
кой державой, после второй он еще
существовал, после третьей он был
уничтожен.

Бертольд Брехт

Одним из важнейших событий в истории стран и народов Средиземноморского бассейна была II Пуническая война (218–201 гг.*). Она положила конец соперничеству двух величайших держав — Карфагена и Рима, их борьбе за «мировое» господство, то есть за власть над территорией от Пиренейского полуострова до Евфрата, от скифских степей Северного Причерноморья до бесплодных просторов Сахары. Победил Рим. Его победа надолго определила судьбу всего античного мира. Однако для утверждения своего господства римлянам придется еще воевать в Галлии и Испании, на Балканском полуострове и в Малой Азии, в Африке и на Кавказе. Еще будут пролиты реки крови во время сражений и беспощадно подавлены восстания народов против римского гнета, еще будут подвергнуты ужасающему опустошению богатые государства и приведены в Италию многие тысячи рабов, захваченных в различных уголках Средиземноморья. И вся вселенная (так, по крайней мере, казалось) покорно склонится перед жестокими и высокомерными властителями. Пройдет около двухсот лет, и римляне поставят эти кровавые боины себе в заслугу. Их правители будут внушать своим

---

* Все даты в книге даны до нашей эры.

подданным мысль о «римском мире», который якобы сменил прежнюю анархию только благодаря победам римского оружия. Они надменно пренебрегут культурными достижениями других народов, и величайший римский поэт Вергилий воскликнет:

Одушевленную медь пусть куют другие нежнее,
Также из мрамора пусть живые лики выводят,
Тяжбы лучше ведут, и также неба движенья
Тростию лучше чертят и восход светил возвешают,
Римлянин, помни: властно народами править —
Вот искусства твои; мир водворять и порядок,
Покоренных шадить и побеждать непокорных.

Однако никогда больше вплоть до нашествий варваров, которые уничтожили созданную Римом огромную державу, римлянам не придется сталкиваться с врагом более опасным, чем Карфаген; никогда позже Рим не будет так близок к гибели, как во время II Пунической войны. Недаром, приступая к рассказу о событиях последней четверти III в., современник Вергилия, крупнейший римский историограф Тит Ливий, счел необходимым предварить своего читателя: «Я буду писать о войне самой достопамятной из всех, которые когда-либо велись, войне, которую карфагеняне вели против римского народа. Ведь никогда еще более мощные государства и народы не поднимали оружие друг против друга, и сами они никогда еще не достигали такой силы и могущества... И до того изменчиво было военное счастье, что ближе всего к катастрофе оказались те, кто побеждали» [Ливий, 21, 1, 1–2*]. Внимательный читатель без труда обнаружит здесь почти дословное воспроизведение мыслей, которые он уже встречал и во введении к сочинению Геродота о Греко-Персидских войнах, и в начале книги Фукидида о Пелопоннесской войне. И тот и другой подчеркивали, что они ведут речь о самых важных и достопамятных событиях в истории. Однако перед нами — не просто механическое копирование авторитетнейших литературных образцов. Тит Ливий воспроизводит именно ту оценку II Пунической войны, которую он нашел в трудах своих предшест-

---

* При ссылке на античного автора первая цифра обозначает книгу, вторая — главу, третья — параграф.

венников, римлян и греков, и в обоснованности которой, бесспорно, был убежден сам.

И они не ошибались. Если культура античной и средневековой Западной Европы была латинской, а не карфагенской, то произошло это прежде всего потому, что римляне сумели одолеть своего самого страшного противника, разгромить его и уничтожить.

Но странное дело: несмотря на то что Рим победил, II Пуническая война неизменно связывается в нашем сознании с именем побежденного карфагенского полководца.

Все в этом человеке изумляло: его непозволительная, с точки зрения современников, молодость во времена его побед и солдатская неприязнительность в условиях походной жизни, хладнокровие и физическая выдержка, владение тайнами воинского ремесла и подчеркнутый демократизм, настойчивость, целеустремленность и одновременно пренебрежение общепринятыми нравственными нормами, жестокость, коварство. Вспомним характеристику, которую дает Ганнибалу Тит Ливий [21, 4, 3–9]: «Никогда еще один и тот же характер не был так приспособлен к различнейшим делам — повиновению и повелеванию... Насколько большую смелость он проявлял, принимая на себя опасность, настолько большую мудрость он выказывал в самой опасности. Никакая тягость не могла утомить его тело или победить душу. Он одинаково терпеливо переносил жару и холод; меру еды и питья он определял природной потребностью, а не удовольствием; он выбирал время для бодрствования и сна, не отличая дня от ночи: то, что оставалось от работы, он отдавал покою; его он находил не на мягком ложе, не в тишине; многие часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спал на земле среди воинов, стоявших на постах и в караулах. Ничто из одежды не отличало его от ровесников; его можно было узнать по оружию и коню. Он далеко опережал всадников и пехотинцев, первым вступал в бой, последним покидал сражение. Эти столь многочисленные доблести уравновешивались огромными пороками: бесчеловечная жестокость, вероломство более чем пунийское, ничего истинного, ничего святого, никакого страха перед богами, никакой клятвы, никакой совестливости».

Интересен в этой связи рассказ Фронтинуса [3, 16, 4] о том изощренном коварстве, с которым Ганнибал расправился со

своими солдатами, перебежавшими к неприятелю. Зная о находящихся в его лагере римских лазутчиках, он объявил, что перебежчики действовали по его приказанию и должны были разведать планы и намерения противника. Римляне отрубили перебежчикам руки и выдали их Ганнибалу.

Диодор [26, 2] вслед за своими источниками отмечает и физическую годность Ганнибала к ратной жизни, и его хорошую военную подготовку; в другом отрывке [29, 19] Диодор говорит и о том, что Ганнибал руководил многоплеменным и многоязычным войском, об его непобедимости и т. п. Ганнибал был известен и как литератор: еще его биограф Корнелий Непот [Корн. Неп., Ганниб., 13, 2] мог напомнить своей аудитории, что Ганнибал сочинил несколько книг на греческом языке, в том числе «К родосцам о деяниях, совершенных в Азии Гн. Манлием Вольсоном». Враждебная Риму традиция [Юстин, 32, 4, 9–11], желая выдвинуть на передний план личные достоинства Ганнибала, отмечает его стойкость перед житейскими соблазнами («среди стольких пленниц», — пишет Юстин и добавляет: «Можно было бы усомниться в его африканском происхождении»). Благодаря своей умеренности, продолжает Юстин [32, 4, 12], Ганнибал, командовавший армией, составленной из различных племен, никогда не был жертвой обмана или предательства.

Однако Аппиан [Апп., Ганниб., 43] иначе изображает образ жизни Ганнибала в момент, когда решалась судьба Капуи: Ганнибал предается в Лукании роскоши и любви; эта деталь, несомненно, восходит к враждебной карфагенскому полководцу римской историографии.

Стремившийся понять объективные причины успеха римлян и поражения карфагенян, Полибий, писавший, можно сказать, по горячим следам событий, основное свое внимание, насколько об этом можно судить, уделил Ганнибалу-военачальнику [Полибий, 11, 19]: «...кто же не воздаст хвалу полководческому искусству, и доблести, и приспособленности этого человека к боевой жизни, приняв в расчет продолжительность всего этого времени, обратив внимание на большие и малые сражения, осады, измены городов, затруднительные обстоятельства, на огромность всего замысла и деяния. При этом, шестнадцать лет воюя в Италии против Рима, Ганнибал ни разу не увел войска с поля битвы, но, удерживая их под

своею властью, подобно искусному кормчему, удержал от бунтов против себя и от междоусобных столкновений такое полчище, хотя его воины не только к одному племени, но и к одному народу не принадлежали. Ведь у него были ливийцы, иберы, лигуры, галлы, финикияне, италики, греки, у которых от природы не было ничего общего — ни законов, ни обычаев, ни языка, ни чего-нибудь иного. Однако мудрость предводителя заставила столь многочисленные и разнообразные народы слушаться одного приказа и повиноваться одной воле, хотя обстоятельства менялись и судьба то часто им благоприятствовала, то наоборот. Поэтому достоин удивления талант предводителя в этой области, и можно с уверенностью сказать, что, если бы он начал войну в других частях мира и под конец пошел против римлян, ни один из его замыслов не остался бы неосуществленным. Ныне же, начав с тех, на кого следовало идти последними, он, воюя с ними, и начал и кончил свое дело». Не умолчал Полибий и о личных качествах Ганнибала. Однако, говоря о них, он проявил исключительную сдержанность. «Некоторые думают, — писал он [9, 22, 8–10], — что он был чрезмерно жестоким, а некоторые — сребролюбивым. Однако сказать правду о нем и о тех, кто ведет государственные дела, нелегко. Иные говорят, что природными свойствами человека обнаруживаются чрезвычайными обстоятельствами и одни люди проявляют себя в счастье и власти, другие же, наоборот, в несчастье, как бы они вообще до этого ни сдерживались. Мне же, наоборот, сказанное кажется неверным. Ведь, по-моему, нередко, даже очень часто люди принуждаются и говорить и поступать вопреки своим намерениям, то ли следуя советам друзей, то ли под воздействием изменчивых событий». И далее [9, 23, 4]: «Хотя и невероятно, чтобы одни и те же натуры обнаруживали противоположнейшие качества, но, вынужденные приспособляться к изменяющимся обстоятельствам, некоторые властители обнаруживают противоречащее их характеру отношение к окружающим, так что из-за этого их природные свойства не только не проявляются, но скорее затемняются». Приведя фактический материал, подтверждающий, как он думает, его точку зрения, в том числе рассказав о некоторых предосудительных, если подходить с «обычной» меркой, поступках Ганнибала, совершенных либо под влиянием друзей, либо под воздействием политической необходи-

мости, Полибий заключает [9, 26, 10–11]: «Вот почему очень трудно говорить о характере Ганнибала, так как на него влияли и советы друзей, и положение дел. Достаточно, что у карфагенян он слыл сребролюбцем, а у римлян — жестоким». Как можно видеть, Полибий вовсе не отрицает ни своекорыстия, ни жестокости Ганнибала, хотя и пытается (и это кажется нам принципиально неприемлемым) снять с него личную ответственность за те или иные деяния.

Конечно, нельзя не считаться с тем, что наши сведения о Ганнибале мы черпаем преимущественно из сочинений, воспроизводящих римскую точку зрения или приспособляющихся к ней. Поэтому едва ли можно до конца им доверять, когда они приписывают Ганнибалу чрезмерные пороки. Можно полагать, что Ганнибал в этом отношении сколько-нибудь существенно не отличался от своих греческих и римских коллег; напомним, что в древности (да и только ли в древности?) грабежи, насилия, опустошения и порабощение составляли, если можно так выразиться, повседневный быт войны. Уничтожение Моти и Коринфа, Сагунта и Карфагена, Нуманции и Иерусалима, трагедия самого Рима, захваченного и ограбленного вандалами, привлекли внимание современников лишь размахом того, что происходило. Настороженность вызывают и чрезмерные восхваления пунийского полководца, преувеличенное восхищение его талантами. В одних случаях, когда об этом говорят враги римлян, здесь отчетливо прослеживается ненависть к Риму, в других — желание преувеличить славу Рима, который сумел в единоборстве одолеть столь грозного противника, в третьих — выделить из плеяды римских военачальников Сципиона, одержавшего единственную будто бы и решающую победу над Ганнибалом в битве при Заме.

И все же факт остается фактом. Разгромленный и затравленный врагами, переживший крушение всех своих надежд и замыслов, изгнанник, доживавший свои дни вдали от родины, он был приравнен к величайшим полководцам своего времени, поставлен рядом с Александром Македонским. Впечатление, которое Ганнибал произвел на весь тогдашний мир, было настолько сильным, воспоминания об его блестящих победах над римлянами такими яркими, что они заслонили собой и его поражение, и изгнание, и гибель. Даже у Тита Ливия и Аппиана, историографов I–II вв. н. э., явственно

ощущается тот ужас, который испытывали римляне при одной мысли о Ганнибале, стоявшем у ворот «вечного города». Личность Ганнибала наложила свой отпечаток на все события политической и общественной жизни последней четверти III — первой четверти II в., и уже одно это оправдывает наш интерес к нему. Его необычная судьба и бесспорный талант полководца заставляют задуматься о том, каким был этот человек, в чем его сила и слабость, где предел воздействия, которое может оказать даже очень выдающаяся личность на ход исторического процесса.

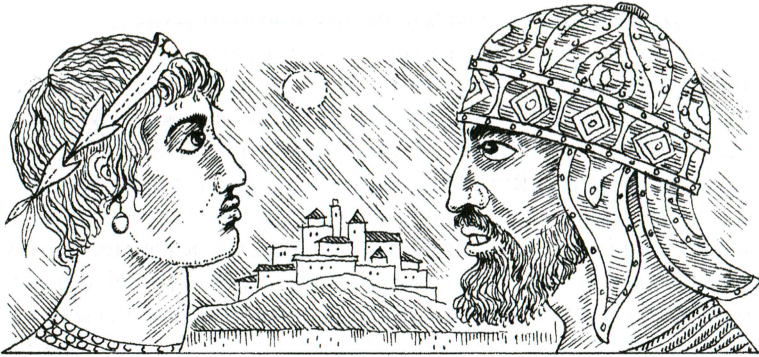
Автор далек от мысли, что ему удалось исчерпать всю необозримую литературу о Ганнибале; он, однако, надеется, что основные точки зрения в предлагаемой работе так или иначе учтены. В нашу задачу не может, разумеется, входить изложение и анализ различных мнений о Ганнибале, которые высказывались многочисленными исследователями и политическими деятелями XIX—XX вв.: для этого потребовалась бы специальная книга. К тому же нас интересует реальный человек, а не то, каким он представляется отдаленному потомству, то есть не легенда о Ганнибале. Заметим здесь только, что унаследованное от античной историографии представление о Ганнибале как об одном из величайших полководцев всех времен прочно укоренилось и в научно-исследовательской, и в популяризаторской литературе. Гениальный полководец, не потерпевший ни одного поражения, одержавший блестящие победы, но преданный жадным, корыстолюбивым советом купеческой республики, — такое изображение Ганнибала стало своего рода общим местом. Слов нет, Канны были величайшим достижением полководческого гения Ганнибала и одной из вершин военного искусства вообще. Но разве жизнь Ганнибала-военачальника может быть сведена к одним только Каннам? Неужели величие полководца определяется только тем, что он на протяжении своей военной карьеры выиграл столько-то сражений и победил в стольких-то войнах? Не следует ли принять во внимание и цели, которые он ставит перед собою, то, для чего ведутся войны и одерживаются победы?..

...Солнце еще не показалось над горизонтом: раннее утро. Над алтарем высокий столб пламени. Это карфагенский полково-

дец приносит жертву грозному Ваалхаммону и покровительнице города Тиннит — украшению Ваала. Сумрачны воины, переполнившие древний храм; жрецы в высоких шапках простерли руки к богам. Торжественные песнопения, громкие возгласы, невнятный шепот... И девятилетний мальчик, старший сын полководца, по приказу отца приносит клятву, ухватившись за «рога» алтаря. Этой клятве он останется верен до своего последнего часа.

Глава первая Клятва Ганнибала

Среди сложных задач, с которыми сталкивается историк Древнего мира, одна из самых трудных — определение точных дат жизни того или иного человека. Слишком часто мы вынуждены ограничиваться неопределенными ориентирами, в лучшем случае — с точностью до десятилетия, даже когда речь идет о людях, чья жизнь и деятельность на разных ее этапах привлекала внимание древних историографов. Правда, в нашем распоряжении имеются некоторые данные, позволяющие с большей или меньшей степенью достоверности определить хронологическую канву биографии Ганнибала. Однако, приводя их, древние авторы вовсе не стремились к тому, чтобы наметить какие-то вехи жизненного пути этого человека. Говоря о возрасте, о поразительной с точки зрения эпохи молодости Ганнибала в моменты, когда он принимал ответственные политические решения и одерживал самые блестящие победы, они пытались лишний раз подчеркнуть его редкие дарования.

Эти данные группируются вокруг трех основных событий: знаменитой клятвы, вступления в должность командующего войсками на Пиренейском полуострове и возвращения на родину из Италии. Все писавшие о Ганнибале единодушны

в том, что свою клятву он принес в возрасте девяти лет [Полибий, 3, 11, 15; Корн. Неп., Ганниб., 2, 3; Ливий, 21, 1, 4]; произошло это событие в 237 г. Командование войсками он принял в 221 г.; по сведениям Корнелия Непота [2, 3], Ганнибалу тогда не было и двадцати пяти лет. Между тем значительно более поздний историограф Евтропий [3, 7] считает, что осаду Сагунта Ганнибал начал в двадцатилетнем возрасте и, следовательно, командование он принял, будучи еще более молодым. По мнению византийца Зонары [8, 21], излагающего Диона Кассия, Ганнибал достиг власти в возрасте двадцати шести лет. Согласно еще одному указанию, Полибия [15, 19, 3], когда пунийский полководец в 203 г. вернулся из Италии на родину, ему было больше сорока пяти лет. По словам Павла Орозия [4, 19, 4], Ганнибал возвратился в Карфаген через тридцать шесть лет после своего отъезда с отцом в Испанию, то есть в возрасте сорока пяти лет. Исходя из этого, мы можем считать, что, по данным античной традиции, Ганнибал родился либо до 241 г. (Евтропий), либо в 246 г. (Тит Ливий, Корнелий Непот), в 247 г. (Зонара), в 248 г. (Орозий). По Полибию, время рождения Ганнибала — 247–246 гг.

Такая разногласица объясняется, по-видимому, тем, что древние историографы не имели доступа к документам, где указывалась дата рождения Ганнибала (если предположить, что такие документы существовали), и вынуждены были довольствоваться слухами и приблизительными указаниями источников. У нас тоже нет другого выхода: приходится констатировать, что где-то между 248 и 246 г., а скорее всего, около 246 г. в семье крупного карфагенского военачальника и политического деятеля Гамилькара Барки, сына Ганнибала, родился сын. Эта семья, по-видимому, принадлежала к высшей карфагенской аристократии и возводила свою родословную к одному из спутников Элиссы — легендарной основательницы города [см.: Сил. Ит., 1, 73–80], после трагической гибели обожествленной, насколько можно судить, под именем Тиннит. Отец не утруждал себя выбором: новорожденного назвали самым распространенным пунийским именем — Ганнибал (Ханнибаал — «милостив ко мне Ваал»; по-русски обычно воспроизводится латинская форма — Hannibal), может быть, в память о деде, к тому времени, конечно, уже умершем. Именно тогда карфагеняне послед-

ним отчаянным усилием попытались вырвать у Рима победу в I Пунической войне и назначили командующим войсками в Сицилии, где развертывались основные операции, Гамилькара Барку.

Очерк истории Карфагена (825–247 гг. до н.э.)

Борьба между Карфагеном и Римом, в которой столь заметную роль сыграли и Гамилькар Барка, и Ганнибал, была естественным завершением всего предшествующего развития стран Западного Средиземноморья.

Основанный в 825 г. выходцами из Тира, Карфаген сравнительно рано (уже в VII в.) превратился в один из крупнейших центров средиземноморской торговли, чему немало способствовало его исключительно выгодное географическое положение, и выступил с притязаниями на господство в этом районе. В ходе ожесточенной борьбы с греческими колонистами в Сицилии, Лигурии и на Пиренейском полуострове, а также с древнейшим испанским государством Тартесс Карфагену удалось в союзе с этрусками уничтожить Тартесс, объединить вокруг себя североафриканские, сицилийские, сардинские и пиренейские колонии финикийян, а также подчинить обширные территории в Северной Африке, Южной Испании, Западной Сицилии и Сардинии. Особое значение имел для карфагенян союз с этрусскими городами. Как показали параллельные по содержанию посвянительные надписи из Цере (KAI, 277), составленные на финикийском и этрусском языках и обращенные к финикийской богине Аштарт и ее ответственности — этрусской Уни (то есть Юноне), союз между этрусским Цере и Карфагеном отличался завидной прочностью и наблюдалось заметное культурное влияние пунийцев на этрусов: проникновение в этрусский мир карфагенских культов и обычаев, календаря (одна из датировок сделана по пунийской системе счисления) и финикийского языка. Очевидно, эти глубокие связи сказались, когда пунийские войска в последней четверти III в. появились на территории Этрурии, хотя прямых указаний на это у нас нет. Поражение, которое потерпели карфагеняне около 480 г. в битве при Гимере (Си-

цилия) от коалиции греко-сицилийских городов-государств во главе с Сиракузами, на несколько десятилетий приостановило столкновения на острове. Однако уже в конце V в. войны с Сиракузами за господство в Сицилии возобновились, а к середине III в. Карфаген стал фактическим хозяином всей Сицилии и вышел на ближние подступы к Италии.

Созданное карфагенянами государство было весьма типичным для древности военно-административным объединением, которое включало в свой состав территории и общества, стоявшие на различных ступенях общественно-экономического развития и не имевшие друг с другом сколько-нибудь прочных контактов. Если не считать государственной власти пунийцев, единственным связующим звеном между ними оставалась торговля. Однако, стремясь к созданию своей монополии как во «внутренней», так и в «международной» торговле, карфагеняне фактически тормозили развитие подвластных им областей и тем самым способствовали усилению тенденций, ведших в конечном счете к распаду и гибели построенной ими державы.

Карфаген был рабовладельческим государством; согласно дошедшим до нас сведениям, в руках отдельных собственников могли сосредоточиваться десятки тысяч рабов, из которых во время междоусобных войн создавались даже частные армии; крупными рабовладельцами были храмы. Впрочем, рабы иногда имели собственное хозяйство, а также семью, признававшуюся законом. Очевидно, положение различных групп рабов в обществе не было однотипным. Существовало в Карфагене и вольноотпущенничество — как за выкуп, так и без выкупа. После приобретения формальной свободы вольноотпущенники продолжали сохранять фактическую зависимость от своих прежних хозяев. Они не получали равных прав со свободнорожденными карфагенянами: им предоставлялся статус лиц, пользовавшихся «сидонским правом», реальное содержание которого нам не известно. Не исключено, что последним термином обозначалась совокупность прав, которыми пользовались финикияне-неграждане, выходцы из городов переднеазиатской Финикии и из колоний в Западном Средиземноморье.

В самом тяжелом положении на землях, принадлежавших Карфагену, были коренные жители Северной Африки — ли-

вийцы. Для того чтобы удерживать их в повиновении, карфагенское правительство разделило свои ливийские владения на территориальные округа и подчинило их стратегам; оно ликвидировало суверенитет местных общин, их самостоятельность не только в области внешней политики, но и в решении вопросов внутренней жизни. Ливийцы платили захватчикам непомерно высокие налоги; их сбор сопровождался насилием, вымогательствами, кровавыми преступлениями. Полибий [1, 72, 1–3] следующим образом характеризует поведение пунийских властей на территории Ливии в период I Пунической войны: «Ведь во время предшествующей войны, полагая, что имеют благоприятный предлог, они жестоко властвовали над населением Ливии: от всех прочих плодов они собирали половину, установив городам также и двойные налоги по сравнению с прежним временем, не проявляя пощады к недвижимым или снисхождения во всем, что касалось взыскания податей. Они прославляли и почитали не тех военных правителей, которые относились к народу милостиво и человеколюбиво, но тех, кто обеспечивал им наибольшие повинности и запасы, а с населением обращался самым жестоким образом». И далее [1, 72, 5] он говорит о мужчинах — главах семей («мужья и отцы»), которых уводили под арест или в рабство за неуплату налогов и поборов. О жестокости пунийцев в Ливии сообщает и Диодор [20, 55]. Значительные по размерам и лучшие по качеству земельные массивы в долине реки Баграда, а также на средиземноморском побережье карфагеняне отобрали у ливийцев; эти земли захватили пунийские аристократы и создали здесь свои виллы. По терминологии Тита Ливия [33, 47–48], такие хозяйственные организмы назывались «башнями», в чем можно видеть отражение переднеазиатского (аккадского) термина «димту», распространенного в Финикии еще в середине II тысячелетия. Наконец, на территории Ливии карфагеняне проводили регулярные мобилизации рекрутов в свою армию [Диодор, 13, 44, 1; 13, 54, 1], лишая ливийцев молодежи, которая проходила воинскую службу далеко от родины, проливая кровь за чужие интересы. Положение в Ливии всегда было крайне напряженным; время от времени здесь вспыхивали бунты, жестоко подавлявшиеся; враги карфагенян, высаживаясь на территории Северной Африки, все-

гда могли рассчитывать на дружественное отношение и прямую поддержку коренного населения.

Еще одну группу населения карфагенской державы составляли жители сицилийских городов — греки, сикулы и сиканы. Они сохраняли, хотя и с существенными ограничениями, свой суверенитет, действенный, когда на повестке дня оказывались внутривнутриполитические проблемы. Их зависимость от Карфагена выражалась в необходимости соотносить внешнеполитический курс с интересами пунийцев и в выплате поземельного налога, составлявшего десятую долю урожая. Не исключено, что они обязаны были выполнять и другие повинности. Подвластные Карфагену сицилийские города сохраняли, несмотря на стремление Карфагена монополизировать всю торговлю в Западном Средиземноморье, возможность не прибегать к посредничеству пунийских купцов и устанавливать прямые коммерческие связи, в том числе и за пределами карфагенской державы. Так, в первом договоре Карфагена с Римом устанавливалось [Полибий, 3, 22, 10], что римляне пользовались в Сицилии равными с карфагенянами правами. Во втором договоре аналогичная клаузула [Полибий, 3, 23, 12] изложена следующим образом: «В той части Сицилии, в которой господствуют карфагеняне, и в Карфагене все пусть и делает и продает (римлянин. — *И. К.*), что и гражданину позволено». Ситуация предполагала, несомненно, и соответствующее правовое положение самих сицилийцев.

Особое место было у граждан финикийских колоний в Западном Средиземноморье, объединившихся вокруг Карфагена. Государственно-административное устройство и законодательство колоний совпадали с карфагенскими; выходцы из колоний практически во всех сферах гражданской жизни были приравнены к карфагенянам, в том числе, что было особенно существенным, они имели право заключать с карфагенянами браки, признававшиеся законом; такие супружеские союзы не влекли за собой гражданского неполноправия детей [Диодор, 20, 55; Полибий, 7, 9, 5]. Однако они не могли участвовать в политической жизни Карфагена и, следовательно, оказывать прямого воздействия на судьбы государства, частью которого были. И другое немаловажное обстоятельство: карфагеняне старались не допускать, чтобы их союзники торговали за пределами державы. В особенности характерно следую-

щее условие, зафиксированное во втором договоре Карфагена с Римом [Полибий, 3, 11]: «В Сардинии и Ливии никто из римлян пусть не торгует и не основывает города, кроме как с целью приобрести продовольствие на дорогу или построить корабль. Если же непогода занесет, в течение пяти дней пусть он удалится». Здесь, несомненно, запрещается установление контакта не только с коренным населением названных территорий, но и с финикийскими колонистами. Кроме того, деятельность, купцов в финикийских колониях облагалась высокими пошлинами [Ливий, 36, 62].

В самом Карфагене у власти стояла аристократия. Вся административная система, вся структура государственного аппарата, сложившаяся к середине V в., должна была обеспечить ее господство. Высшим органом власти был совет, пополнявшийся из людей знатных и богатых [Полибий, 6, 51, 1–2; Арист., 2, 8, 3; Сервий, 4, 682]; внутри совета выделялся своеобразный «президиум» («первенствующие», «старейшины» — так его члены именуется обычно в наших источниках), состоявший первоначально из десяти [Юстин, 18, 6, 11; 7, 17], а позже, вероятно с V в., из тридцати [Ливий, 30, 16, 3] человек. Здесь обсуждались и решались все проблемы городской жизни — предварительно на заседании «президиума», а затем окончательно всем советом. Народное собрание формально считалось одним из составных элементов карфагенского государственного устройства, однако фактически не функционировало; к нему обращались как к своего рода арбитру только в тех случаях, когда совет оказывался не в состоянии принять согласованного решения [Арист., 2, 8, 3]. В середине V в. специально для того, чтобы предотвратить возникновение военной диктатуры, был создан совет 104, которому стали подотчетны должностные лица [Юстин, 19, 2, 3; Арист., 2, 8, 2; ср. у Диодора, 20, 10, 3]. Членов этого совета назначали специальные комиссии из пяти человек — пентархии, которые сами пополнялись путем кооптации [Арист., 2, 8, 4] по признаку принадлежности к аристократическому роду [Арист., 2, 8, 2]. Имелись в Карфагене и другие коллективные органы власти; такова, например, комиссия из десяти человек, ведавшая храмами [CIS, I, 175].

До сих пор плохо известна карфагенская система магистратов, которые осуществляли в городе исполнительную власть.

Ее возглавляли двое суффетов («судьи»; по терминологии греческих источников — «цари»), выбиравшиеся сроком на один год [Ливий, 34, 61; Корн. Неп., Ганниб., 7, 4; ср.: CIS, I, 165]. Помимо суффетов для ведения боевых операций часто назначались специальные военачальники, не бывшие одновременно городскими магистратами [ср. у Арист., 2, 8, 5]; пунийские правящие круги, судя по всему, старались не допускать, чтобы военная и гражданская власть концентрировалась в одних руках, хотя время от времени и имело место совмещение должностей суффета и полководца [Юстин, 22, 7, 10; Диодор, 15, 15, 2]. Источники упоминают и городских казначеев [Ливий, 33, 46]. Надо полагать, этим описок должностных лиц в Карфагене не исчерпывался. Так как выполнение обязанностей магистратов не оплачивалось и требовало значительных расходов, государственные должности были доступны только представителям верхних слоев общества, располагавшим значительными денежными средствами. Как и при пополнении коллективных органов власти, при выборах должностных лиц неукоснительно соблюдался принцип — выбирать только богатых и знатных.

Демократические круги населения — многочисленные наемные работники, ремесленники, мелкие и средние торговцы — были, таким образом, прочно отстранены от ведения государственных дел. Более того, выходцы из этих слоев не могли иметь надежды когда-нибудь пробиться «наверх»: помимо денег следовало иметь еще и ценз знатности, то есть исконной принадлежности к правящей верхушке.

Особую роль играла в политической жизни Карфагена и система комплектования войск. Здесь уже давно отказались от народного ополчения; основу пунийской армии составляли наемные воинские формирования [Юстин, 19, 1, 1] и, как уже говорилось, соединения насильственно мобилизованных ливийцев. Недостатки подобной системы очевидны: наемные воины сражаются не за отечество, не за идею, но за жалованье, за возможность грабить побежденных. На них можно положиться лишь в успешном, победоносном походе; трудности, поражения, лишения, задержка жалованья делали их крайне ненадежными. Конечно, Ганнибалу удавалось, как это отмечают многочисленные источники, удерживать свою многоязычную армию в повиновении, однако относительная дис-

циплинированность его солдат может быть легко объяснена и блестящими победами в Италии, и надеждами на новые успехи. Вероятно, сыграло свою роль и влияние личности Ганнибала, который был очень популярен в солдатской среде. Использование наемных войск имело важный внутривнутриполитический аспект: отстраненные от воинской службы, народные массы оказывались не в состоянии влиять в своих интересах на развитие событий.

Среди самой карфагенской аристократии не было единства. Раскол в этой среде был порожден различиями в экономическом положении отдельных ее групп; их политическая линия определялась тем, что служило источником их благосостояния. Представители пунийской знати, располагавшие относительно большими земельными владениями на территории Африки, вовсе не желали проведения активной внешней политики. Настроения этих кругов точно выражены в дошедшем до нас изречении известного в древности карфагенского ученого-агронома Магона, который требовал, чтобы землевладелец отказался от дома в городе и целиком сосредоточился на ведении хозяйства [Плиний, 18, 35; ср. у Колумеллы, I, 18]. Основу их богатства составляла земля, поэтому они добились укрепления власти Карфагена над ливийцами; их гораздо меньше заботило положение Карфагена как великой державы: от проведения завоевательной политики в Средиземноморском бассейне они не только не ожидали для себя каких-нибудь выгод, но даже предвидели тяжесть необходимости новых затрат государственных (это бы еще ничего!) и своих собственных средств.

Другую группу карфагенской аристократии составляло крупное купечество, благосостояние которого зависело от морской торговли со странами Средиземноморья и за его пределами. Как известно, Карфаген поддерживал активные торговые контакты с Египтом, Италией и греческим миром, а также с Испанией, где (на юге Пиренейского полуострова) пунийцы занимали господствующее положение. Карфагенские торговцы активно участвовали в торговле с районами, прилегающими к Красному морю, а также проникали в бассейн Черного моря. Естественно, что в этих условиях не могла не возникнуть влиятельная прослойка, интересы которой были связаны преимущественно, если не исключительно, с морской торгов-

лей. Вполне понятно, что эти люди стремились к сохранению, упрочению и расширению власти Карфагена на морских торговых путях; их интересы смыкались с интересами тех, кто так или иначе обслуживал морскую торговлю или изготовлял для продажи различные ремесленные изделия. Основной целью внешней политики Карфагена они считали установление пунийской торговой монополии во всем известном тогда мире. Иначе говоря, если учесть необходимость уничтожить или подчинить конкурентов, речь шла о создании «мировой» державы, которая охватила бы всю ойкумену, с центром в Карфагене. Именно эту задачу пытались решить Гамилькар Барка и Ганнибал.

Сама по себе эта задача не могла казаться абсолютно неразрешимой. В середине второй половины IV в., немногим больше ста лет до них, совершил свой завоевательный поход Александр Македонский, подчинивший весь Ближний Восток, Иран, Среднюю Азию и часть Индии. Смерть застала его в разгаре подготовки новой экспедиции, на этот раз на запад, против Карфагена. И, наблюдая развитие событий, трудно было не прийти к мысли, что, если бы не преждевременная гибель, он сумел бы успешно осуществить и это свое предприятие. Да и сама персидская держава — разве она не включала помимо Средней Азии и собственно Ирана практически все Восточное Средиземноморье? Конечно, государство Александра развалилось. Но не потому ли оно развалилось, что его полководцы раздробили это государство и потом в непрерывных войнах выкраивали себе более или менее, в зависимости от таланта и удачливости, обширные владения? То, что удалось Александру, к чему стремились его преемники, мог бы повторить и Карфаген, если бы у его стратегов хватило умения и счастья.

Существовали ли объективные предпосылки для создания подобных «мировых» держав? Несомненно, да, в противном случае Римская империя не смогла бы, например, удерживать под своею властью все страны Средиземноморского бассейна в течение нескольких столетий. Конечно, они представляли собой довольно пестрый конгломерат различных по культуре и уровню социально-экономического развития районов, племен и народностей, «объединенных» копьем завоевателя. Существование данного государства часто зависело от военных

способностей того или иного царя или полководца. Но ведь на месте погибших политических организмов постоянно возникали новые, каждый раз охватывая одни и те же или примерно одни и те же территории, и это явление нельзя объяснить только случайным стечением обстоятельств.

К числу таких предпосылок относится прежде всего развитие и сохранение на этих территориях, несмотря на постоянные войны, торговых и иных контактов между обществами, которые были серьезно затруднены тем, что за пределами своего племени, своего гражданского коллектива человек оказывался практически вне закона. Его позволялось безнаказанно убить, захватить в плен, продать в рабство; в условиях непрерывных столкновений всех со всеми такая опасность была очень реальной. Ее пытались уменьшить или даже вовсе ликвидировать союзническими договорами, соглашениями о гостеприимстве (своего рода куначество) между частными лицами, а также между государствами. Однако эти полумеры не давали надежных гарантий. Только территориальное государство своими силами могло установить порядок, обеспечить мир и безопасность на обширных пространствах. Иначе говоря, развитие товарного производства и как следствие возникновение средиземноморского рынка — такова основная предпосылка возникновения древних территориальных государств.

Существенно ограничивая суверенитет входивших в него ячеек, такое государство никогда не ликвидировало его полностью. Общества, подвластные территориальному государству, сохраняли, как правило, свое административно-политическое устройство, более или менее самостоятельно вели внутреннюю политику и завязывали дипломатические контакты даже за пределами государства, имели собственные законы и т. д. Верховный суверенитет территориального государства выражался в необходимости согласовывать политику местных властей с политикой центрального правительства и выплачивать последнему различные поборы. При всей их тяжести ограничения эти, по-видимому, с избытком компенсировались установлением мира и безопасности, а также той поддержкой, какую центральное правительство обеспечивало местной землевладельческой и торгово-ремесленной знати в укреплении ее господства. Когда территориальное госу-

дарство оказывалось не в состоянии обеспечить ни того ни другого, когда интересы местных правящих кругов вступали в непримиримый конфликт с интересами центрального правительства, когда оно превращалось исключительно в орудие эксплуатации подданных в интересах господствующего общества или прослойки населения, тогда оно теряло опору и гибло.

Гамилькар Барка и Ганнибал поставили перед собой именно такую, невыполнимую по самой своей природе задачу — укрепить и расширить Карфагенскую державу, созданную для того, чтобы обеспечить карфагенским землевладельцам и купцам возможность угнетать и эксплуатировать все остальное человечество, обогащаться за его счет. На этом пути карфагеняне столкнулись с Римом.

К середине III в. Рим давно уже перерос рамки небольшого воинственного города-государства, аристократической республики, вынужденной бороться с многочисленными внешними врагами не только и не столько за господствующее положение, сколько за само свое существование. Ушли в прошлое времена, когда господство в городе принадлежало исключительно патрициям. В результате многолетней ожесточенной борьбы плебеи добились полного гражданского равноправия с патрициями и получили доступ к высшим государственным должностям, а также в сенат, комплектовавшийся из бывших должностных лиц, — право, воспользоваться которым могла, разумеется, только верхушка римского плебса. В III в. из немногочисленных (не более 30) патрицианских и плебейских родов в Риме складывается новая знать — нобилитет, экономическую основу которой составляло крупное землевладение. Эта новая знать выделилась из всаднической среды, то есть из среды граждан, чье имущественное положение позволяло им служить в кавалерии; из всадников, обладавших особенно высоким имущественным цензом и знатностью («нобилитетностью»), выходили должностные лица, занимавшие после отбытия своей службы сенаторские кресла. Сенат, таким образом, превратился в крепость нобилитета. Опираясь на формально свободных, но фактически зависимых клиентов и колонов, которые работали на их полях и поддерживали их при соискании должностей, а также при голосовании в народном собрании, но-

били делали все для того, чтобы крепко держать в своих руках управление государством и не допускать выходцев из чуждой среды к высшим военным и гражданским должностям. Как и следовало ожидать, нобилитет не представлял собою сословие, чуждое каких бы то ни было внутренних потрясений и конфликтов; наоборот, можно констатировать соперничество между отдельными группами родов — политическими кликами, стремившимися захватить власть всю целиком. Одну из них возглавляли Фабии, тесно связанные с Атилиями, Лициниями, Манлиями, Отацилиями, Фульвиями, Манилиями, Огульниями и Леториями. Ядро другой группировки составляли Эмилии; вокруг них объединялись Ливии, Ветурии, Сервилии, Папирии, Корнелии Сципионы; после разрыва с Фабиями к ним примкнули и Лицинии. Большим влиянием в Риме пользовались Клавдии, заодно с которыми были Валерии, Сульпиции, Волумнии, Юнии, Марции, Семпронии; в начале III в. они солидаризировались с Фабиями, но позже разошлись с ними. Насколько об этом можно судить, принципиальных разногласий между названными группировками не было; борьба шла вокруг отдельных кандидатур, вокруг наиболее целесообразной тактики. В период максимальной угрозы Римскому государству, да и вообще при определении долгосрочных кардинальных целей римской политики, все они действовали заодно. Те всадники, которые по своему имущественному положению и по отсутствию у них необходимой с римской точки зрения знатности не могли войти в среду нобилитета, в III в. постепенно составили специфическое («всадническое») сословие, поставившее высших военачальников и захватившее в свои руки торговлю и ведение финансовых операций.

Другим важным результатом острых классовых столкновений было уничтожение рабства-должничества (хотя система кабальных отработок за долги не была ликвидирована и вновь и вновь появлялась в Италии); тем самым укреплено было до известной степени положение римского крестьянства. Конечно, немалую часть сельского населения составляли клиенты и колоны, зависевшие от крупных собственников и, по всей видимости, не имевшие своей земли. Тем не менее значительную и очень влиятельную прослойку римского общества составляло свободное крестьянство — плебеи, получившие до-

ступ к государственной земле, фонды которой непрерывно пополнялись во время завоевательных войн, мелкие и средние собственники из той же плебейской среды; ощущалось в общественной жизни и постоянное давление со стороны безземельных — пролетариев. Эта народная масса могла активно защищать свои интересы, выдвигать своих лидеров на руководящие посты, преодолевая сопротивление нобилитета. Обращение к народу или даже угроза такого обращения способны были заставить правящую клику отступить.

Основным объектом борьбы между новой знатью и рядовым гражданством была земля, и именно это обстоятельство делало тех и других заинтересованными в захватнических войнах. Войны приносили «законную» добычу, создавая условия для обогащения; войны увеличивали государственный земельный фонд («общественное поле»), за счет которого могли расширять свои владения все граждане (по крайней мере теоретически; на практике, разумеется, государственная земля так или иначе попадала преимущественно в руки нобилей); войны позволяли систематически выводить колонии в различные пункты Италии и таким образом наделять землю безземельных и малоземельных, избавляясь одновременно от слишком беспокойного «взрывчатого» элемента в самом Риме. К середине III в. под властью Рима практически оказалась вся Италия. Естественно было ожидать, что теперь он попытается овладеть и Сицилией — непосредственным продолжением Апеннинского полуострова.

Государственный строй Рима к тому времени, которое нас здесь интересует, сохранял в целом значительно больше черт демократизма, восходящего к древнейшему общественному устройству, нежели Карфаген. Этот демократизм проявлялся, во-первых, в действительности народных собраний. С незапамятных времен в Риме существовали три типа народных собраний (комиций): пережиточно сохранившиеся куриатные (первоначально собрания патрициев), ведавшие усыновлениями, утверждением завещаний и формальным утверждением во власти магистратов; центуриатные (собрания воинов), которые избирали всех высших должностных лиц, принимали законы, входившие в силу после их утверждения сенатом, объявляли войну и заключали мир, осуществляли правосудие по уголовным делам; трибутные, развившиеся с середины V в.

из плебейских сходок. Решения трибунных комиций с первой половины III в. были приравнены по значимости к решениям центуриатных комиций, а в их работе стали принимать участие не только плебеи, но и патриции. Многоликость римского народного собрания способна вызвать некоторое удивление, однако она легко объяснима. Гражданский коллектив выступает в различных обстоятельствах в различном облике: в одних ситуациях — как сообщество граждан в прямом смысле этих слов, в других — как совокупность воинов, составляющих народное ополчение, в третьих — как масса плебеев, обсуждающих на своих собраниях государственные дела.

Система прохождения дел в народном собрании и сенате позволяла состоятельным кругам добиваться приемлемых для них решений. Дело в том, что в центуриях граждане были распределены неравномерно и количественно большую часть центурий составляли люди, обладавшие высоким имущественным цензом, которые к тому же голосовали первыми; на народных собраниях ставить вопросы на обсуждение могли только магистраты, и рядовые их участники, следовательно, были лишены законодательной и политической инициативы; решения центуриатных комиций нуждались в утверждении, а с середины IV в. — в предварительном одобрении сената. Тем не менее народные массы имели возможность оказывать своим волеизъявлением и голосованием определенное влияние на течение событий; принятие, хотя и после многолетних столкновений, благоприятных для народных масс законов достаточно показательно. Более того, согласно закону Гортензия (287 г.) решения плебейских собраний по трибам — плебисциты вообще не нуждались в одобрении сената. Существенно и то, что римская армия продолжала оставаться народным ополчением, что также давало в руки демократическим кругам средства воздействия на правительство.

Римский государственный строй, обеспечивая в целом господство нобилитета, в принципе не исключал для любого человека возможности активно участвовать в политической жизни и даже выдвигаться на высшие посты. Римская система магистратур отличалась стройностью и одновременно сложностью. Они делились на ординарные (коллегия двух консулов, преторы, цензоры, плебейские трибуны, эдилы, квесторы) и экстраординарные (диктатор и его помощник — начальник кон-

ницы; военный трибун с консульской властью). Некоторые должностные лица (консулы, преторы, диктатор, военный трибун с консульской властью) обладали империем и считались по отношению к остальным высшими. К числу высших относились также цензоры и народные трибуны. Наконец, некоторые из магистратур считались курульными — консулы, диктатор, военный трибун с консульской властью, претор, цензор и курульный эдил. Они имели право восседать на особо почетном, так называемом курульном кресле, а по отбытии магистратуры, попадая в сенат, пополнявшийся бывшими магистратами, занимали там первенствующее положение («курульные сенаторы»). В Риме, как и в Карфагене, выполнение государственных обязанностей не только не оплачивалось, но и требовало значительных расходов со стороны магистрата; оно рассматривалось как почать, предоставленная избраннику благосклонным к нему народом. Понятно, что при таких обстоятельствах и здесь возникали предпосылки для отбора кандидатов «по знатности и богатству». И все же характерная для римской традиции фигура сурового крестьянина Луция Квинкция Цинцинната, коего отечество призывает от сохи на высшую государственную должность и который, выполнив свой долг, спасши родину, возвращается к своему жалкому клочку земли [Ливий, 3, 26, 6—12], — этот хрестоматийный образ «римлянина старого закала» был создан не на пустом месте. Маний Курий Дентат, победитель одного из талантливейших полководцев эллинистической Греции, эпирского царя Пирра, происходил из деревенской глуши, был бедняком, а после победы, которая навсегда отдала Италию в руки Рима, продолжал по-прежнему хозяйничать на своем крохотном поле и сам, своими собственными руками пахал его, засеивал и снимал урожай; посетители застают его в скромном крестьянском доме сидящим перед очагом и варящим кушанье из репы, довольствующимся грубой глиняной посудой [Циц. Госуд., 13, 40; Циц. Кат., 55; Плиний, 19, 87]; его дочь получает приданое от государства [Апулей, 18]. Во время I Пунической войны Марк Атилий Регул, командовавший римскими войсками в Африке, обратился к сенату с письмом, в котором обращал внимание на бедственное положение своего небольшого хозяйства: оно пришло в отсутствие хозяина в полный

упадок, разорено батраками; Регул просил, прислав ему замену, отпустить его домой [Ливий, Сод., 18].

Аппий Клавдий, будучи цензором, включил потомков вольноотпущенников в сенат [Диодор, 20, 36, 3]; вольноотпущенник самого Аппия — Гней Флавий, отец которого был рабом, получил должность курульного эдила [Диодор, 20, 36, 6; Ливий, 9, 46, 10]. Потомками вольноотпущенника были и Клавдии Марцеллы, один из которых сыграл такую видную роль во II Пунической войне. Конечно, и в Риме подобные явления были относительно редки (а мероприятия Аппия Клавдия вызвали решительный протест знати), однако они показательны как выражение определенной тенденции в жизни общества. Собственно, доступ во всадническую среду и к высшим должностям не был ни для кого закрыт раз навсегда; указания на «низкое», незнатное происхождение тех или иных магистратов довольно широко были распространены в публицистике и историографии эпохи. Скажем здесь только об одном человеке — Гае Теренции Варроне. Разгромленный при Каннах, он и после этой своей неудачи занимал видные выборные должности, хотя по понятным причинам был отстранен от руководства военными операциями. Знатностью («нобилитетностью») в строгом смысле слова он не обладал.

И наконец, еще одно обстоятельство. Римская система управления покоренными территориями, разумеется, была рассчитана на их полное подчинение завоевателю. Создавая различные правовые статусы отдельных областей и городов, римляне стремились исключить саму возможность их объединения против общего врага. Среди подвластных Риму политических единиц имелись: 1) автономные муниципии, граждане которых располагали римским гражданством (с правом участвовать в народном собрании или же без него), 2) города латинского права, жители которых были в Риме имущественно правоспособны, а в некоторых случаях могли заключать с римлянами браки, признававшиеся законными, 3) союзники, сохранявшие, хотя и с определенными ограничениями, свой суверенитет: они должны были согласовывать с Римом свою внешнюю политику, а также предоставлять ему вспомогательные войска. Наконец, особую группу обществ, подвластных Риму, составляли бесправные «подданные», лишенные какой бы то ни было автономии. Наиболее тяжелым для

«союзников» и «подданных» Рима было то, что римляне отбирали у них от трети до половины земельного фонда, однако в целом положение италиков под властью Рима было, несомненно, гораздо легче, чем положение ливийцев под властью Карфагена. Рим, насколько об этом можно судить по имеющимся данным, не ставил преград экономическому развитию и торговой деятельности своих вольных или невольных «союзников» и «подданных»; идея монополизировать морские и сухопутные пути, рынки сырья и сбыта никогда не приходила в голову римскому правительству. Поэтому оно, обеспечивая в сфере своего господства определенный порядок и стабильность, могло рассчитывать на поддержку достаточно влиятельных слоев общества, прежде всего правящей аристократической верхушки, чью власть сенат обеспечивал всеми доступными ему средствами. Да и не хотело римское правительство вызывать у италиков особенно сильное недовольство. Конечно, имелись общества, давно и прочно враждебные Риму, — Самниум, Брутиум. Однако в целом проримские тенденции, особенно в Центральной Италии, да и на юге тоже, оказались более действенными, чем антиримские.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что Рим обладал в борьбе с Карфагеном определенными политическими преимуществами. Эти преимущества заключались не в том, что римское государственное устройство было аристократическим (Карфаген тоже был государством аристократическим), и не в пережитках демократизма (Баркиды, как увидим, опирались на народные массы Карфагена, выражали их интересы, а Гасдрубал, зять Гамилькара, был предводителем демократической партии); важнейшее преимущество Риму давали сохранение народного ополчения как основной военной силы государства (соответственно моральные качества римской армии были более высокими, чем у карфагенской) и его италийская политика.

В ходе борьбы Карфагена с Римом столкнулись две системы военной организации, обусловленные особенностями социальной структуры и политического строя обоих обществ.

Основную массу карфагенской армии (помимо «священной дружины», вооруженной длинными копьями, в которой проходили военную службу и стажировались для занятия ко-

мандных должностей пунийские аристократы) составляли, как сказано, наемные солдаты — иберийцы, галлы, италики, греки, африканцы; их, как правило, мобилизовали пунийские власти. Кроме тяжеловооруженной (мечами и копьями) пехоты, составлявшей центр боевого построения — фалангу, карфагенское командование обычно располагало конницей, нумидийской или иберийской, которую размещали на флангах, балеарскими пращниками, находившимися перед боевым порядком, и боевыми слонами, которые должны были уничтожать живую силу противника. Надо сказать, однако, что слоны составляли и самую опасную для самих карфагенян часть их армии: слишком часто врагу удавалось обратить слонов против пунийских воинов. На стоянке войска обычно располагались в укрепленном лагере; построение такого лагеря не известно.

В римской армии все воины делились на группы: велиты (вооруженные мечом, дротиками, луком со стрелами, пращой), копейщики (имевшие меч, пилумы, а также защитное вооружение — щит и кожаный панцирь, обшитый металлическими пластинками), «передовые» (ранее они помещались в первой шеренге; вооружение то же, что и у копейщиков), ветераны-триарии (вместо пилума у них было простое копье). Основным воинским подразделением римской армии был легион, состоявший из 30 манипул; каждая манипула насчитывала 120 воинов-копейщиков и «передовых» или 60 триариев. Манипулы состояли из 2 центурий; командир первой центурии был одновременно и командиром манипулы. В состав легиона входили и 10 отрядов («турм») конницы, по 30 всадников в каждом. К бою легион обычно выстраивался в 3 линии по 10 манипул. Интервал между манипулами был равен протяжению их фронта; дистанция между линиями составляла 15—25 метров. Манипулы строились в 10 шеренг по 12 человек. В первой линии располагались обычно копейщики, за ними следовали манипулы «передовых», замыкали построение триарии.

Завязывали бой с карфагенской стороны, как правило, пращники, а с римской — легковооруженные велиты, отходившие после метания дротиков, стрел и камней в тыл и на фланги. Копейщики поражали своими копьями щиты противника и, лишив его, таким образом, возможности оборонять-

ся, бросались на него с мечами. Если эта атака не приносила успеха, копейщики отходили через интервалы в тыл и их сменили более опытные «передовые», а затем в бой вводился последний резерв — триарии.

Такая организация римской пехоты и конницы создавала определенные сравнительно с карфагенской преимущества. Римляне были более подвижны. Их командование могло свободнее маневрировать, в том числе и небольшими группами воинов. Однако должно было пройти длительное время, прежде чем римские полководцы научились побеждать воинов Ганнибала.

После каждого дневного перехода римляне устраивали лагерь, окруженный рвом, земляным валом с воротами в каждой стороне и плетеными щитами. Палатки в лагере располагались в строго определенной последовательности, так что каждый воин точно знал и свое место, и размещение всех подразделений. Находясь в лагере, солдаты обычно чувствовали себя в полной безопасности.

Самые ранние контакты карфагенян и римлян уходят в глубокую древность. Полибий [3, 22] сообщает, что первый договор Карфагена с Римом датируется консульством Луция Юния Брута и Марка Горация, за двадцать восемь лет до вторжения в Грецию персидского царя Ксеркса, иными словами, 509 г. Составленный, несомненно, по образцу соглашений, которые Карфаген заключал со своими этрусскими союзниками, он, во-первых, предусматривал установление сферы карфагенской монополии за Прекрасным мысом, во-вторых, регулировал порядок римской (а вернее сказать, этрусской) торговли в Сардинии, Сицилии и Северной Африке, в-третьих, запрещал карфагенянам захватывать какие-либо территории в Лациуме и вести войны с союзниками Рима. Наибольший интерес исследователей и наибольшую полемику вызвал вопрос о местоположении Прекрасного мыса. Полибий [3, 22, 5] пишет: «Ни римлянам, ни их союзникам не плавать по ту сторону Прекрасного мыса, если не будут вынуждены непогодой или врагами» (цитата из договора). В своем комментарии к договору Полибий [3, 23, 1–4] разъясняет эту клаузулу следующим образом: «Прекрасный мыс — это тот, который находится перед самим Карфагеном в направлении на север. Карфагеняне решительно полагали, что римлянам не нужно

плавать по ту сторону к югу на длинных (то есть военных. — *Ред.*) кораблях, потому что, как я думаю, они не хотели, чтобы те разведали места вокруг Бисатиса и вокруг Малого Сирта, которые они называют Эмпориями, так как эта страна плодородна. Если кто, будучи занесен туда против желания бурей или неприятелем, будет нуждаться в чем-либо необходимом для жертвы или для поправки судна, карфагеняне позволяют взять это, но ничего больше, и притом требуют непременно удаления приставших сюда в пятидневный срок. А в Карфаген и во всю Ливию по ее сторону от Прекрасного мыса, и в Сардинию, и в Сицилию, коей владеют карфагеняне, ради торговли плавать римлянам дозволяется; и карфагеняне обещают государственным ручательством обеспечить соблюдение законности». Из комментария Полибия кажется очевидным, что Прекрасный мыс следует искать в Северной Африке, в непосредственной близости от Карфагена. Однако вопрос этот, по-видимому, не может быть решен столь однозначно. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, в самом тексте договора местоположение Прекрасного мыса не указано; в то же время, когда в нем идет речь о торговле в Ливии, какие-либо территориальные ограничения отсутствуют. Этот факт свидетельствует против локализации, предложенной Полибием. Во-вторых, в пояснении Полибия имеется внутреннее противоречие: согласно второму договору Карфагена с Римом [Полибий, 3, 24, 4] и собственному комментарию Полибия к этому документу [3, 24, 2], в непосредственной близости от Прекрасного мыса находились Мастия и Тарсей (то есть Таршиш, Тартесс), расположенные на Пиренейском полуострове. Эти факты делают, с нашей точки зрения, более правдоподобной локализацию Прекрасного мыса за пределами Северной Африки, вероятнее всего, на средиземноморском побережье Испании, в районе мыса Нао. Очевидно, договор с Римом был одним из многих в серии международно-правовых актов, которыми Карфаген закреплял в конце VI в. свое политическое господство и торговую монополию на юге Пиренейского полуострова после разгрома Тартесского государства и гибели Тартесса.

Второй договор Карфагена с Римом обычно датируется 348 г. [ср. у Ливия, 7, 27, 2; Орозий, 3, 7, 1–3; Диодор, 16, 69, 1], однако в 1958 г. была выдвинута новая точка зрения: ука-

зывалось, что второй договор представляет собой, в сущности, лишь развитие, конкретизацию и уточнение первого и поэтому не может слишком далеко хронологически отстоять от первого. Исходя из сказанного, предлагается датировать второй договор Карфагена с Римом концом VI в. или, более точно, временем около 500 г. Эта гипотеза кажется весьма правдоподобной, однако пока, к сожалению, отсутствуют данные, которые позволили бы окончательно решить проблему. Как бы то ни было, согласно этому договору [Полибий, 3, 24, 3–13] римлянам запрещалось плавать за Прекрасный мыс, в Мاستию и Тарсей — Таршиш, то есть в Южную Испанию, а также в Сардинию и Ливию. Право и возможность вести торговлю римляне сохраняют только в пунийской Сицилии и в самом Карфагене. Кроме того, договором регулируется «порядок», если можно так выразиться, пиратских набегов карфагенян на те районы Лациума, которые не были подвластны Риму, причем предусматривается возможность освобождения пленных союзников Рима на римской и Карфагена — на карфагенской территории.

Дальнейшее развитие этой линии взаимоотношений нашло свое отражение в договоре, основное содержание которого сохранил поздний римский автор Сервий в своем комментарии к «Энеиде» Вергилия [4, 628]. Обычно этот договор датируется 306 г., однако в настоящее время в связи с пересмотром времени второго договора его предлагают отнести к 348 г. Здесь предусматривается полный запрет карфагенянам плавать к берегам римских владений, а римлянам — карфагенских. Своеобразной буферной территорией, отделяющей одних от других, должна была стать Корсика. Аналогичные сведения имелись и в трудах прокарфагенски настроенного [Полибий, 1, 14, 3] греческого историка Филина. Согласно изложению Полибия [3, 26, 3], Филин писал, что «у римлян и карфагенян имелись договоры, согласно которым римлянам следовало отказать от всей Сицилии, а карфагенянам — от Италии». Полибий резко отрицает сообщение Филина; такого соглашения, по его словам, никогда не было, и какие-либо записи о подобном отсутствуют [3, 26, 4]. Однако аргументация греческого историка в свете указаний Сервия не может быть признана убедительной; не исключено, что римляне скрыли от него документ, позволявший врагам (тому же Филину) обвинить

их в вероломстве. Во всяком случае, политическая ситуация конца IV в., когда отчетливо ощущалась потребность в разделе сфер влияния и когда стороны еще не могли претендовать ни на Италию (Карфаген), ни на Сицилию (Рим), не исключает его существования. По-видимому, этот же договор имеет в виду Тит Ливий [9, 43, 26], когда пишет, что «с карфагенянами в том же году (то есть в 306 г. — *И. К.*) был в третий раз обновлен союз, а их послам, которые прибыли для этого, любезно посланы дары».

У Ливия имеется упоминание [Ливий, Сод., 13] и о четвертом «обновлении» союза между Римом и Карфагеном. Договор был заключен в разгар борьбы между римлянами и эпирским царем Пирром за господство в Южной Италии. Можно предполагать, что речь шла о военно-политическом союзе, направленном против последнего.

Очевидно, что отношения между Римом и Карфагеном никогда не отличались чрезмерной сердечностью. Борьба против общего врага — Пирра, который замышлял создать на западе мощное царство на обломках римского и карфагенского могущества, — казалось, должна была их сблизить. Однако последующие события обнаружили, что стороны опасались друг друга не меньше, если не больше, чем Пирра. По крайней мере, это можно сказать о Риме. Создается впечатление, что союзники действовали порознь, фактически независимо друг от друга, хотя Диодор [22, 7, 5] и сохранил сведения о том, будто пунийцы предоставили римлянам свои корабли для переброски воинов в Регий. Когда худшие опасения карфагенского правительства оправдались: Пирр переправился в Сицилию и даже объявил себя царем этого острова, — карфагеняне оказались в одиночестве и, потерпев ряд сокрушительных поражений от своего противника, поддержанного местным греческим населением, потеряли в Сицилии почти все [Юстин, 23, 3, 1–4; Апп. Самн., 12]. Единственное, что они сумели сохранить благодаря своему господству на море, — порт Лилибей. Опасность представлялась настолько грозной, а бездействие Рима настолько явным, что карфагеняне решились, сознательно нарушая союзнические обязательства, предложить врагу мир. Они готовы были примириться с потерями и даже предоставить флот своему недавнему противнику. Переговоры не дали результата, так как Пирр потребовал уступить ему

еще и Лилибей [Плут. Пирр, 22–24]. Господство карфагенян в Сицилии удалось восстановить только потому, что сицилийская политика царя (взыскание податей и повинностей, размещение гарнизонов и т. п.) сделала сицилийских греков союзниками карфагенян. Пирр в конце концов был изгнан из Сицилии в Италию [Апп. Самн., 12].

После того как Пирр оказался вынужден оставить Сицилию, а затем и Италию, о союзе между Карфагеном и Римом уже не было и речи. Возобновилось их противостояние, теперь чреватое прямым конфликтом. Взаимные нарушения договора 306 г. — попытка Карфагена оказать помощь Таренту в его сопротивлении римской экспансии [Ливий, Сод., 14; Орозий, 4, 3, 1–2; 5, 2; Зонара, 8, 6] и вмешательство римлян в дела Мессаны [Полибий, 1, 8–11] — послужили предлогом для начала войны.

По существу, исход первой войны между Карфагеном и Римом — I Пунической войны (264–241 гг.) — был предрешен в самом начале. В течение кампаний 264–262 гг. римлянам удалось заставить сиракузского царя Гиерона II — до этого союзника пунийцев — перейти на сторону Рима, в результате чего Карфаген оказался политически изолирован, и, кроме того, установить свое господство практически на всем острове. Особенно тяжким ударом для карфагенян было падение Акраганта, стратегически самого важного пункта в Сицилии. После этого под их властью остались только некоторые приморские города, теперь снабжавшиеся и оборонявшиеся с моря.

До сих пор римский военный флот не шел ни в какое сравнение с карфагенским, и казалось, что сломить преимущество пунийцев в этой области Рим никогда не сможет. Перед соперниками открывалась перспектива затяжной, изнурительной войны. Добиться победы исключительно морскими силами Карфаген не мог. Но и Рим не мог победить только при помощи сухопутных войск. Поэтому перед первым возникла задача создать боеспособную пехоту, тогда как второй был поставлен перед необходимостью срочно строить новые военные корабли и обучать моряков. Мы осведомлены главным образом о действиях римлян, однако последующие события говорят сами за себя: римские военачальники выиграли соревнование. Захватив севшую на мель карфагенскую пентеру, они использовали ее в качестве образца и уже в 260 г. распола-

гали флотом в 120 судов. Но этого мало: чтобы парализовать обычные для того времени приемы морского боя — прорыв строя кораблей и таран, римляне разработали новую тактику. Они изобрели абордажные мостки («вороны»); по этим мосткам воины перебегали на вражеский корабль и там вели рукопашную схватку. Тем самым римляне получали возможность использовать на море, в абордажном бою, превосходство своей пехоты. Правда, первое морское предприятие римлян окончилось неудачей: они попытались было овладеть Липарскими островами, но были заперты в гавани и захвачены в плен (17 кораблей под командованием консула Гнея Корнелия Сципиона). Однако поражение с избытком компенсировалось победой при Милах в 259 г., где были потоплены или взяты в плен около 50 военных кораблей — едва ли не половина пунийского флота. Этот успех потряс современников, в особенности самих римлян; консул Гай Дуилий, командовавший римским флотом, был удостоен помимо обычного триумфа исключительных почестей: по постановлению сената его должен был в общественных местах сопровождать флейтист. До нас дошла и надпись, которая увековечила подвиг Дуилия [CIL, I, 195; Плиний, 34, 20].

Теперь римские власти имели возможность попытаться сломить Карфаген на африканской территории. Весной 256 г. четыре легиона, которыми командовали оба консула — Марк Атилий Регул и Луций Манлий Вольсон, на 330 кораблях отправились к африканскому берегу. Карфагеняне, встретившие противника у Экнома, не сумели, несмотря на численное превосходство (у них было 350 судов), остановить врага. Потеряв 94 корабля (против 24 римских), пунийский флот отступил в Африку. Римляне высадились там, где их совершенно не ждали, — в районе крепости Клупея, которая стала их опорным пунктом. Половина десанта во главе с Вольсоном по требованию сената возвратилась в Италию; тем не менее Регул сумел поставить под свой контроль почти все африканские владения Карфагена и приобрести союзника в лице взбунтовавшихся ливийцев.

Не рассчитывая на военную победу, карфагенское правительство попыталось выйти из войны, примирившись с потерей Сицилии и Сардинии. Но этого Регулу показалось мало. Во время переговоров он потребовал, чтобы пунийцы уни-

чтожили свой военный флот и обязались поставлять корабли Риму. Принятие подобных условий означало бы ликвидацию Карфагена как великой державы и установление прямой его зависимости от Рима. Карфагеняне решили защищаться. Из Сицилии были вызваны войска. Кроме этого была создана новая армия из греческих наемных солдат во главе с талантливым полководцем спартанцем Ксантиппом (его предшествующая и последующая деятельность не известна). В результате соотношение сил резко изменилось, и карфагеняне смогли, главным образом благодаря стратегическому мастерству Ксантиппа, наголову разбить войска Регула неподалеку от Тунета. Ливийским союзникам Рима карфагеняне устроили кровавую баню, и память о тысячах убитых и казненных еще долго жила в африканских деревнях и поселках.

Военные действия теперь снова сосредоточились в Сицилии и поначалу приняли явно неблагоприятный для пунийцев оборот, хотя операции римлян на море и не были особенно удачными. В 254 г. карфагеняне оставили Панорм, а в 251 г. потерпели тяжелое поражение под стенами этого города, потеряв 120 боевых слонов. В 249 г. пал Эрикс, и в руках пунийцев остались только Дрепанум и Лилибей. Повторная попытка Карфагена заключить мир не дала результатов. Между тем римляне оказались не в состоянии полностью блокировать Дрепанум и Лилибей ни со стороны моря, ни с суши. Карфагенские моряки на небольших парусных судах, минуя препятствия, созданные римлянами, проникали в гавани. Пунийские всадники наносили противнику чувствительные удары и перехватывали римские обозы с продовольствием, предназначавшимся для осаждавших. Желая круто изменить положение, консул Публий Клавдий попробовал было уничтожить карфагенский флот в гавани Дрепанума, но пунийскому флотоводцу Атарбе удалось окружить римские корабли и захватить 80 из них и уничтожить 100. Клавдий сумел спасти всего 30 судов. Разгром был дополнен уничтожением римского транспортного флота в районе Гелы и Камарины. В результате даже та неполная блокада Лилибея и Дрепанума, которую установили римляне, была ликвидирована. После тринадцатилетней изнурительной борьбы стороны вернулись к положению, которое сложилось еще в 262 г., и, по-видимому, так

же как и в конце 60-х годов, были далеки от окончательной победы.

Такова была ситуация, когда в 247 г. командующим карфагенским флотом в Сицилии был назначен Гамилькар Барка, а в его семье приблизительно в то же время родился сын Ганнибал — в недалеком будущем самый опасный враг Рима.

Завершение I Пунической войны.

Восстание наемников

Гамилькар, сын Ганнибала, носивший прозвище — может быть, родовое — Барка («молния»), занял, по сообщению его биографа, важнейший по тому времени пост и принял фактически на себя всю ответственность за исход войны с Римом в юношеском возрасте [Корн. Неп., Гам., 1, 1]. Как нам кажется, едва ли правильно чрезмерно доверять этим сведениям. На Гамилькара могли быть перенесены биографические данные, относящиеся к его несравненно более знаменитому сыну и преемнику. В любом случае до получения подобного назначения Гамилькар должен был пройти серьезную военную школу, принимая на разных должностях участие в боевых операциях против римлян, а также приобрести определенный административный опыт, исполняя обязанности магистратов, в том числе и на высоком уровне. Трудно представить себе, чтобы судьба Карфагена могла быть вручена неопытному и незрелому юнцу, который до этого ничем значительным себя не проявил. Заметим в этой связи, что к 240—230 гг., когда Ганнибалу исполнилось шесть-семь лет, у Гамилькара уже были по крайней мере две дочери, достигшие брачного возраста [Полибий, 1, 78, 8; Апп. Исп., 4]; они родились, следовательно, не раньше 255—252 гг., и, значит, сам Гамилькар вступил в брак не раньше 256 г. Все эти расчеты, конечно, далеки от необходимой точности и дают очень приблизительное представление о возрасте полководца, когда он впервые появился на исторической авансцене. С известной долей вероятности можно предполагать, что в 247 г. ему уже исполнилось около тридцати лет, а может быть, и более. Источник, которым воспользовался Корнелий Непот, мог иметь в виду, если допустить, что он отражает действительные события, не абсолютную мо-

лодость полководца, а относительную, сравнительно с летами его коллег и противников.

Интересно, что Цицерон [Циц. Обяз., 3, 99] и Зонара [8, 10] отождествляли Гамилькара Барку с тем Гамилькараром, который командовал пунийскими войсками в Сицилии в 261–256 гг., участвовал в морской битве при Экноме, а также организовал в Африке борьбу против Регула и поддерживавших его нумидийцев. Но такое отождествление вряд ли справедливо.

Если бы это действительно имело место, наши основные источники не смогли бы говорить о назначении Гамилькара Барки в тоне, показывающем, что он только в 247 г. впервые появляется в повествовании о I Пунической войне. Так, например, Полибий [1, 56, 1] писал: «Карфагеняне назначили после этого полководцем Гамилькара, прозывавшегося Барка, и ему вручили командование флотом». Выражение «прозывавшегося Барка» определенно показывает, что Полибий или его источник хотели отличить именно данного Гамилькара от остальных, не имевших прозвища.

Как бы то ни было, в 247 г. Гамилькар Барка получил ответственное назначение, которое в дальнейшем открыло ему путь к захвату всей власти в государстве. Если верно, что изображение финикийского бога Мелькарта на одной из монет, происходящих из Нового Карфагена, приданы портретные черты Гамилькара Барки, то мы можем составить себе некоторое представление о его облике. Художнику удалось передать твердость воли, решительность, суровость и, пожалуй, жестокость властного и уверенного в себе надменного аристократа. Плотные сжатые тонкие губы, курчавая борода, настороженный, как будто пронизывающий взгляд. Античная традиция приписывает Гамилькарару Барке государственную мудрость, презрение к опасности, исключительное воинское мастерство. Он никогда никого не посвящал в свои замыслы, чтобы противник не узнал о них, а его воины не были бы приведены в смятение размышлениями о тех опасностях, какие им предстоят [Диодор, 24, 5–7]. В Карфагене надеялись, что такому человеку удастся вывести военные действия из тупика и добиться победы.

Сначала обстоятельства складывались благоприятно для карфагенян. Приняв командование, Гамилькар прежде всего подверг опустошительным набегам побережье Италии.

Эта операция, в которой пунийские войска, по-видимому, не встретили активного сопротивления со стороны противника, могла иметь несколько целей. Во-первых, заставить римлян обратить большее внимание на оборону Италии и тем уменьшить их военный напор в Сицилии — основном театре военных действий. Во-вторых, захватить пленных, чтобы произвести обмен и выручить если не всех, то хотя бы часть своих. И действительно, обмен военнопленными из расчета один к одному состоялся в том же году, хотя пунийцам и не удалось добиться возвращения на родину всех своих соотечественников — видимо, не хватило добычи. Наконец, в-третьих, продемонстрировать силу карфагенского флота и подготовить римлян к мысли о мире на основе признания существовавшего в 247 г. положения вещей. Дальнейшие события показали, что свои замыслы Гамилькар сумел осуществить лишь частично. Судьба войны решалась в Сицилии; именно здесь Гамилькар решил сосредоточить свои основные усилия. Ему удалось беспрепятственно высадиться недалеко от Панорма и занять гору Эйркте (совр. Монте-Пеллегрино), которую он превратил в свою военную базу.

Лучшего выбора сделать было нельзя. Крутые обрывы делали гору неприступной со всех сторон и позволяли укрепить ее без особого труда; на вершине — большом плоском кругообразном плато — находились пастбища и пригодные для обработки земли, а также холм, который легко можно было превратить во внутреннюю крепость и наблюдательный пункт; у подножия горы естественная гавань обеспечивала надежный выход в море и связь с внешним миром. Дороги, которые вели в Эйркте, — две из глубинных районов Сицилии и одна от моря, занятая пунийскими войсками, были труднопроходимыми, так что опорный пункт Гамилькара был почти недоступен для врагов. Но насколько об этом можно судить, четкий план наступательных операций на острове Гамилькар так и не разработал; во всяком случае, в его дальнейших действиях плановость не прослеживается. Более того, создается впечатление, что база в Эйркте связала Гамилькара.

Опираясь на нее, Гамилькар постоянно совершал набеги на южные области Италии. Когда римляне создали свою базу неподалеку от Панорма, рассчитывая сковать неприятеля, он в течение трех лет вел с ними изнурительную повседневную

войну. Полибий, отказываясь от подробного и последовательного описания событий этого трехлетия, уподобил воюющих кулачным бойцам, наносящим друг другу удары, за которыми со стороны трудно уследить. Полибий ограничился общей оценкой: все военные хитрости, уловки и приемы были испробованы, а решающего сражения все не было. Равновесие нарушилось только тогда, когда пунийцам удалось захватить город Эрикс и осадить римский лагерь, находившийся на вершине одноименной горы. Однако и здесь решающего результата Гамилькар не добился. Осада затянулась, в результате чего пунийский полководец утратил инициативу.

В 243 г. римляне снова, в третий раз за время войны, построили флот — на этот раз в 200 кораблей. Сделано это было на средства богатых граждан, которые строили пятипалубные корабли индивидуально или компаниями в два-три пайщика. Государство обязывалось возместить расходы только в случае успешного исхода военных действий.

Когда римская армада появилась на море, Гамилькар Барка оказался отрезанным от Карфагена. Пунийские власти решили вывести войска из Сицилии. К северным берегам острова был направлен карфагенский флот, однако экспедиция оказалась неудачной. В битве при Эгатских островах карфагенская эскадра была разгромлена. Не видя теперь другого выхода, карфагенские власти уполномочили Гамилькара Барку заключить мир. И в самом деле, в условиях, когда ресурсы государства были истощены (пунийцы оказались вынуждены, хотя и безрезультатно, просить заем в Египте), никакой надежды на восстановление морского могущества у Карфагена быть уже не могло. Гамилькар, внезапно оказавшийся перед крахом всех своих замыслов, должен был скрепя сердце покориться обстоятельствам [ср. у Корн. Неп., Гам., 1, 3; Полибий, 1, 62, 3—6].

Карфагенское предложение закончить войну пришлось и римлянам как нельзя более кстати: казна Рима была пуста. Поэтому консул Гай Лутаций Катул, командовавший в Сицилии римскими легионами, «радушно», как пишет Полибий [1, 62, 71], принял предложение, полученное от Гамилькара Барки. Тем не менее во время переговоров Гамилькар должен был мобилизовать все свои дипломатические способности, чтобы добиться приемлемых условий: его контрагент, максималь-

но использовавший преимущества победы при Эгатах и господства на море, пытался включить в договор статьи, выполнение которых должно было унижить пунийских воинов. Гай Лутаций Катул потребовал, чтобы воины Гамилькара покинули Сицилию безоружными [Корн. Неп., Гам., 1, 5; Диодор, 24, 13]. В источниках, правда очень поздних, но воспроизводящих традицию Тита Ливия, есть даже сведения, будто римское командование настаивало, чтобы пунийские войска прошли под игом [Зонара, 8, 17]. Как проходили переговоры, мы не знаем, однако из их результатов ясно, что Барка заставил консула отступить: пунийские войска получили возможность эвакуироваться с острова после уплаты выкупа — 18 денариев за человека. И все же эта сравнительно небольшая дипломатическая победа не могла в целом компенсировать весьма неблагоприятного для карфагенян результата войны, хотя, само собой разумеется, Гамилькар сделал все для того, чтобы условия мира не подорвали боеспособности Карфагена и не помещали бы ему готовиться к реваншу.

Полибий [1, 62, 8–9] так излагает договор, заключенный Гаем Лутацием Катулом и Гамилькаром Баркой: «На таких условиях быть дружбе между карфагенянами и римлянами, если и римскому народу будет угодно: карфагеняне очистят всю Сицилию, и не будут воевать с Гиероном, и не поднимут оружия ни на сиракузян, ни на союзников сиракузян; карфагеняне отдадут римлянам без выкупа всех пленных; карфагеняне выплатят римлянам в течение двадцати лет 2200 эвбейских талантов серебра». Было достигнуто соглашение и о судьбе пленных пунийских воинов [Евтропий, 2, 27]. Карфагеняне просили разрешения выкупить их, но встретили исключительную любезность недавнего противника: римские власти возвратили даром тех, кто содержался в государственных тюрьмах. Находившиеся в частных руках пленные карфагеняне могли быть выкуплены, причем активное участие в этом приняла римская казна. Вероятно, уже на данной стадии переговоров было зафиксировано соглашение, запрещавшее Карфагену направлять свои корабли в районы, находившиеся под контролем Рима и его союзников (да и не было у него подобной возможности), и вербовать наемников на территории Италии; несколько позже оно вошло в окончательный текст договора [Зонара, 8, 17; Апп. Сиц., 2].

Все эти условия поражают неожиданной для Рима мягкостью. Победенный Карфаген ценой полного отказа от Сицилии, которая никогда не была целиком в его власти, сохранил не только независимость и все остальные владения в Западном Средиземноморье, но также и свое положение великой державы, то есть он оставался грозным противником. Не удивительно, что в Риме такой договор вызвал недовольство и народное собрание отказалось его ратифицировать. В Сицилию была направлена специальная комиссия из десяти человек, чтобы на месте пересмотреть условия мира. Однако результат ее деятельности был до смешного ничтожен. Контрибуция возросла до 3200 талантов с обязательством уплаты в течение десяти лет; кроме того, в договор записали обязательство карфагенян покинуть острова, расположенные между Италией и Сицилией [Полибий, 1, 63, 1–3]. Но последняя клаузула, как обосновано думает Т. Моммзен, конечно, только оформляла и закрепляла юридически положение, сложившееся после прекращения военных действий. В самом деле, трудно представить себе, чтобы, потеряв Сицилию, Карфаген мог сохранить какие бы то ни было владения в бассейне Тирренского моря. Комиссия десяти приняла решение, определенно убедившись в том, что не снисходительность Г. Лутация Катула, но объективные обстоятельства велят римлянам умерить свои аппетиты. Мы вряд ли ошибемся, предположив, что Гамилькар Барка убедил римлян не выдвигать своих требований, которые могли бы привести к срыву мирных переговоров. А судьба экспедиции Регула, да и самого Регула, погибшего в карфагенском плену, разумеется, была слишком памятна.

В 241 г. мир был подписан. Война окончилась. Гамилькар Барка вывел подчиненные ему войска из Северной Сицилии в Лилибей, после чего отказался от своих полномочий и, очевидно, уехал на родину [Полибий, 1, 66, 1]. Отставка командующего, подлинных мотивов которой мы не знаем, ознаменовала собой переход власти в руки враждебной Гамилькару аристократической группировки. Одним из ее крупнейших деятелей был Ганнон, сыгравший вскоре столь отрицательную по отношению к карфагенянам роль во время так называемой Ливийской войны.

В то время Ганнибалу было около пяти лет. Он рос в атмосфере рассказов о подвигах отца, плоды которых были вы-

рваны у Гамилькара хищным врагом и бездарностью карфагенских аристократов — его политических противников. Гамилькар страстно желал сокрушить и уничтожить римлян. Эти же чувства он внушал и своим сыновьям — Ганнибалу, Гасдрубалу и Магону. Из уст в уста в Риме передавали его слова, сохраненные до наших дней традицией, восходящей к Титу Ливию [Зонара, 8, 21]: своих сыновей он вскармливает, как львов, натравливая их на римлян.

Знаменитая клятва, данная девятилетним мальчиком, надо полагать, завершила определенный этап в его воспитании; отец не случайно и не только повинуясь внезапному душевному движению, заставил ребенка прийти в храм и принять участие в жертвоприношении: его сын должен был унаследовать и его ненависть. Но до этого момента оставалось еще целых четыре года, а пока Карфагену предстояло выдержать смертельную схватку за само свое существование и Гамилькару — руководить этой борьбой.

Все началось, как обычно, с мелкой, нерасчетливой скупости. Перед карфагенским правительством стояла довольно сложная задача — вывести из Лилибея в Африку своих наемных солдат — вероятно, около 20 000 [Полибий, 1, 67, 13; Корн. Неп., Гам., 2, 2], выдать им жалованье и награды, а затем во избежание бунтов и насилий отправить на родину. Комендант Лилибея Гисгон благоразумно решил отправлять воинов в Карфаген относительно небольшими партиями через определенные промежутки времени, не допуская скопления в городе огромного количества хорошо вооруженных людей, уже утрачивающих всякое представление о дисциплине и порядке. Между тем карфагенское правительство вознамерилось заставить наемников отказаться от причитающейся им доли жалованья. Наивно рассчитывая быстрее добиться своей цели, если все солдаты соберутся вместе, пунийские власти не отпускали их из Карфагена. В результате нормальная жизнь в городе очень скоро была нарушена. Грабежи и убийства происходили не только ночью, но и среди бела дня. Никто не чувствовал себя в безопасности. Власти оказались не в состоянии овладеть положением и, желая избежать худшего, решили отправить наемников на юг, в город Сикку, расположенный в самом центре африканских владений Карфагена, выдав им на

прожить небольшие суммы и пообещав вскоре выплатить остальное.

Несмотря на свое отрицательное отношение к наемникам, Полибий [1, 66, 10] рисует их лагерь в Сикке в относительно спокойных тонах: наемники наслаждаются отдыхом и покоем, к которому они давно стремились, и ждут денег. При всем желании он не может найти здесь беспорядка и анархии. Наконец, к этим людям прибыл Ганнон, в то время правитель Ливии; однако он к великому разочарованию своих слушателей, принялся распространяться о трудном положении Карфагена и настаивать на том, чтобы наемники отказались от какой-то доли своего жалованья. В лагере после этого начались волнения, на солдатских сходках зазвучали гневные речи. Ганнон тщетно пытался успокоить бушующее море; его положение осложнялось тем, что он был вынужден обращаться ко всем этим галлам и иберам, лигурам и балеарам, ливийцам и полугрекам, часто не понимавшим пунийского языка, через добровольцев-переводчиков из числа самих солдат или их командиров. А переводчики либо сами не могли толком уразуметь, что он говорит, либо сознательно искажали смысл его слов. «Все было наполнено, — пишет Полибий, — непониманием, недоверием, беспорядком». Наемники пришли к мысли, что карфагеняне специально прислали к ним именно Ганнона, которого никто никогда не видел на поле брани, а не тех, кто своими посулами заставлял их проливать кровь. В конце концов прервав переговоры, наемники двинулись к Карфагену и расположились лагерем в непосредственной близости от него, недалеко от ливийского города Тунета.

Только теперь карфагенские правители осознали, к чему привели их действия. Чтобы ликвидировать восстание, они соглашались теперь буквально на все: организовали в лагере наемников торговлю продовольствием по ценам, которые назначали сами покупатели, и приняли все претензии солдат относительно жалованья. Эта запоздавшая уступчивость лишь подстрекнула наемников к новым требованиям: они пожелали, чтобы карфагеняне возместили стоимость их коней, павших во время войны. Но и этого им показалось мало: за хлебный паек, который солдаты, пока шла война, не получили целиком, пунийцы должны были теперь заплатить по наивысшей цене военного времени. Однако даже удовлетворение

этого пожелания не водворило спокойствия. Полибий, видимо, прав, когда пишет, что среди наемников были люди, вообще не желавшие никакого соглашения. Они рассчитывали на легкую победу над Карфагеном, не имевшим армии, которая сумела бы защитить город. С большим трудом посланцы карфагенского совета уговорили наемников доверить окончательное решение спора какому-нибудь полководцу, руководившему операциями в Сицилии. Естественно, сразу всплыло имя Гамилькара Барки, но эта кандидатура не прошла. Наемники считали, что, добровольно отказавшись от командования и позже не явившись в качестве посла в Сикку, он их предал. После долгих споров и взаимных угроз стороны сошлись на Гисгоне — том самом, который эвакуировал пунийские войска из Лилибея.

Гисгон явился в Тунет морским путем и приступил к раздаче денег. Но именно теперь, когда конфликт, казалось, был близок к разрешению, возмущение вдруг приобрело особое ожесточение. Виной этому был кампанец Спендий, беглый раб, отличавшийся большой физической силой и незаурядным мужеством. По словам Полибия, он опасался быть выданным своему господину и казненным в соответствии с римскими законами. Вместе с ним действовал ливиец Матос — с самого начала, как говорит Полибий, один из наиболее активных противников соглашения с карфагенянами.

Выдвижение среди наемников именно этих людей вряд ли можно объяснить случайным стечением обстоятельств. И один и другой выражали настроения тех групп наемников, которые были заинтересованы не только в том, чтобы получить жалованье. Для беглых рабов, которых было довольно много [Полибий, 1, 67, 7], «благополучное» (с точки зрения карфагенян и наемников — свободных людей, происходивших из Иберии или Лигурии) окончание волнений означало в лучшем случае новые скитания, в худшем — возвращение в рабство. Что же касается ливийцев, то для них вернуться домой означало снова попасть под тяжкий пресс карфагенского налогообложения. Поэтому, когда Матос, несомненно заранее договорившись со Спендием, обратился к ливийцам, то он не только «подстрекал» их к бунту, но и выражал их собственные настроения. Он говорил: все наемники-чужеземцы уйдут, а они, ливийцы, останутся. И тогда карфагеняне расправятся

с ними. Эти слова падали на благоприятную почву: ливийцы еще хорошо помнили кровавую баню, которую устроили карфагеняне в их стране после разгрома Регула. К тому же выяснилось, что Гисгон все же не выплачивает вознаграждения за хлеб и коней, а ливийцы вообще ничего не получили. На солдатских сходках теперь слушали только Спендия и Матоса и не давали говорить другим — тем, кто предостерегал против восстания.

Все попытки Гисгона парализовать влияние вождей бунтовщиков не имели успеха. И он не выдержал. Когда в очередной раз ливийцы потребовали, чтобы он явился к ним и выдал деньги, Гисгон воскликнул: «Пусть ливийцы требуют жалованья у своего предводителя Матоса!» Эти слова привели толпу в ярость; бросившись на карфагенян, ливийцы арестовали Гисгона и его спутников, разграбили деньги. Теперь какое-либо мирное урегулирование спора стало невозможным.

Перейдя в фазу вооруженного конфликта, восстание, начатое наемниками, постепенно стало утрачивать черты солдатского бунта, превращаясь в мощное движение угнетенных против угнетателей. Заслуживают внимания слова Аппиана [Апп. Сиц., 2], который рассказывает, что в лагерь повстанцев бежали много рабов, очевидно, из Карфагена. Однако самым существенным было другое: Матос и его соратники обратились к ливийским городам с призывом бороться за свою свободу и помочь восставшим. Их голос был услышан. В лагерь у Тунета отовсюду потянулись отряды ливийских воинов; со всех сторон посылали продовольствие и другие припасы. Энтузиазм был настолько велик, что люди жертвовали для победы свое имущество и даже женские украшения. В руках Матоса и Спендия оказались огромные деньги; они не только уплатили своим товарищам жалованье, но и сохранили значительные средства на будущее. Всего в армию влилось, по словам Полибия [1, 73, 3], около 70 000 ливийцев. Солдатский бунт наемников превращался в народно-освободительную войну — Ливийскую войну, как ее называют источники.

Разделив свои силы на две части, повстанцы осадили крупнейшие пунийские города в непосредственной близости от Карфагена — Утику и Гиппон Царский (в греческих источниках — Гиппакрит), отрезав тем самым Карфаген от африканского материка. В городе шла лихорадочная подготовка к вой-

не: поспешно собирали новые наемные войска, мобилизовали граждан, обучали всадников, заново оснащали боевые корабли. Командующим пунийской армией стал Ганнон — тот самый, который так неудачно вел переговоры с мятежными солдатами в самом начале бунта.

Ганнон с войсками (имея, между прочим, более 100 боевых слонов) двинулся к Утике и, получив из Утики катапульты и другое тяжелое вооружение, пошел на приступ лагеря мятежников. Слоны прорвали линию обороны, и повстанцы бежали, закрепившись неподалеку на холме. Ганнон не позаботился о закреплении победы и удалился в Утику на отдых, а его солдаты разбрелись по местности. Повстанцы воспользовались такой беспечностью, напали на них, многих убили и захватили весь обоз Ганнона вместе с вооружением, полученным из Утики. Несколько дней спустя вблизи Горзы Ганнон опять упустил возможность разгромить противника. Полибий объясняет его поведение тем, что он привык воевать с ливийцами, которые, потерпев поражение, обращались в бегство и отказывались от продолжения борьбы. А между тем Ганнон имел дело с опытными воинами, привыкшими после отступления переходить в контратаку и вырывать победу из рук неприятеля.

В этой ситуации командование новыми контингентами пунийских войск было передано Гамилькару Барке. В его распоряжении находились 70 боевых слонов и около 10 000 воинов — новые наемники, перебежчики из лагеря повстанцев, всадники и пехотинцы гражданского ополчения.

К началу операции обстановка складывалась следующим образом. Все три дороги, ведущие из Карфагена через труднопроходимые холмы (они отделяют полуостров, на котором расположен город, от материка) в глубь Ливии, были перерезаны отрядами повстанцев, которыми командовал Матос. Его люди заняли и мост через реку Баграда, построив там небольшое укрепление. Выбраться из этого кольца, а тем более остаться незамеченным казалось невозможным не только крупному воинскому соединению, но даже в одиночку. Однако Гамилькар избрал другой путь — через никем не охранявшееся устье Баграда; время от времени ветер наносил туда песок, и тогда можно было переправиться вброд. Дождавшись благоприятного момента, глубокой ночью Гамилькар вывел свои войска из города, а на рассвете, неожиданно не только

для противника, но и для своих сограждан, оказался на другом берегу.

В ответ одна группа повстанцев (не менее 10 000) двинулась от моста навстречу Гамилькару, а другая (более 15 000) начала наступление от Утики. Они шли на соединение, имея в виду окружить и уничтожить армию Гамилькара. Но внезапно Гамилькар резко изменил направление движения, и его слоны и всадники оказались в тылу у врага. В последовавшем затем беспорядочном бою погибли около 6000 ливийцев и наемников, а около 2000 попали в плен. Остальные бежали: одни — в сторону Утики, другие — в укрепление у моста, а оттуда в Тунет. Захватив мост вместе с укреплением, Гамилькар установил свое господство на всей территории, непосредственно примыкающей к Карфагену.

Тяжелое поражение не обескуражило повстанцев. Матос, сосредоточивший свое внимание на осаде Гиппона Царского, решил избегать решающего сражения. Он предложил Спендию и действовавшему вместе с последним Автариту, предводителю наемников галльского происхождения, двигаться параллельно Гамилькару и при этом держаться горных местностей, чтобы сделать невозможным использование слонов и кавалерии. Они должны были изматывать противника постоянными атаками. Кроме того, Матос снова обратился к ливийцам и нумидийским племенам за помощью и получил ее. Внезапно для Гамилькара перед ним появились ливийцы, в тылу — нумидийцы, а на одном из флангов — Спендий. Гамилькар очутился в западне.

Гибель карфагенских войск казалась неминуемой, но тут выяснилось, что Матос допустил серьезную ошибку, приняв помощь нумидийской аристократии, вовсе не заинтересованной в поражении Карфагена. Один из нумидийских аристократов, Наравас, перешел на сторону Гамилькара и привел в его лагерь отряд численностью около 2000 человек. Ожидания Нараваса оправдались с избытком: карфагенский военачальник обещал выдать за него замуж свою дочь. Измена позволила Гамилькару победить и на этот раз. Автарит и Спендий бежали, около 10 000 их воинов погибли, и почти 4000 попали в плен.

Вопреки ожиданиям Гамилькар отнесся к военнопленным в высшей степени миролюбиво. Вместо казней и расправ он

позволил желавшим снова поступить на карфагенскую службу, а остальных отпустил кто куда пожелает. Чтобы парализовать воздействие этой политики, Матос, Спендий и Автарит организовали мучительную казнь Гисгона и других пунийцев, находившихся в руках повстанцев, и вопреки обычаям отказались выдать их тела для погребения. Более того, посланникам карфагенских властей они объявили, что в дальнейшем все пунийцы, которые попадут в плен к повстанцам, будут преданы смерти. Связав, таким образом, мятежников круговой порукой, Матос, Спендий и Автарит рассчитывали, что они будут биться до последнего.

Поставленные перед угрозой войны на уничтожение, Гамилькар и Ганнон по требованию совета объединили свои армии. Однако пунийские военачальники не смогли договориться между собой, их постоянные конфликты парализовали армию. В конце концов карфагенское правительство было вынуждено предложить одному из них по выбору солдат покинуть войска. Предпочтение было оказано Гамилькару, и Ганнон удалился от дел. Этим актом независимо от того, насколько он был целесообразен, правительство создало опасный для себя прецедент: мы увидим далее, что армия накануне новой войны с Римом провозглашала своих командиров, заставляя позже законные органы власти санкционировать свои решения. Вероятно, именно теперь Гамилькар почувствовал себя не столько карфагенским магистратом, сколько солдатским вождем. Именно теперь он научился рассчитывать исключительно (или почти исключительно) на своих воинов, хотя и не отказывался от поддержки демократических кругов. Получив всю власть в свои руки, Гамилькар решил на жестокость ответить жестокостью, убивая пленных и бросая их на растерзание диким зверям.

Между тем, пока воюющие стороны соревновались в кровавых расправах, в Гиппоне и Утике пришли к власти силы, враждебные Карфагену, и эти важнейшие города, древнейшие финикийские колонии, присоединились к восстанию. Утика даже обратилась к Риму с просьбой принять ее в систему римских союзов.

Однако пунийцы сумели преодолеть грозную опасность. Из Карфагена к Гамилькару Барке пробился воинский отряд под командованием некоего Ганнибала. Своими рейдами Гамиль-

кар, Ганнибал и Наравас парализовали доставку продовольствия в лагерь Спендия и Матоса и заставили их уйти от Карфагена.

Значительную помощь Карфагену в этот момент оказали сиракузский тиран Гиерон и Рим. Римляне организовали снабжение пунийцев продовольствием. Они отклонили предложение Утики; если бы Рим ответил на него согласием, его африканская провинция, несомненно, была бы создана примерно на сто лет раньше. Нам не известно, какими мотивами руководствовалось римское правительство, совершая такой исключительный поступок. Вероятнее всего, оно еще не считало себя достаточно сильным, чтобы создать и удержать в дальнейшем владения в Африке.

После того как непосредственная угроза Карфагену была ликвидирована, восстание вступило в новую фазу. Измотав силы противника в крупных и мелких столкновениях, Гамилькар добился того, что повстанцы разделились: одна их часть под командованием Матоса обосновалась в Тунете, а другая, которую возглавляли Автарит и Спендий (около 40 000), в местности Прион. Именно там их и осадил Гамилькар.

Сравнительно быстро среди осажденных начался голод, дело дошло до людоедства. Отчаявшись получить помощь от Матоса, Автарит и Спендий решили вступить в переговоры с Гамилькаром. Последний выдвинул такое условие: карфагеняне выберут по своему усмотрению из числа бунтовщиков и накажут десять человек, а остальные получают возможность уйти куда захотят, но безоружными. У Автарита и Спендия не было выхода: они приняли требование Гамилькара. Сразу же пунийский военачальник объявил, что он выбирает тех, с кем ведет переговоры; в его руках оказалось все командование осажденного повстанческого лагеря. Мятежные ливийцы, ничего не зная об условиях мира и видя только, что их начальники арестованы, бросились к оружию, но были уничтожены.

Теперь в Ливии остался только один повстанческий лагерь — в Тунете. Отряды Гамилькара, Ганнибала и Нараваса принуждали ливийские города один за другим складывать оружие и прекращать сопротивление, а затем осадили в Тунете Матоса. С одной стороны расположился лагерь Ганнибал, с другой — Гамилькар. Чтобы напугать Матоса и его солдат, Гамилькар приказал распять Спендия и его товарищей на кре-

стах с тем расчетом, чтобы неприятель мог эту казнь видеть. Однако Гамилькар не добился цели: смелой вылазкой Матос разгромил стоянку Ганнибала, самого Ганнибала взял в плен и после изощренных мучений распял на том самом кресте, на котором совсем недавно погиб Спендий.

После этого был ряд столкновений, и наконец состоялось большое сражение, подробности которого неизвестны; ясно лишь, что ливийцы и наемники были разбиты, а сам Матос попал в плен. Вслед за этим капитулировали поддерживавшие мятежников Гиппон и Утика. Позже карфагеняне забили Матоса до смерти на улицах города во время триумфального шествия карфагенской армии.

Так закончилось потрясшее Карфагенскую державу восстание наемных солдат, беглых рабов и ливийских крестьян, продолжавшееся более трех лет (241—239 гг.). В этот момент Ганнибалу, сыну Гамилькара Барки, было около семи лет.

После того как в африканских владениях Карфагена воцарился мир, Гамилькар Барка получил возможность сосредоточиться на том, что он считал самым важным, — на подготовке войны против Рима, на создании плацдарма, откуда войну можно было бы вести. Два года ушло у него на то, чтобы, постепенно расширяя сферу пунийского господства в Африке, превратить все африканское побережье Западного Средиземноморья в область, подвластную Карфагену [Корн. Неп., Гам., 2, 5].

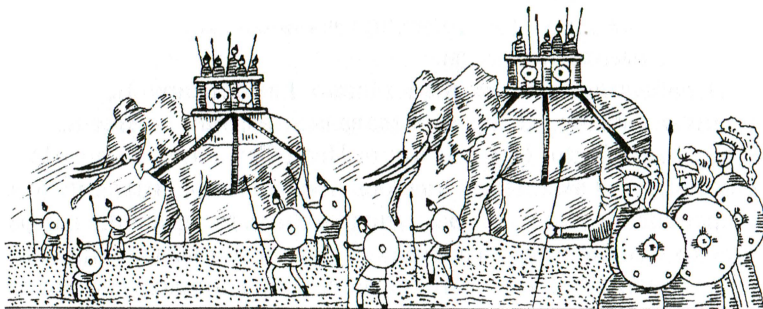
Одновременно Гамилькар Барка укрепил свое положение внутри города. Хотя до нас дошли только слабые отзвуки сведений о политических конфликтах, разразившихся в Карфагене сразу же после ликвидации восстания, они показывают, что борьба, очевидно, между сторонниками Ганнона и Гамилькара — а в конечном счете между сторонниками мирной политики и теми, кто стремился к войне с Римом, — достигла исключительного напряжения. Враги привлекли Гамилькара к суду как виновника бедствий отечества, однако он сумел добиться поддержки народных масс, чему в немалой степени способствовал брак одной из его дочерей с вождем демократического движения Гасдрубалом [Апп. Исп., 4; ср. у Диодора, 25, 8]. Более того, Гамилькар снова привлек на свою сторону армию [Апп. Ганниб., 2]. В результате его противники были парали-

зованы, а он получил возможность действовать без формального волеизъявления карфагенских властей, приобретя, таким образом, совершенно исключительное положение.

В 237 г. Гамилькар Барка отправился в поход в Испанию. Принося жертвы перед началом своего предприятия, он обратился к сыну с вопросом: не хочет ли тот сопровождать его на Пиренейский полуостров. И услышав в ответ «да», подвел Ганнибала к алтарю и заставил его поклясться в вечной ненависти к Риму. Это событие навсегда запечатлелось в памяти будущего полководца [Полибий, 3, 11; Корн. Неп., Ганниб., 2, 1–6; Ливий, 35, 19].

Внезапно детство кончилось. В воинских лагерях, в походах против врагов должен был получить закалку сын Гамилькара Барки — сподвижник отца и наследник его замыслов.

Глава вторая Завоевание Испании. Поход в Италию

Гамилькар Барка и Гасдрубал

Гамилькар Барка не случайно обратился именно к Испании. Еще в глубокой древности, в конце II тысячелетия, эта страна была объектом интенсивной колонизаторской и торговой деятельности финикийян. В конце II — начале I тысячелетия они основали на юге полуострова целый ряд больших городов, и среди них такие крупные торгово-ремесленные центры, как Гадес, Малака, Секси и некоторые другие. Объединившись в ходе ожесточенной борьбы против Тартесса и греческой колонизации Пиренейского полуострова, они сравнительно рано вынуждены были признать верховенство Карфагена. Понятно, что при таких связях, уходящих в глубокую древность, именно Испания была наиболее удобным плацдармом для организации похода в Италию, если, конечно, допустить, что уже Барка решил вторгнуться на Апеннинский полуостров с севера. Впрочем, другая возможность для Барки и его преемников, видимо, исключалась: во время ливийского восстания 241 — 239 гг. Рим, воспользовавшись затруднениями Карфагена, захватил Сардинию, перекрыв тем самым все морские подступы к Центральной Италии.

К сожалению, мы располагаем очень скудными сведениями о деятельности Гамилькара на Пиренейском полуострове. Полибий [2, 1, 5–9] ограничился кратким замечанием: в течение девяти лет он непрерывно расширял сферу карфагенского господства в Испании, ведя войны и переговоры, пока не погиб в бою [ср. у Ливия, 21, 2, 1–2; Корн. Неп., Гам., 4, 1; Юстин, 44, 5, 4]. Дополнительная информация, сохранившаяся у Аппиана и Диодора, позволяет выявить лишь наиболее существенные подробности.

Ограбление Испании доставило Гамилькару Барке громадную добычу, которая раздавалась воинам и отсылалась в Карфаген [Апп. Исп., 5; Корн. Неп., Гам., 4, 1; Корн. Неп., Ганниб., 2]. Гамилькару удалось прочно закрепиться на юге Пиренейского полуострова и подготовить расширение карфагенского господства в Испании. Здесь он основал крупный город, названный (до нас это наименование дошло в греческой передаче) Акра Левке — «Белая крепость» или «Белый холм» [Диодор, 25, 10, 3].

Действия Барки вызвали беспокойство греческих колоний на Пиренейском полуострове. Они почувствовали угрозу своей самостоятельности и обратились за защитой к Риму, который получил желанный повод вмешаться в испанские дела. По свидетельству Аппиана [Апп. Ганниб., 2], уже при жизни Гамилькара состоялись переговоры между Римом и Карфагеном, и между ними были разделены сферы влияния (южная — пунийская, северная — римская), а их границей признавалась река Ибер. Оказавшись, таким образом, между молотом и наковальней, греческие города так или иначе были вынуждены поступиться своею политической самостоятельностью — на этот раз в пользу Рима. Власть последнего, очевидно, не казалась им столь обременительной, как господство наемной солдатни под водительством Гамилькара Барки. И все же Барка имел все основания быть довольным исходом переговоров: он не только не должен был отказаться от сделанных им приобретений, но, наоборот, получил возможность расширять свою территорию, не опасаясь, по крайней мере на первых порах, римского вмешательства.

Целью, которую Гамилькар наметил для себя, стал город Гелика. Первоначально его осада складывалась благоприятно для пунийцев, и их командующий решил отправить боль-

шую часть своей армии и слонов на зимовку в Акра Левке. Но в этот момент «царь» племени ориссов, связанный, как казалось, дружескими отношениями с Гамилькаром, неожиданно пришел на помощь Гелике, и пунийцы, не выдержав его удара, обратились в бегство. Возникла непосредственная опасность для сыновей Гамилькара, находившихся в боевых порядках, и, для того чтобы ее ликвидировать, Гамилькар принял основной удар на себя; преследуемый противниками, он утонул в реке, а дети тем временем были доставлены в Акра Левке [Диодор, 25, 10, 3–4]. Тит Ливий, по-видимому, ошибочно считает местом гибели Гамилькара Акра Левке (*Castrum Album*). По словам Корнелия Непота [Гам., 4, 2], Гамилькар погиб в сражении против веттонов. Нам представляется наиболее достоверной версия Диодора, так как она наиболее точно соответствует ходу предшествующих событий, насколько они нам известны.

Едва известие о гибели Гамилькара дошло в Акра Левке, верховное командование пунийскими войсками взял на себя его зять Гасдрубал — в тот момент капитан одного из кораблей [Полибий, 2, 1, 9].

Для нас представляет определенный интерес вопрос о том, как Гасдрубал пришел к власти. До известной степени его проясняет повествование Тита Ливия [21, 2, 3–4]: Гасдрубал получил свое положение благодаря влиянию баркидской «партии», особенно значительному среди воинов и городского плебса, вопреки желанию (и, надо полагать, при сопротивлении) карфагенской аристократии. Важное дополнение к этому находим у Диодора [25, 12]: Гасдрубала провозгласили стратегом «народ» и карфагеняне. Очевидно, под «народом» источник Диодора имел в виду демократические круги населения Карфагена. Ход событий можно представить следующим образом: Гасдрубал, один из руководителей демократического движения в Карфагене, после внезапной смерти тестя оказался главой баркидской «партии»; получив власть из рук солдат, фактически возглавив армию, он сумел, опираясь на своих приверженцев в народе, добиться своего официального утверждения. По существу, Гасдрубал приобрел то положение военного диктатора, к которому стремился и которым — на территории Испании — обладал Гамилькар.

К этому времени Ганнибалу исполнилось семнадцать лет. Судя по дальнейшим событиям, после гибели отца он вместе с братьями покинул Испанию и вернулся в Карфаген. Обстановка военного лагеря, участие в походах, наблюдения за дипломатической деятельностью отца и зятя, несомненно, оказали решающее воздействие на его формирование как полководца и государственного деятеля. Военские доблести Ганнибала, о которых говорит Тит Ливий [21, 4, 3–8], — храбрость, осмотрительность, выдержка, неутомимость, неприхотливость, — все они сложились, конечно, под непосредственным влиянием Гамилькара. Вряд ли можно сомневаться и в том, что именно отцу Ганнибал был обязан и своим незаурядным образованием, в том числе знанием греческого языка и литературы, умением писать по-гречески. Насколько принципиальным был этот шаг Гамилькара Барки (приобщение детей к эллинской культуре), видно из того, что он был сделан вопреки старинному закону, запрещавшему изучать греческий язык [Юстин, 20, 5, 13]. Переступая через давнее установление, которое должно было отгородить пунийцев от исконного врага — Сиракуз, а фактически изолировало их от окружающего мира, Гамилькар не только стремился подготовить своих детей, прежде всего Ганнибала, к активной политической деятельности в будущем. Он хотел подчеркнуть свое стремление ввести Карфаген в эллинистический мир — и не как чужеродное явление, но как органическую часть — и обеспечить ему поддержку и сочувствие греков в предстоящей борьбе с римскими «варварами».

Мы не знаем причин, заставивших Ганнибала покинуть Испанию. Не исключено, что Гасдрубал проявлял заботу о братьях своей жены. Возможно также, что он желал, хотя бы на короткое время, избавиться от опасного и неустрашимого претендента на власть. Как бы то ни было, ближайшие пять лет Ганнибал провел в Карфагене, очевидно внимательно приглядываясь к политической жизни на родине. Однако уже в 224 г. Ганнибал возвратился в Испанию и здесь под руководством зятя начал проходить воинскую службу, командуя всадниками.

Между тем Гасдрубал собрал в Акра Левке значительные силы — 200 слонов, 50 000 опытных пехотинцев и 6000 всадников. Обратившись прежде всего против ориссов, он разгро-

мил их и, как говорит Диодор [25, 12], перебил всех, кто был виноват в поражении и гибели Гамилькара. Гасдрубал подчинил себе 12 орисских городов, а также некоторые другие города Испании.

Важнейшим политическим актом Гасдрубала, которым он еще более, чем другими своими действиями, продолжил политику Гамилькара, было основание на пиренейском берегу Средиземного моря Нового Карфагена. Этому городу, расположенному на берегу удобного залива и окруженному цепью неприступных холмов, повезло больше, чем Акра Левке: если последний, насколько об этом можно судить, всегда оставался заштатным городом и с Гадесом соперничать не был в состоянии, то Новый Карфаген сразу же превратился в административный центр пунийских владений в Испании и в один из важнейших торговых центров всего Западного Средиземноморья [ср. у Полибия, 10, 10].

Постепенно, действуя главным образом мирными средствами, устанавливая с вождями иберийских племен отношения дружбы и гостеприимства [Ливий, 21, 2, 5], Гасдрубал сумел значительно расширить сферу карфагенского господства на Пиренейском полуострове. Гасдрубал даже женился (видимо, после смерти дочери Гамилькара) на дочери одного из иберийских вождей [Диодор, 25, 12].

Политические успехи Гасдрубала вызвали беспокойство в Риме. Непосредственная угроза галльского нашествия с севера лишала римлян возможности осуществить прямое военное вмешательство в дела Испании [Полибий, 2, 13, 5]; тем не менее римляне были кровно заинтересованы в нейтрализации опасного врага, который мог к тому же стать союзником галлов.

Весьма сильно были заинтересованы во вмешательстве римлян греческие колонии на восточном берегу Пиренейского полуострова, а также Массилия, для которых продвижение Гасдрубала на север означало смертельную угрозу. Не исключено, что именно дипломатия Массилии особенно активно побуждала римское правительство остановить экспансию Баркидов. Наши источники сообщают о договоре, который специальное римское посольство в 226 г. заключило с Гасдрубалом, имея в виду, насколько об этом можно судить, подтвер-

дить достигнутое ранее соглашение с Гамилькарком и не допустить расширения карфагенской зоны в Испании.

Вероятно, при этом Гасдрубал принес по старинному обычаю, существовавшему у всех западносемитских народов, в том числе и у финикийцев, клятву (берит), обязавшись не пересекать Ибер и не нарушать суверенитета Сагунта и других греческих колоний на Пиренейском полуострове. Только этим можно объяснить тот факт, что именно осада Сагунта послужила несколько лет спустя поводом для войны между Римом и Карфагеном. Союзником же Рима Сагунт стал, по-видимому, уже в 231 г., за пять лет до договора римлян с Гасдрубалом. Эта клятва не была утверждена в Карфагене; поскольку речь шла о личных обязательствах Гасдрубала, правительство, с пунийской точки зрения, не должно было вмешиваться в развитие событий. В результате возникла юридическая лазейка, которая позволила говорить о полной непричастности карфагенского совета к договору, гарантировавшему неприкосновенность берегов Ибера и безопасность Сагунта.

В 221 г. Гасдрубал был убит на охоте одним кельтом (источники не называют его имя) — рабом, отомстившим карфагенскому стратегу за казнь своего господина [Полибий, 2, 36, 1; Ливий, 21, 2, 6; Апп. Исп., 8; Апп. Ганниб., 2; Диодор, 25, 12; Юстин, 44, 5, 5]. Ливий яркими красками рисует воодушевление убийцы, который вел себя так, как если бы ему удалось избежать опасности, и во время пыток, казалось, смеялся в лицо палачам. Видимо, в этой ситуации, уже не понятной римлянину конца Республики и первых лет Империи, нашли свое отражение нормы крайне архаичного общества: раб, включенный в состав рода, обязан осуществить кровную месть даже ценой своей гибели; выполнение этого закона доставляет ему наивысшее моральное удовлетворение; он не должен обнаружить слабость перед врагом.

Враждебная Баркидам политическая группировка в Карфагене — аристократическая партия во главе с Ганноном — попыталась использовать гибель Гасдрубала для того, чтобы свести счеты со своими политическими противниками и лишиться их власти [Апп. Исп., 8; ср. у Апп. Ганниб., 3]. Однако эти попытки не удались. Сразу же после смерти Гасдрубала воины пунийской армии, находившейся в Испании, провозгласили главнокомандующим Ганнибала; через некоторое время кар-

фагенское народное собрание и совет утвердили этот выбор [Апп. Исп., 8; Апп. Ганниб., 3; ср. у Полибия, 3, 13, 3–4; Ливий, 21, 3, 1].

Это решение объясняется прежде всего происхождением Ганнибала. Сын Гамилькара Барки мог, естественно, рассчитывать на поддержку армии, созданной его отцом и зятем. Наемники, составлявшие ее основу, чувствовали себя связанными не столько с Карфагеном, сколько с династией военачальников, плативших жалованье, водивших в походы, щедро деливших добычей. Кроме того, Ганнибал был уже, надо полагать, известен как непримиримый враг Рима. По словам Аппиана [Апп. Исп., 9], едва вступив в должность, он нашел случай напомнить своим друзьям в Карфагене — и его слова предназначались, конечно, для общего сведения — о своей клятве быть врагом римлян. Продолжение теперь уже традиционной линии Баркидов обещало солдатам ограбление Италии, а карфагенскому купечеству и ремесленникам — обильные доходы благодаря захвату важнейших рынков и торговых путей. И конечно, сыграли роль личные качества Ганнибала. Тит Ливий [21, 4, 1–4] пишет, что, когда Ганнибал в 224 г. вернулся в Испанию под командование Гасдрубала, он сумел завоевать авторитет у воинов: «Посланный в Испанию, Ганнибал, едва появившись, привлек к себе все войско; старые воины думали, что к ним вернулся молодой Гамилькар — та же мощь в лице, сила в глазах, тот же облик и черты». И действительно, судя по портрету Ганнибала на одной из монет, происходящих из Нового Карфагена, он поразительно напоминал отца; характеристика Ливия очень точно соответствует качествам, которые хотел выявить у своей модели портретист. «Но он быстро сделал так, — продолжает римский историограф, — что его сходство с отцом стало наименьшим из тех качеств, которые располагали к нему. Никогда еще один и тот же человек не был приспособлен к самым различным делам — к повиновению и командованию. Так что нелегко было решить, командующему или войску был он дороже: ни Гасдрубал не назначал охотнее кого-либо другого на дело, где нужно было действовать мужественно и стойко, ни воины с другим командиром не были более уверены в себе и храбры».

Ганнибал у власти. Захват Сагунта

Когда Ганнибал пришел к власти, ему было около двадцати пяти лет. Господство карфагенян в Испании было прочным благодаря настойчивой и последовательной политике Гамилькара Барки и Гасдрубала, и южная часть Пиренейского полуострова казалась более или менее надежным плацдармом для наступления на Рим. Сам Ганнибал обзавелся традиционными для Баркидов прочными связями с иберийским миром: он был женат на иберийке из союзного Карфагену города Кастулона [Ливий, 24, 41, 7]. Со свойственным юности максимализмом новый пунийский главнокомандующий повел себя так, будто война с Римом уже решена и ему поручена, а сферой его деятельности назначена Италия [Ливий, 21, 5, 1]. Он, по-видимому, не скрывал своего намерения напасть на союзный римлянам Сагунт и тем самым вовлечь Рим в прямой конфликт, однако стремился сделать вид, будто атака на Сагунт произошла сама собой, в результате естественного развития событий. Именно поэтому, заключает Тит Ливий [21, 5, 3], он прежде всего ударил по олкадам, жившим к югу от Ибера, между реками Таг и Анас, на территории, которая, как считалось, принадлежала карфагенянам.

В своей характеристике олкадов Тит Ливий роняет беглое, но тем не менее многозначительное замечание: «За Ибером был этот народ, скорее в области, чем под властью карфагенян». Очевидно, фактическую власть над ними еще предстояло установить, и именно такую задачу поставил перед собой Ганнибал, когда стремительно вторгся в страну олкадов и захватил их главный город. Успех карфагенян заставил и другие города олкадов признать власть Карфагена [Ливий, 21, 5, 3–4]. Обобрав побежденных и захватив богатую добычу, Ганнибал вернулся на зимовку в Новый Карфаген; там он поделил награбленное между воинами, чем еще больше усилил расположение к себе войска [Ливий, 21, 5, 6].

Весной 220 г. Ганнибал двинулся в поход на ваккеев, населявших среднее течение реки Дурис, и захватил важнейшие города — Саламантику и Арбокалу. На обратном пути через Южную Гвадарраму в Новый Карфаген он встретился еще с одним противником — карпетанами, которых побуди-

ли взяться за оружие спасшиеся после разгрома олкады и ваккеи — беглецы из Саламантики [Полибий, 3, 14, 3; Ливий, 21, 5, 7]. Враги ожидали его у переправы через Таг, но Ганнибал уклонился от схватки и переправился в другом месте. Он правильно рассчитал, что карпетане попытаются преследовать отходящие карфагенские войска и тогда его слоны и всадники встретят карпетанскую пехоту в реке. Противник попался в ловушку, ошибочно полагаясь, по-видимому, на свое численное превосходство. Согласно Полибию [3, 14, 8] и Ливию [21, 5, 11], вместе с олками и ваккеями войско карпетан достигло 100 000 человек. Будучи уверены, что Ганнибал не принял боя из страха перед возможным поражением, карпетаны с громким криком, не соблюдая элементарного порядка, бросились в реку. Осуществляя свой план, Ганнибал ввел в Таг свои 40 слонов и конницу. С трудом нащупывая брод, опрокидываемые конями, карпетанские воины оказались бессильны перед всадниками и слонами. Многие тысячи карпетан погибли, остальные обратились в паническое бегство. Пройдясь огнем и мечом по Карпетании, Ганнибал подчинил и ее власти Карфагена [Полибий, 3, 14, 2–8; Ливий, 21, 5, 9–16].

Победа у Тага имела исключительное политическое значение. Теперь под контролем Ганнибала оказалась вся территория Пиренейского полуострова к югу от Ибера за исключением Сагунта [Полибий, 3, 14, 9; Ливий, 21, 5, 17; Юстин, 40, 5, 6]. Далее мы увидим, что эти успехи были иллюзорными, что власть карфагенян на Пиренейском полуострове не отличалась ни прочностью, ни стабильностью, а его население, в том числе и финикийские колонии, в решающий момент поддержало римлян. Однако все это еще было впереди. А пока, опьяненный блестящими победами, имея за спиной разоренные, покоренные, «умиротворенные» территории, Ганнибал чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов Риму. В известном смысле битва при Таге ознаменовала собою завершение важного периода в истории стран Западного Средиземноморья — периода подготовки II Пунической войны.

Победа при Таге занимает особое место и в биографии самого Ганнибала. Здесь он впервые обнаружил свои незаурядные тактические способности, показал умение принимать смелые решения, ломая установившиеся военные каноны и обращая себе на пользу те особенности местности, которые на первый

взгляд сулили неминуемое поражение. Если бы Ганнибал не переправился через Таг, его войска, прижатые к берегу реки, были бы, конечно, раздавлены превосходящими силами противника. Однако пунийский командующий навязал врагу сражение в наиболее выгодных для себя условиях и победил.

Теперь непосредственной целью политики Ганнибала на Пиренейском полуострове стал захват Сагунта. Ливий [21, 7, 3] говорит о богатстве Сагунта, которым последний обязан интенсивному развитию морской торговли и земледелия, росту населения и строгости нравов, — идеализирующая Сагунт тенденция очевидна. Однако не богатство прельщало Ганнибала, когда он предпринял свои военные действия против этого города: только овладев Сагунтом, он мог двинуться на север. Но если раньше Ганнибал не задевал, по крайней мере непосредственно, римских интересов, действуя строго в рамках обязательств, принятых Гасдрубалом, то теперь осуществление его замыслов грозило привести к столкновению с Римом. Впрочем, Ганнибал мог рассчитывать на то, что Рим, руки которого были связаны длительной и тяжелой борьбой с галлами на севере Италии, а также с иллирийскими пиратами на Балканском полуострове, не сможет эффективно вмешаться в испанские дела, и, как увидим далее, этот расчет (если он существовал), в общем, оправдался.

Благоприятный для Ганнибала политический климат создавала «партийная» борьба в Сагунте. Источник [Полибий, 3, 15, 7] не говорит, из-за чего, собственно, происходили столкновения, тем не менее и вся ситуация, и в особенности энергичные действия Рима показывают, что речь могла идти только об одном: сохранять ли верность союзу с Римом или же добровольно перейти на сторону и под власть Карфагена. Ликвидировав смуты и казнив нескольких человек из среды сагунтинской знати, очевидно враждебных проримской ориентации, римляне уничтожили надежды Ганнибала, если, конечно, допустить, что они у него были, на сторонников союза с Карфагеном в Сагунте. Более того, они показали, что Рим никогда не примирится с потерей Сагунта и Ганнибал приведет римское правительство к необходимости объявить Карфагену войну, — но именно этого Ганнибал и добивался. Нужно было только поспешить, чтобы на помощь Сагунту не явились римские ле-

гионы, чтобы они не навязали Ганнибалу войну в Испании, не помешали ему округлить пунийские владения на Пиренейском полуострове и отправиться на завоевание Италии.

Этого Ганнибал пытался достичь, действуя формально в рамках карфагено-римских соглашений. Не вступая в прямой конфликт с ориентировавшимся на Рим правительством Сагунта, он, по словам Тита Ливия [21, 6, 1–2], провоцировал столкновения между Сагунтом и соседними иберийскими племенами (главным образом турдулами), находившимися в сфере карфагенского господства; предлагая сторонам свои услуги в качестве арбитра, Ганнибал рассчитывал навязать Сагунту решение, которое поставило бы этот город в зависимость от Карфагена, не давая Риму формального повода объявить войну.

Традиция, сохраненная Аппианом [Апп. Исп., 10], позволяет выяснить некоторые подробности этой политической игры. По его словам, Ганнибал убедил торболетов (то есть турдулов) принести ему жалобу на сагунтинцев, вторгающихся будто бы на территорию, принадлежащую торболетам, и всячески их притесняющих. Создав обстановку конфликта, Ганнибал, не принимая решения, отправил торболетских послов в Карфаген, чтобы они там изложили свои претензии совету, и одновременно от себя послал совету письмо, где самыми мрачными красками обрисовал положение дел: римляне убеждают подвластные Карфагену иберийские племена отпасть, а сагунтинцы всячески помогают римским агентам. Решение совета, несомненно инспирированное самим Ганнибалом и сторонниками баркидской группировки, полностью его удовлетворило: ему было приказано действовать по отношению к Сагунту так, как он сочтет нужным.

Добившись положительного ответа на свои домогательства, Ганнибал связал карфагенский совет его же собственными решениями: теперь он выступал не в роли полководца, ведущего на свой страх и риск сложную авантюрную игру, чтобы втянуть Карфаген в полную опасностей войну, а в роли человека, выполняющего постановление совета, то есть действующего строго в русле официальной политики. Теперь карфагенский совет, даже если бы он и хотел, не мог бы отречься от Ганнибала. Давая ему свободу действий против Сагунта, совет — и это все хорошо понимали — предрешал войну с Римом.

Руки у Ганнибала теперь были развязаны. Он снова пригласил к себе торболетов и вместе с ними представителей Сагунта, которые, однако, заявили, что передадут решение на суд Рима. Иначе говоря, они отказались признать верховную власть Карфагена. Ганнибал прервал переговоры, выгнал, как рассказывает Аппиан, сагунтинцев из своего лагеря, вторгся на территорию Сагунта, разорил его окрестности и, разделив свои войска на три части, окружил город.

Между тем, пока Ганнибал готовил нападение на Сагунт, сагунтинцы развернули энергичную дипломатическую деятельность, чтобы побудить Рим активно вмешаться в испанские дела [Полибий, 3, 15, 1; Ливий, 21, 6, 1]. Действия римлян, однако, источники рисуют по-разному. Согласно Титу Ливию [12, 6, 3–5], сенат решил отправить в Испанию послов, которые должны были изучить на месте положение дел и, если сочтут необходимым, потребовать от Ганнибала оставить Сагунт в покое, а потом отправиться в Карфаген и там изложить жалобы сагунтинцев. Но прежде чем послы двинулись в путь, в Рим пришло известие об осаде Сагунта, и в сенате назначили новое обсуждение сагунтинских дел. Полибий [3, 15, 2–13] изображает иначе ход событий; по его версии, римское посольство к Ганнибалу состоялось. Ганнибал принял его в Новом Карфагене. Римляне потребовали, чтобы Ганнибал отступился от Сагунта и не пересекал Ибера, как это и предусматривалось клятвой Гасдрубала. Отвечая послам, Ганнибал упрекал римлян в том, что они, вмешавшись в дела Сагунта, казнили там несколько человек из местной знати. Это преступление, говорил он, карфагеняне не могут оставить неотомщенным. Римские послы, не добившись от Ганнибала удовлетворительного ответа и ясно видя, что Риму предстоит война, отправились в Карфаген заявить свои требования непосредственно карфагенскому правительству. Дальнейшими сведениями о судьбе этого посольства (если предположить, что оно действительно состоялось) мы не располагаем.

В рассказе Полибия обращает на себя внимание не только отрывочность информации. Он очень сильно напоминает в основных пунктах рассказ Тита Ливия о посольстве, которое римляне отправили к Ганнибалу и в Карфаген после того, как осада началась. Единственный пункт расхождения — то, что в последнем случае Ганнибал не принял послов. Это

позволяет предполагать, что Полибий отнес к данной ситуации эпизоды, фактически имевшие место либо раньше, либо позднее, и что, следовательно, более близок к истине в данном случае Ливий, опирающийся здесь на римскую традицию, независимую от Полибия. Что же заставило Полибия (если изложенные нами допущения справедливы) решиться на сознательное искажение истины? Не исключено, что Полибий стремился снять с римского правительства, где видную, а возможно, и решающую роль играли в этот момент Сципионы, к которым он был близок, обвинение в том, что оно не предприняло никаких шагов, чтобы защитить римского союзника — Сагунт — от опаснейшего врага.

Итак, наиболее вероятным приходится признать следующее: пока римский сенат обсуждал положение в Испании, Ганнибал начал осаду Сагунта (219 г.). Надо сказать, что эту операцию (и в особенности до того, как он был ранен) в отличие от предшествовавших и последовавших за нею пунийский полководец провел на чрезвычайно низком тактическом уровне; овладеть городом ему удалось исключительно благодаря огромному превосходству в живой силе и фактическому невмешательству римлян. Все началось с того, что Ганнибал крайне неудачно выбрал место для разрушения городской стены — у того ее угла, который выходил на ровную долину. Сюда было очень легко подвести тараны и виней (обшитые досками передвижные камеры, открытые спереди и сзади; с крыши, которая предохраняла воинов от обстрела сверху, свешивался таран). Однако он не учел, что именно здесь находится огромная башня, а стена выше, чем в других местах; само собой разумеется, что и охрана этого пункта была поручена самому надежному и боеспособному отряду сагунтинских воинов. Постоянной стрельбой из луков они держали карфагян на почтительном расстоянии от стен, не давали им подвести орудия и начать осадные работы. Непрестанно совершая вылазки, сагунтинцы наносили карфагяням значительный ущерб; сам Ганнибал, принимавший в стычках активное участие, был ранен дротиком в бедро и упал, что вызвало настоящую панику среди осаждавших.

Пока Ганнибал залечивал рану, карфагяне не вели активных боевых действий, довольствуясь исключительно блокадой города; они усиленно строили осадные сооружения, а сагун-

тинцы — укрепления. Видимо, в этот период Ганнибал пересмотрел принятую им ранее диспозицию, которая отдавала инициативу в руки противника. Он решил начать разрушение стены в нескольких пунктах одновременно, что давало возможность использовать и технику, и численное превосходство. Тараны заработали, в стенах стали появляться проломы. В конце концов со страшным грохотом обрушились три башни и часть стены между ними. Завязалось сражение — не беспорядочное, как это бывает в подобных случаях, а, подчеркивает Ливий, по всем правилам военного искусства. Воины — и сагунтинцы и карфагеняне — выстроились в боевой порядок. Сагунтинцы отеснили карфагенян сначала к развалинам стен, а затем заставили бежать к лагерю. Именно в этот момент, когда новое поражение поставило, казалось, под угрозу главный замысел Ганнибала — захват Сагунта и, следовательно, войну с Римом, — прибыло римское посольство.

По словам Тита Ливия [21, 6, 6–8], мнения в римском сенате разделились: одни настаивали на том, чтобы назначить консулам в качестве провинций (то есть объектов специального задания) Испанию и Африку и вести войну на суше и на море; другие предлагали сосредоточить все военные действия в Испании, обратив их против Ганнибала; третьи советовали дожидаться, с чем придут послы из Испании, и уже тогда принять окончательное решение. Последняя точка зрения возобладала; послами назначили Публия Валерия Флакка и Квинта Бебия Тамфила. Им было поручено посетить Сагунт, потребовать у Ганнибала отвести от города свои войска и, буде он откажется, направиться в Карфаген и там по старинному италийскому обычаю потребовать выдачи самого Ганнибала для наказания за нарушение договора. По традиции, восходящей к Диону Кассию [Зонара, 8, 22], за немедленное начало военных действий и вторжение в Африку и Испанию высказался Луций Корнелий Лентул, близкий к аристократической группировке Эмилиев и Сципионов; посольство предложил Квинт Фабий Максим — глава другой сенатской «партии», враждебной Эмилиям и Сципионам. Он имел в виду, в частности, если переговоры сорвутся, возложить на карфагенское правительство ответственность за развязывание войны. Интересно, что Полибий [3, 20, 1–5] отрицает факт совещаний в Риме по поводу дальнейших действий; он утверждает,

что, получив известие о падении Сагунта, сенат единодушно решил начать войну и направил соответствующее посольство в Карфаген. Между тем колебания сената, даже если не принимать во внимание римской внутривластной борьбы, легко объяснимы: Риму угрожала тяжелая война в Иллирии [Полибий, 3, 16–19], и пока римляне не закрепили своего господства там, они не могли думать о серьезной и затяжной войне против Карфагена. Трудно поверить Полибию и в том, что сенат начал рассматривать дело только после падения Сагунта. Ведь речь шла о расширении сферы господства Рима, а в этом были заинтересованы влиятельные круги римского общества, чьи интересы и представляла группировка Эмилиев — Сципионов.

Как бы то ни было (мы последуем за рассказом Тита Ливия [21, 9, 3–11, 2], который представляется наиболее достоверным), Ганнибал, узнав о прибытии римского посольства, отказался его принять; Флакку и Тамфилу сообщили, что их безопасность гарантирована быть не может, а сам полководец в столь критической ситуации не имеет возможности их выслушать. Это рассчитанное оскорбление должно было заставить римлян выдвинуть неприемлемые требования и привести к срыву переговоров. Понимая, что теперь послы отправятся в Карфаген, Ганнибал, в свою очередь, обратился с письмами к руководителям баркидской группировки, дабы они могли заранее подготовиться. Судя по рассказу Тита Ливия, все было разыграно отменно: баркидской группировке удалось продемонстрировать политическое единство в карфагенском совете. Единственный, кто осмелился поддержать требования римлян, был старый враг Баркидов Ганнон, однако на него никто не обращал внимания.

Тит Ливий приводит в своем сочинении речь Ганнона [21, 10]. Фактически эта речь сочинена самим Ливием. Здесь все то, что делают карфагеняне, настолько явно противопоставлено староримским добродетелям — верности, благочестию и т. п., что она производит впечатление памфлета, направленного против современной Ливию порчи нравов, а не исторического документа.

В общем, поездка в Карфаген не принесла успеха римлянам. Карфагеняне обвиняли Сагунт в незаконных деяниях против их подданных [Апп. Исп., 12] и свой окончательный

ответ сформулировали следующим образом [Ливий, 21, 11, 2]: «Война начата сагунтинцами, а не Ганнибалом; римский народ поступил бы несправедливо, если бы предпочел сагунтинцев стариннейшему союзу с Карфагеном». С этим римские послы возвратились на родину.

Тем временем осада Сагунта вступила в новую фазу. Потерпев серьезное поражение у пролома в городской стене, Ганнибал решил дать своим солдатам несколько дней отдыха (сагунтинцы воспользовались передышкой для того, чтобы на месте разрушенных стен возвести новые оборонительные сооружения). Неудача показала, насколько низок, в сущности, боевой дух карфагенского воинства. Но Ганнибал нашел верный способ для повышения его боеспособности — он выступил перед войском и пообещал, что отдаст ему всю добычу, которая будет захвачена в Сагунте. Ливий [21, 11, 4] пишет, что солдаты «до такой степени были возбуждены, что, если бы в этот момент (когда Ганнибал произносил свою речь. — *И. К.*) был дан сигнал, никакая сила, казалось, не смогла бы им противостоять».

Новый штурм карфагеняне начали сразу во многих пунктах, так что сагунтинцы вынуждены были распылить свои силы. Сам Ганнибал находился при передвижной осадной башне, бывшей выше всех городских укреплений. Подвергнув стены Сагунта интенсивному обстрелу из катапульт и баллист, установленных на башне, Ганнибал заставил защитников города спрятаться в укрытие, а потом отправил 500 солдат разрушать только что отстроенные укрепления. Через проломы карфагеняне снова вступили в город, завладели там каким-то возвышением и снесли туда катапульты и баллисты, а само возвышение окружили стеной. Когда карфагеняне получили укрепленную позицию в Сагунте, судьба города была предрешена. Кольцо осады постепенно сжималось; сагунтинцы возводили все новые и новые стены; карфагеняне их захватывали и оттесняли противника все дальше в глубь города. К тому же в Сагунте начался голод.

Внезапно положение Ганнибала осложнилось: среди орисов (оретанов) и карпетанов вспыхнули волнения, которые могли бы отвлечь Ганнибала от Сагунта, — их возмутила жестокость, с какой проводился набор в карфагенскую армию. Но Ганнибал быстрым и решительным ударом заставил их

сложить оружие. Тем временем осада (ею в отсутствие Ганнибала — чего никто не заметил — руководил Махарбал, сын Гимилькона) продолжалась; в новых стенах Сагунта были сделаны новые проломы, и, когда Ганнибал вернулся, ему удалось занять часть акрополя.

Предпринимая сопротивление Ганнибалу, сагунтинцы, конечно, рассчитывали на вмешательство римлян, однако положение с каждым днем становилось все более отчаянным, а римские солдаты у стен Сагунта по-прежнему не появлялись. Помощи ждать было неоткуда, и один из влиятельных сагунтинцев, Алкон, решился на последнее средство. По собственной инициативе и даже без ведома сограждан он явился к Ганнибалу, надеясь вымолить у него пощаду несчастному городу. Однако условия сдачи, которые объявил ему уверенный в победе карфагенский стратег, были таковы, что Алкон даже не посмел сообщить о них сагунтинцам и остался в лагере врага. Ганнибал потребовал, чтобы сагунтинцы удовлетворяли все требования турдулов, и, отдав им все золото и серебро, покинули город, взяв с собой лишь по одной одежде на человека, и поселились там, где укажет им победитель. Эти условия вызвался передать сагунтинским властям служивший в войсках Ганнибала, но еще раньше получивший от Сагунта статус «друга» и «гостеприимна» (проксена) испанец Алорк. Услышав о том, какая судьба им уготована, сагунтинцы побросали в костер золотые и серебряные вещи, не желая, чтобы они достались врагу; многие сами кидались в огонь... По рассказу Аппиана [Апп. Исп., 12], сагунтинские воины погибли во время ночной вылазки на пунийский лагерь после того, как они привели в негодность драгоценный металл. Когда пунийцы полностью овладели городом, Ганнибал приказал уничтожить все население города, а затем заселил его пунийскими колонистами.

Итак, главная цель Ганнибала на этом этапе была достигнута: Сагунт пал и перед его войсками открывался беспрепятственный путь на север, в Италию. Однако для нового предприятия необходима была совершенно иная подготовка, и для этой цели Ганнибал решил использовать зимовку в Новом Карфагене.

В Риме известие о страшной судьбе Сагунта вызвало, как и следовало ожидать, единодушную, ту самую, которой до-

бывался Ганнибал, реакцию: все без исключения требовали объявить Карфагену войну. Консулам 218 г. (оба из группировки Эмилиев — Сципионов) в качестве провинций были назначены Испания (Публий Корнелий Сципион) и Сицилия с Африкой (Тиберий Семпроний Лонг), иначе говоря, им была предопределена война с Ганнибалом. Лонг должен был, если бы Сципиону удалось удержать Ганнибала вне Италии, вторгнуться в Африку. В народное собрание было внесено предложение объявить войну карфагенскому народу. Для соблюдения необходимых по римским обычаям формальностей в Карфаген было направлено посольство в составе Квинта Фабия Максима, Марка Ливия Салинатора, Луция Эмилия Павла, Гая Лициния и Квинта Бебия Тамфила. Как можно видеть, господствующее положение в посольстве, как и в правительстве, занимали сторонники Эмилиев, хотя руководство и было поручено Фабию, известному своим стремлением к мирному урегулированию; может быть, в Риме хотели таким выбором показать, что дверь для переговоров пока остается открытой. Послы должны были спросить, не по решению ли карфагенских властей Ганнибал осаждал Сагунт, и, если бы был дан утвердительный ответ, объявить Карфагену войну. Как пишет Полибий [3, 20, 8], посольство должно было также потребовать выдачи Ганнибала [ср. также у Апп. Исп., 13].

Карфагеняне заявили, что вопрос, действовал ли Ганнибал по собственному усмотрению или по поручению своего правительства, римлян не касается, поскольку это — внутреннее дело Карфагена. Что же касается договора римлян с Гасдрубалом, в котором имеется оговорка относительно Сагунта, то он не был утвержден пунийскими властями и поэтому для них не действителен; римлянам, следовательно, незачем ссылаться на испанские события как на предлог для объявления войны [Ливий, 21, 18, 4–12; Полибий, 3, 21, 1–5]. По словам Полибия [3, 21, 3–5], карфагеняне подчеркивали, что в договоре, заключенном после I Пунической войны, который является основным документом, регулирующим взаимоотношения между Карфагеном и Римом, ни слова не говорится об Испании или Сагунте, но речь идет только о взаимном ненападении на союзников; между тем Сагунт, как утверждали пунийцы, не был союзником Рима. В свою очередь, римские послы требовали, чтобы карфагенское правительство выдало виновных

в нападении на Сагунт и тем самым доказало свою непричастность к содеянному беззаконию либо признало себя соучастником [Полибий, 3, 21, 6–8].

Аргументация обеих сторон, очевидно, была выдвинута в ходе предварительных переговоров, потому что, насколько мы об этом осведомлены, на заседании карфагенского совета римляне вообще не обсуждали вопрос по существу [Ливий, 21, 18, 13; Полибий, 3, 33, 1]. Выслушав заявление того члена совета, которому было поручено подготовить официальный ответ, а именно что карфагенское правительство отрицает за Римом право вмешиваться в сагунтинские дела, посольство приступило к выполнению второй части своего поручения. Разыгралась патетическая сцена [Полибий, 3, 33, 2–4; Ливий, 21, 18, 13–14; Апп. Исп., 13]. Квинт Фабий Максим, подобрав полу своей тоги так, что образовалось углубление, сказал: «Здесь мы приносим вам войну или мир, выбирайте из них то, что вам больше подходит!» Суфкет, председательствовавший на заседании, воскликнул: «Дай из них то, что пожелаешь сам!» — «Я даю вам войну», — ответил Фабий, распуская тогу, и под громкие крики участников собрания «Принимаем!» покинул вместе со своими товарищами зал.

Переход через Альпы

Ганнибал добился своего: несколькими боевыми операциями на Пиренейском полуострове, и в особенности осадой и захватом Сагунта, он заставил римлян объявить Карфагену войну (218 г.), а карфагенское правительство поставил в такое положение, что оно уже не могло, если бы даже и хотело, дезавуировать Ганнибала и выдать его врагам. Теперь Ганнибал мог готовиться к походу в Италию, используя для этого пребывание на зимних квартирах в Новом Карфагене.

Первая его мера заключалась в том, что он, как бы парадоксально это ни выглядело, предоставил длительный, на всю зиму, отпуск иберам и разрешил им разойтись по домам [Полибий, 3, 33, 5; Ливий, 21, 21, 1–8]; целью этого маневра было, по словам Полибия, «подготовить для будущего» стойких и воодушевленных воинов. И действительно, отдых на родине, в кругу семьи, восстановил силы иберов, а надежда на новые

победы, богатую добычу и в какой-то мере страх перед карфагенскими властями заставили их весной возвратиться в строй.

Другой заботой Ганнибала — одной из самых важных — была «идеологическая» подготовка войны. Экспедиция в Италию пугала солдат: дорога казалась слишком далекой и опасной; заготовка продовольствия обещала почти непреодолимые трудности; на пути должны были встретиться дикие варварские племена. Рассказывали, будто на военном совете, где часто говорили об испытаниях, с которыми предстоит столкнуться Ганнибалу и его армии, один из его «друзей», тоже Ганнибал, по прозвищу Мономах, серьезно уверял: есть, мол, только один способ добраться до Италии — научить воинов есть человеческое мясо и позаботиться, чтобы они привыкли к этой пище; Ганнибал будто бы оценил смелость и целесообразность предложения, но только не мог заставить себя и своих близких последовать совету Мономаха [Полибий, 9, 24, 4–6]. Насколько верен этот рассказ, трудно сказать, так как в нем ясно ощущается враждебная Ганнибалу политическая тенденция, однако в римской политической пропаганде широко муссировался, как увидим, восходящий к нему мотив: Ганнибал будто бы сознательно приучал своих воинов к людоедству. Вероятнее всего, перед нами — отражение ожесточенных споров в окружении Ганнибала о том, насколько выполнимо задуманное им предприятие, и Мономах бросил свою фразу, желая наиболее рельефно выразить свое отрицательное отношение к походу. Ганнибал, доводя до абсурда мысль Мономаха, столь же рельефно показывал, что его не остановят никакие препятствия.

Как бы то ни было, Ганнибал должен был убедить своих солдат, своих врагов и друзей, что боги сражаются на его стороне и победа карфагенской армии обеспечена. С этой целью он отправился в Гадес и там, согласно ранее данным обетам, принес Мелькарту (Геркулесу, говорит Ливий) жертвы и совершил посвящения; там же, в храме Мелькарта, он взял на себя и новые клятвенные обещания богам на случай, если задуманное предприятие увенчается успехом [Ливий, 21, 21, 9]. По-видимому, тогда же среди воинов, да и не только среди воинов, стали распространяться слухи о чудесном сне, будто бы привидевшемся Ганнибалу и явно предвещающем победу

[Циц. Предв., 1, 49; Ливий, 21, 22, 6–9; Вал. Макс., 17; Сил. Ит., 3, 163–214; Зонара, 8, 22].

Самые серьезные меры Ганнибал принял для обеспечения тыла — как в Африке, дабы обезопасить ее от возможного вторжения из Сицилии, так и на Пиренейском полуострове. В Африку он решил направить воинов испанского происхождения, а в Испании разместить африканские гарнизоны; этой мерой, говорит Полибий [3, 33, 8], «он соединял обе части своей армии узами взаимной верности». Тит Ливий [21, 21, 11], мотивируя поступок Ганнибала, по-видимому, ближе к истине: пунийский полководец хотел, чтобы африканцы служили в Испании, а испанцы в Африке потому, что вдали от дома те и другие, как бы взаимно обменявшись заложниками, будут лучше исполнять свои обязанности. Очевидно, Ганнибал опасался не только римского вторжения, но и бунтов подвластных Карфагену ливийских и иберийских племен. В этом случае, конечно, целесообразно было использовать для подавления мятежей солдат-чужеземцев. Как бы то ни было, Ганнибал направил в Африку 13 850 пехотинцев и 1200 всадников, набранных из испанских племен — терситов, мастианов, оретан и олкадов; туда же он послал и 870 балеарских пращников [Полибий, 3, 33, 9–11; Ливий, 21, 21, 12]. Часть из них разместили в самом Карфагене, а основную массу — в ливийских городах. По настоянию Ганнибала в самой Ливии мобилизовали 4000 воинов и расквартировали в Карфагене — если понадобится, для обороны города, а при необходимости и в качестве заложников [Полибий, 3, 33, 14–16; Ливий, 21, 21, 13].

Командовать пунийскими войсками в Испании Ганнибал назначил своего брата Гасдрубала и передал в его распоряжение значительные воинские силы: пехотинцев — 11 850 ливийцев, 300 лигуров, 500 балеаров, и всадников — 450 ливииофикиян и ливийцев, 300 илергетов, 800 нумидийцев. Кроме того, у Гасдрубала были 21 слон и для обороны побережья от римского вторжения с моря флот в составе 50 пентер, 2 тетрер и 5 триер; правда, из них только триеры и 32 пентеры имели команды [Полибий, 3, 33 14–16; Ливий, 21, 22, 1–4].

Для похода в Италию Ганнибал располагал примерно 90 000 пехотинцев и 12 000 всадников [Полибий, 3, 35, 1; Ливий, 21, 23, 1]. Помимо собственно карфагенян, составлявших в этой армии, в общем, малозаметную прослойку, преимущественно

командный состав, ее основные контингенты складывались из частью насильственно мобилизованных, частью завербованных ливийцев и иберийцев, а также из наемников различного происхождения и положения. На солдатских сходках Ганнибал говорил о том, с какой наглостью римляне требовали выдать его и всех военачальников, рассказывал, насколько плодородна и богата та страна, куда они идут, как дружески относятся к нему галлы — исконные враги Рима [Полибий, 3, 34, 8]. Легкая прогулка за богатой добычей — такой он рисовал своим солдатам будущую войну.

Впрочем, у него были основания рассчитывать на поддержку галлов. Используя зимнее время, Ганнибал развил энергичную разведывательную и дипломатическую деятельность. Агенты Ганнибала наводнили Южную Галлию. Они разведывали дороги, прощупывали настроения галльских племен и, что особенно важно, галльских вождей, вели с ними переговоры и обещали все, что только можно было пожелать, за поддержку и возможность пройти через Галлию, не подвергаясь нападениям со стороны местного населения. Результаты этих контактов как будто обнадеживали: антиримские настроения галлов позволяли надеяться если и не на прямую помощь, чего Ганнибал добивался, то по меньшей мере на дружеский нейтралитет [Полибий, 3, 34, 1–6; Апп. Исп., 13].

Римляне готовились оказать сопротивление. Еще до того, как посольство Квинта Фабия Максима формально объявило войну Карфагену, они предоставили в распоряжение консулов крупные воинские контингенты. Тиберий Семпроний Лонг, которому, как уже говорилось, в качестве провинции была назначена Сицилия с перспективой вторгнуться в Африку, получил два легиона (из них в каждом было по 4000 пехотинцев и 300 всадников), 16 000 пехотинцев и 1800 всадников из числа союзников, а также 160 боевых кораблей и 12 небольших вспомогательных судов. Всего, таким образом, Семпроний располагал 24 000 пехотинцев и 2400 всадниками. Публий Корнелий Сципион имел также два легиона с 14 000 пехотинцев и 1600 всадниками из союзнических контингентов и, кроме того, 60 пентер — всего, таким образом, в его распоряжении находилось 22 000 пехотинцев и 2200 всадников. Сверх этого со значительными силами в Галлию был послан претор Луций Манлий; там расквартировали два легиона с 10 000

пехотинцев-союзников и 1000 всадников-союзников; все-го римляне имели в Галлии 18 000 пехотинцев и 1600 всадников. В целом римская армия насчитывала 64 000 пехоты и 6200 кавалерии [Ливий, 21, 17, 5–9] — значительно меньше, чем было у Ганнибала. Существенное преимущество римлян заключалось, между прочим, в том, что им предстояло воевать на родине и для них мобилизация дополнительных воинских контингентов была более простым делом, чем для пунийского полководца получение подкреплений. Нельзя, впрочем, не видеть и распыленности римской армии, и отсутствия единого командования, что, конечно, затрудняло ведение боевых операций.

Дипломатическая подготовка войны, которую римское правительство попыталось вести, обнаружила почти полную изоляцию Рима. Посольство Квинта Фабия Максима, возвращаясь из Карфагена, снова прибыло в Испанию (естественно, севернее Ибера). Там оно должно было склонить к союзу с Римом местные племена и поначалу добилось определенного успеха. Прибыв к баргусиям, ненавидевшим карфагенян, они смогли заручиться их поддержкой, однако потом направились к волкианам и там встретили отпор, тем более страшный, что он уничтожил все надежды на приобретение союзников в Испании. Как бы ни относиться к тексту речей, которые Ливий вкладывает в уста своих персонажей, и, в частности, в уста волкианского старейшины, основной смысл ответа он передает, несомненно, верно. Старейшина («Старейший по рождению», — пишет Ливий) напомнил послам о судьбе Сагунта, надеявшегося на римскую помощь и погибшего, так ее и не дождавшись. Совершив, таким образом, безрезультатную поездку в Испанию, Фабий и его коллеги отправились в Галлию [Ливий, 21, 19, 6–11]. Там их приняли еще более недружелюбно. Ливий изображает народное собрание одного из галльских племен, которое просьбы римлян не пропускать Ганнибала через Галлию в Италию встретило взрывом смеха: галлы все не хотели ввязываться в тяжелую войну и подвергать свою страну разорению ради спасения Рима; к тому же притеснения, которые чинил Рим по отношению к цизальпинским галлам, не воодушевляли трансальпийских галлов на то, чтобы оказывать ему помощь. Такие или примерно такие сцены происходили повсеместно. «Вообще, — пишет Ливий, — послы не

слышали ни одного сколько-нибудь приветливого и миролюбивого слова, пока не прибыли в Массилию» [Ливий, 21, 20, 1–7]. Естественно, что римское правительство особое значение придавало укреплению своего положения в Цизальпинской Галлии, и прежде всего колонизации этой страны. В Галлии быстро возводились городские стены, и было объявлено, что в течение 30 дней колонисты должны явиться на место (первоначальное население каждой колонии было определено в 6000 человек); так в кратчайшие сроки римляне основали две колонии — Плаценцию к югу от реки Пада и Кремону к северу от нее. Однако эти приготовления в самом близком будущем привели к новым осложнениям.

Между тем наступила весна 218 г., и Ганнибал, закончив необходимые приготовления, двинулся из Нового Карфагена вдоль морского побережья, мимо разрушенного Сагунта, мимо крупнейшего иберийского города Этовиссы на север и тремя колоннами форсировал Ибер [Ливий, 21, 22, 5; 21, 23, 1]. Здесь, севернее пограничной реки, он установил свою власть (или власть Карфагена, что в данном случае было одно и то же) над местными племенами — илергетами, баргусиями, авсетанами, преодолев их упорное сопротивление, а также над Лацетанией — страной, непосредственно прилегавшей к Пиренейским горам [Ливий, 21, 23, 2; Полибий, 3, 35, 2–4]. Наместником этой страны Ганнибал сделал Ганнона, которому дал 10 000 пехотинцев и 1000 всадников; важнейшей задачей Ганнона было сохранить контроль над баргусиями, для чего Ганнибал предоставил ему неограниченные полномочия, и удержать в своих руках проходы через Пиренеи [Полибий, 3, 35, 4–5; Ливий, 21, 23, 23].

С серьезными осложнениями Ганнибал встретился и при переходе через Пиренеи — на этот раз он имел дело с недовольством в своей собственной армии: 3000 пехотинцев-карпетан отказались идти дальше и вообще служить под пунийскими знаменами. По-видимому, римскому патриотизму Ливия следует приписать его заявление, будто эти события произошли потому, что варвары точнее стали представлять себе предстоящую им с Римом войну. Здесь же Ливий дает и более объективное объяснение: карпетаны опасались не столько самой войны, сколько длительного похода в Италию и неприступ-

ности Альп. Положение складывалось для Ганнибала весьма неприятное: уговорить взбунтовавшихся солдат вернуться на службу не удавалось, а применить к ним силу он также не мог, если не желал вызвать недовольство у других своих воинов. Ганнибал принял смелое решение: он сделал вид, будто добровольно отпускает карпетан, и заодно отправил на родину еще 7000 пехотинцев, о которых было известно, что они тяготеют службой [Ливий, 21, 23, 4–6; Фронтин, 27, 7]. Всего в распоряжении пунийского военачальника осталось теперь 50 000 пехотинцев и около 9000 всадников; с ними он преодолел Пиренеи и вступил в Галлию [Полибий, 3, 35, 7].

Известие о том, что карфагенские войска находятся в их стране и что Ганнибал поставил лагерь у города Илиберры, вызвало у галльских племен волнение и тревогу, хотя лазутчики Ганнибала и уверяли, что их хозяин не собирается воевать в Галлии и разорять ее. Галлы были наслышаны о том, как поступал Ганнибал с иберийскими племенами, переправившись через Ибер, как он покорял их силой и размещал у них свои гарнизоны. Страх потерять свободу заставил галлов взяться за оружие; несколько племен собрались в Рускиноне, явно готовясь к войне. Дипломатическая подготовка, так искусно проведенная Ганнибалом, оказалась напрасной; как и в Испании, он снова стоял перед выбором: либо подчинить галльские племена оружием, либо с помощью переговоров добиться их благожелательного нейтралитета. Ганнибал решил прибегнуть ко второму пути и направил к галльским «царькам» — очевидно, племенным вождям и старейшинам — своих «ораторов» с приглашением явиться на личные переговоры. Посланцы Ганнибала снова и снова повторяли, что он пришел в Галлию как гость, а не как враг, что, если галлам это будет угодно, он обнажит свой меч, только вступив на территорию Италии. Галльские «царьки» прибыли в лагерь Ганнибала и, окончательно успокоенные его миролюбивыми речами и убогоотворенные богатыми подарками, позволили ему проследовать через их земли мимо Рускинона [Ливий, 21, 24]. Внушая одним племенам страх, а на других воздействуя дарами, Ганнибал беспрятственно подошел к берегам Родана, где обитало галльское племя волков (ср. также указание Полибия [3, 41, 7], где сказано, что, проходя через Галлию, Ганнибал должен был прибегать также и к насилию; однако Зонара [8, 23] пишет, что, по-

ка Ганнибал шел через Галлию к Родану, никто не оказывал ему сопротивления).

Успешное движение Ганнибала через Северную Испанию и Галлию создавало прямую угрозу римским владениям в Северной Италии. Между тем Рим был втянут в трудную и кровопролитную войну с цизальпинскими галльскими племенами (бойями и инсумбрами), и вообще не желавшими терпеть римского господства, а уж основание Кремоны и Плаценции воспринявшими как прямую угрозу и своим имущественным интересам, и остаткам своей независимости. Было ясно, что римские колонисты в самое ближайшее время вытеснят коренное население из долины Пада. Бойи, надеявшиеся на скорый приход Ганнибала и на близкое избавление от чужеземного гнета, рассчитывавшие, что римское правительство, занятое войной с Карфагеном, не сможет найти достаточно средств для борьбы еще и с ними, напали на обе колонии и заставили поселенцев, а также триумвиров, направленных для распределения земель между колонистами, бежать в Мутину. Там римляне оказались в осаде и, не видя пока другого средства к избавлению, решили начать переговоры с противником. Бойи, однако, к ужасу колонистов, вместо обмена мнениями попросту захватили в плен римских представителей, чтобы впоследствии обменять их на своих, взятых заложниками.

Получив известие об осаде Мутины и о судьбе послов, отправленных к бойям, претор Луций Манлий — тот самый, которому была поручена оборона Северной Италии, — направился к Мутине. Единственная дорога к этому городу вела через глухие леса, и там бойи устроили засаду. С большим трудом и огромными потерями Манлий прорвался к поселению Таннет неподалеку от реки Пад; там римляне наспех построили укрепления. Впрочем, другой претор, Г. Атилий, в чье распоряжение римский сенат дал один легион и 5000 союзников нового набора, без труда добрался до Таннета, и таким образом те солдаты Манлия, которым посчастливилось остаться в живых, были спасены [Полибий. 3, 40, 6–14; Ливий, 21, 25, 2–26, 2]. Тем не менее положение в Цизальпинской Галлии оставалось очень напряженным; бойи и их союзники отнюдь не были покорены и не только с нетерпением ожидали Ганнибала, но даже вступили с ним в прямые переговоры.

Более успешными для римлян были военные действия в Сицилии [Ливий, 21, 49—51]. Вскоре после объявления войны карфагенское правительство отправило 20 пентер с 1000 воинов опустошать италийское побережье; девять из них бросили якорь у Липарских островов, восемь — у острова Вулкана, а три были занесены течением в Мессинский пролив и там захвачены сиракузским царем Гиероном — старым союзником Рима. Допросив пленных, Гиерон узнал, что еще другие 35 кораблей идут в Сицилию для того, чтобы там побудить к антиримским выступлениям старинных союзников Карфагена и захватить Лилибей. Эти сведения Гиерон тотчас сообщил претору Марку Эмилию, управлявшему римской провинцией на острове. Эмилий приказал повсеместно на побережье быть в боевой готовности, а морякам заготовить на кораблях десятидневный запас сухарей, чтобы быть готовыми без промедления выйти в море. Свои войска он, следуя совету Гиерона, сосредоточил в Лилибее. Карфагенская флотилия не сумела незаметно подойти к Лилибею; при ее приближении лунной ночью в городе подняли тревогу; все воины мгновенно заняли свои места на стенах, башнях и кораблях. На рассвете карфагеняне отступили в открытое море и там, в абордажном бою, потерпели поражение. Римляне захватили семь пунийских кораблей с экипажем в 1700 человек и без потерь вернулись в Лилибей. Тем временем в Сицилию явился консул Тиберий Семпроний Лонг и вместе с Гиероном двинулся в Лилибей. Там, узнав об одержанной победе, он отправил Гиерона обратно в Сиракузы, а сам, поручив претору охрану сицилийского побережья, напал на остров Мелиту. Тамошний пунийский гарнизон (около 2000 воинов) во главе с комендантом Гамилькаром, сыном Гисгона, сдался в плен; некоторое время спустя все пленные были проданы в рабство.

Но главная опасность угрожала римлянам не в Сицилии и не в Цизальпинской Галлии, а у берегов Родана, где Ганнибал готовился к переправе. Задержать здесь пунийское наступление, не дать Ганнибалу двигаться дальше на восток было основной задачей и прямой обязанностью консула Публия Корнелия Сципиона: ведь это ему в качестве провинции была назначена Испания и, следовательно, поручена вооруженная борьба с Ганнибалом. У нас нет определенных сведений о месте, где застала Сципиона весть о том, что Ганнибал пе-

решил через Пиренеи и движется к Родану. По рассказам Полибия [3, 41, 2] и Аппиана [Ганниб., 5], в это время он уже направился в Иберию на 60 кораблях; из повествования Тита Ливия [21, 26, 3] следует, что консул еще находился в Риме и там проводил мобилизацию нового легиона взамен того, который под командованием Г. Атилия пришлось отправить в Северную Италию. Ясно одно: получив донесения о движении Ганнибала, Сципион, будучи еще в полной уверенности, что враг находится где-то у Пиренеев, бросился к Массилии; высадившись там и, к своему глубокому изумлению, узнав, что неприятель уже подошел к Родану, он отправил вверх по течению Родана 300 отборных всадников с массалиотскими проводниками и наемниками-галлами, служившими в массалиотских войсках. Они должны были проследить за тем, что предпримут карфагеняне [Полибий, 3, 41; Ливий, 21, 26, 3–5].

А Ганнибал готовился к переправе. Задача, которая ему предстояла, была поистине тяжела. Хотя он и сумел привлечь к себе волков, живших на правом берегу Родана [Полибий, 3, 42, 2; Ливий, 21, 26, 7], на левом берегу — и это карфагенскому полководцу было хорошо известно — собрались полчища других волков, настроенных воинственно и намеревавшихся не допустить переправу [Ливий, 21, 26, 6]. Переправлять через глубокую быструю реку нужно было не только людей и осадные орудия, но и лошадей и — самое трудное — слонов. В пунийском лагере, который Ганнибал разбил в четырех днях пути от моря, кипела работа: окрестные жители свозили туда лодки-долбленки и сшитые из досок, наращенных на шпангоутный скелет, а также древесину для постройки долбленок; в течение двух дней воины Ганнибала построили много суденышек, которые могли нести на себе тяжелый груз [Полибий, 3, 42, 2–3; Ливий, 21, 26, 7–9; ср. также у Зонары, 8, 23].

Тем не менее вся эта подготовка могла оказаться напрасной: пока на другой стороне находился враг, Ганнибал не мог решиться переправлять воинов, так как его армия понесла бы слишком большие потери, и тем более не мог переправлять лошадей и слонов. Необходимо было обезвредить левобережных волков. С этой целью Ганнибал послал ночью часть своей армии, главным образом иберов, под командованием суффета Ганнона, сына Бомилькара (согласно Зонаре [8, 23], с отрядом всадников был послан брат Ганнибала — Магон), вверх

по реке. Там они должны были перейти на левый берег, создавая тем самым угрозу неприятелю. Пройдя на север около 200 стадий, воины Ганнона подошли к месту, где русло Родана разделяется на два рукава; на поспешно сколоченных плотах и иных подручных средствах, а многие иберы и вплавь, они перебрались на левый берег реки [Полибий, 3, 42, 5–9; Ливий, 21, 27, 2–5]. После однодневного отдыха отряд Ганнона двинулся к лагерю волков и, приблизившись к нему, кострами дал знать Ганнибалу о своем прибытии. Ганнибал немедленно начал переправу. Его солдатам пришлось бороться и с быстрым течением, и с неприятелем, завязывавшим схватки уже в реке. На левом берегу Родана огромная толпа волков, распевая боевые песни, поджидала карфагенян; однако Ганнон захватил их лагерь и затем ударил по ним с тыла; волки не выдержали боя сразу на двух фронтах и разбежались, а Ганнибал спокойно завершил переправу [Полибий, 3, 43, 1–12; Ливий, 21, 27, 7–28, 4].

На следующий день, когда Ганнибалу оставалось еще самое трудное — перевезти на другой берег боевых слонов, ему донесли, что в устье Родана появился римский флот. Ганнибал отправил на разведку 500 нумидийских всадников, однако недалеко от лагеря карфагенского войска они столкнулись с римским конным отрядом, который Сципион послал на север. В ожесточенной схватке нумидийцы потеряли более 200 человек и обратились в бегство; римляне преследовали их до самого лагеря, а затем повернули назад. Первое в этой войне столкновение между карфагенянами и римлянами принесло, таким образом, победу римскому оружию, однако эта победа не оказала сколько-нибудь заметного влияния на ход военных действий [Полибий, 3, 44, 3 и 45, 1–3; Ливий, 21, 29, 1–4].

Какова была последовательность дальнейших события, мы не знаем. По данным Полибия [3, 44–47], когда нумидийские всадники еще не вернулись в лагерь, Ганнибал устроил солдатскую сходку, на которой выступили представители бойев, звавшие пунийских воинов в Италию, после этого переправил слонов и двинулся дальше на восток. Ливий [21, 28–30] пишет, что слонов переправляли одновременно с экспедицией нумидийских всадников, потом, когда всадники вернулись, состоялась сходка с участием бойев, и затем уж, воодушевив своих воинов, Ганнибал начал альпийский поход. По-види-

тому, столь значительные расхождения объясняются тем, что все перечисленные события происходили более или менее одновременно, так что в памяти у разных свидетелей они отложились по-разному.

Во всяком случае, переправа слонов была, пожалуй, самой трудной частью всей операции. До нас дошло несколько рассказов об этом. По одной из версий [Ливий, 21, 28, 5], всех слонов собрали на берегу; самого злобного удалось привести в ярость, и он бросился вслед за своим погонщиком в реку; за ним устремилось и все стадо. Когда животные теряли брод, само течение выносило их на берег.

Однако более правдоподобным Ливий считает другое предание [21, 28, 6–12], которое излагает и Полибий [3, 46]. Согласно ему, слонов перевезли на плотках. У берега пунийцы прикрепили канатами к деревьям покрытый дерном широкий помост, куда погонщики загоняли слонов, и уже оттуда животных заставляли переходить на плоты, также покрытые дерном и по внешнему виду не отличавшиеся от помоста. Окруженные со всех сторон водой, слоны волновались, а некоторые даже падали в реку, однако все они сумели выбраться на берег.

Впрочем, не только переправа заботила Ганнибала. Не менее важно было решить другую, неожиданно возникшую задачу. У Ганнибала имелись две возможности — либо дать сражение армии Сципиона, находившейся в устье Родана (Сципион, сколько можно об этом судить, выжидал, предоставляя инициативу неприятелю), либо продолжать поход в Италию [Ливий, 21, 29, 5–6]. Конец колебаниям положило прибытие послов от боев, среди которых был и их «царек» Магал (по Полибию, Магил). Бойи настойчиво убеждали Ганнибала не отказываться от первоначального замысла идти в Италию и предлагали свои услуги в качестве проводников и союзников.

Собственно, все преимущества такого решения были ясны и Ганнибалу: придя в Северную Италию, он попадет в окружение союзников, сможет поднять на вооруженную борьбу всех покоренных римлянами италиков и тем создаст угрозу самому существованию Римского государства, тогда как битва со Сципионом, не решая какой бы то ни было военно-политической задачи, привела бы только к бессмысленным потерям;

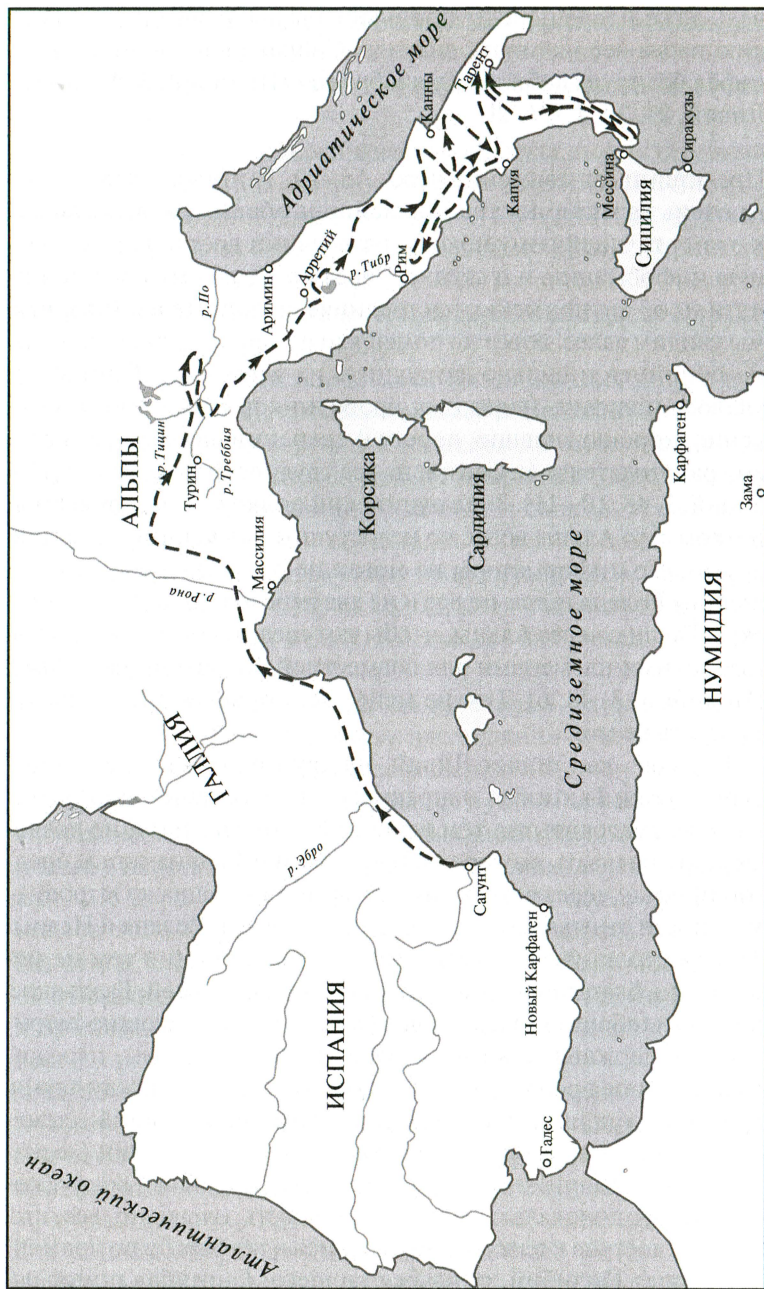

ведь даже после победы пришлось бы все равно идти в Италию и там все начинать сначала. Собрав своих воинов, Ганнибал без труда добился их одобрения [Полибий, 3, 44, 5–13; Ливий, 21, 30, 1–31, 2].

Предпринимая движение через Альпы, Ганнибал, что для него очень характерно, тщательнейшим образом подготовился к этому труднейшему походу: разведчики доставили ему точную информацию и о стране, через которую ему предстояло идти, и об антиримских настроениях ее обитателей (что, как мы увидим далее, вовсе не помешало им впоследствии напасть на пунийцев и сильно затруднить их действия); Ганнибалу удалось получить надежных проводников из местного населения, хорошо знавших дорогу и сохранивших верность своему работодателю, несмотря на все трудности и невзгоды [Полибий, 3, 48, 10–11]. Знал пунийский полководец, разумеется, и о том, что Альпы вовсе не недоступны для многочисленной армии; его информаторы не могли не рассказать ему, как из долины Родана галлы не раз и не два переходили в Цизальпийскую Галлию через Альпы, чтобы там соединиться с местными галльскими племенами для совместной борьбы против Рима [Полибий, 3, 48, 6]. Тем не менее всех опасностей он предусмотреть не мог.

Вначале, как пишет Ливий, на другой день после солдатской сходки Ганнибал направился вверх по течению Родана на север, рассчитывая тем вернее уйти от римлян и не позволить им навязать ему сражение в долине Родана или у предгорий Альп; через четыре дня его армия подошла к Острову — местности, омываемой со всех сторон водами Родана и Исары. Там он столкнулся с совершенно неожиданной и тем не менее очень благоприятной политической ситуацией. Галльское племя аллоброгов, населявшее Остров и прилегающие территории и державшее в своих руках дорогу к Альпам, переживало смутное время; здесь шла борьба за власть между двумя братьями: старший из них, Бранк, уже управлявший племенем и пользовавшийся поддержкой совета старейшин («сена-та», пишет Ливий) и знати, был свергнут младшим, вокруг которого группировалась «молодежь», то есть, очевидно, все, кто не имел доступа к власти. Вмешавшись в эту борьбу по прямой, как пишет Полибий, просьбе старшего, Ганнибал помог из-

ИТАЛИЙСКИЙ ПОХОД ГАННИБАЛА III век до н. э.

гнать младшего претендента. Благодарный победитель щедро заплатил за такую помощь. Армия Ганнибала получила продовольствие и теплую одежду, необходимые для перехода через Альпы, все старое и испорченное оружие было заменено новым. Однако самым существенным для Ганнибала было дружное. Дружеские отношения с аллоброгами позволяли ему, казалось, не опасаться внезапного нападения: Бранк со своими воинами прикрывал с тыла карфагенскую армию [Полибий, 3, 49, 5–13; Ливий, 21, 31, 1–9].

Между тем Публий Корнелий Сципион решился наконец взять инициативу в свои руки, дать сражение и примерно через три дня после того, как Ганнибал отправился на север, двинул свои легионы в боевом строю к карфагенскому лагерю, однако, к величайшему своему изумлению, обнаружил, что неприятель уже давно ушел. Догонять Ганнибала показалось ему делом безнадежным, и он решил отправиться в Италию, чтобы там, у подножия Альп, встретить грозного противника. В Испанию для ведения войны с Гасдрубалом Баркидом он послал в качестве легата своего брата Гнея Корнелия Сципиона, дав ему почти все свои контингенты. Явившись на Апеннинский полуостров, Публий возглавил римские войска, находившиеся в долине Пада [Полибий, 3, 49, 1–4; Ливий, 21, 32, 1–5].

На девятый день пути Ганнибал подошел к горам и обнаружил, что высоты, господствующие над проходом, заняты горцами (по Полибию, аллоброгами). Расположив свой лагерь у перевала и выжидая, пунийский полководец, подослав к аллоброгам своих лазутчиков, узнал: горцы занимают свои позиции только днем, а по ночам, оставляя небольшое сторожевое охранение, уходят к себе в «город» (очевидно, имеется в виду поселение горных аллоброгов). Используя это обстоятельство, Ганнибал днем, на виду у противника двинулся вперед, а ночью, зажегши в лагере костры, со сравнительно небольшим отрядом овладел высотами. На другой день пунийская армия начала свой путь через горы. Пользуясь тем, что подъем в этом месте был очень крут и узок, что выючные животные при малейшем неосторожном движении падали в пропасть, что в армии Ганнибала царила обычная в таких случаях неразбериха, аллоброги, оправившись от смутения, вызванного утратой выгодных рубежей, решили ударить по карфагенянам; ценой огромных потерь Ганнибалу удалось обратить

их в бегство и овладеть «городом», где он захватил продовольствие, вьючных лошадей и пленников.

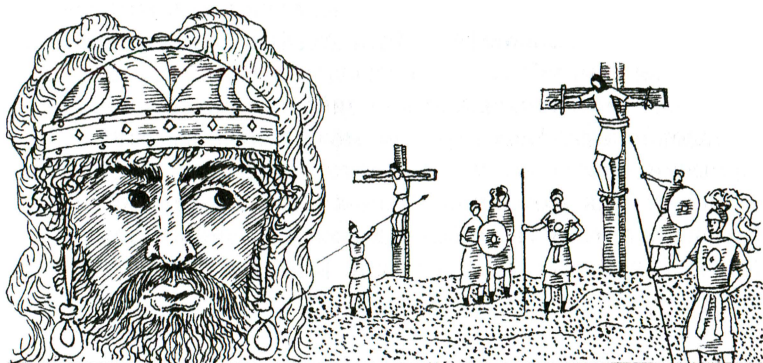
После этого в течение трех дней Ганнибал мог двигаться, не встречая препятствий, однако на четвертый день попал в засаду. Идя по склонам гор параллельно движению Ганнибала, горцы обрушивали на его солдат камни и огромные глыбы; им даже удалось на какое-то время рассечь пунийскую колонну и отделить пехоту Ганнибала от конницы и обозов; ценой невероятных усилий пунийская армия выбралась из ущелья. Позже Ганнибал не встречал в Альпах столь же серьезной опасности, однако тамошние жители пользовались любым подходящим моментом, чтобы захватить лошадей с их вьюками или пленных. Наконец пунийцы достигли перевала, через который открывался путь в Италию. Вопрос о том, что это был за перевал, на протяжении длительного времени служит объектом неразрешимой и, в общем, бесполезной дискуссии.

Два дня Ганнибал стоял лагерем на перевале: воины, измученные трудным и опасным подъемом, должны были отдохнуть перед не менее трудным и опасным спуском. Однако полностью восстановить силы своего воинства Ганнибалу так и не удалось: стояла глубокая осень, наступили холода, а в ночь заката Плеяд (то есть 7 ноября) выпал снег. На рассвете Ганнибал приказал сниматься с места; воины шли медленно, на всех лицах, пишет Ливий, можно было прочесть выражение тоски и отчаяния. Тогда-то, выйдя вперед, Ганнибал показал им с вершины гор Италию, прилегающие к горной цепи плодородные поля в долине Пада. Ливий вкладывает в его уста примечательные слова: теперь его воины преодолевают не только стены Италии, но и стены Рима; теперь все пойдет как по ровному отлогому спуску; одна, в крайнем случае две битвы отдадут в их руки важнейшую твердыню и главный город Италии. Испытанное средство подействовало: надежда на близкое уже разграбление богатой и, казалось, незащищенной страны вдохнула в солдат Ганнибала новые силы.

Они спускались по узкой, крутой, заснеженной и скользкой тропе; одно неосторожное движение — и человек летел в пропасть. Так карфагеняне подошли к скале, около которой тропа еще больше сужалась и становилась еще круче. Обойти это место было невозможно: сначала шли по снегу, а затем начали скользить по голому льду, не имея ни опоры, ни возможно-

сти подняться; лошади, пробивая копытами лед, оказывались как бы в капкане и не могли двигаться дальше. Расположив свой лагерь на перевале, Ганнибал приказал расчистить дорогу от снега; у скалы его солдаты развели огромный костер и потом залили раскаленную скалу уксусом и, работая железными орудиями, проложили дорогу через разрыхлившуюся массу. По словам Аппиана [Апп. Ганниб., 4], дорога, построенная солдатами Ганнибала, продолжала существовать еще во II в. н. э.; она и тогда носила имя пунийского полководца — Ганнибалов проход. Через три дня можно было вывести в долину вьючных лошадей, которых тут же отправили на пастбища, и слонов. Дав утомленным воинам дополнительный отдых, еще через три дня Ганнибал оказался на равнине [Полибий, 3, 50–56; Ливий, 21, 32–37; Орозий, 4, 14, 3–4].

Глава третья Бесполезные победы. От Тицина до Канн

Битва при Тицине

Вторжение карфагенских войск в Северную Италию существенно изменило политическую обстановку — разумеется, к невыгоде Рима. Ганнибал надолго превратил Италию в основной театр военных действий, сделав испанский фронт второстепенным и заставив римлян отказаться от активных боевых операций в Сицилии и тем более от мысли вторгнуться в Африку. На Апеннинском полуострове появилась грозная сила, на которую могли уповать все, кто мечтал об избавлении от римского владычества, — от постоянно бунтовавших бойев и инсумбров на севере до «союзников» поневоле в Южной Италии (правда, италики поначалу предпочитали выжидать). Однако римское командование поначалу недооценивало своего противника: Сципион думал, что Ганнибал никогда не осмелится пересечь Альпы, а если решится на такой безумный шаг, то неминуемо погибнет [Полибий, 3, 61, 5–7].

И действительно, войско Ганнибала понесло огромные потери. По данным Полибия [3, 56, 4; ср. также 3, 60, 5], придя в Италию, он располагал 12 000 ливийских и примерно 8 000 иберийских пехотинцев (всего, следовательно, около 20 000)

и не более чем 6000 всадников. По-видимому, эти сведения точнее, нежели традиция, повествующая, будто Ганнибал привел в Италию 80 000–100 000 пехотинцев, 20 000 всадников и 37 слонов [Евтропий, 3, 8; Орозий, 4, 14, 5]. Кроме того, армия Ганнибала нуждалась в отдыхе.

Не удивительно, что Ганнибал заботился прежде всего о восстановлении моральных и физических сил своих солдат [Полибий, 3, 60, 7]. Правда, ему предстояло столкнуться с войсками, которые Сципион принял от Манлия и Атилия, состоявшими частью из новобранцев, а частью из солдат, перенесших тяжелые и позорные поражения в борьбе с галлами [Ливий, 21, 39, 3]. И все же римские войска должны были вступить в борьбу после длительного отдыха и серьезной подготовки. К тому же и Сципион был далеко не таким неспособным полководцем, как это казалось Ганнибалу. Последний был твердо убежден, что Сципион не сумеет в короткий срок явиться от устья Родана к подножию Альп, однако римскому консулу это удалось, и Ганнибал вынужден был признать, что ему противостоит военачальник, обладающий значительными тактическими и организаторскими способностями [Полибий, 3, 61, 1–4]. К тому же Ганнибал должен быть считаться еще с одним обстоятельством. Получив известие о том, что Ганнибал находится в Италии, сенат предложил другому консулу, Тиберию Семпронию Лонгу, вернуться из Сицилии в Италию, Семпроний незамедлительно отправил на родину флот, а пехоту переправил в Аримин [Полибий, 3, 61, 9–11; Ливий, 21, 51, 5–7].

Главная задача Сципиона заключалась в том, чтобы не дать карфагенянам возможности собрать свои силы для новой кампании, но он опоздал. Ганнибалу для отдыха потребовалось меньше времени, чем можно было предполагать.

Впрочем, первыми его противниками в Италии были не римляне, а, видимо, их союзники таврины — полугалльское, полулигурийское племя (его название и до сих пор живет в названии города Турина), жившее у подножия Альп и ведшее как раз в это время кровопролитную войну с инсумбрами. Ганнибал, явившийся в Италию как союзник бойев и, следовательно, инсумбров, нуждался в прекращении таврино-инсумбровской междоусобицы и, само собой разумеется, в поддержке тавринов, которым предложил дружбу и союз. Натолкнув-

шись на отказ, он окружил крепость тавринов и после трехдневной осады овладел ею. Беспощадно расправляясь со всеми, кто пытался оказать сопротивление, Ганнибал внушил окрестным галльским племенам такой ужас, что те спешили отдаться под его «покровительство». Прибытие Сципиона к Плаценции до известной степени нарушило его планы: римляне отрезали от Ганнибала значительную часть союзных с ним галлов и даже заставили их выступить против пунийской армии. В этих обстоятельствах Ганнибал решил предпринять наступательные действия против римлян, справедливо полагая, что, победив, он станет полновластным хозяином Северной Италии и тогда-то галлы по доброй воле или по принуждению должны будут принять его сторону [Полибий, 3, 60, 8–13; Ливий, 21, 39, 3–7]. Однако теперь уже Сципион его опередил. Он переправился через Пад и расположился на правом берегу Тицина [Ливий, 21, 39, 10].

Можем ли мы доверять текстам Полибия и Тита Ливия, сохранившим для нас речи полководцев накануне сражения, неясно: перед нами, по-видимому, не дословное воспроизведение оригинала, хотя общий смысл, вероятно, передается верно. В самом деле, что было более естественно, чем напомнить римлянам о победе в I Пунической войне, о вероломном нарушении договоров со стороны Ганнибала, об угрозе отечеству, как это, по-видимому, сделал Сципион [Ливий, 21, 40–41; Полибий, 3, 64]. И что было более естественно, чем указать пунийским солдатам, что отступить им некуда, что их ожидают либо победа, либо гибель, в лучшем случае плен [Ливий, 21, 43–44; Полибий, 3, 63], — эти слова традиция приписывает Ганнибалу. Вполне возможно, что те историографы, у которых Полибий и Ливий черпали свой материал, воспользовались рассказами о том, что говорили полководцы, в том числе непосредственные участники событий. По единодушному свидетельству наших источников, прежде чем произнести речь, Ганнибал показал своим воинам впечатляющее зрелище. Военнопленные, захваченные во время перехода через Альпы, измученные тяжелыми оковами, бичеваниями, голодом и жаждой, были по его приказанию выведены на арену, со всех сторон окруженную пунийцами. Через переводчика Ганнибал спросил у пленных, кто из них согласится сразиться с товарищем по несчастью, при условии, что победитель

получит боевого коня, вооружение и, естественно, свободу, а побежденный, погибнув, избавится от непереносимых мук. Все горцы с восторгом согласились; многие возносили молитвы богам, чтобы жребий выпал на их долю. В этой схватке не на жизнь, а на смерть участвовали несколько пар; зрители — солдаты Ганнибала и остальные пленные — горячо переживали все перипетии боя, а когда он окончился, шумно приветствовали победителей и прославляли побежденных, храбро павших в борьбе за свободу [Полибий, 3, 62; Ливий, 21, 42; Дион Касс., фрагм., 57, 4]. Воины Ганнибала должны были воочию представить себе свое положение, которое ничем не отличалось от положения этих пленных; победить или умереть — другого выхода у них не было.

Боевые операции начались с того, что римляне построили мост через Тицин и для его охраны небольшое укрепление и переправились с правого берега реки на левый, в страну инсумбров, где находились карфагеняне. Ганнибал тем временем отправил отряд нумидийских всадников под командованием Махарбала грабить поля союзных Риму галльских племен. При этом он распорядился щадить галлов и делать все, чтобы привлечь их на свою сторону. Как можно было совместить это требование с ограблением галльских владений, не вполне понятно... Узнав, что римские легионы закончили переправу, Ганнибал велел Махарбалу срочно вернуться в лагерь.

По рассказу Ливия, Ганнибал непосредственно перед боем снова обратился к своим воинам, суля им все, что только может обещать наемным солдатам в случае победы их предводитель: землю где кто пожелает с освобождением от повинностей, которое должно было распространяться не только на самого получателя, но и на его детей, или — по желанию — деньги, карфагенское гражданство, беспечальную жизнь на родине, а рабам, находившимся в войске вместе с господами, — свободу. Ганнибалу очень нужна была победа, и в ней он, видимо, не был уверен. Свое обещание Ганнибал скрепил клятвой: схватив левой рукой ягненка, а правой камень, он обратился к богам с молитвой, прося в случае нарушения слова предать его такой же смерти, какой он предает жертвенное животное; с этими словами Ганнибал разбил камнем голову

ягненка. Воины отвечали Ганнибалу выражениями энтузиазма и преданности; они требовали немедленно идти в бой.

Противники расположили свои войска следующим образом. Сципион поставил впереди копьеметателей и галльских всадников, а остальных — римлян и отборные силы союзников — выстроил за ними в линию. Ганнибал разместил тяжелую кавалерию прямо против фронта римлян, а на флангах — нумидийских всадников, рассчитывая в дальнейшем окружить неприятеля. Враги стали быстро сближаться. Римские копьеметатели, едва бросив по одному дротику, отступили между отрядами стоявших за ними всадников. Началось конное сражение; многие всадники были сброшены с коней, другие спешили сами. Сражение постепенно превратилось в бой пехотинцев. Тем временем нумидийские всадники Ганнибала, обойдя сражающихся с флангов, появились в тылу римской армии; копьеметатели были растоптаны их конями; в рядах римлян началась паника; сам Сципион получил рану, и его жизнь и свобода подверглись опасности (по преданию, Сципиона спас тогда еще несовершеннолетний его сын — будущий победитель Ганнибала, тоже Публий Корнелий Сципион; по другой версии, спасителем консула был раб-лигуриец). Римская армия обратилась в бегство [Полибий, 3, 65; Ливий, 21, 46; Апп. Ганниб., 5].

Эта первая победа Ганнибала над римлянами имела для него исключительное значение. Она не только обнаружила превосходство карфагенской кавалерии, и в особенности нумидийских всадников, над римской, она не только укрепила его положение в Северной Италии, но и продемонстрировала, что карфагеняне могут побеждать римлян на поле сражения. Орел непобедимости, которым после I Пунической войны было окружено в глазах карфагенян римское оружие, начал блекнуть, и это больше, чем все речи, увещевания и посулы Ганнибала, способствовало укреплению морального духа его армии.

Битва при Требии

Победа при Тицине, однако, не могла удовлетворить Ганнибала. По существу, Сципион вывел из боя главные силы римской армии — пехоту. Ганнибал рассчитывал, что рим-

ляне решатся на новое сражение, и даже провоцировал их на это, но в ночь после боя Сципион тихо снялся с лагеря, переправился через Пад по ранее наведенному мосту и обосновался около Плаценции. Ганнибал бросился за римлянами, но опоздал. Ему удалось только захватить около 600 римских воинов, разрушавших мост. Ливий отвергает рассказ Целия Антипатра, согласно которому Магон Баркид, один из братьев Ганнибала, со всадниками и иберийской пехотой вплавь форсировал Пад. По его словам, течение реки для такой переправы слишком стремительно.

Ганнибал, направившись вверх по течению, обнаружил удобное место для наведения моста и приказал Гасдрубалу переправлять войска на другой берег. Сам он перешел первым и у моста встретил послов соседних галльских племен. Результаты победы при Тицине уже начинали сказываться: галлы явились к победоносному военачальнику с выражениями дружбы и предложениями союза; они готовы были доставить Ганнибалу необходимое продовольствие и принять непосредственное участие в борьбе против Рима. Пока велись эти переговоры, Магон Баркид во главе отряда всадников спустился вниз по течению к Плаценции; вскоре туда же подошли и основные силы карфагенской армии под командованием самого Ганнибала. Последний надеялся побудить Сципиона к новому сражению и даже выстроил на виду у неприятеля свое войско в боевой порядок. Но из римского лагеря никто не вышел, и Ганнибалу ничего не оставалось, как самому расположиться лагерем, также неподалеку от Плаценции и в непосредственной близости от римских войск [Полибий, 3, 66; 21, 47]. Нельзя, однако, не заметить, что Ганнибал не решился напасть на римский лагерь, хотя и имел к этому полную возможность, тем более что Сципион, лечивший свою рану, был, в общем, небоеспособен, среди римлян было много раненых и к тому же, как оказалось, карфагеняне могли рассчитывать и на определенную поддержку в самом римском лагере. Впрочем, о последнем обстоятельстве Ганнибал мог и не знать. В результате своей медлительности Ганнибал дал Сципиону время, необходимое для восстановления его армии, — ситуация, которая позже точно, хотя и в значительно больших масштабах, повторится после битвы при Каннах.

Вскоре после того, как Ганнибал подошел к Плаценции, в римском лагере взбунтовались галлы (1200 пехотинцев и около 200 всадников) и после ночной резни, в которой погибли, вопреки словам Ливия, немало римлян, перебежали к пунийцам. Ганнибал, приняв перебежчиков, отправил их на родину, чтобы они склонили своих соотечественников к союзу с карфагенянами. Он полагал, что, каким бы ни был результат этого эксперимента, племена, к которым принадлежали перебежчики, не могли бы рассчитывать на дружбу с Римом. Тогда же к Ганнибалу явились и бойи для того, чтобы подтвердить свой союз с ним. Они даже хотели передать ему римских магистратов, находившихся у них в плену со времен Мутинской войны, однако Ганнибал решил, что может позволить себе великодушный жест: он возвратил пленных бойам, дабы они могли обменять их на своих заложников [Полибий, 3, 67; Ливий, 21, 47]. Впрочем, некоторое время спустя Ганнибал обнаружил, что позиция галлов была значительно более сложной, чем это ему поначалу казалось, и что дипломатические шаги, которые он предпринял, далеко не достаточны и не обеспечивают, несмотря на взаимные улыбки, не только их поддержки, но и даже нейтралитета. Галлы пока еще не очень верили в окончательную победу карфагенского оружия и, желая обезопасить себя от возможных репрессий в будущем, вели секретные переговоры также и с римлянами [Полибий, 3, 69, 5; Ливий, 21, 52, 3].

Бунт галлов чрезвычайно обеспокоил Сципиона. Он опасался, что эта резня — сигнал к выступлению всех галлов против Рима, и принял необходимые, с его точки зрения, меры предосторожности: на следующую ночь римские войска тихо снялись с лагеря и двинулись к реке Требии, где холмистая местность затрудняла действия кавалерии. Ганнибал отправил вдогонку свою конницу, но его нумидийские всадники бросились к покинутому римлянами лагерю, и, пока они искали там добычу и жгли постройки, враги сумели переправиться через Требию. Ганнибал, следуя по пятам за Сципионом, снова разместил свои войска около римской стоянки. Галлы помогали карфагенянам, в том числе и продовольствием; к тому же Ганнибалу удалось овладеть и римской крепостью Кластидием, где были сосредоточены большие запасы зерна. Обошлось это Ганнибалу в 400 золотых, которые были уплачены за пре-

дательство начальнику местного гарнизона брундисийцу Да-
сию. Этим зерном пунийцы пользовались все то время, пока
стояли у Требии [Полибий, 3, 68, 1–8; 69, 1–5; Ливий, 21, 48].
Ганнибал велел мягко обращаться с пленными, захваченными
в Кластидии: он хотел показать, что италики могут его не бо-
яться, что даже в плену им обеспечены снисхождение и благо-
расположение карфагенян.

Между тем в лагерь Сципиона под Требией прибыл Сем-
проний Лонг со своими солдатами. Теперь уже оба консула
и почти вся римская армия, кроме подразделений, отпра-
вленных Сципионом в Испанию и оставленных Лонгом для
охраны морских берегов Италии и Сицилии, противостояли
Ганнибалу. В Риме, где поражение при Тицине вызвало, как
деликатно выражается по этому поводу Полибий, изумление
и где неудачу склонны были приписывать и неумению Сци-
пиона, и измене галлов, приход Семпрония дал новые наде-
жды; общественное мнение с нетерпением ожидало реши-
тельного и на этот раз победоносного сражения [Полибий, 3,
68, 9–12]. Не удивительно, что и Семпроний рвался в бой, хо-
тя у него хватило благоразумия дать своим солдатам отдых по-
сле сорокадневного перехода из Либлиея в Северную Италию
[Полибий, 3, 68, 14].

Вообще и Полибий и Тит Ливий изображают дело так (и эта
тенденциозная схема повторится неоднократно и в дальней-
шем), будто в римском лагере шла дискуссия между благо-
разумным и опытным консулом Публием Корнелием Сци-
пионом, который решительно выступал, руководствуясь
интересами государства, против нового сражения с Ганни-
балом, и его легкомысленным коллегой Тиберием Семпро-
нием Лонгом, который из карьеристских целей настаивал на
новом сражении, ставя под угрозу интересы и само сущест-
вование Римского государства. Здесь нельзя не видеть отра-
жения традиции, идеализирующей Сципионов, как впослед-
ствии и Луция Эмилия Павла. Напомним еще раз, что именно
к Сципионам был близок Полибий, а ведь Эмилии и Корне-
лии Сципионы принадлежали к одной и той же политической
группировке. Эта традиция должна была быть противопостав-
лена преданиям о Квинте Фабии Максиме, который будто бы
один, как писал Энний, своею политикой спас Рим. Античные
историографы стремятся показать, что Корнелии Сципионы

и Эмилии придерживались тех же политических принципов, что и Фабии.

Заметим также, что Семпронии были близки к Клавдиям, и это обстоятельство также в отрицательном плане повлияло на оценку действий консула. Правда, Ливий говорит [21, 52, 2] о дискуссии между консулами, и в особенности о позиции Сципиона, поначалу весьма сдержанно: один консул, исходя из собственного горького опыта, советовал ждать; другой, более решительный, не хотел терпеть ни малейшей отсрочки. Немного погодя, рассказав о победе римлян в небольшой и не имевшей сколько-нибудь серьезного значения стычке с пунийцами, Ливий [21, 53, 1–7] приводит демагогические речи Семпрония (воины ободрены победой, все желают битвы, кроме Сципиона; враг стоит чуть ли не под стенами Рима, тогда как «мы», позоря славное прошлое «наших» отцов, трусливо прячемся от него в лагере) и добавляет, что Семпроний хотел одержать победу до выборов новых консулов, чтобы не оказаться перед необходимостью передать им ведение войны. Полибий [3, 70, 2–8] говорит об этом предмете значительно обстоятельнее. Он тщательно излагает аргументацию Сципиона: по мнению последнего, было бы лучше, если бы римские воины в течение зимы упражнялись в военном искусстве; можно надеяться и на то, что галлы, если пунийцы будут в течение длительного времени бездействовать, перейдут на сторону римлян. Не умалчивает Полибий и о личных мотивах Сципиона, но повествует о них в сдержанно-почтительных выражениях: Сципион надеялся, залечив рану, принести пользу государству (надо понимать, самому выступить в роли командующего). Когда же речь заходит о Семпронии, Полибий не считает нужным изложить его позицию хотя бы так, как это сделал Ливий, но унижается до прямой брани: Семпроний понимал, что Сципион говорит дело, но, побуждаемый честолюбием и самоуверенный, он спешил сразиться до того, как Сципион сумеет принять активное участие в борьбе, а новые консулы возьмут власть в свои руки. Поэтому-то, наставительно заключает Полибий, он неминуемо должен был потерпеть поражение: ведь он руководствовался не общими, а своекорыстными интересами.

При всей тенденциозности этих рассказов они отражают и определенные реальные факты — соперничество консулов,

которые стремились победить Ганнибала, но не желали делиться друг с другом лаврами победителя.

Ганнибал тоже рвался в бой. По словам Полибия [3, 70, 9–12], он был хорошо осведомлен о том, какие стремления обуревали Семпрония, и со своей стороны всячески поощрял римского полководца, заманивая его в свои сети. Ход мыслей Ганнибала был примерно тот же, что и у Сципиона. Битва необходима уже потому, что еще есть возможность воспользоваться помощью галлов; битва необходима и потому, что сейчас карфагенской армии противостоят необученные новобранцы (к тому же Сципион, пока лечит рану, не примет участия в сражении); наконец — и это, с точки зрения Полибия, самое существенное, — Ганнибал считал нужным действовать, а не проводить время в праздности. Наш источник по этому поводу замечает: полководец, приведший свои войска в чужую страну, стремящийся осуществить необыкновенно дерзкие предприятия, должен постоянно возбуждать все новые и новые надежды в своих соратниках — в таком образе действий единственный для него путь к спасению. Слово «спасение» невольнo настораживает: теперь уже не только в уста карфагенского полководца, обращающегося к своим солдатам, вкладывается фраза о том, что у них есть только один выбор — победа или гибель. Теперь эту же мысль преподносит как итог своих размышлений едва ли не самый крупный из историографов древности — вдумчивый наблюдатель, глубокий мыслитель, сам опытный воин и государственный деятель.

Впрочем, не только эти соображения заставили Ганнибала в конце концов отказаться от той выжидательной позиции, которую он занял сразу после битвы при Тицине. Ближайшие события показали ему, что, пока римские легионы находятся в Северной Италии, он не может быть по-настоящему уверен в прочности своего положения. Как уже говорилось выше, Ганнибал узнал, что некоторые союзные ему галльские племена, обитавшие в долине Пада недалеко от Требии, начали переговоры с римлянами, рассчитывая таким способом обезопасить себя от мести в случае победы римского оружия, и римляне, явно довольные уже тем, что эти племена пытаются сохранить нейтралитет, благосклонно их принимают. Ливий пишет о возмущении, которое охватило Ганнибала; ведь это по призыву галлов, повторял разгневанный пуниец,

он явился в Италию, чтобы освободить их от римского гнета. И вот теперь, желая, по-видимому, закрепить уже почти завоеванную свободу, Ганнибал отправил против припаданских племен карательную экспедицию (2000 пехотинцев и 1000 всадников — галлов и нумидийцев). Подвергшись нападению, эти племена обратились к консулам с просьбой о помощи, так как они страдали будто бы от чрезмерной преданности римлянам. По рассказу Ливия, между консулами и на этот раз началась дискуссия.

Сципиону не нравилось ни время, когда римлянам предлагалось вступить в бой, ни сам повод, так как он не доверял галлам, считая их готовыми к новым изменам. Семпроний настаивал: самое лучшее средство сохранить союзников, говорил он, это помогать тем из них, кто попал в беду и нуждается в помощи. И так как Сципион медлил и определенно не хотел действовать, Семпроний отправил против всадников Ганнибала большую часть конницы, находившейся непосредственно под его командованием, и с нею 1000 копьеметателей. Неожиданное нападение привело в смятение обремененных добычей карфагенских солдат; многие из них были убиты, а остальные бежали к лагерю, под защиту караулов. Римляне тоже отошли к своей стоянке, однако Семпроний снова послал в бой уже всю свою конницу и всех копьеметателей. Ганнибал, остановив своих воинов у лагерных укреплений, выстроил их лицом к неприятелю, но не вступил с ним в соприкосновение, поскольку хотел дать сражение в соответствии с собственными планами и замыслами. Именно так следует, очевидно, понимать Полибия, когда он пишет, что карфагенский военачальник не был в этот момент готов к решающей битве и считал, что без заранее разработанного плана, да еще по пустяковому поводу, не следует ее затевать [Полибий, 3, 69, 5–14; ср. у Ливия, 21, 52, 3–11]. И все же главное было сделано: Ганнибал внушил Семпронию мысль, что тот победил карфагенян (право на такое суждение давало ему то, что в этих стычках потери у пунийцев были больше, чем у римлян), и тем самым укрепил в нем уверенность в близкой решающей победе. Радостно возбужденный, Семпроний не желал даже слушать коллегу; он больше не хотел выжидать. Однако на этот раз сражение подготовил и место для него избрал Ганнибал.

Между пунийским лагерем и Требией протекал ручей с высокими берегами, поросшими камышом, кустарником и деревьями. Это место привлекло внимание Ганнибала; во время рекогносцировок он осмотрел его и убедился, что там можно легко скрыть не только пехотинцев, но и всадников, особенно если положить оружие на землю, а шлемы спрятать под щиты. Предварительно обсудив свой план на военном совете, куда были созданы высшие командиры своей армии, и, получив их одобрение, он начал формировать специальный отряд из 100 пехотинцев и 100 всадников. Командование этим отрядом Ганнибал поручил своему брату Магону. Когда с отобранными воинами Магон явился к Ганнибалу, тот приказал каждому из них, в свою очередь, отобрать из своих подразделений еще по девять человек. Набрав, таким образом, 1000 пехотинцев и столько же всадников, он расположил их ночью в засаде.

Был день зимнего солнцестояния. Рано утром шел снег, потом пошел дождь. Ганнибал приказал нумидийской коннице перейти через Требию и, подскакав к воротам неприятельского лагеря, забросать дротиками караулы и вызвать римлян на бой, а когда сражение начнется, медленно отступить к реке и увлечь противника на тот берег, где стояли карфагеняне. Всем остальным было предписано подготовить оружие, коней и ждать сигнала.

Нумидийцы блестяще выполнили задачу. Когда они устроили у лагерных ворот шум и беспорядок (по Полибию, едва только было замечено их приближение), Семпроний, ни минуты не сомневавшийся в успехе, вывел против них свою конницу, а потом и остальных солдат. Однако проделал он это слишком торопливо. Его воины вышли на поле голодными и недостаточно тепло одетыми, кони были не кормлены. Когда римляне вступили в полосу речного тумана, преследуя отходящих нумидийцев, они все больше и больше мерзли. В реке холодная вода доходила им до уровня груди, и, когда солдаты Семпрония вышли на другой берег, они едва могли держать в руках оружие.

Карфагенские воины тем временем грелись у костров, растирались оливковым маслом и завтракали. Получив условленный сигнал о том, что римляне перешли через реку, Ганнибал вывел свои войска в поле. Впереди он поставил балеаров — легкую пехоту (8000 человек), за ними — тяжеловооруженную

пехоту (иберы, галлы и ливийцы; 20 000 человек), а на обоих флангах — всадников (по Ливию, 9000, а по Полибию, более 10 000 человек) и слонов. Семпроний, увидев, что его всадники чрезмерно увлеклись преследованием нумидийцев, то отступавших, то вновь переходивших в контратаку, и подвергают себя чрезмерной опасности, приказал им отступить и присоединиться к основным силам. В центре Семпроний выстроил пехоту (по Полибию, 16 000, а по Ливию, 18 000 римлян; 20 000 союзников и тех, кто имел права латинского гражданства; сверх этого воины из галльского племени кеноманов — исконных врагов инсумбров и, следовательно, Ганнибала), а на флангах — кавалерию (около 4000 воинов).

Сражение начали балеары, заставившие отступить римских копьешетелей; затем они присоединились к карфагенским всадникам, наносившим фланговый удар. Римская конница была смята превосходящей по численности кавалерией противника, балеарами и слонами. Тяжеловооруженные пехотинцы дрались с большим упорством и ожесточением, но без определенного результата. Внезапно для римлян в их тыл ударил из засады отряд Магона и привел заднюю шеренгу римлян в замешательство. Оказавшись в окружении, римская пехота мужественно сопротивлялась, прорвала боевую линию карфагенян и заставила повернуть назад слонов, едва не бросившихся на самих пунийцев. Ганнибал приказал отвести слонов на фланги и направить их против кеноманов, которые обратились тут же в паническое бегство. 10 000 римских пехотинцев пробились сквозь карфагенские ряды и вырвались из окружения; не имея возможности вернуться в свой лагерь, они отступили к Плаценции. Туда же, а оттуда в Кремону ушли под командованием Сципиона и подразделения, остававшиеся во время боя в лагере.

Карфагеняне победили и на этот раз, однако теперь со значительно большими потерями. К тому же сильные опустошения произвела в их рядах непогода: умирали люди, падали лошади, погибли почти все слоны; Полибий пишет, что у карфагенян остался только один слон, однако, по более точным, как нам представляется, данным Ливия, Ганнибал располагал после Требии еще по меньшей мере семью слонами [Полибий, 3, 71—74; Ливий. 21, 54—55, 58, 11; Апп. Ганниб., 6—7].

Тразименское озеро

Ганнибал мог быть доволен. Победа при Требии отдала ему Цизальпинскую Галлию и позволила привлечь на свою сторону все племена, населявшие эту страну [Полибий, 3, 75, 2]. Она, казалось, открывала ему путь и в Центральную Италию — через Этрурию к Риму. Она вызвала, наконец, панику и в самом Риме, которая, естественно, также благоприятно сказывалась на положении карфагенян, вторгшихся в Италию.

Семпроний пытался поначалу скрыть от римского правительства и тем более от народа подлинные масштабы катастрофы. Он донес в Рим, что произошло сражение, но непогода помешала одержать победу [Полибий, 3, 75, 1]. Однако постепенно в Риме узнали правду — и что карфагеняне заняли римский лагерь, и что к ним примкнули все галлы, и что римские войска или, вернее, их остатки укрылись в городах, и что продовольствие им доставляется от моря по Паду: это был единственный путь, который Ганнибал не мог контролировать [Полибий, 3, 75, 2–3]. Эти известия посеяли в Риме страшную тревогу; судя по тому, как изображает ситуацию Ливий [21, 57, 1–2], там склонны были даже преувеличить размеры бедствия. Со дня на день ожидали приближения войск Ганнибала к самому Риму и не видели ни надежды на спасение, ни возможности получить помощь извне или эффективно сопротивляться. Таковы были настроения, когда в Рим для проведения очередных консульских выборов явился Тиберий Семпроний Лонг, пробравшийся сквозь рассеянные по Цизальпинской Галлии отряды вражеской конницы. Выполнив свою миссию, он таким же способом воротился на зимние квартиры.

Консулами на 217 г. были избраны Гней Сервилий Гемин и Гай Фламиний. Избрание Гнея Сервилия, представителя рода Сервилиев, близкого, как уже говорилось, к аристократической группировке Эмилиев — Корнелиев, позволяло последним, даже несмотря на неудачу Сципиона, сохранить свои позиции в правительстве. Однако тем более важным фактом было избрание в консулы Гая Фламиния. Этот человек уже давно зарекомендовал себя как руководитель демократического движения, народный вождь, ведущий непримиримую борьбу с сенатом. Известно, что в 232 г. в качестве народ-

ного трибуна он предложил закон о раздаче гражданам земли в Галльском поле, прямо направленный против интересов нобилитета. Он активно поддержал и «закон Клавдия», запрещавший сенаторам владеть кораблями вместимостью более 300 амфор и, следовательно, резко ограничивавший их участие в морской торговле. В 223 г., когда Гай Фламиний впервые был избран консулом, у него произошло столкновение с сенатом, который отказался признать законным исход тогдашних выборов; Фламиний пренебрег постановлением сената и отправился в поход против инсумбров, одержал над ними победу, а потом справил триумф, опять-таки по решению народного собрания и вопреки воле сената.

А что же Ганнибал? Ливий [21, 57] пишет, что до наступления морозов Ганнибал ночью совершил нападение на римское поселение недалеко от Плаценции; однако остаться незамеченным ему не удалось; караульные подняли крик, который был услышан в Плаценции, и наутро явился Семпроний с отрядом всадников. В бою Ганнибал был ранен и покинул поле битвы. Сражение само собой прекратилось. Удачнее закончился другой его поход, против еще одного поселения — Виктумвии. Город сдался и был разграблен. Полибий об этих событиях ничего не говорит. По-видимому, он счел эти предприятия слишком незначительными в общей цепи событий.

Вслед за этим Ливий [21, 58–59] рассказывает о попытке Ганнибала при первых признаках весны вторгнуться в Этрурию, чтобы там силой или убеждением привлечь на свою сторону местное население. Однако при переходе через Апеннины карфагенскую армию застигла буря, заставившая воинов остановиться; сильнейший ветер, дождь и град, а потом и мороз опустошили ряды карфагенян; погибло много лошадей и, добавляет Ливий, семь слонов из тех, что еще оставались у Ганнибала после Требии. Спустившись с Апеннин, Ганнибал снова двинулся к Плаценции; там произошло сражение — сначала с явным перевесом в пользу римлян, которые, обратив карфагенян в бегство, преследовали их до самого лагеря; однако Ганнибал, введя в бой дополнительные контингенты, заставил римлян отступить. Битва при Плаценции закончилась вничью. И римляне и карфагеняне были вынуждены отступить: первые, как говорит Ливий, в Лукку, а вторые — в Лигурию. Там лигуры выдали Ганнибалу двух римских квесторов,

Гая Фульвия и Луция Лукреция, двух военных трибунов и пятерых лиц из всаднического сословия, в большинстве сыновей сенаторов. Тем самым местные племена продемонстрировали свое желание установить с Ганнибалом союзнические отношения и принять участие в его борьбе против Рима.

То нетерпеливое стремление перенести войну в Этрурию, которое обнаружил, по-видимому, Ганнибал, организуя свой поход через Апеннины, легко объяснимо его положением. Ему было, конечно, хорошо известно, что римляне отправляли свои гарнизоны во все пункты, где они могли ждать нападения, — в Сицилию, в Сардинию, в Тарент, что они построили еще 60 пентер, что консулы Сервилий и Фламиний проводят в самом Риме мобилизацию новых контингентов и организуют ополчение союзников, что даже от сиракузского царя Гиерона они потребовали помощи и тот прислал им 500 критских наемников и 1000 пелтастов, наконец, что запасы продовольствия римляне сосредоточили в Аримине и в Этрурии, явно намереваясь там преградить дорогу карфагенянам [Полибий, 3, 75, 4–7]. В этих условиях Ганнибалу жизненно важно было опередить противника. И если бы не буря, цель Ганнибала, конечно, была бы достигнута.

Но это была далеко не единственная причина, по которой Ганнибал спешил в Этрурию. Его весьма беспокоили настроения галльских союзников. Он опасался измены и даже покушения на свою жизнь. Из предосторожности он применил чисто «финикийскую», по словам Полибия [3, 78, 1–4], хитрость: постоянно менял парики и одежды, так что его не могли узнать даже ближайšie соратники. Надо сказать, у Ганнибала были все основания беспокоиться. Галлы, конечно, призывали Ганнибала в Италию и ожидали от его войны с Римом для себя освобождения, но они были очень недовольны и тем, что война слишком долго идет в их собственной стране, и тем, что задерживается вторжение в Центральную Италию, где они ожидали для себя богатой добычи [Полибий, 3, 78, 5, Ливий, 22, 1, 1–4]. Имелся только один способ ликвидировать это недовольство и устранить внутренний конфликт в армии — как можно скорее уйти из Цизальпинской Галлии в Этрурию.

Но коль скоро попытка преодолеть Апеннины принесла неудачу, у консулов появилось время завершить подготовку к новой кампании. Происходило это в атмосфере глубокой

нервозности. В Риме только и было разговоров, что о разного рода тревожных предзнаменованиях, и, конечно же, всегда находились свидетели, которые «своими глазами» видели или «своими ушами» слышали то, о чем со страхом передавалось из уст в уста, что тщательно фиксировалось и попадало в повествования историографов. Рассказывали, что на овощном рынке какой-то шестимесячный ребенок свободных родителей выкрикнул слово «триумф»; что на скотном рынке бык взобрался на третий этаж и, когда люди подняли крик, испуганный, бросился вниз; что на небе показались изображения кораблей; что в храм Надежды на овощном рынке ударила молния; что в Ланувийском храме в руке у богини шевельнулось копьё. Мало того, ворон влетел в храм и сел на ее ложе. Говорили, что около Амитерна во многих местах показались призраки в белых саванах; что в Пиценуме шел каменный дождь; что в Цере сузились дубовые дощечки, по которым тамошние жрецы предсказывали будущее; что в Галлии волк выхватил у часового меч из ножен и унес. Власти произвели ритуальное очищение города, совершали молебны, приносили посвящения и жертвы, от имени государства давались обеты, и это, как говорит Ливий [21, 62], в значительной степени успокоило людей.

Впрочем, как показывает его же дальнейший рассказ [22, 1, 8–20], успокоение было непродолжительным. Не успел Фламиний вступить в должность, как по городу поползли новые слухи (и даже не слухи — распространялись официальные известия) о неблагоприятных знаменаниях [ср. у Плут. Фаб., 2]. Например, сообщали, что уменьшается солнечный диск; что в Пренесте с неба падали горящие камни; что в Арпах на небе видели щиты и солнце, сражающееся с луной; что гадательные жребии, на которых записывались изречения оракулов, сами собой уменьшились и один из них выпал с надписью: «Марс потрясает копьём»; что в самом Риме изображения Марса покрылись потом; что в Капуе небо как будто пылало, а луна вместе с дождем, казалось, падала вниз; что у каких-то граждан козы покрылись вместо шерсти волосами, куры превратились в петухов, а петухи в кур [ср. у Плут. Фаб., 2]. Сенат во главе с консулом Гнеем Сервилием постановил совершить новые умиловительные жертвы и посвящения, моления и праздники. В особенности интересно, что в городе непре-

рывно, день и ночь, устраивались сатурналии — празднества, которые должны были напомнить о «золотом веке» и выявить единство римского народа независимо от общественного положения и сословной принадлежности.

Однако были в Риме и другие причины для беспокойства. Фламиний начинал свое консульство в обстановке резко обострившейся борьбы вокруг «закона Клавдия». Консул опасался, что ненавидевшие его сенаторы под каким-нибудь предлогом помешают ему уехать из Рима и, предварительно отправив Семпронию приказ перевести войска из Плаценции в Аримин — а по жребию Фламинию достались именно эти легионы, — сам почти тайком покинул город и, не совершив обычных религиозных церемоний, отправился на север; приняв под свое командование войска, он по горным тропам повел своих солдат в Этрурию.

Само собой разумеется, что явное пренебрежение Фламиния к римской государственной процедуре, и в особенности к сакральной обрядности, составлявшей ее неотъемлемую и важнейшую часть, дало хороший материал для враждебной ему сенаторской пропаганды; к нему даже отправили послов Квинта Теренция и Марка Антистия с требованием вернуться и проделать все необходимое, однако Фламиний не обратил на их речи внимания. Помимо враждебных отношений с сенатом и полной моральной невозможности для него подчиниться каким бы то ни было требованиям сенаторов Фламиний просто не мог терять попусту время. Он должен был преградить Ганнибалу дорогу в Центральную Италию [Ливий, 21, 63; 22, 1, 4–7].

Весной 217 г. консульские войска расположились следующим образом: части, находившиеся под командованием Гнея Сервилия, который, впрочем, задержался в Риме для совершения обрядов и жертвоприношений и прибыл к месту сосредоточения своих войска значительно позже Фламиния, явились к Аримину. Сервилий принял их от Публия Корнелия Сципиона, который в качестве проконсула теперь был направлен в Испанию [Апп. Исп., 8]. Фламиний расположился лагерем у Арреция [Полибий, 3, 77, 1–2]. Казалось, карфагенянам были преграждены все дороги, ведущие в Этрурию, и можно было спокойно ожидать их появления, чтобы дать сражение на

подстухах к этой стране. Однако внезапно до Фламиния дошла потрясающая весть: Ганнибал уже в Этрурии!

Само собой разумеется, что подготовка Ганнибала к новой кампании заключалась в привлечении на свою сторону союзников, и прежде всего в разведке. Однако сведения, полученные Ганнибалом, не давали повода для оптимизма: все обычные пути находились под наблюдением римлян и они, конечно, помешали бы продвижению его армии. И тогда Ганнибал принял неожиданное решение — пройти в Этрурию дорогой, которой никто никогда не пользовался и которую Фламиний по этой причине совершенно не принял в расчет. Дорога вела через почти непроходимое болото, выделявшее ядовитые испарения. Уровень воды там резко повысился из-за разлива реки Арн. Но дорога позволяла избежать преждевременной встречи с римлянами и появиться в Этрурии непредвиденно быстро. Этот план Ганнибала, хотя он и сулил немало трудностей, стратегически был вполне оправдан: он обеспечивал полководцу то, что в его положении было самым существенным, — фактор внезапности [ср. у Полибия, 3, 78, 6–8; Ливий, 22, 2, 2].

Переход Ганнибала из Цизальпинской Галлии в Этрурию по своей сложности, по всему, что его армии пришлось испытать, вполне можно было сравнить с походом через Альпы. В начале колонны Ганнибал поставил ливийцев и иберов вместе с обозом — это были наиболее закаленные и опытные воины, способные преодолеть любые препятствия. Следом за ними должны были идти галлы. Замыкали колонну всадники, и среди них нумидийская конница под командованием Магона Баркида, которому Ганнибал дал особое задание: если галлы взбунтуются и захотят вернуться на родину, Магон должен был силой заставить их идти вперед. Колонна шла, увязая в болотной грязи, преодолевая волны разлившегося Арна, почти не останавливаясь, четыре дня и три ночи. Особенно страдали галлы, не очень привычные к трудностям походной жизни. Одни еле передвигались по вязкой тине, падали рядом с издыхающими вьючными лошадьми и уже не могли подняться; другие ложились на поклажу или на трупы животных, ища места, где можно было бы передохнуть хотя бы несколько часов. Сам Ганнибал ехал на единственном оставшемся у него слоне. Из-за сырости, ядовитых болотных испарений, бессонницы

у него воспалились глаза, и это привело в конце концов к тому, что он потерял один глаз [Полибий, 3, 80; Ливий, 22, 2].

Как бы то ни было, Ганнибал пришел в Этрурию, область между Фесулами и Аррецием, хотя и с большими потерями, но для римлян неожиданно быстро и после обычной разведки установил, что его основная и не очень трудная задача заключается теперь в том, чтобы спровоцировать Фламиния на битву, в которой не будут участвовать войска Сервилия. Фламинию нужна была победа, между прочим, и для того, чтобы укрепить свое положение, окончательно дискредитировать и отстранить от власти враждебные аристократические группировки. Учитывая особенности характера и политической позиции Фламиния, который, как замечает Ливий, пошел бы в бой даже в том случае, если бы Ганнибал вообще бездействовал, пунийский военачальник решил подстрекнуть римского консула. Местность у Арреция он не счел удобной для боя и, оставив лагерь противника слева, двинулся к Фесулам, а потом пошел, не встречая сопротивления, прямо по направлению к Риму, разоряя и уничтожая мирное население, сжигая дома и хозяйственные постройки. Фламиний бросился вслед. Увидав, что войска Фламиния приближаются, Ганнибал, избрав для сражения гористый район неподалеку от города Картоны, возле Тразименского озера, велел своим солдатам изготовиться к бою.

Условия местности, которую выбрал Ганнибал, были для него очень благоприятны. Между горами и озером здесь лежала долина, в которую с запада вело узкое дефиле; у выхода из долины возвышался запиравший выход холм. Сам Ганнибал со своими ливийскими и иберийскими ветеранами расположился на центральных высотах, параллельных берегу; у входа в долину он скрытно разместил всадников и галлов, а на холме у выхода из нее — балеаров и легковооруженных пехотинцев. Вечером накануне боя Фламиний прибыл к озеру, а на следующее утро, едва рассвело, двинулся в ущелье.

Когда римляне постепенно втянулись в покрытую туманом долину, Ганнибал дал сигнал своим частям к одновременному внезапному нападению. Карфагеняне сбегали вниз, и римляне, шедшие в густом тумане, услышав крики противников, поняли, что окружены. Но они даже не могли ясно представить себе, что происходит. Их атаковали одновременно и с фрон-

та, и с тыла, и с флангов [ср. у Фронтинна 2, 5, 24]. Попытки консула построить солдат для сражения ни к чему не привели: воины не слышали приказов; многие пытались бежать. Битва приняла такой ожесточенный характер, что сражающиеся не заметили даже страшного землетрясения [Плут. Фаб., 3; Циц. Предв., 1, 35; Плиний, 2, 86; Флор, 2, 6]. Сам консул погиб от руки некоего инсумбра Дукариома. После этого римляне обратились в паническое бегство; иные безрезультатно пытались спастись вплавь или заходили в озеро, пока было можно, и там гибли под ударами всадников Ганнибала. Только 6000 римлян сумели вырваться из этого ада, но были настигнуты и окружены карфагенской конницей, которой командовал Махарбал. Он обещал, что эти римские солдаты будут отпущены на свободу, если сдадут оружие, и римляне сдались в плен. Однако Ганнибал заявил, что Махарбал не имел права давать противнику какое бы то ни было обещание, приказал заковать римлян в цепи и отдал их под стражу галлам. Отпустил он только латинян — союзников Рима, снова повторив то, что говорил много раз: он пришел воевать не с италиками, а с римлянами за освобождение Италии.

Всего, по данным Ливия, который ссылается в этом случае на Фабия Пиктора, римляне потеряли убитыми при Тразименском озере 15 000 воинов. Аппиан исчисляет армию Фламиния в 30 000 пехотинцев и 3000 всадников [Апп. Исп., 8]; Евтропий и Орозий пишут, что Фламиний потерял убитыми 25 000 [Евтропий, 3, 9; Орозий, 4, 15, 5]; по данным Орозия, 6000 римлян были захвачены в плен. Среди убитых искали по приказанию Ганнибала труп Фламиния, чтобы предать достойному погребению. 10 000 римских воинов разбежались и теперь пробирались в Рим, 10 000 попали в плен [ср. у Вал. Макс., 1, 6, 6]. По Ливию, потери карфагенян составили 2500; по Полибию — 1500 [Полибий, 3, 80–85; Ливий, 22, 3–7; Апп. Ганниб., 9–10; Зонара, 8, 25]; по Орозию [4, 15, 5] — 2000 человек.

Диктатура Фабия Максима

Когда Гней Сервий Гемин получил в Аримине известие о том, что Ганнибал находится в Этрурии и расположился около лагеря Фламиния, первым его намерением, как повест-

увет Полибий [3, 86, 3], было соединить свою армию с легионами коллеги и противопоставить Ганнибалу всю мощь римского оружия; однако он не мог это сделать «из-за тяжести войска». Предлог явно надуман. О подлинных мотивах Сервилия можно, конечно, только догадываться; думается, что решающую роль здесь сыграло фактически нежелание Сервилия, ставленника аристократических кругов, оказать действительную помощь Фламинию, вождю демократического движения. Однако оставаться абсолютно бездейственным Сервилий тоже не мог и поэтому отправил к Фламинию 4000 всадников под командованием пропретора Гая Центения. Узнав, что произошло у Тразименского озера, Центевий повернул в Умбрию. Тем временем Ганнибал, получив известие о новом противнике, отправил против него Махарбала с отрядом легковооруженных копейщиков и некоторым количеством кавалеристов. Настигнув противника, воины Махарбала уже в первой стычке перебили около 2000 римлян, а остальных загнали на какой-то холм, окружили и взяли в плен [Полибий, 3, 86, 1–5; Ливий, 22, 8, 1].

Ганнибал же решал, что делать дальше. Именно об этом он совещался и со своим братом, и с приближенными — по терминологии того времени, «друзьями» — очевидно, с высшим командным составом пунийской армии. В своей окончательной победе теперь, после успеха у Тразименского озера, он был вполне уверен [Полибий, 3, 85, 6]; вероятно, именно эта уверенность привела его к мысли отказаться пока от похода на Рим и сосредоточить силы на укреплении своих италийских позиций. Он, как рассказывает Тит Ливий [22, 9, 1–2], двинулся через Умбрию к Сполетию; опустошив поля вокруг этого города, он подошел к его стенам, но, натолкнувшись на сопротивление и не имея намерения тратить время на осаду, отступил и двинулся в Пиценум, где простоял несколько дней, а оттуда к побережью Адриатического моря и далее в Апулию. Там он остановился в районе Арп и Луцерии. По Полибию, Ганнибал прибыл в Япигию, где расположился около Ойбония и откуда совершал набеги на страну давнов [Полибий, 3, 86, 8–87, 5; 88, 1–6; Ливий, 22, 9].

Понимая, что ему предстоят новые бои, главное внимание Ганнибал уделял укреплению боеспособности солдат. И люди и лошади переболели у него различными болезнями, в том

числе коростой, для избавления от которой он приказал купать их в старом вине. Оружие он заменил на трофейное, римское, захваченное в количестве, достаточном для того, чтобы удовлетворить все нужды карфагенян.

Теперь на своем пути Ганнибал беспощадно грабил и уничтожал местное население. Очевидно, после Тразименского озера Ганнибал на какое-то время усомнился в возможности привлечь на свою сторону италийских союзников и решил прибегнуть к тактике «выжженной земли», чтобы запугать потенциального неприятеля. Он отдал приказ убивать всех взрослых мужчин, которые встречались его солдатам. Добычи захватили так много, что ее уже не могли нести за собой, и это удесятерило силы пунийских наемников, заставляло их рваться к новым сражениям.

Только после битвы при Тразименском озере, выйдя к Адриатическому морю, Ганнибал счел возможным и нужным официально донести карфагенскому совету о результатах почти двух лет войны. Совет Карфагена, в свою очередь, решил сделать все необходимое, чтобы помочь пунийским войскам в Испании и Италии [Полибий, 3, 87, 4–5]. Здесь показательно то пренебрежение, с которым Ганнибал относился к высшему органу власти у себя на родине, действуя совершенно независимо от него и даже не очень интересуясь его указаниями и предначертаниями. Трудно в самом деле предположить, что в течение столь длительного времени, одерживая одну победу за другой, Ганнибал не имел возможности так или иначе сообщить в Карфаген о положении дел. Ясно, что он не хотел делить славу и власть с советом. Обратился же он к совету в момент, когда ему понадобилась военная помощь, рассчитывая — и, как показала реакция совета, не без основания — эту помощь получить.

Однако какими бы соображениями ни руководствовался Ганнибал, предпринимая свое движение к Адриатике и затем на юг, какую бы добычу он ни захватил, как бы силы своего воинства он ни укреплял, в конечном итоге это его движение оказалось выгодным, хотя подобная мысль и кажется парадоксальной, Риму, который еще раз получил самое насущно необходимое — время для восстановления утраченной боеспособности.

При первых сообщениях о поражении у Тразименского озера римляне в большом страхе и смятении сбегались на форум. Наконец, толпа стала вызывать магистратов, но только к вечеру претор Марк Помпоний вышел к согражданам и сказал: «Мы побеждены в большом сражении». Отсутствие точной информации, как всегда, породило разнообразные толки и слухи. Несколько дней у городских ворот стояли толпы женщин, ожидавших либо прибытия своих близких, либо известий о них. Тревога в Риме еще более увеличилась после того, как узнали о судьбе отряда Центения [Ливий, 22, 7–8].

Между тем нужно было принимать какие-то меры. Правда, Гней Сервилий, услышав о гибели коллеги и участии его армии, устремился к Риму, чтобы сражаться в случае необходимости у городских стен [Ливий, 22, 9, 6], однако этого было недостаточно. Сенат, заседавший от восхода солнца до заката в течение нескольких дней, нашел единственный и, казалось, возможный выход — диктатуру, которая позволяла сосредоточить в одних руках всю власть и, следовательно, сконцентрировать все усилия государства в нужном направлении. Однако на этот раз были допущены весьма существенные отклонения от обычной для Рима процедуры. Как правило, решение о назначении такого экстраординарного магистрата сенат должен был выразить формулой: «Пусть консулы примут меры, чтобы государство не потерпело ущерба», предоставляя тем самым консулам чрезвычайные полномочия, и уже в силу этих полномочий консулы своей властью провозглашали диктатора. Но один из консулов был убит, а другой находился за пределами города. Используя такой предлог, сенат и находившиеся в Риме магистраты вынесли вопрос о диктатуре на рассмотрение народного собрания, которое и избрало Квинта Фабия Максима. Мало того. Обычно диктатор сам, своей властью назначал себе помощника — начальника конницы, — мероприятие, вытекавшее из самой сущности диктатуры, когда вся власть должна была быть сосредоточена в одних руках и исходить только от диктатора. Не случайно при установлении диктатуры все выборные магистраты, кроме народных трибунов, слагали свои полномочия. Однако на этот раз не только диктатор, но и начальник конницы был избран на народном собрании, хотя никакой необходимости в таком отступлении от привычной процедуры не было [Полибий, 3, 87,

6—9; Ливий, 22, 8, 6]. В результате начальник конницы, которым стал Марк Минуций Руф, получил определенную самостоятельность. Пока между Фабием и Минуцием не было разногласий, но, когда у Минуция появились сомнения в правильности политической линии Фабия, он не замедлил воспользоваться своим положением. Что же произошло? Почему римскому правительству понадобилось именно так и не иначе решить вопрос о власти в нарушение традиций, которые в Риме всегда тщательно соблюдались?

Страшное поражение и гибель Фламиния нанесли серьезный удар римскому демократическому движению. Смерть Фламиния лишила демократов их наиболее выдающегося руководителя, а разгром при Тразименском озере обнаружил неспособность демократов, пренебрегающих религиозными традициями и вековыми устоями, организовать сопротивление врагу. Претендовать на власть в таких условиях могли две сенатские группировки — Фабии и Эмилии — Корнелии. Назначение диктатором Фабия и начальником конницы Минуция, происходившего из рода, близкого к Эмилиям — Корнелиям, очевидно, было следствием компромисса, к которому пришли обе «партии»; в частности, пост Минуция позволял Эмилиям — Корнелиям сохранить влияние на течение государственных дел. Процедура выборов, в исходе которых никто не сомневался, должна была продемонстрировать всенародную поддержку политической линии Фабия, а избрание начальником конницы Минуция обеспечивало Минуцию хотя и далеко не полную, но необходимую для его группировки независимость от диктатора.

Свою деятельность Квинт Фабий Максим начал с демонстрации, явно направленной против Фламиния. Едва вступив в должность, он в тот же день созвал сенат и, обратившись к нему с речью, заявил, что Фламиний прегрешил не столько своим безрассудством и неумением, сколько небрежением к обрядам и предзнаменованиям и что, следовательно, у самих богов нужно испросить совета, как смягчить их гнев и какие принести искупительные жертвы. Справившись в Сивиллиных книгах, обнаружили, что не выполнен должным образом обет, данный Марсу по случаю войны, что его следует выполнить в большем объеме, чем надлежало согласно обету, что Юпитеру должно посвятить великие игры, а Венере Эруцин-

ской и Разуму — храмы, что необходимо совершить новые молебствия и лектистернии и, наконец, если война примет благоприятный оборот, а государство сохранится в том состоянии, в каком оно было до войны, посвятить богам так называемую Священную весну — первые плоды весеннего урожая и первый приплод скота. Все было исполнено в точности, причем решение о Священной весне и великих играх приняло народное собрание, обет о строительстве храма Венере Эруцинской взял на себя диктатор, а храма Разуму — претор Тит Отацилий [Ливий, 22, 9—10].

Выказав таким образом свое истинно римское благочестие и обеспечив тем самым государству благоволение и поддержку богов, Фабий мог заняться теперь и земными проблемами. По постановлению сената ему предстояло принять войска, находившиеся под командованием Сервилия; сверх этого Фабий мобилизовал еще два легиона, которым велено было собраться в Тибуре. Жителям неукрепленных поселений, и в особенности тех районов, через которые, как предполагалось, должен был пройти Ганнибал, диктатор велел уходить в безопасные пункты, сжигая дома и уничтожая урожай, чтобы врагу ничего не досталось. Отдав эти распоряжения, Фабий отправился навстречу Сервилию по Фламиниевой дороге. На Тибре у Окрикула диктатор увидел римских воинов и самого Сервилия, скачущего к нему во главе отряда всадников, и тут же послал сказать, чтобы консул явился к нему без сопровождения ликторов, то есть не как магистрат, облеченный высшей властью, а как частное лицо. Сервилий повиновался и, прибыв к Фабию, всем своим поведением старался подчеркнуть и значение диктаторской власти в Римском государстве, и роль Фабия, облеченного столь важными полномочиями [ср. у Плут. Фаб., 4]. Пока диктатор принимал командование, поступило тревожное донесение: римские транспорты, которые должны были доставить продовольствие из Остии в Испанию, захвачены недалеко от Козы карфагенским флотом. Тотчас же Фабий приказал Сервилию отправиться в Остию и, укомплектовав там экипажами римские боевые корабли, преследовать пунийцев и охранять берега Италии. С этой целью Сервилий произвел в Риме еще одну мобилизацию, которая затронула и вольноотпущенников, годных к военной службе; часть нового контингента он оставил в Риме для охраны города [Ли-

вий, 22, 11]. Сам диктатор, приняв консульское войско, прибыл в Тибур, а оттуда мимо Пренесте к Латинской дороге и далее к Арпам, где на виду у карфагенян расположил свой лагерь [Полибий, 3, 88, 9; Ливий, 22, 12, 1–3].

Итак, благодаря решительным действиям римского правительства, и прежде всего самого Фабия, которые умело использовали ситуацию, сложившуюся после битвы при Тразименском озере, Ганнибал снова, уже в четвертый раз, оказался в том положении, в каком он был и перед этим сражением, и перед Требией, и перед Тицином: ему опять противостояла римская армия в четыре легиона. Войну приходилось опять начинать с самого начала.

Узнав о прибытии неприятеля, Ганнибал в тот же день вывел свои войска из лагеря и выстроил их для нового сражения, однако Фабий не поддался на эту провокацию; римляне сохраняли полное видимое спокойствие и не покидали лагеря. Постояв некоторое время в бесполезном ожидании, Ганнибал отвел своих солдат [Полибий, 3, 89, 1; Ливий, 22, 12, 3–4].

Причины, заставившие Фабия уклоняться от очередного генерального сражения и перейти к другой тактике, не типичной для того времени, — к изматыванию противника небольшими стычками и своего рода партизанскими налетами, очевидны; Полибий [3, 89, 4–9] формулирует их следующим образом. Войска карфагенян уже давно и непрестанно упражнялись в военном искусстве; их предводитель вырос в лагере и научился вместе с ними воинскому мастерству; они много раз побеждали в Испании и дважды (Тицин, очевидно, не в счет) — римлян с их союзниками. Наконец — и это самое главное, — они всё покинули за морем, и теперь их единственное спасение было в победе. Что же касается римлян, то у них все было иначе, то есть, насколько можно понять, их боевая подготовка и воинские качества их полководцев уступали карфагенским; они неоднократно терпели одно за другим страшные поражения; наконец, они, по-видимому, еще не пришли к мысли, что для них единственное средство спасти себя и свое государство — это победа, иначе говоря, их морально-боевые качества уступали качествам пунийской армии. Поэтому Фабий, определенно предвидя, что новое большое столкновение неминуемо закончится поражением римлян, решил всячески

его избегать, рассчитывая на те постоянно действующие факторы, которые давали Риму явное преимущество: неисчерпаемость его материальных ресурсов сравнительно с армией Ганнибала и численное превосходство воинских контингентов [ср. также: Дион Касс., фрагм., 57, 9; Зонара, 8, 25; Плут. Фаб., 5].

Можно поверить Титу Ливию, когда он пишет, что неудачная попытка вызвать римлян на бой породила у Ганнибала глубокое внутреннее беспокойство. Хотя Ганнибал и говорил, что воинский дух римлян пал, что война окончена и что славой и мужеством карфагеняне превосходили римлян, — эти речи были действительно необходимы для того, чтобы поддержать боевой дух его собственных наемных солдат, — в глубине души пунийский полководец опасался, что теперь ему придется иметь дело не с Фламиниями и Семпрониями, а с полководцем, равным ему дарованием и воинским мастерством, которого римляне, наученные разнообразными и многочисленными бедами, наконец-то для себя нашли [Ливий, 22, 12, 4–5]. Тем более энергично старался он побудить Фабия к бою. Его воины мелкими отрядами рыскали по стране в поисках продовольствия и фуража, грабя, разоряя и уничтожая все на своем пути. Часто передвигая лагерь и опустошая поля римских союзников, Ганнибал то скрывался из виду, то появлялся снова, то устраивал засады, ожидая, что Фабий спустится на равнину с холмов, где была расположена его стоянка. Казалось, Ганнибал, стремившийся такими действиями вызвать слепую ярость римлян, сам подставлял под удар своих солдат, чтобы постепенно внушить противнику уверенность в победе. Однако эти ухищрения, безотказно действовавшие на Семпрония и Фламиния, не принесли теперь осязаемых результатов. Диктатор неотступно следовал со своими легионами за Ганнибалом, не теряя его из виду, но и не спускаясь на равнину, оставаясь постоянно на возвышенных пунктах, господствующих над местностью. Имея в своем распоряжении и у себя в тылу большие запасы продовольствия, он не высывался из лагеря без крайней необходимости; на фуражировку и за дровами римляне выходили большими отрядами; в стычках, которые происходили между ними и пунийскими солдатами, римляне, как правило, побеждали, и это мало-помалу, как и рассчи-

тывал Фабий, способствовало укреплению их морального состояния.

Пребывание в Центральной Италии показало Ганнибалу, что рассчитывать на местное население он пока, во всяком случае, не может. Несмотря на все победы, ни один из городов Италии еще не перешел на сторону Ганнибала; они сохраняли верность Риму, хотя и терпели из-за этого многие беды [Полибий, 3, 90, 13]. Три кампанских всадника из римских союзников, захваченных в плен при Тразименском озере и затем отпущенных на свободу, настоятельно убеждали пунийского полководца, что, приведя свои войска в Кампанию, он сможет овладеть Капуей и, следовательно, стать полным хозяином на юге Апеннинского полуострова. После долгих колебаний Ганнибал последовал их совету. Делать было нечего: побудить Фабия к сражению никак не удавалось; оставаться все время на одном месте и ожидать, пока римляне изменят свою стратегию, тоже было нельзя, так как без побед и успехов, без грабежа новых земель воинство Ганнибала могло, чего доброго, утратить свои боевые качества. Ганнибал решил двигаться по направлению к Капуе, в область, принадлежавшую городу Касину; заняв ее, он мог, по словам тех, кто хорошо знал местность, отрезать римлян от их союзников и добиться, следовательно, важного стратегического преимущества. Но проводник не понял (или не хотел понять?) латинской речи пунийца; вместо Касин ему послышалось Касилин (город, расположенный на обоих берегах реки Вольтурна, на границе между Кампанией и Фалерном). Туда он и повел карфагенские войска. Двигаясь через Аллифы, Каллифы и Калы, пунийцы через узкий проход вышли на Сверкающее поле в Кампании, и только тогда Ганнибал почувствовал что-то неладное. Он призвал к себе проводника и спросил, где они находятся. Проводник отвечал, что, мол, еще сегодня они придут в Касилин. Ярости Ганнибала не было пределов: Касин находился совсем в другой стороне, какое-то недоразумение привело его в ловушку... Проводника Ганнибал приказал высечь розгами, а потом в наказание другим распять на кресте. И все же ему ничего другого не оставалось, как укрепить свой лагерь у Вольтурна и отправить Махарбала во главе нумидийских всадников грабить Фалернскую область; опустошена была вся территория до Синуссы [Полибий, 3, 92, 1–2; Ливий, 22, 13].

Тем временем Фабий стремительно вел свои легионы по вершинам горной цепи Массика, однако, подойдя к Фалерну, он лишь показался на горных склонах и, видя перед собою неприятеля, не спустился в долину [Полибий, 3, 92, 5–7; Ливий, 22, 14, 1–3]. Минуция он отправил охранять проход у Тетрацины, где Ганнибал мог со стороны Синуэссы проникнуть по Аппиевой дороге на собственно римскую территорию [Ливий, 22, 15, 11]. В результате Ганнибал оказался перед необходимостью искать зимние квартиры и, следовательно, покинуть Фалерн, уже совершенно разоренный и для зимовки непригодный. Фабий хорошо понимал, что Ганнибалу придется уходить тем же путем, каким он пришел, и для того, чтобы преградить ему дорогу, он занял сравнительно небольшими отрядами общей численностью 4000 воинов гору Калликула и город Касилин, а остальные части повел по тем же холмам назад. Свой лагерь римляне разбили у дороги, по которой должен был идти Ганнибал [Полибий, 3, 92, 10–11; Ливий, 22, 15].

На следующее утро карфагеняне заняли дорогу между пунийским и римским лагерями. Ганнибал подвел к римскому лагерю свою легковооруженную пехоту и, то начиная бой, то отступая, пытался заставить Фабия дать большое сражение. Но римляне оставались на месте; битва велась, как пишет Ливий, «лениво» и скорее в соответствии с замыслами диктатора, нежели по плану Ганнибала. В этой стычке, по данным Ливия [22, 16, 1–4], погибло 200 римлян и 800 карфагенян. Вполне возможно, что данные Ливия и не точны; не исключено, что его источник преувеличил количество убитых карфагенян. Однако главный результат был не в этом. Ганнибал не сумел преодолеть римского сопротивления и прорваться к Касилину; он должен был искать другой выход из окружения, в которое совершенно неожиданно попал; таким выходом могло стать только движение через гору Калликулу. Нужно было преодолеть горы так осторожно, чтобы враги не сразу обнаружили карфагенские войска. Ганнибалу нужно было ошеломить неприятеля.

Зонара [8, 26], следуя за Дионом Кассием, говорит, что по приказанию Ганнибала в пунийском лагере были перебиты все военнопленные, дабы никто не мог бежать к римлянам и раскрыть секрет готовящейся операции. Одновременно «тот, кто поставлен ведать работами» [Полибий, 3, 93, 4], то

есть начальник интендантской и инженерной службы карфагенской армии Гасдрубал, получил от своего командующего приказ — заготовить как можно больше факелов из сухой древесины. С наступлением темноты факелы привязали к рогам быков, которых в карфагенском лагере было около 2000, зажгли и погнали быков к горе; животные, разъяренные видом пламени и страшной болью от горящих рогов и голов, разбежались по всей округе; от факелов стали загораться кустарники. Римские воины, занимавшие позиции у горного перехода, вообразили, что окружены врагами, и обратились в бегство, дав, таким образом, Ганнибалу беспрепятственно выйти из окружения. После этого Ганнибал, делая вид, что идет к Риму, отправился через Самниум в страну пелигнов, по-прежнему разоряя все на своем пути, а затем, немного погодя, двигаясь в Апулию, занял Гереоний — город, покинутый населением, так как у него обвалилась стена. Такова версия Ливия; по данным Полибия [3, 100, 3–4], Ганнибал овладел этим городом после осады и истребил его жителей. Фабий вновь неотступно следовал за Ганнибалом, не вступая в сражение, и расположил свой лагерь в Ларинатской округе. Но тут внезапно из Рима поступили распоряжения, которых никто не мог предвидеть: диктатору предлагалось срочно возвратиться в город для совершения жертвоприношений. Пока Фабий отсутствовал, командование римскими войсками перешло к начальнику конницы Марку Минуцию Руфу [Полибий, 3, 93–94; Ливий, 22, 16–18; Плут, Фаб., 6–7].

Осуществление стратегического плана, принятого Фабием, поставило Ганнибала в трудное положение. Без союзников, без эффективной поддержки извне, постоянно теряя людей то в одной, то в другой стычке, имея перед собой сильную и дисциплинированную армию противника, Ганнибал метался по стране без видимого плана, без определенной цели. Ему нужно было еще одно победоносное сражение; Ганнибал был уверен, что оно сломит сопротивление Рима и сделает его хозяином Италии. Однако римские войска упорно сражения избегали. Ни один итальянский город при этом не перешел на сторону «освободителей» — карфагенян. Прорваться на юг Италии не удалось. Обращение за помощью к карфагенскому совету ничего не принесло; там его встретили смехом: полководец утверждает, что он победил неприятеля, а сам, вместо

того чтобы, как подобало бы победителю, присылать в родной город добычу, требует новых людей и денег [Дион Касс., фрагм., 57, 14; Зонара, 8, 26]. Аппиан относит это обращение ко времени, когда Ганнибал укрепился около Гереония. По словам Аппиана, Ганнибал писал и к своему брату Гасдрубалу в Испанию, предлагая ему собрать войска и вторгнуться в Италию [Ганниб., 16]. Насколько это сообщение достоверно, трудно сказать; ясно только, что Гасдрубал, втянутый в острую борьбу с римлянами на Пиренейском полуострове, не в состоянии был помочь брату. Перед Ганнибалом отчетливо вырисовывалась перспектива изнурительного противостояния врагу в чужой стране, разложения армии и гибели.

В Риме же стратегия Фабия, рассчитанная на длительный срок и не дававшая немедленных результатов, вызывала глубокое недовольство. Все громче раздавались голоса, обвинявшие Фабия в преступной медлительности, чуть ли не в предательстве. Противник хозяйничал в Италии, шел, куда ему заблагорассудится, грабил и разорял страну. А диктатор не принимал никаких видимых мер для того, чтобы остановить разгул его солдатни, защитить союзников Рима, да и самих римлян. Обратной стороной стратегии Фабия было то, что она влекла за собой разорение как мелкого италийского, в том числе и римского, крестьянства, так и крупных земледельческих хозяйств. Но если последние располагали более или менее значительными ресурсами для своего восстановления, то первые оказывались перед угрозой гибели. Немудрено, что в римской армии недовольство становилось все более глубоким и с каждым днем все более грозно выплескивалось наружу. Не удивительно и то, что во главе недовольных стоял начальник конницы Марк Минуций Руф.

Современная и близкая по времени к событиям античная традиция объясняет его поведение «легкомыслием», нежеланием прислушаться к советам мудрого, идеализированного Фабия. Интересно в связи с этим, что, по оценке Фронтинна [1, 8, 2], Минуций не был равен Фабию ни доблестью, ни воинским мастерством, — оценка, восходящая к тем же кругам, что и знаменитое высказывание Энния, приписывавшее Фабию, и только ему, спасение отечества. Спокойствию и мужественной выдержке диктатора противопоставляется истерическая нервозность начальника конницы, зависимость которого

от мнений «толпы» была в конечном счете простой беспринципностью. В противоположность Минуцию Фабий показан как носитель староримских добродетелей, которые возвеличили Рим, — благочестия, дисциплинированности, стойкости, покорности магистратам.

В действительности, конечно, дело обстояло значительно сложнее. Мы уже упоминали, что Минуций пришел к власти, будучи представителем враждебной Фабию политической группировки в сенате; способ, каким ему была вручена должность, делал Минуция до известной степени независимым от диктатора. Не случайно, вопреки опять-таки всем римским традициям и нормам, диктатор, располагавший правом казнить любого человека по своему усмотрению, тем более в военное время, ничего не предпринимал для того, чтобы пресечь волнения, — не потому, разумеется, что не хотел, а потому, что не мог. Минуцию недовольство солдат, как, впрочем, и недовольство в самом Риме, давало удобный повод оттеснить Фабию и самому выдвинуться на передний план; стоявшей за ним группировке Эмилиев — Корнелиев предоставлялась теперь неповторимая возможность отстранить Фабиев от руководства политической жизнью Рима.

Ганнибал, кстати, тоже делал все, чтобы скомпрометировать Фабию. В частности, он велел, грабя страну, не трогать поле, принадлежавшее Фабию, как бы в награду за выполнение некоего в действительности не существовавшего секретного соглашения [Ливий, 22, 23, 4; Плут. Фаб., 7; Фронтин, 1, 8, 2].

Тем временем произошел еще один эпизод, который враги Фабия представили как преднамеренный вызов с его стороны сенату и всему государству. И действительно, поступок диктатора трудно было согласовать с нормами полисной нравственности, предписывавшими строгое послушание высшим органам власти. Дело происходило так. Как раз в этот период войны между римлянами и карфагенянами было заключено соглашение об обмене пленными с условием, что обменивать будут человека за человека. Сторона, получившая больше возвратившихся из плена воинов по сравнению с другой, должна была внести выкуп по два с половиной фунта серебра за каждого. К римлянам вернулись на 247 человек больше, чем к карфагенянам, однако сенат медлил с выделением денег. Тогда Фабий, пославши в Рим своего сына, тоже Квинта, продал

свою землю, ту самую, которую не тронул Ганнибал, и из своих средств внес выкуп [Ливий, 22, 23, 5–2; Дион Касс., фрагм., 57, 15; Плут. Фаб., 7].

Недовольство начало проявляться уже в первые недели деятельности Фабия, когда карфагенская и римская армии противостояли одна другой в Апулии и впервые проявилось желание диктатора во что бы то ни стало избежать решающего сражения. В центре оппозиции дошедшие до нас повествования ставят Минуция. Присоединившись к мнению «толпы», он публично поносил Фабия, который ведет войну непристойно и трусливо; сам же он, Минуций, горячо желает сразиться [Полибий, 3, 90, 6]. Быстрый в решениях, невздержанный на язык, он сначала среди немногих, а потом и в «толпе» называл Фабия не медлительным, а лентяем, не осторожным, а трусом [Ливий, 22, 12, 11–12]. У Ливия Минуций выступает как инициатор возмущения; у Полибия, который значительно более сдержан в своих оценках, он только присоединяется к «толпе».

Мы не знаем, как удалось Фабия заставить умолкнуть противников хотя бы на время. Во всяком случае, мы не слышим о новых волнениях в римской армии до ее прихода вслед за Ганнибалом к Фалерну. Но здесь Минуций и все находившиеся в армии военные трибуны и центурионы, то есть весь командный состав, вопреки мнению диктатора, стали доказывать, что пора преградить Ганнибалу дорогу, спуститься на равнину и не дать ему возможности разорять столь богатую и плодородную страну [Полибий, 3, 92, 4]. Как видим, и в данном случае Минуций выступает в повествовании. Полибия не один; он действует вместе с другими командирами римской армии. Ливий [22, 14] в соответствии со своей тенденцией снова изображает Минуция инициатором волнений. Он вкладывает в уста мятежного начальника конницы демагогически обличительную речь, в которой тот скорбит об упадке Рима и утрате былой римской решимости, не раз спасавшей государство. Глупо думать, говорит в повествовании Ливия Минуций, что можно окончить войну, сидя и давая обеты (выпад Минуция против Фабиева староримского благочестия); нужно взяться за оружие, спуститься в долину и сразиться с врагом лицом к лицу. Минуция при этом окружают военные трибуны и всадники; но его слова долетают и до рядовых воинов,

и раздаются голоса, что если бы они могли выбирать, то наверняка предпочли бы Фабию Минуция.

Но и на сей раз дело не дошло до прямого разрыва. Однако последовавший вскорости отзыв Фабия в Рим под весьма прозрачным предлогом (источники даже не считают нужным упомянуть, какие, собственно, жертвоприношения Фабий должен был совершить в Риме) явился и выражением недовольства со стороны правительства деятельностью диктатора, и, несомненно, естественным завершением длительной, враждебной ему, пропагандистской кампании. С отъездом Фабия командование перешло к Минуцию; причем, и это очень характерно для их взаимоотношений, Фабий, вместо того чтобы приказать Минуцию придерживаться определенной линии поведения, обратился к нему с увещанием не губить войска и не следовать примеру Семпрония и Фламиния [Полибий, 3, 94, 8–10; Ливий, 22, 18, 8–10].

О ходе дальнейших событий Полибий [3, 101–102] рассказывает следующее. Минуций, узнав, что Ганнибал захватил Гереоний, что его люди собирают хлеб на полях, а основные силы стоят под стенами города, спустился в долину и занял крепость Калела, господствующую над Ларинатидой, решившись именно здесь дать сражение. Со своей стороны Ганнибал, видя, что к нему приближается противник, отправил треть своей армии собирать хлеб, а с остальными отошел от города на 16 стадий (около 3,5 километра), также идя на сближение с неприятелем, и на некоей возвышенности расположился лагерем. Тем самым он и создавал угрозу римлянам, и прикрывал свои подразделения, действовавшие в долине. Ночью он отправил около 2000 копейщиков занять еще один холм между карфагенским и римским лагерями. Однако эта попытка закончилась неудачей. Наутро Минуций вывел против карфагенян свою легковооруженную пехоту, занял этот холм и перенес туда свой лагерь. Тем временем Ганнибал отправил еще одну группу своих солдат пасти скот и собирать хлеб; большая часть его армии оказалась рассеянной по долине. Воспользовавшись столь благоприятным стечением обстоятельств, Минуций среди дня приблизился к карфагенскому лагерю, выстроил против него тяжеловооруженную пехоту, а всадников и легковооруженную пехоту послал истреблять пастухов и фуражиров Ганнибала, приказав никого не брать в плен. Тяжелая

пехота римлян прорвала укрепления карфагенян и едва их не окружила; положение спас Гасдрубал, явившийся с 4000 воинов, которые сбежались под охрану стен Гереония. После этого сам Ганнибал построил, хотя и не без труда, своих воинов и отбросил неприятеля. На следующий день Ганнибал покинул свой лагерь, тут же занятый Минуцием, и отошел к Гереонию.

Тит Ливий [22, 24] пишет, что Минуций, после того как перенес лагерь на второй холм, в непосредственную близость к карфагенянам, отправил тайно из задних ворот лагеря конницу и легковооруженные отряды для истребления пунийских сборщиков хлеба. Ганнибал, по его рассказу, медлил и выжидал, а потом воротился к Гереонию. Что же касается остальных фактов, то о них Ливий пишет не как о реально имевших место, но как о сообщениях «некоторых авторов», утверждающих, что состоялось сражение, причем сначала карфагеняне были отброшены к своему лагерю, затем контратаковали римлян, и только появление отряда (8000 пехотинцев и всадников), который самнит Нумерий Децимий привел по приказанию диктатора на помощь Минуцию, заставило Ганнибала отступить. В Рим же Минуций отправил хвастливое письмо с известием о блестящей победе.

Нетрудно видеть, что традиция, дошедшая до нас в изложении Ливия, всячески стремится опорочить Минуция. Во всяком случае, преуменьшить значение его действий. Свидетельства о сражении между римлянами и пунийцами самой манерой подачи материала ставятся под сомнение, хотя оно прямо и не высказывается; при этом если бы даже сражение и произошло, то решающую роль в его исходе сыграли воины, посланные Фабием; наконец, потери сторон при том же условии называются как примерно одинаковые (6000 карфагенян, более 5000 римлян), так что доносить в Рим о блестящей победе не было оснований. Но в рассказе Ливия, в общем, нет противоречия свидетельству Полибия. Он его лишь дополняет и уточняет. Можно думать, следовательно, что в основном события развивались так, как о них рассказывает Полибий, но что прибытие отряда Нумерия Децимия было одним из факторов, заставивших Ганнибала отступить.

Как бы там ни было, в успехе римского оружия на этот раз никто не сомневался, хотя и можно было спорить о том, како-

вы масштабы победы. Один только Фабий не верил ни слухам, ни письмам и говорил, что, даже если бы все оказалось правдой, он успеха боится еще больше, чем поражения [Ливий, 22, 25, 2; Плут. Фаб., 8]. Но на него не обращали внимания. В Риме, судя по всему, склонны были преувеличивать значение происшедшего. Казалось, что наступает поворот к лучшему: победа над Ганнибалом свидетельствовала, что причиной бездействия и тяжелого морального состояния воинов была не их трусость, а чрезмерная осторожность их командующего [Полибий, 3, 103, 1–2]. Подобные мысли открыто высказывал народный трибун Марк Метелл, выходец из знатного плебейского рода. Трибуны, как известно, пользовались сакральной неприкосновенностью, и Метелл мог безнаказанно выступать против диктатора. Если бы римский плебс был исполнен древнего духа, говорил Метелл, то он предложил бы лишить власти Квинта Фабия, но теперь он удовлетворяется скромным предложением об уравнивании в правах диктатора и начальника конницы [Ливий, 22, 25, 3–11; ср. у Плут. Фаб., 8].

Такого в Риме еще не бывало: никогда прежде, да и позже, не назначались одновременно два диктатора с одним и тем же заданием и кругом полномочий. Предложение Метелла подрывало сам принцип диктатуры — сосредоточение бесконтрольной власти в одних руках — и вело фактически к восставлению коллегиальной власти типа консульской. По сути дела, оно явилось логическим развитием той ситуации, которая с самого начала была создана избранием Минуция на должность.

Попытки Фабия, уклонявшегося от участия в плебейских сходках, оправдаться перед сенатом и укрепить свои позиции диктатора не принесли успеха: он, по словам Ливия [22, 25, 12–15], пытался втолковать, что Ганнибал — сильный и опытный противник, напоминал о поражениях римлян, требовал, чтобы начальник конницы отчитался, почему он вопреки его, Фабия, указаниям сражался с карфагенянами. Если он сохранит верховную власть, говорил Фабий, то сумеет очень скоро доказать, что больше славы без позора сохранить армию, чем убить многие тысячи врагов. Однако надоевшего всем старика более не хотели слушать, и тогда диктатор, не пожелав участвовать в народном собрании, где должен был решаться вопрос о его власти, накануне ночью отправился в армию. Наутро, ко-

гда собралось народное собрание, впрочем, нашелся только один человек из правящей элиты, который решился вслух поддержать предложение Метелла. Это был Гай Теренций Варрон, человек в среде римского нобилитета новый, ставший после гибели Фламиния одним из руководителей демократического движения в Риме. При этом против предложения Метелла не высказался никто, и оно было принято.

Известие, что он уравниен в правах с начальником конницы, догнало Фабия в дороге. Ливий утверждает, что при первой же встрече Минуций предложил ему пользоваться властью по очереди — через день или более длительные промежутки времени. Фабий категорически отказался от этого, и по его предложению пехота, всадники и союзнические контингенты были поровну разделены между ним и Минуцием. Первый и четвертый легионы достались Минуцию, второй и третий — Фабия [Ливий, 22, 27, 5–11]. По словам Полибия [3, 103, 7–8], все было иначе: Фабий предложил своему коллеге либо командовать по очереди, либо разделить войска, и так как Минуций согласился на последнее, то войска были поделены. Нам более близким к истине кажется рассказ Ливия. В самом деле, намереваясь дать Ганнибалу решительное сражение, Минуций был заинтересован в том, чтобы иметь возможность распоряжаться всеми римскими войсками, хотя бы и поочередно с Фабием; он всегда мог бы найти подходящее время для осуществления своих замыслов, превратив соперника в бес сильного наблюдателя, — ситуация, для Фабия совершенно неприемлемая. Фабия, если только он желал придерживаться своей прежней линии поведения, устраивало только разделение армии; его он и добился. Дело кончилось тем, что Минуций увел свои войска из римского лагеря и расположился самостоятельно недалеко от стоянки Ганнибала.

Ганнибал, несомненно, с большим удовольствием следил за событиями в Риме, а разрешение политического кризиса там доставило ему особое удовлетворение. Теперь он имел перед собой противника, ослабленного внутренними разногласиями и разделением армии на две части, которыми командовали независимые один от другого полководцы, придерживавшиеся различных стратегических концепций. Наиболее опасный из них — Квинт Фабий Максим — фактически утратил прежнюю власть и возможность серьезно угрожать карфагенянам,

а другой — Марк Минуций Руф — не располагал достаточными силами, чтобы одержать победу. К тому же, играя на противоречиях между обоими диктаторами, можно было попытаться разбить их по одному.

Между карфагенским лагерем и лагерем Минуция находилась большой холм, который Ганнибал решил сделать центром боя. Расположив вокруг него в различных укрытиях, неровностях и углублениях в засаде около 5000 пехотинцев и всадников, он приказал занять этот холм легковооруженным войнам. Минуций не заставил себя ждать, отправив к холму сначала легковооруженный отряд, за ним всадников, а потом вывел из лагеря всю остальную армию. Внезапно на римлян с тыла напали карфагеняне, укрывавшиеся в засадах, и легионы Минуция оказались в кольце. В этот момент им на помощь пришел Фабий; увидев, что подходят свежие силы противника, Ганнибал, явно не подготовленный к такому повороту событий, приказал своим солдатам отступить в лагерь.

В римской армии, а затем и в самом Риме результат сражения, и не без оснований, сочли победой Фабия. Минуцию не оставалось ничего другого, как вернуться в лагерь своего соперника, отказаться от прав, которые ему совсем недавно предоставило народное собрание, и приступить, как и прежде, к исполнению обязанностей начальника конницы [Полибий, 3, 104–105; Ливий, 22, 28–30].

Битва при Каннах

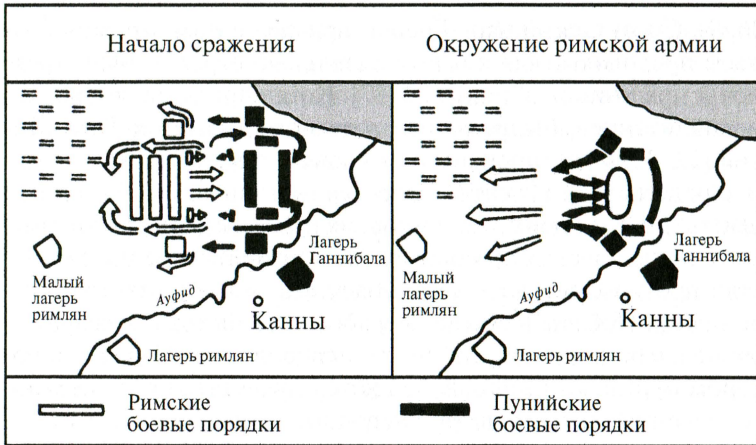
Время шло, шестимесячный срок диктатуры Квинта Фабия Максима истек, и он обратился к консулам с предложением принять командование римскими войсками. Сменив диктатора и его начальника конницы, консулы Гней Сервилий Гемин и Марк Атилий Регул строго придерживались стратегической линии Фабия — они держали армию Ганнибала под постоянной угрозой, но по-прежнему уклонялись от решающего боя, которого так хотел пунийский полководец. Пунийская армия начала испытывать острый недостаток в продовольствии, и Ганнибал даже думал, не уйти ли на север, в Галлию; его удержала на месте только мысль, что это будет принято за бегство [Ливий, 22, 31, 6–32, 3; ср. у Диона Касс., фрагм., 57,

21]. Таким образом, постепенно Ганнибал растерял все плоды блестящей победы при Тразименском озере.

С наступлением зимы военные действия у Гереония постепенно прекратились. Не прекратились, однако, события, ставшие следствием военно-политического поражения, которое потерпел Ганнибал. Серьезным актом было появление в Риме послов с дарами из Неаполя — одной из крупнейших греческих колоний на юге Апеннинского полуострова. Аналогичное посольство прибыло в Рим и из Пестума [Ливий, 22, 36, 9]. Сиракузский царь Гиерон прислал в Рим огромные запасы продовольствия и вспомогательный отряд — 1000 стрелков и пращников [Ливий, 22, 37]. Когда принимали дары от неаполитанцев, были, если верить повествованию Тита Ливия [22, 32, 4–9], произнесены слова о том, что Рим — глава и акрополь всей Италии — борется не только за себя и свою власть, но и за своих союзников, их города и поля. Такова была та политическая пропаганда, которую римское правительство противопоставило Ганнибалу, на что ему ответить было нечем. Победы не было, а грабежи, убийства и пожарища очень слабо вязались с обликом освободителя Италии, в котором пунийский полководец хотел предстать перед ее многочисленными племенами и народностями.

Единственное, что оставалось Ганнибалу, — выждать дальнейшего развития событий. И тут ему повезло. К моменту, когда в Риме должны были происходить выборы консулов на новый, 216 г., там разразился острейший политический кризис, исход которого непосредственно повлиял на ведение боевых операций. В сущности, это была очередная вспышка борьбы за власть между римским плебсом и сенатом, и в конце концов победила плебейская линия, направленная на быстрое и решительное окончание войны. Консулом был избран Гай Теренций Варрон — тот самый, который настаивал в свое время на уравнивании в правах Фабия и Минуция, плебейский вождь, снискавший себе исключительную популярность. Ливий [22, 25, 18–26, 3; ср. у Диона Касс., фрагм., 57, 23–25] изображает этого человека — несомненно, выходца из социальных низов — выскочкой и карьеристом. «Передают», что его отец был мясником, сам разносил свой товар и в этом рабском занятии пользовался помощью сына. Сын же, которому деньги, нажитые отцом, дали возможность в будущем выбиться в люди, из-

БИТВА ПРИ КАННАХ

брал для себя политическую карьеру. Произнося речи в защиту людей низкого происхождения, против интересов знати, он обратил на себя внимание, а затем достиг и должностей, проделав обычную для Рима карьеру — был квестором, плебейским и курульным эдилом и претором; теперь он претендовал на высшую государственную должность. Из этого, очень пристрастного и далекого от объективности изображения мы можем тем не менее уловить черты народного вождя, очевидно преемника Фламиния, ненавистного знати.

Другим консулом, согласно действовавшему в Риме политическим установлениям, следовало избрать патриция. Единственным, кто мог сколько-нибудь успешно вести политическую борьбу с Варроном, нобилитет в этих условиях посчитал известного врага плебеев Луция Эмилия Павла. То есть он стал консулом не столько в качестве коллеги, сколько в качестве противника Варрона, замечает Ливий [22, 35, 1–4].

Результаты выборов в Риме предопределили ход кампании 216 г. Ганнибал мог быть доволен: борьба между нобилитетом и плебсом перешла в борьбу между консулами, у которых не было единогласия по вопросу о том, как бороться с карфагенянами.

К новой кампании римляне значительно увеличили численность армии. Мы, правда, не знаем точно, как это произошло. Уже Ливий [22, 36, 1–5] имел различные сведения о мероприятиях консулов. По одним источникам, они мобилизовали дополнительно 10 000 человек; по другим — сверх уже действовавших против Ганнибала четырех легионов они сформировали еще четыре, увеличив, кроме того, численность пехотинцев в каждом легионе на 1000 человек (то есть до 5000) и всадников — на 100 (то есть до 300). Более чем вдвое увеличилась и численность союзнической пехоты — до уровня собственно римских легионов, а союзническая кавалерия вдвое (по Полибию, втрое [3, 107, 9–12]) превзошла собственно римскую. Плутарх [Плут. Фаб., 14] говорит, что в римском строю находилось 92 000 воинов. Значение этого факта станет понятно, если учесть, что армия Ганнибала непрерывно уменьшалась, даже когда активные боевые операции не велись (множество солдат гибло во время экспедиций за продовольствием и фуражом), и резервами он не располагал. Кроме того, вновь избранный претор Луций Постумий Альбин был на-

правлен с легионом в Галлию, чтобы побудить вернуться на родину галлов, находившихся в армии Ганнибала [Полибий, 3, 106, 6].

Положение Ганнибала становилось с каждым днем хуже и хуже. Он по-прежнему стоял у стен Гереония. Продовольствие кончалось; накануне битвы при Каннах у карфагенян был только десятидневный запас. Пополнить его было негде: все, что возможно, пунийские солдаты уже разграбили. В лагере Ганнибала происходили волнения. Иберийцы готовились перейти на сторону неприятеля [Ливий, 22, 40, 7–9]. Воины требовали жалованья и роптали сначала на нехватку продовольствия, а потом и просто на голод. Положение сложилось такое, что иногда и самому Ганнибалу приходила в голову мысль бросить пехоту и с всадниками пробиваться в Галлию [Ливий, 22, 43, 2–4].

В этой ситуации Ганнибалу, естественно, было на руку стремление Варрона как можно скорее дать сражение, и он делал все, чтобы укрепить римского военачальника в его намерении.

По рассказу Полибия [3, 107, 1–7], еще до прибытия к римской армии новых консулов Ганнибал вывел свои войска из лагеря под Гереонием и занял крепость в Каннах — небольшим городке, куда римляне свозили продовольствие. Первые столкновения накануне знаменитой битвы произошли возле этого города [Полибий, 3, 110].

Тит Ливий [22, 41, 1–4] изображает события иначе. Когда в действующую армию прибыли новые консулы — Гай Теренций Варрон и Луций Эмилий Павел, они объединили действовавшие ранее и мобилизованные перед началом боевых операций воинские формирования и устроили два лагеря, меньший из которых выдвинули ближе к позициям Ганнибала (командование этим лагерем, где находились один легион и 2000 союзников — всадников и пехотинцев, они возложили на Гнея Сервилия Гемина); в большем лагере находилась остальная часть армии.

Первое столкновение между римлянами и карфагенянами произошло, в общем, неожиданно для полководцев. Когда карфагенские солдаты в очередной раз вышли из лагеря в поисках хлеба и фуража, на них напали римляне; завязалась беспорядочная стычка, закончившаяся очевидным успе-

хом римлян, чьи потери вместе с союзниками составили около 100 человек, тогда как карфагеняне потеряли примерно 1700. Римляне врассыпную преследовали отступающего неприятеля, однако командовавший в тот день консул Луций Эмилий Павел остановил наступление, опасаясь засады. Варрон громко негодовал: враг выпущен из рук; если бы не бездействие, уже можно было бы кончить войну.

После этого Ганнибал решил прибегнуть к хитрости. Ближайшей ночью он вывел свои войска из лагеря, оставив там все имущество. Чтобы укрепить у римлян уверенность, что карфагеняне бежали, Ганнибал оставил множество ярко горящих костров якобы для того, чтобы замаскировать свое отступление. За холмами по левую сторону он спрятал пехотинцев, справа — всадников. Ганнибал рассчитывал напасть на римлян, когда они явятся грабить брошенный лагерь. [22, 41, 6–9].

Когда рассвело, римские солдаты увидели, что пунийцы бежали, и начали требовать от консулов немедленно занять лагерь. Между Варроном и Эмилием Павлом возник спор. Первый требовал идти вперед, второй настаивал, чтобы были приняты меры предосторожности; на разведку, по требованию Эмилия Павла, был отправлен отряд луканских всадников под командованием Мария Статилия. Вернувшись, разведчики доложили: засада, вероятно, существует, огни оставлены только в той части лагеря, которая обращена к римлянам; палатки открыты, все дорогие вещи оставлены на виду, кое-где даже видно серебро, разбросанное на дороге как будто для приманки. Сообщение Мария Статилия произвело эффект, обратный тому, которого ожидал Эмилий Павел: воины стали еще громче и решительнее требовать, чтобы был дан сигнал к выступлению; в противном случае они пойдут сами и без сигнала. Варрон скомандовал выступать, и лишь в последний момент Павлу удалось остановить коллегу. Боевые значки легионов уже выносили за ворота, когда посланец Эмилия сообщил Варрону, что во время гадания на курах Эмилий не получил благоприятного предзнаменования. Суеверный страх побудил Варрона остановиться, но ему еще долго пришлось убеждать разгоряченных воинов вернуться в свой лагерь. Пока у ворот спорили, явились два раба. Во время предыдущей кампании их захватили нумидийцы, а теперь они убежали к своим хозяе-

вам. Приведенные к консулам рабы объявили, что вся армия Ганнибала укрыта за горами в засаде [Ливий, 22, 42].

План Ганнибала, основанный на глубоком знании психологии солдата, провалился из-за сопротивления Эмилия Павла и нелепой случайности — бегства двух рабов, которые выдали противнику замысел карфагенского полководца. Перед Ганнибалом снова встал вопрос, что делать дальше, и он решил переместиться в более теплые места Апулии, где раньше созревал урожай. Снова ночью карфагенские войска покинули лагерь, оставив там несколько палаток и огни, чтобы враг по-прежнему опасался засады. Однако на этот раз никакой засады не было. Ганнибал расположился лагерем у поселения Канны, обратившись тылом в сторону южного ветра, несшего с собой массу пыли. Показательно, что Ливий не говорит, в отличие от Полибия, о том, что Ганнибал занял каннский акрополь. Римляне, убедившись, что засады нет, двинулись следом за ним [Ливий 22, 43].

Оказавшись в непосредственной близости от неприятельских позиций, римляне, как рассказывает Ливий [22, 41, 1–45, 1], устроили, как и при Гереонии, два лагеря: больший на одном и меньший на другом берегу Ауфида, где вообще не было карфагенских войск (то есть, очевидно, на левом). Теперь Ганнибал уже мог твердо надеяться, что желанное сражение будет дано, причем в условиях, максимально для карфагенян выгодных — на равнине, удобной для наступления их конницы, значительно превосходившей римскую. Выстроив своих солдат, Ганнибал выслал вперед нумидийских всадников, чтобы вызвать римлян на битву. В римском лагере начались волнения: воины желали идти в бой, консулы ожесточенно между собой спорили. Поняв, что сражения не будет, Ганнибал возвратил своих воинов в лагерь. Но при этом нумидийским всадникам велено было переправиться на левый берег Ауфида и напасть на римских воинов, ходивших из лагеря за водой. Всадники обратили в бегство нестройную толпу римлян, подскакали к посту перед лагерным валом и чуть ли не к воротам. Все это еще больше возбудило и без того волновавшихся римских солдат (пунийцы осмеливаются подходить уже и к лагерю!), и Эмилий Павел с трудом удержал их от немедленной переправы через реку.

Однако на другой день командование перешло к Варрону, и тот своею властью (не советуясь с коллегой, замечает Ливий) перевел все войска на левый берег; там консулы выстроили всю римскую армию в боевой порядок: на правом фланге, более близком к реке, расположили всадников, на левом — конницу союзников и ближе к центру — их пехоту. В центре находились римские легионы, а перед строем — пращники и другие легковооруженные воины. Командование левым флангом взял на себя Гай Теренций Варрон, правый фланг он поручил Луцию Эмилию Павлу и центр — Гнею Сервилию Гемину [Полибий, 3, 112, 1–5; 3, 113, 1–5; Ливий, 22, 45]. Иначе изображает эти события Аппиан [Ганниб., 19]. Центром, по его словам, командовал Эмилий, левым флангом — Сервий и правым — Варрон.

Цель, которую ставил перед собою Ганнибал, была достигнута. Рано утром он переправил на левый берег Ауфида* балеарские части и другие легковооруженные формирования, а за ними и остальных солдат. На левом фланге, ближайшем к реке, он поставил иберийских и галльских всадников, которые должны были действовать против римской конницы, в центре — пехоту (половину — тяжеловооруженных ливийцев, посредине этого строя — галлов и иберов, а за ними — снова ливийцев) и на правом фланге — нумидийских всадников, которые здесь должны были сражаться с римскими союзниками. Ливийцы были вооружены трофейным оружием, отобранным у римлян. Численность карфагенской армии составляла 40 000 пехотинцев и 10 000 всадников. Напомним, что римская армия насчитывала более 80 000 человек. Расположены были карфагеняне исключительно удобно: лицом к северу и спиной

---

* Источники, которые имеются в нашем распоряжении, не дают ясного ответа на вопрос, на каком именно берегу разыгралось сражение при Каннах, и вопрос о топографии этой битвы на протяжении длительного времени служит объектом ожесточенной полемики. Многие исследователи считают что она происходила на левом, северном, берегу Ауфида. Согласно другой точке зрения, битва происходила на правом берегу — либо к западу от Канн. Нам представляется, что описание расположения римских и карфагенских войск накануне сражения показывает, что оно могло происходить только на левом берегу.

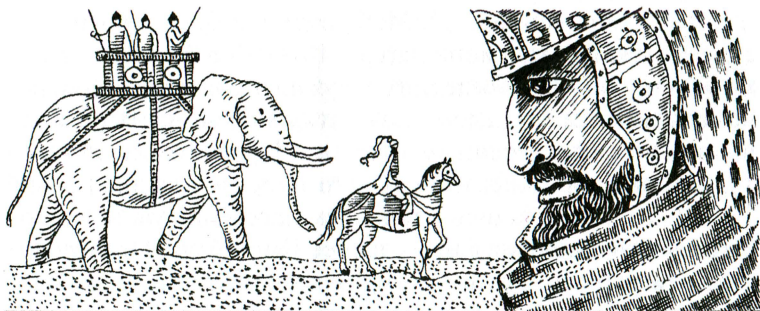
к ветру, дувшему и несшему песок и пыль в лицо римлянам; солнечные лучи не слепили воинов. При построении Ганнибал выдвинул вперед иберов и галлов, которые должны были первыми вступить в бой, а остальных расположил так, что образовалось нечто вроде выгнутого в сторону фронта огромного полумесяца, делавшегося по краям все тоньше и тоньше. Командование левым флангом Ганнибал поручил Гасдрубалу, правым — Махарбалу (по Полибию, Ганнону), а сам вместе со своим братом Магоном взял на себя центр. Сведения Аппиана [Ганниб., 20] и в этом случае существенно отличаются от сведений других авторов: по его данным, правым флангом командовал Магон Баркид, левым — племянник полководца Ганнон, центром — сам Ганнибал; Махарбалу был поручен отряд в 1000 всадников.

Сражение, как и обычно, завязали легковооруженные солдаты. Затем галльско-иберийская конница Ганнибала обрушилась на правый римский фланг. В ожесточенном сражении воины, сбившись в кучу, стаскивали один другого с коней, ожесточенно рубились. Наконец римляне, преследуемые врагом, побежали вдоль реки. Тем временем в бой вступила пехота, и иберийско-галльские пехотинцы Ганнибала после упорного сопротивления начали медленно отступать, увлекая за собой римлян, проникавших все глубже в расположение карфагенских войск. Между тем ливийские пехотинцы с обоих флангов атаковали римлян, а немного погодя заперли их и с тыла. Римская пехота оказалась в кольце. На левом фланге наступление нумидийской кавалерии началось с того, что около 500 всадников явились в расположение римлян и объявили, положив щиты и стрелы, что сдаются в плен; немного времени спустя, выхватив заранее спрятанные мечи, они бросились на римлян с тыла. Основную массу нумидийцев Гасдрубал отправил преследовать отступающего противника.

Судьба битвы была решена. Консул Л. Эмилий Павел был убит. Римляне со все большим напряжением держали круговую оборону; воины падали один за другим. По данным Полибия [3, 117, 3], в бою погибло около 70 000 римлян, а бежать сумело около 3000 человек. Евтропий [3, 10] исчисляет потери римлян следующим образом: 60 000 пехотинцев, 3500 всадников и кроме этого 350 представителей знати — сенаторов и лиц, ранее занимавших высшие должности в Риме. По Оро-

зию [4, 16, 2], сведения которого явно преуменьшены, римляне потеряли 44 000 убитыми. Плутарх [Фаб., 16] пишет, что римляне потеряли убитыми 50 000, пленными 4000; еще примерно 10 000 было взято в обоих лагерях. Среди убитых были Гней Сервилий Гемин и Марк Минуций Руф. Варрон с 50 всадниками (по Полибию [3, 117, 2], с 70 всадниками) бежал в Венусию [см.: Полибий, 3, 115–116; Ливий, 22, 47–49; Зонара, 9, 1; Апп. Ганниб., 17, 24; Фронтин, 2, 3, 7]. 7000 римлян сумели бежать в меньший лагерь, 10 000 — в больший, а почти 2000 — в Канны. Последних окружил отряд карфагенян под командованием Карталона и захватил в плен. Часть римских воинов во главе с военным трибуном Публием Семпронием Тудитаном прорвались из меньшего лагеря в больший [Ливий, 22, 50]. Те, кто остались в меньшем лагере, после непродолжительного сопротивления сдались Ганнибалу. По соглашению между ними и пунийским полководцем они должны были выдать оружие и лошадей; за людей устанавливался выкуп: 300 денариев серебра за римлянина, 200 — за союзника, 100 — за раба. Некоторое время спустя из большого лагеря 4000 воинов ушли в Канусий, а остальные сдались на тех же условиях. Сам Ганнибал потерял, по данным Ливия [22, 52], 8000 воинов, а по сведениям Полибия [3, 117, 6] — около 6000.

Глава четвертая На пути к закату (от Канн до падения Капуи)

Блестящая победа при Каннах потрясла современников. Римская армия была полностью уничтожена. Италия, казалось, целиком была во власти Ганнибала. Тем не менее Рим еще не был покорен, и перед Ганнибалом снова встал вопрос: что же дальше?

Ливий рассказывает [22. 51, 1–4], что пунийские офицеры, поздравлявшие Ганнибала с победой при Каннах, советовали ему дать отдых себе и усталым воинам. Только начальник конницы Махарбал предлагал, не теряя ни минуты, двинуться на Рим. «На пятый день, — передает Ливий его слова, — ты будешь победителем пировать на Капитолии. Следуй за мной; я пойду со всадниками впереди, чтобы прийти раньше, чем они узнают, что я собираюсь идти». Однако Ганнибалу, по словам Ливия, это предприятие показалось слишком уж грандиозным, для того чтобы он сразу мог принять решение. «На обдумывание совета Махарбала нужно время» — такими словами ограничился пунийский полководец. «Не все, конечно, дают боги одному человеку, — ответил Махарбал. — Ты умеешь побеждать, Ганнибал; пользоваться победой ты не умеешь». Мы не знаем, как реагировал Ганнибал на такую неслыханную дерзость; вероятнее всего, он предпочел промолчать.

Однако присутствовавшие при этом пунийцы и греки хорошо запомнили и совет, и решение Ганнибала, и заключительную фразу Махарбала; весь эпизод прочно вошел в античную историческую традицию, которую очень интересовало, почему Ганнибал не пошел на Рим [ср. у Плут. Фаб., 17; Зонара, 9, 1; Вал. Макс., 9. 5, 3]. Катон, также рассказавший о диалоге Ганнибала и Махарбала [Катон, фрагм., 86; Гелл., 10, 24, 7; ср. также: Целий, фрагм., 25; Гелл., 10, 24, 6], добавляет: на следующий день Ганнибал призвал к себе начальника конницы и сказал ему: «Я пошлю тебя, если хочешь, со всадниками». — «Поздно, — ответил Махарбал, — они уже знают» [Катон, фрагм., 87; Гелл., 2, 19, 9]. Очевидно, Махарбал рассчитывал на эффект полной внезапности; и действительно, операция, которую он предлагал, могла стать успешной только в одном случае — если не давала врагу опомниться от понесенного страшного поражения.

Интересна позднейшая реакция Ганнибала и окружения на его действия после Канн. По словам Ливия [26, 7], они хорошо понимали, что открывавшиеся благоприятные возможности упущены; Ливий говорит даже о недовольстве ближайших сподвижников полководца. Пока, однако, в командовании карфагенской армии равноправно существовали две точки зрения. И той и другой нельзя отказать в логичности. Совет предоставить войскам отдых имеет смысл, если принять, что основной целью Ганнибала был не прямой удар по Риму и его уничтожение, а разрушение Италийского союза и объединение всех италиков для борьбы с Римом, если думать, что Ганнибал не имел (или считал, что не имеет) даже после Канн сил, достаточных для ведения победоносной борьбы непосредственно на уничтожение Рима, если считать, что Ганнибал хотел только принудить Рим заключить выгодный для Карфагена мирный договор. Предполагают даже, что Ганнибал вообще не хотел ликвидировать Рим, дабы не создавать в Италии политического вакуума, который могла бы заполнить Македония. Позиция Махарбала отвечала другой точке зрения, согласно которой целью войны было ниспровержение и уничтожение Рима любыми средствами. Махарбал основывался на том, что после кровавого побоища у берегов Ауфида Рим не располагал организованной вооруженной силой и не мог оказать сколько-нибудь эффективного сопротивления.

Следовательно, оставалось последним решительным ударом добить врага и на римском пепелище закончить войну.

Насколько все эти концепции ведения войны были обоснованны, трудно сказать. Мы не можем провести исторического эксперимента, чтобы представить себе, как бы развернулись события, если бы Ганнибал последовал совету своего начальника конницы. И все же результаты его дальнейших действий на юге Италии говорят сами за себя. Как мы увидим далее, Ганнибал после Канн желал заключения договора. Возможно, что он считал свою армию, понесшую, конечно, значительные потери во время перехода через Альпы и в ходе военных действий в Италии, недостаточно сильной для того, чтобы атаковать Рим и осадить его. Но дело не только в этом. Создается впечатление, что Ганнибал был морально не готов к продолжению войны, полагая, что разгром и уничтожение римской армии под Каннами завершает войну и делает Карфаген хозяином Западного Средиземноморья, принуждает Рим автоматически подчиниться пунийской власти. Однако попытки Ганнибала завязать мирные переговоры с римскими властями были с презрением отвергнуты. После Канн для восстановления сил Рим нуждался прежде всего во времени, и он его получил. Не случайно римская традиция довольно настойчиво утверждает, что именно медлительность Ганнибала спасла и город и государство [Ливий, 22, 51, 4; Орозий, 4, 16, 4; Зонара, 9, 1].

Ганнибал тратил время и силы на бесполезные осады то одного, то другого города. С каждой стычкой он понемногу терял своих ветеранов — основное ядро армии — и вынужден был заменять их новобранцами — италиками и галлами. А Рим тем временем готовил и обучал новую армию.

Какими бы расчетами ни руководствовался Ганнибал, они оказались ошибочными и привели его к поражению и гибели. Весь последующий ход событий свидетельствует: если у Ганнибала и была когда-нибудь реальная возможность добиться окончательной победы, то только сразу же после Канн и только прямым ударом на Рим. После Канн, которые стали действительно переломным пунктом в ходе войны, Ганнибал, вероятно не желавший рисковать плодами столь блестящей победы и, судя по всему, не имевший определенного плана военных действий, не сумел захватить главного — стратегической инициативы — и потерял все.

В поисках союзников

Как бы то ни было, уже первые шаги Ганнибала свидетельствовали о том, что он считает войну оконченной, а себя — несомненным победителем. Рассказывали, что он отослал на родину три аттических медимна* золотых всаднических и сенаторских колец, снятых солдатами с убитых врагов [ср. у Диона, Касс., фрагм., 27; Орозий, 4, 16, 5], — трудно было более наглядно показать истинные масштабы римских потерь, то отчаянное положение, в котором очутились римляне. Однако одновременно Ганнибал решил сделать по отношению к Риму дружественный жест, приоткрыть дверь для переговоров, подать надежду на спасение от, казалось бы, неизбежной катастрофы.

Руководствуясь своим давним политическим расчетом — стремлением завоевать расположение италиков и оторвать их от Рима, Ганнибал, как это бывало и прежде, из общей массы пленных выделил римских союзников и отпустил их на свободу без выкупа [Ливий, 22, 58, 2]. Потом он обратился к римлянам и, по рассказу Ливия [22, 58, 3–9], который, по-видимому, более или менее точно передает содержание речи Ганнибала, объявил, что вовсе не собирается вести с римлянами истребительную войну. Он сражается с Римом из-за чести и власти; отцы нынешних карфагенян были побеждены римской доблестью, теперь он, Ганнибал, хочет, чтобы Рим был побежден его доблестью и удачей. Поэтому он предоставляет римлянам, попавшим в плен, возможность выкупиться и назначает цену: за всадников — 500 денариев, за пехотинцев — 300 денариев, за рабов — 100 денариев. Для того чтобы передать это предложение сенату, пленники избрали из своей среды десять человек, и последние без всякого залога отправились в Рим. С них была взята клятва вернуться в плен после обсуждения вопроса в сенате. За всеми этими словами и любезностями нетрудно было при желании услышать приглашение заключить мир

---

* Аттический медимн как мера сыпучих тел был равен 52,53 литра; три медимна равны 157,59 литра. Можно предположить, что добыча карфагенян только в золотых кольцах составила более 50 килограммов. — *Прим. ред.*

на условиях, аналогичных тем, которыми в свое время окончилась I Пуническая война (только теперь основные положения договора продиктовал бы Ганнибал, а территориальные и иные потери в Сицилии и Италии выпали бы на долю Рима). Мало того, вместе с пленниками, уезжавшими в Рим, Ганнибал отправил одного из своих приближенных, Карталона, который должен был вступить в контакт с римскими властями и разузнать, не пожелают ли они начать мирные переговоры. Однако римский диктатор выслал навстречу полуофициальному посланцу Ганнибала ликтора с приказанием до наступления темноты покинуть территорию, принадлежащую Риму [Дион Касс., фрагм., 36].

Неудача миссии Карталона была для Ганнибала первым и, пожалуй, самым зловещим симптомом: Рим отказывался считать войну проигранной, видеть в Ганнибале победителя и просить у него пощады и мира. И римское правительство нетрудно было понять: заключая с Ганнибалом мир, оно должно было бы своими руками уничтожить все здание своего господства в Италии, поставить под угрозу земли, захваченные римским крестьянством в результате длительных, кровопролитных войн; господство Карфагена и его неминуемая гегемония в Италии создавали прямую опасность если и не физической гибели Рима, то, во всяком случае, утраты независимости и превращения в один из городов, подвластных Карфагенской державе. Для Рима после Канн война резко изменила свой характер: из войны за власть над Западным Средиземноморьем, в том числе над Италией, она стала на какое-то время войной за свободу и независимость, против чужеземного гнета.

Ганнибал плохо рассчитал. Вместо переговоров ему предстояло готовиться к новому туру войны.

Говоря о положении воюющих сторон после битвы при Каннах, Тит Ливий [22, 61, 10–12] пишет: «Насколько это поражение было серьезнее предшествующих поражений, показывает то, что верность союзников, которая до этого оставалась прочной, тогда начала колебаться только потому, что они потеряли надежду на сохранение римской власти. К пунийцам примкнули народы: ателланы, калатины, гирпины, часть апулийцев, самниты, кроме пентров, все брутии, луканы, а кроме них узентины и почти все греческое побережье (Италии. — И. К.) —

тарентинцы, метапонтинцы, кротонцы и локры, а также все цизальпинские галлы». Приблизительно так же оценивает ситуацию и Полибий [3, 118, 2–4]: «Карфагеняне благодаря этой победе тотчас же овладели почти всем остальным побережьем и так называемой Великой Грецией: ведь тарентинцы тотчас же им передались, а агриппинцы и некоторые из капуанцев звали к себе Ганнибала. Все же остальные обращали свои взоры на карфагенян, питая большую надежду, что они с ходу овладеют и самим Римом». Подобную картину рисуют и другие античные историографы: «После этого сражения многие города Италии, находившиеся под властью Рима, перешли на сторону Ганнибала» [Евтропий, 3, 11]; «Кампания и почти вся Италия, совершенно разочаровавшись в том, что римляне смогут восстановить свое положение, перешли на сторону Ганнибала» [Орозий 4 16, 10].

Попытаемся, однако, выяснить, насколько эта оптимистическая для Ганнибала оценка ситуации после Канн соответствовала реальному положению вещей и, что особенно существенно, давала ли она Ганнибалу реальные военно-политические преимущества. На первый взгляд эти преимущества были очевидны: Италийский союз если и не распался окончательно, то, во всяком случае, много потерял в своей прочности, а Ганнибал получил в Италии относительно надежный тыл. И все же нельзя было забывать, что битва при Каннах послужила сигналом к обострению социально-политической борьбы в италийских городах и, следовательно, создала там атмосферу политической нестабильности, что никакие органические интересы не связывали новоявленных союзников с Карфагеном; раз изменив Риму, они могли при новом повороте судьбы изменить и Ганнибалу; все зависело от того, какая именно группировка — демократическая или аристократическая, проримская или антиримская — окажется у власти в каждый данный момент, а это, в свою очередь, в немалой степени зависело от побед и поражений самого Ганнибала. Кроме того, и на юге Италии значительная группа городов отказалась признать власть Ганнибала, так что ему приходилось применять против них вооруженную силу.

Само собой разумеется, на стороне Рима оставались латинские колонии в Южной Италии — Брундисий, Венусия, Пестум и другие, которые в случае победы Ганнибала рисковали

потерять землю; ее пунийский полководец обещал возвратить коренному населению. О позиции апулийских городов мы вообще плохо осведомлены. Известно, правда, что часть римской армии бежала из Канн в Канусий, где только одна местная аристократка Буса предоставила беглецам продовольствие, одежду и деньги [Ливий, 22, 52, 7]. Явно холодный прием, который оказала им основная масса горожан, объясняется, очевидно, опасением возмездия со стороны Ганнибала. Другой апулийский город, Аргириппы (Арпы), перешел на сторону Ганнибала. Этому поспособствовал Дасий Альтиний, один из местных аристократов, считавшийся потомком аргивянина Диомеда — основателя города [Ливий, 24, 45, 2; Апп. Ганниб., 31]. Враждебную Риму позицию заняла и Салапия, где во главе пропунийской партии стоял Дасий [Ливий, 26, 38, 6; Апп. Ганниб., 45], по всей видимости родственник Альтиния. Не исключено, что в данном случае имело место совместное выступление обоих городов под общим руководством. Насколько мы знаем, Венусия сочувственно отнеслась к римлянам, бежавшим из-под Канн [Ливий, 22, 54, 1–3], что, быть может, объясняется присутствием именно в этом городе консула Гая Теренция Варрона, который собирал там и организовывал уцелевших воинов.

Сразу же после битвы при Каннах Ганнибал двинулся из Апулии в Самниум. Именно здесь, в стране, оказывавшей наиболее упорное и успешное сопротивление римлянам (достаточно вспомнить унижительные для Рима события 321 г., когда, окруженные в Кавдинском ущелье, римляне должны были заключить позорнейший мир, обязавшись уйти из Самниума и даже пройти под «игом»), в стране, где еще живы были традиции борьбы за свободу и независимость, он мог рассчитывать на эффективную поддержку. Надежды Ганнибала, в общем, оправдались.

Непосредственной целью наступления пунийских войск была страна гирпинов, куда Ганнибала призывал некий Статий Требий, принадлежавший к аристократическим кругам города Компсы. У власти в Компсе стояли враги Требия — род Мопсиев с многочисленными клиентами и сторонниками, опиравшийся на поддержку Рима. Наш единственный источник — Тит Ливий [23, 1, 1–3] — говорит даже, что Мопсии были римскими ставленниками. Когда разнеслась весть о бит-

ве при Каннах, Требий распространил известие о том, что Ганнибал идет к Компсе, и перепуганные Мопсии со всеми своими приверженцами покинули город. Компса без боя сдалась Ганнибалу и приняла в свои стены пунийский гарнизон. Эти события показали Ганнибалу, что даже в среде местной аристократии он может рассчитывать на поддержку определенных кругов — тех, кому римляне преграждали дорогу к власти и кто боролся за первенство и господство с римскими прищесниками. Они показали, однако, и другое: роды, ориентировавшиеся на Рим, предпочитали изгнание соглашению с Ганнибалом.

Компсу Ганнибал решил сделать, по крайней мере на первых порах, своим опорным пунктом. Здесь он оставил добычу и обоз, отсюда он велел своему брату Магону двинуться в глубь Самниума, чтобы там принимать под власть Карфагена тех, кто будет переходить на его сторону, а тех, кто не пожелает добровольно, принуждать силой [Ливий, 23, 1, 4]. По-видимому, кампания Магона была успешной, и, судя по тому, что известно о дальнейшем поведении самнитских городов, таких, как Компультерия, Требула и Австикула [Ливий, 23, 39, 6], и о расправе, которую римляне учинили в районе Кавдии [Ливий, 24, 20, 4–5], самнитские города добровольно и с охотой признавали власть Ганнибала, избавлявшую их от римского владычества.

Сам же Ганнибал направился к Неаполю, чтобы осадить и захватить этот важнейший приморский город Южной Италии, получив таким образом выход в море [Ливий, 23, 1, 5]. Войдя на его территорию, часть своих нумидийских всадников Ганнибал расположил в засадах (чему немало способствовала сильно пересеченная местность, где должны были действовать карфагенские войска), а остальных вместе с добычей, захваченной по дороге, двинул прямо к городским воротам. Нумидийцы шли не очень большой, беспорядочной толпой и, казалось, легко могли быть уничтожены; эту задачу попытался решить отряд неаполитанских всадников, атаковавший приближающегося противника. Тогда нумидийцы отошли, заманив неприятеля к засаде, где его окружили и почти целиком уничтожили. Часть неаполитанцев спаслась на лодках рыбаков, занимавшихся недалеко от места боя своим обычным делом. Несколько молодых неаполитанских аристократов по-

пали в плен и были убиты. Таким образом, неаполитанские власти не пожелали впустить к себе карфагенян; мы ничего не знаем и о каких-либо попытках заключить союз между Неаполем и Карфагеном. Очевидно, битва при Каннах не произвела на неаполитанцев того впечатления, на которое Ганнибал рассчитывал.

Одержав легкую победу над неаполитанскими всадниками, Ганнибал тем не менее не решился осаждать Неаполь [Ливий, 23, 1, 10; ср. у Зонары, 9, 2] и повел свои войска к Капуе — соседу и старому врагу Неаполя.

После Канн основной проблемой для Капуи стало — ориентироваться ли и далее на союз с Римом или же предпочесть Ганнибала; было ясно, что стоит только Ганнибалу приблизиться к городу, как капуанцы изберут второе [Ливий, 23, 2, 3]. Как рассказывает Тит Ливий [23, 2–3] [ср. у Диодора, 26, 10], сложной ситуацией в Капуе решил воспользоваться в карьеристских целях один из капуанских аристократов, уже однажды — в год Тразименской битвы — занимавший в городе высшую магистратуру (медикс тутикус), — Пакувий Калавий. Для достижения своих целей ему необходимо было мирными по возможности средствами сломить сопротивление капуанского сената, и с этой задачей он блестяще справился. Собрав заседание сената, Пакувий Калавий обратился к перепуганным аристократам с речью, в которой самыми черными красками обрисовал их положение. Дескать, он сам, Пакувий, прочнейшими узами связан с Римом и поэтому согласится на измену римлянам только в случае крайней необходимости; однако следует иметь в виду, что народ замыслил убить всех сенаторов и затем передать государство Ганнибалу и карфагенянам. Только он, Пакувий, может спасти сенаторов от неминуемой гибели, если они ему доверятся. Получив согласие сенаторов и отчасти посвятив их в свои дальнейшие планы, он запер их в курии и поставил у входа стражу. Отрезав таким способом капуанский сенат от внешнего мира, Пакувий созвал народное собрание и приступил к исполнению второй части задуманной операции. По словам Тита Ливия, он предложил гражданам покарать каждого сенатора в соответствии с тяжестью его преступлений, однако при том неременном условии, чтобы на место каждого устраняемого или казнимого члена совета тут же выбирался новый. Соблюсти это условие, как

и рассчитывал Пакувий, оказалось невозможным; любая кандидатура вызвала резкие возражения: одни участники собрания кричали, что не знают этого претендента на сенаторское кресло, другие обличали его позорные поступки, третьи говорили о низком происхождении, о бедности, несовместимой со званием сенатора, о компрометирующих с точки зрения эпохи занятиях ремеслом. В конце концов стало ясно, что заменить сенаторов некем, и их выпустили из-под стражи.

Устрашенные этими событиями, сенаторы (за редкими исключениями) не сопротивлялись больше диктаторскому режиму, созданному Пакувием. Характеризуя положение в Капуе после переворота, Ливий [23, 4, 2–6] писал: «С этого времени сенаторы, позабыв о своем достоинстве и самостоятельности, начали пресмыкаться перед плебсом — низкопоклонничать, любезно приглашать, устраивать пиршества, брать на себя их судебные дела, в качестве судей решать спор в пользу той стороны, которая больше была любима народом и скорее могла доставить благосклонность толпы; вообще, все решалось в сенате так, как если бы там происходило собрание плебеев. Государство, всегда склонное к роскоши, не только из-за порочности граждан, но и вследствие огромного множества наслаждений и приманок ко всякого рода удовольствиям на море и на суше, тогда вследствие угодничества знати и своеволия плебса стало до такой степени распущенным, что не знало меры ни в желаниях, ни в расходах. К пренебрежению законами, властями, сенатом добавилось тогда, после сражения при Каннах, еще и презрение к римской власти, раньше внушавшей некоторый почтительный страх».

В результате действий Пакувия капуанский сенат утратил политическое значение; реальная власть оказалась в руках предводителей плебса, имевших возможность диктовать сенату и магистратам свою волю [Ливий, 23, 4, 2–6]. Победа Пакувия имела и другое последствие: значительно усилились антиримские тенденции. По рассказу Ливия [23, 4, 7–8], от немедленного разрыва Капую удерживало только то, что многие капуанские аристократические фамилии были связаны брачными узами с Римом, а также то, что некоторое количество капуанцев, в том числе 300 всадников из знатнейших семей, находились в римской армии, неся гарнизонную службу в Сицилии.

По требованию их родителей и родственников, пишет Ливий [23, 5], капуанское правительство направило посольство к консулу Гаю Теренцию Варрону, которого они застали в Венусии. Однако из того, что произошло дальше, ясно: цель посольства заключалась в том, чтобы своими глазами определить масштабы поражения и соответственно выбрать линию поведения для своего города. Очевидно, своеволие плебса и презрение к римской власти, о которых повествует Ливий, не мешали новому капуанскому правительству тщательно взвешивать свои внешнеполитические действия, пытаться учитывать реальное соотношение сил и возможные последствия.

В Венусии Гай Теренций Варрон произвел на послов впечатление человека, достойного презрения. Это впечатление еще более усилилось после речи, с которой Варрон обратился к послам, выразившим, как и следовало ожидать, соболезнования Капуи по случаю катастрофы и предложившим (иначе разговор вообще не мог бы состояться) помощь. Судя по тому, как Ливий излагает речь Варрона, последний не считал нужным скрывать от Капуи поистине отчаянное положение Рима. Римляне потеряли все — армию, продовольствие, деньги, так что союзникам следует не столько помогать римлянам, сколько вести войну вместо римлян, защищать от врага общее отечество. «Воевать придется ведь не с этрусками или самнитами, — говорил он (цитируем изложение Ливия), — как в прошлом, когда, потеряв мы владычество, оно оставалось бы у италийцев. Нет, Пуниец, даже не уроженец Африки, ведет с собой с края света, от берегов Океана, от Геркулесовых Столпов солдат, не знающих ни законов, ни правил человеческого общежития, ни, пожалуй, даже человеческого языка. Этих людей, от природы зверски свирепых, их вождь превратил в совершенных зверей, строя мосты и плотины из человеческих тел, обучая — стыдно сказать — есть человеческое мясо, к которому и прикоснуться грешно. Видеть таких людей господами, получать законы и распоряжения из Африки и Карфагена, терпеть, чтобы Италия стала провинцией нумидийцев и мавров, — кому из коренных италийцев это не отвратительно? Будет прекрасно, кампанцы, если ваши силы, ваша верность удержат и поднимут власть римлян, утраченную после Канн. Думаю, в Кампании наберется тридцать тысяч пехоты и четыре — конницы; денег и хлеба вдоволь. Если ваше сча-

стве равно вашей верности, то Ганнибал не почувствует себя победителем, а римляне — побежденными» [Ливий, 23, 5, 11—15]. Едва ли можно сомневаться в том, что это изложение восходит к римской анналистической традиции и в общих чертах соответствует и содержанию самих переговоров, и линии, принятой римским правительством, и той антикарфагенской пропаганде, которую оно вело в Италии.

У слов сложилось твердое убеждение, что Рим воевать не в состоянии. Капуанцам предлагалось своими руками восстанавливать здание римского господства на том проблематичном основании, что когда-то давно римляне защищали Капую от самнитов и предоставили у себя значительной части капуанцев гражданские права. Но самниты давно уже были не опасны, а гражданские права... Что стоят гражданские права, если не сегодня-завтра Рим погибнет и дело все равно придется иметь с Ганнибалом?

На обратном пути из Венусии в Капую один из послов, Вибий Виррий, повел речи, решительно противоположные тем, которых добивался Варрон: теперь, говорил он, настало время, когда капуанцы не только могут возвратить себе земли, некогда отнятые у них римлянами, но и захватить господство в Италии; союз с Ганнибалом они могут заключить на любых условиях, а когда по окончании войны Ганнибал уйдет в Африку, власть в Италии будет принадлежать Капуе [Ливий, 23, 6, 1—2]. Вибий Виррий выразил общее мнение. После возвращения послов в Капуе римское дело сочли уже проигранным; плебс и большинство сената стали еще решительнее склоняться к союзу с Карфагеном, однако из-за сопротивления некоторых членов сената дело на несколько дней задержалось. По-видимому, речь идет о последних попытках все более редевшей проримски настроенной аристократической группировки, которую возглавлял, судя по дальнейшему рассказу Ливия, Деций Магий, не допустить разрыва с Римом, предотвратить переговоры с Ганнибалом.

Ливий [23, 6, 6—8] рассказывает, что в сочинениях некоторых анналистов он нашел повествование о том, будто Капуя, перед тем как принять окончательное решение, направила в Рим посольство, обещая оказать помощь, но при обязательном условии: один из консулов должен был быть капуанцем. В результате власть не только в Италии, но и в самом Риме

ускользнула бы из римских рук и перешла к Капуе. Римское правительство, возмущенное этим неприемлемым для него требованием, приказало посольству немедленно покинуть Рим. Ливий считает эти сведения недостоверными, потому что о них умалчивает Целий Антипатр и другие анналисты, которым он доверяет, однако ничего невозможного в них нет. Не исключено, что правительство Пакувия решило попытаться перед разрывом выжать из римлян максимальную цену за свое сотрудничество; не случайно они требовали от римлян того же, что рассчитывали получить от Ганнибала. Возможно даже, что посольство в Рим должно было заставить Ганнибала стать уступчивее во время переговоров с капуанскими послами.

Как бы то ни было, промедлив несколько дней, может быть в ожидании возвращения послов из Рима, капуанское правительство направило свою миссию к Ганнибалу. Таким образом, политическая борьба в Капуе закончилась весьма благоприятно для Ганнибала: в городе, одном из самых могущественных на юге Италии, победила группировка, враждебная Риму. Ганнибалу важно было любыми средствами закрепить свой политический успех, и не удивительно, что он предоставил капуанцам все, что они хотели. Согласно условиям договора, заключенного Ганнибалом с Капуей [Ливий, 23, 7, 1–2], ни один карфагенский военачальник или гражданский магистрат не имел власти над гражданами Капуи, ни одного капуанского гражданина они не могли принуждать к несению военной службы или несению повинностей, в Капуе сохранялись ее собственные законы и магистраты. Сверх этого Ганнибал обещал передать капуанцам из числа военнопленных 300 человек римлян, чтобы обменять их на 300 капуанских всадников, несших, как уже было сказано, службу в римских войсках.

Разрыв с Римом, казалось, совершился теперь окончательно и бесповоротно; все римские граждане, по тем или иным причинам находившиеся в этот момент в Капуе, были схвачены, посажены в бани и там задохнулись от невыносимой жары [Ливий, 23, 7, 3] — их гибелью капуанцы закрепили свой союз с победоносным полководцем.

Между тем Ганнибал принял необходимые меры, чтобы разместить в Капуе свои войска. Когда слух об этом разнесся по городу, Деций Магий попытался отчаянным усилием предотвратить захват города новоявленными союзниками; он

убеждал сограждан не пускать Ганнибала в Капую; позже, когда пунийцы заняли ее, Деций настойчиво советовал выгнать их или перебить. Речи Деция стали известны Ганнибалу, и он потребовал, чтобы Деций явился к нему в лагерь, но капуанец отказался: по условиям только что заключенного договора Ганнибал не имел над ним власти. Тогда пуниец, которому надоели все эти церемонии, велел арестовать Деция и привести связанным (этот приказ в Капуе не был исполнен до того, как туда явился сам Ганнибал) и между тем сообщил капуанским властям, что желает прибыть в город. Там ему устроили торжественную встречу. Деция Магия уже никто не слушал [Ливий, 23, 7, 4—12].

На следующий день по требованию Ганнибала было созвано заседание капуанского сената, на котором карфагенский полководец выступил с речью. Его заявление предназначалось, конечно, для Капуи, но слышали его не только капуанцы; оно показало всей Италии, какую судьбу готовит для нее победитель при Каннах, и поэтому было программным и во многих отношениях решающим. Поблагодарив капуанцев за то, что они дружбу с ним предпочли союзу с Римом, Ганнибал обещал, что в скором времени именно Капуя возглавит Италию, то есть займет место Рима, что законы свои римляне, как и другие, должны будут теперь получать из Капуи [Ливий, 23, 10, 1—2]. Такого рода высказывания, конечно, были весьма по душе капуанскому правительству: пуниец ясно и недвусмысленно подтвердил, что реализация их мечты о господстве в Италии — дело очень близкого будущего, и взамен они готовы были принять любые требования Ганнибала. Другой вопрос — как к этому отнеслись остальные италийки. Им предлагалась единственная перспектива — воевать против римской гегемонии во имя утверждения гегемонии капуанской и господства Карфагена. Мы не располагаем прямыми указаниями о том, как италийские города реагировали на программу, сформулированную Ганнибалом в Капуе; думается, однако, что сопротивление, с которым он то в одном, то в другом случае сталкивался, не в последнюю очередь объясняется их отрицательным отношением к тому, что Ганнибал сулил капуанцам.

Только один человек, продолжал далее Ганнибал [Ливий, 23, 10, 3], должен быть исключен из карфагенско-капуанского

союза — Деций Магий, которого даже и кампанцем-то назвать нельзя; оратор потребовал, чтобы здесь же, в его присутствии, сенат обсудил поведение Деция и выдал его карфагенянам. Требование Ганнибала не было для капуанских властей неожиданным: ведь он и раньше настаивал на аресте и выдаче Деция. Ганнибалу нужно было полностью уничтожить в Капуе проримскую группировку и для этого расправиться с наиболее непримиримыми противниками. Карфагенскому полководцу едва ли осталось неизвестным, что один из ближайших сторонников Деция, сын Пакувия Калавия, готовился его убить и только вмешательство Пакувия заставило юношу отказаться от этого замысла [Ливий, 23, 8, 7–9, 12]. Судьба Деция была решена: капуанский сенат принял то постановление, которого Ганнибал добивался: несчастного сенатора препроводили сначала в пунийский лагерь, а затем на корабль, чтобы переправить в Карфаген. Но случайность спасла Деция Магия от неминуемой гибели — корабль, на котором его везли, буря занесла в Кирену, находившуюся под властью египетской династии Птолемеев, и Деций Магий получил свободу. Впрочем, главная цель Ганнибала была достигнута: враждебную Карфагену партию заставили замолчать, а ее признанного вождя удалили из Капуи.

Насколько подобный образ действий Ганнибала был оправдан и целесообразен, трудно сказать. Судьба Деция продемонстрировала, во всяком случае, что договоры, которые Ганнибал заключал или мог заключить, для него значат не больше, чем клочок папируса. Речь Ганнибала в Капуе и в особенности насилие над Децием Магием не могли не иметь для него отрицательных последствий, не могли не заставить определенные и достаточно влиятельные круги попытаться избежать бремени столь опасного союза.

Само собой разумеется, что, готовясь к новому туру войны против Рима, Ганнибал нуждался в подкреплениях. Именно с этой целью — ошеломить карфагенский совет известием о блестящей победе и добиться отправки в Италию новых воинских контингентов — Ганнибал послал на родину своего брата Магона. Тит Ливий [23, 11, 7–13, 8] сохранил подробный рассказ и о докладе, который Магон представил совету, и о прениях, и о том, какие меры совет в конце концов принял.

Магон, естественно, постарался изобразить положение вещей в наиболее благоприятном для Ганнибала освещении: с шестью полководцами он сражался, в том числе с четырьмя консулами, одним диктатором и одним начальником конницы; с шестью консульскими армиями карфагенские войска скрестили оружие; из четырех консулов двое погибли, один бежал раненым, еще один едва спасся от полного уничтожения своей армии, уведя с поля боя едва 50 человек; начальник конницы разбит наголову; диктатор считается выдающимся полководцем только потому, что так и не решился вступить в сражение. Всего неприятель потерял более 200 000 убитыми и более 50 000 пленными; Брутиум, Апулия, часть Самниума и Луканий и, что особенно важно, Кампания перешли на сторону Ганнибала. Чтобы подкрепить свои слова, Магон приказал высыпать в вестибюле здания, где происходило заседание совета, три медимна всаднических и сенаторских колец. Так как Ганнибал ведет войну далеко от дома, на вражеской земле, продолжал Магон, переходя к наиболее щекотливой части своего поручения, расходует огромное количество продовольствия и денег, несет в стольких сражениях потери в живой силе, чтобы уничтожить неприятеля, необходимо дать ему подкрепления, а воинам — пищу и деньги.

Общее ликование было ответом Магону, и только один эпизод внес некоторый диссонанс в хор изъявлений восторга. Один из сторонников Ганнибала, Гимилькон, желая глубже уязвить руководителя антибаркидской группировки Ганнона, стал попрекать его прежними выступлениями, когда он решительно высказывался против войны и даже предлагал выдать Ганнибала римлянам. Ганнон не остался в долгу. Судя по рассказу Ливия, сказал он, победы, одержанные Ганнибалом, в сущности, бесплодны. Победитель требует еще воинов, еще продовольствия и денег, как если бы он был побежден и не захватил вовсе добычи. Ни один из латинских городов — союзников Рима не перешел на сторону Ганнибала; римское правительство не думает о заключении мира [ср. у Вал. Макс., 7, 2, 16]. Однако на эти речи никто не обратил внимания. Совет постановил направить к Ганнибалу 4000 нумидийских всадников, 40 слонов и деньги. Кроме этого в Испанию был направлен специальный агент (Ливий называет его диктатором) для вербовки наемников (20 000 пехотинцев и 4000 всадни-

ков), которые должны были пополнить карфагенские войска на Пиренейском полуострове и в Италии. Позже Гасдрубал Баркид, командовавший карфагенскими войсками в Испании, получил распоряжение двигаться в Италию.

Результаты миссии Магона, как видим, далеко не соответствовали надеждам Ганнибала. 4000 всадников и 40 слонов — это, конечно, было каплей в море, да и их надо было доставить к Ганнибалу, не имевшему выходов к морю. К тому же пунийское правительство и не торопилось выполнять свои решения [Ливий, 23, 14, 1]. Как увидим далее, Магону удалось собрать значительно меньше воинов, чем это предполагалось по решению совета, однако в лагерь Ганнибала они все равно не попали. Действия карфагенского совета ясно показали, что Ганнибалу не приходится особенно рассчитывать на помощь со стороны своего собственного государства, что он должен надеяться и впредь главным образом на свою армию и на союзников, если их удастся найти. Обескураживающие результаты посольства Магона приоткрыли завесу и над другим, еще более неприятным обстоятельством. Карфагенский совет принял именно такие решения не потому, что близорукое правительство купеческой республики из жадности, неспособности или тайного недоброжелательства не хотело оказать помощь Ганнибалу и бросило его на произвол судьбы. Наоборот, судя даже по рассказу Тита Ливия, который, естественно, главное свое внимание сосредоточил на речи Ганнона, как раз доброй воли и желания помочь Ганнибалу было более чем достаточно. Не хватало другого — материальных ресурсов для того, чтобы эта помощь была по-настоящему эффективной. А это значило, что и в будущем Ганнибалу на действительную поддержку из Карфагена рассчитывать не приходится.

Тревожные вести приходили к Ганнибалу и из Испании. Кампания 216 г. [Ливий, 23, 26–29] началась там с того, что карфагенянам изменил союзнический флот и перебежчики склонили к враждебным антипунийским выступлениям тартессиев — очевидно, прямых потомков тартесситов, разгромленных и покоренных карфагенянами в конце VI в. После нескольких мелких стычек тартессии сумели добиться серьезного успеха — они овладели городом Аскуа, однако первая крупная победа настолько вскружила им голову, что Халб (один из вождей восстания) потерял над ними контроль

и Гасдрубалу Баркиду удалось сначала загнать в окружение, а потом и уничтожить беспечно рассеявшихся по полям неприятелей.

Вскоре Гасдрубал получил от карфагенского совета приказ вести свою армию в Италию и там присоединиться к Ганнибалу. Слухи о таком решении пунийского правительства быстро наполнили Испанию и, естественно, вызвали там новый подъем проримских настроений. Об этом Гасдрубал и написал в Карфаген: едва только он, Гасдрубал, двинется на север, вся Испания станет римской; у него нет ни армии, ни командиров, чтобы оставить их вместо себя; если совет хоть в какой-то степени обеспокоен судьбой Испании, то он должен прислать ему преемника с сильным войском.

Это послание произвело на совет впечатление, которого Гасдрубал и добивался. Правда, распоряжение идти в Италию было подтверждено, но в Испанию был прислан во главе наемных войск и флота Гимилькон. Собрав внеочередную дань со всех подвластных племен, Гасдрубал выступил в поход на север. Но явиться на помощь Ганнибалу ему было не суждено. У Ибера путь ему преградили римские легионы, которыми командовали на Пиренейском полуострове братья Публий и Гней Корнелии Сципионы. В ожесточенном сражении римляне частью перебили, частью разогнали карфагенскую пехоту; мавританская и нумидийская конница пунийцев обратилась в бегство, угнав заодно и слонов. По данным Евтропия [3, 11], карфагеняне потеряли в этом бою 25 000 человек убитыми и 10 000 пленными. Сам Гасдрубал едва спасся.

Неудача Гасдрубала очень тяжело сказалась на положении Ганнибала. Она не только вновь поставила под вопрос господство Карфагена в Испании и продемонстрировала неспособность пунийцев очистить от римлян Пиренейский полуостров; после событий, разыгравшихся у Ибера, стало ясно, что на помощь из Испании, во всяком случае пока, Ганнибал рассчитывать не может. Ему оставалось надеяться только на свои собственные силы. Не следует преуменьшать и значения морального фактора. Победа Сципионов в первом же крупном сражении после Канн свидетельствовала, что Рим вовсе не собирается сдаваться на милость победителей и успешно начинает новый этап военных действий.

Рим после катастрофы

Известие о поражении при Каннах привело Рим в состояние шока. По городу распространялись слухи, что вся армия уничтожена, консулы погибли (в Риме еще не знали, что Варрон жив и пытается создать из беглецов хотя бы некоторое подобие воинского формирования), почти вся Италия уже в руках Ганнибала, не осталось больше ни одного римского воина и некому защищать город. Подлинные размеры несчастья еще не были ясны; во всех домах оплакивали погибших и живых. Не сомневались, что Ганнибал немедленно приступит к осаде Рима, ибо это только и оставалось сделать для завершения войны [Ливий, 22, 55, 2]. В этих условиях преторы Публий Фурий Фил и Марк Помпоний созвали заседание сената, чтобы рассмотреть один-единственный вопрос — как защищать город. Ливий [22, 55, 3] замечает, что вопли плачущих женщин, доносившиеся с площади, заглушали голоса сенаторов. Недавний диктатор Квинт Фабий Максим предложил отправить по Аппиевой и Латинской дорогам всадников разузнать, какова судьба консулов и армии, где Ганнибал и что он намерен делать, а в самом городе водворить спокойствие, запретить женщинам появляться в общественных местах, прекратить оплакивание родственников, вестников препровождать к преторам, никого не выпускать из города, гражданам сидеть дома и ждать сообщений о судьбе своих близких [Ливий, 22, 55, 4–8; Зонара, 9,2].

Так и решили поступить, однако сразу же после заседания в Рим прибыло донесение Варрона, которое позволило сенату более точно представить масштабы катастрофы. Надо сказать, что и среди воинов, спасшихся от ужасающего побоища, царила паника; возник даже замысел покинуть Италию и бежать к какому-нибудь царю, чтобы там наняться на военную службу. Инициатором этого предприятия называют Луция Цецилия Метелла. Только вмешательство Публия Корнелия Сципиона-младшего, тогда еще юного военного трибуна, а в будущем победителя Ганнибала, предотвратило осуществление этого плана [Ливий, 22, 53; Дион Касс., фрагм., 28; Орозий, 4, 16, 6; Знамя, 46, 5–6]. Все римские воины, оставшиеся в живых и не попавшие в плен, стекались в Венусию,

где находился консул, а также в Канусий. В конце концов и Варрон со всеми собравшимися вокруг него солдатами перешел в Канусий [Ливий, 22, 52–54]. Варрон писал сенату, что у него набралось до 10 000 воинов, которые, однако, совершенно неорганизованны, а пуниец сидит около Канн, считает добычу. Вместе с письмом в Рим пришли сведения о потерях, и в городе воцарился траур; пришлось даже отменить ежегодные празднества в честь Цереры, поскольку в них не могли участвовать люди, находившиеся в трауре. Чтобы не допустить отмены и других религиозных церемоний, сенат ограничил оплакивание погибших 30 днями [Ливий, 22, 56, 2–5].

Умиловление богов, обеспечение победы с помощью потусторонних сил сенат считал одной из важнейших своих задач. Как раз в 216 г. две весталки, Опимия и Флорония, были уличены в прелюбодеянии, и все видели в этом факте в высшей степени дурное предзнаменование — более того, прегрешение, из-за которого на римский народ обрушился гнев богов. Одна из них, по обычаю, была зарыта в землю у Коллинских ворот, а другая, не дожидаясь казни, покончила с собой. Возлюбленного Флоронии, некоего Луция Кантилия, который занимал должность писца при великом понтифике, последний собственноручно заперол на народном собрании до смерти. Квинта Фабия Пиктора, родственника диктатора и впоследствии одного из историографов II Пунической войны, сенат отправил к дельфийскому оракулу спросить, какими молитвами и жертвами римляне смогут умиловить богов. По указанию книги судеб совершались специальные жертвоприношения, в том числе и человеческие [Ливий, 22, 57, 2–6]. Насколько об этом позволительно судить, подобные жертвоприношения практиковались в Риме только при чрезвычайных обстоятельствах. Они, в частности, имели место в 226 г., когда ожидали нашествия галлов [Орозий, 4, 13, 3; Плут. Марц., 3], а также в 114 г. в связи с нарушением весталками их обета [Плут. Деян. римл., 83], из-за чего в Риме ожидали всевозможных бедствий.

Миссия Квинта Фабия Пиктора принесла римлянам благоприятный результат. Оракул перечислил богов и богинь, которым надо было принести жертвы, указал, как это сделать, а затем добавил: «Если так сделаете, римляне, будет вам благополучие и облегчение, государство ваше преуспеет по жела-

нию вашему, и будет на войне римскому народу победа. Аполлону Пифийскому государство, благополучное и охраняемое, пошлет дары, достойные его и соразмерные с добычей, из которой вы и почтите его; чрезмерного ликования не допускайте». Там же, в Дельфах, Пиктор принес всем богам в жертву финикийские вина и, не снимая лавровый венок, в котором совершал жертвоприношения, отправился в Рим. Там он возложил венок на жертвенник Аполлона. По постановлению сената все молебствия и жертвоприношения были немедленно совершены [Ливий, 23, 11, 1–6].

Эти действия, гарантировавшие, согласно представлениям эпохи, благоволение и помощь богов, а в особенности предсказание грядущей победы, в котором никто не посмел бы усомниться, должны были произвести необходимый Риму морально-политический эффект: внушить самим римлянам уверенность в неминуемом конечном торжестве над неприятелем, солдатам Ганнибала, до которых доходили, конечно, слухи о посольстве Пиктора и его результатах, — убежденность в неизбежном поражении, в том, что боги явно не благоволят к их полководцу и его предприятию, союзников же Рима удерживать от немедленного перехода на сторону Карфагена. Позиция дельфийского оракула была внушительной политической демонстрацией в пользу Рима. Она показала, что в Каннах война не кончилась и что дельфийское жречество не сомневается в благополучном для Рима исходе войны. Римское правительство желало сохранить по крайней мере нейтралитет эллинского мира. Собственно, этим и объясняется обращение именно к греческому оракулу — одному из авторитетнейших — в обход италийских святынь. Предсказания пифии, несомненно, должны были оказать благоприятное влияние. Результаты посольства Квинта Фабия Пиктора были первым и очень важным политическим успехом римского правительства после Канн.

Сенат предписал претору Марку Клавдию Марцеллу, командовавшему римским флотом, который находился в Остии, отправиться к остаткам римской армии в Канусий и там принять командование у Варрона. Это назначение выдвинуло на первый план Клавдиев, которые на длительное время сосредоточили в своих руках командование армиями, действовавшими непосредственно против Ганнибала. Варрону было пред-

ложено вернуться в Рим, как только это станет возможным без ущерба для интересов государства. Когда Варрон прибыл в город, его встречали толпы народа и благодарили за то, что он не отчаялся в спасении государства; тем самым сенат продемонстрировал единство римского народа, забвение «партийных» и иных распрей перед лицом грозной опасности. Для организации обороны, и прежде всего для мобилизации новых воинских контингентов, сенат назначил диктатора — Марка Юния Перу и при нем начальника — конницы Тиберия Семпрония Гракха. В армию записывали теперь даже семнадцатилетних, а иногда и более юных. Таким образом набрали четыре легиона пехоты и 1000 всадников. За государственный счет были выкуплены и зачислены в римские войска 8000 рабов. Для вооружения всех этих солдат использовались все запасы, в том числе трофейное оружие, посвященное богам и хранившееся в храмах и портиках [Ливий, 22, 57, 9–12]. Кроме этого была предоставлена возможность вступить в армию с перспективой освобождения от наказания или уплаты долга преступникам и несостоятельным должникам, находившимся в заключении. Их — 6000 человек — также вооружили трофейным галльским оружием. Всего римское правительство располагало теперь 25000 воинов [Ливий, 23, 14, 3–4; Зонара, 9, 2].

Между тем перед сенатом встала трудная и деликатная проблема. Предстояло решить вопрос о судьбе римлян, оказавшихся после Канн в плену у Ганнибала. Как уже говорилось, Ганнибал разрешил пленным избрать из их среды десятерых и отправил их в Рим для переговоров. Тит Ливий приводит два рассказа и об этом посольстве, и о том, как в Риме происходило обсуждение вопроса.

Согласно одному из них [22, 58, 5–61, 4], когда послы выехали на родину, один из них (человек совершенно неримского склада, наставительно замечает Ливий) вернулся в карфагенский лагерь под тем предлогом, что он там забыл какую-то вещь, а затем догнал своих товарищей, спешивших в Рим. Там на заседании сената, окруженного толпами людей, в страхе и смятении ожидавших решения судьбы своих близких, владело крайнее мнение Тита Манлия Торквата; было решено отказать от выкупа пленных, и послы вернулись в лагерь Ганнибала: того из них, кто, считая, будто притворное возвращение освободило его от клятвы, попытался было остано-

ся в Риме, сенат приказал арестовать и под стражей доставить к неприятелю.

По другой версии [Ливий, 22, 61, 5–10], первоначально в Рим явились десять посланцев от пленных, и сенат долго колебался, допускать ли их вообще в город; в конце концов решили разрешить им войти в городские ворота, но не устраивать ради них заседания сената. Переговоры слишком затянулись, и в Рим прибыли еще трое пленных — Луций Скрибоний, Гай Кальпурний и Луций Манлий. (Если эта версия соответствует действительности, сам факт присылки дополнительного посольства свидетельствует о поразительной настойчивости, с которой Ганнибал добивался после Канн прекращения войны с Римом.) Только после этого один из народных трибунов, родственник Луция Скрибония, поставил в сенате вопрос о выкупе пленных. Сенат отказал. Трое последних послов (Скрибоний, Кальпурний и Манлий) вернулись к Ганнибалу, а первые десять остались: отправляясь в путь, они с дороги возвратились в пунийский лагерь якобы для того, чтобы проверить списки пленных, и теперь считали себя свободными от клятвенного обязательства воротиться в случае неудачного исхода посольства. По вопросу об их судьбе в сенате состоялись бурные прения, и незначительным большинством голосов им разрешено было остаться. Впрочем, участь этих людей все равно была незавидной; цензоры принимали их выговорами и штрафами, так что некоторые предпочли покончить с собой, а другие опасались выходить из дома [ср. у Зонары, 9, 2]. По Авлу Геллию [Гелл., 6, 18], который ссылается на Корнелия Непота, из десяти послов в Риме остались двое, подвергшиеся позже репрессиям со стороны цензоров; в сенате обсуждался вопрос об их выдаче неприятелю, но большинством голосов это предложение было отклонено.

Еще один вариант повествования на эту же тему имеется у Аппиана [Апп. Ганниб., 28]: пленные, согласно этому преданию, направили в Рим трех посланцев во главе с Гнеем Семпронием; сенат не разрешил родственникам заплатить выкуп и, таким образом, отказался санкционировать освобождение тех, кто после Канн очутился во власти Ганнибала. Пуниец, придя в ярость, запрудил их телами реку Вергелл и по этому мосту переправил своих солдат [ср. у Вал. Макс., 9, 2, 2], а са-

мых знатных заставил сражаться на потеху ливийцам — отцов с сыновьями и братьев с братьями [ср. у Зонары, 9, 2].

Текст Диона Кассия [фрагм., 36] сохранил стоящую особняком традицию: римляне, по его словам, вели переговоры с Ганнибалом, требуя возвращения пленных, однако отказываясь от обмена и тем более выкупа. О посольстве пленных этот источник не упоминает, однако приходится иметь в виду, что перед нами лишь отрывок, а не все повествование в целом.

Уже Ливий [22, 61, 10] меланхолически замечает, что можно только удивляться такому разногласию между историками, а установить, какая версия достоверна, нет никаких средств. Мы находимся не в лучшем положении. У нас пока нет информации, которая позволила бы предпочесть какой-либо из этих рассказов. Как бы то ни было, достоверно одно: Ганнибал предложил римскому правительству выкупить пленных и тем начать подготовку к мирным переговорам (такая мысль прямо не высказывалась, но, бесспорно, подразумевалась), а сенат определенно отказался выкупить пленных, продемонстрировав тем самым свою непримиримую позицию (не забудем, что речь шла о судьбе не просто сограждан, но иногда родственников и т. д.), и даже, если верить Диону Кассию, делал явно неприемлемые предложения, как если бы Рим не был побежден, сознательно идя на срыв переговоров. Сенату было важно после Канн показать всей Италии свое нежелание вести переговоры с Ганнибалом и уверенность в исходе войны.

Решительные меры, принятые сенатом, хорошо использовавшим время, которое ему предоставил Ганнибал, позволили римлянам очень скоро снова вмешаться в борьбу на юге Италии.

Захват Ацерр, Касилина, Локр и Кротона

Между тем Ганнибал вступил со своими войсками на территорию, принадлежавшую Ноле. Судя по рассказу Ливия [23, 14], он рассчитывал, что и этот город ему удастся захватить без боя, тем более что народные массы, опасавшиеся разорения своих полей и тягот, которые были бы неизбежным следствием осады, настойчиво требовали расторгнуть союз с Римом и перейти на сторону карфагенян. Только местная

знать (сенат, как пишет Ливий) стремилась сохранить прежние отношения с Римом, видимо, потому, что господство последнего обеспечивало власть в Ноле аристократических кругов. Возбуждение плебса было настолько велико (Плутарх [Плут. Марц., 10] даже прямо говорит о восстании), что сенат опасался предпринимать какие-либо открытые шаги; более того, он заявил, что готов пойти на заключение договора с Ганнибалом. Необходимо только время, чтобы выработать приемлемые условия соглашения. Казалось, в Ноле повторяется все то, что уже произошло в Капуе: аристократия утратила всякое влияние и в страхе покорно удовлетворяла требования народа. С часу на час Ганнибал мог ожидать в своем лагере послов из Нолы с приглашением войти в город.

Однако все произошло иначе. Будто бы уступая желаниям плебса и выражая готовность договориться с Ганнибалом, ноланский сенат тайно отправил посольство, но не к пунийскому полководцу, а в Касилин, где находились римские войска, частью собранные Варроном, а частью присланные из Остии, в Касилин, куда только что прибыл новый командующий — претор Марк Клавдий Марцелл. Посланцы ноланского сената заявили Марцеллу, что городу угрожает опасность и сенату только притворным согласием удалось оттянуть принятие окончательного решения. Марцелл предложил и дальше действовать в том же духе, а сам через некоторое время, идя по горным дорогам, со своими легионами явился в Нолу.

Таким образом, создались условия для первой после Канн схватки римлян с карфагенянами в пределах Италии. Правда, Ганнибал, узнав о прибытии римских войск, решил уклониться от боя и отправился к Неаполю, чтобы еще раз попытаться овладеть этим важнейшим приморским городом. Но в Неаполе к этому моменту обосновался приглашенный местными властями римский гарнизон во главе с Марком Юнием Силаном, и Ганнибал, не осмелившись осаждать город, отошел к Нуцерии. Там, подвергнув город блокаде, непрерывно бросая своих солдат на штурм его укреплений, безуспешно пытаясь завязать с гражданами мирные переговоры, он добился наконец некоторого успеха: жестокий голод принудил граждан Нуцерии сдаться на милость победителя. Безоружные, в одной только одежде, они покинули городские стены и, пренебрегши предложениями Ганнибала остаться, ушли в другие

кампанские города, преимущественно в Нолу и Неаполь [Ливий, 23, 15, 1–6]. Впрочем, спастись от расправы удалось, видимо, не всем. По данным Аппиана [Апп. Лив., 63] и Диона Кассия [фрагм., 30], когда жители Нуцерии вышли из города, карфагеняне захватили тамошних сенаторов, загнали их в баню и сожгли, несомненно, потому, что сенат Нуцерии выступал против соглашения с Ганнибалом. Часть безоружных плебеев, уходивших из города, закололи копьями на дороге [см. также у Зонары, 9, 2].

Положение Марцелла в Ноле, несмотря на то что Ганнибал на какое-то время отправился к Неаполю, а потом осаждал и штурмовал Нуцерию, было очень трудным. Из горожан его безоговорочно поддерживала только знать, тогда как плебс по-прежнему стремился к союзу с Ганнибалом. Одно из руководителей антиримского движения, Луция Бантия, Марцеллу удалось привлечь на свою сторону, однако на самом движении это почти не отразилось. Оно еще больше усилилось, когда Ганнибал, расправившись с Нуцерией, снова приступил к стенам Нолы [Ливий, 23, 15, 7–16; Плут. Марц., 10].

Уведя свои войска в город, Марцелл ограничился на первых порах разрозненными и случайными стычками; так же поступал и Ганнибал, завязавший переговоры с руководителями ноланского плебса. Было условлено, что, когда римляне выйдут из ворот, ноланцы разграбят их обоз, запрут ворота и займут городские стены, чтобы в конце концов принять карфагенян. Рассчитывая на это соглашение, Ганнибал стал ежедневно выстраивать свои войска в боевой порядок, вызывая противника на битву.

Когда Марцелл узнал обо всем этом от ноланских сенаторов, панически боявшихся Ганнибала и своих собственных сограждан, он решил больше не ждать. Своих солдат Марцелл выстроил внутри города, у городских ворот, обозу приказал следовать сзади, а обозному персоналу вооружиться кольями; резервные соединения были назначены охранять обоз. Ноланцам Марцелл запретил приближаться к воротам и городским стенам. Казалось, вот-вот распахнутся ворота, римляне выйдут из города, но ворота не открывались, а на стенах вообще исчезли вооруженные люди. Ганнибал подумал, что римляне, узнав об его соглашении с ноланским плебсом, парализованы страхом, и решил начать штурм. В тот момент, когда

карфагенские воины подходили к городским стенам, Марцелл приказал открыть ворота и ударить по врагу. Карфагеняне вынуждены были отступить; потеряв надежду овладеть Нолой, Ганнибал ушел к Ацеррам [Ливий, 23, 16, 2–17; ср. у Плут. Марц., 11]. А Марцелл учинил в Ноле расправу над теми, кто пытался установить дружественные отношения с Ганнибалом. Как рассказывает Ливий [23, 17, 1–2], по приказу римского претора казнили более 70 человек, а их имущество конфисковали. Закрепив таким способом в Ноле власть сената, Марцелл оставил город и расположился лагерем недалеко от Суессулы.

Для самого Ганнибала неудача под Нолой обернулась серьезным военно-политическим проигрышем. Победители при Каннах были отброшены от стен Нолы теми, кто еще недавно бежал от карфагенского меча и даже в панике решал для себя вопрос, не двинуться ли куда-нибудь из Италии.

События у Ацерр не замедлили подтвердить, насколько действенными оказались все те военно-политические факторы, которые работали против Ганнибала. Как это однажды удалось в Капуе, как он хотел это проделать в Ноле, Ганнибал и здесь пытался склонить жителей города к добровольной сдаче. Однако, как рассказывает Ливий [23, 17, 4–7], столкнулся с решительным и категорическим отказом и вынужден был брать город штурмом. Не имея сил защищаться, горожане ночью бежали и разбрелись по Кампании. Ганнибал разграбил и сжег Ацерры. Аппиан [Апп. Лив., 63] и Дион Кассий [фрагм., 34] к этому добавляют, что, захватив местных сенаторов, Ганнибал приказал бросить пленников в колодцы.

Во время расправы с Ацеррами Ганнибал получил известие, что на юг Италии идут римские войска. Желая предупредить их появление, овладеть переправой через Вольтурн и вести боевые операции как можно дальше от Капуи, Ганнибал двинул свою армию к Касилину, где находился небольшой римский гарнизон. Подходя к Касилину, Ганнибал выслал вперед отряд гетульских всадников, поручив его командиру Исалке завязать, если окажется возможным, переговоры с местными жителями, а в случае неудачи — напасть на город. В Касилине и особенно на его стенах царила мертвая тишина, когда к нему подскакали гетулы; они подумали уже, что римские солдаты и горожане бежали из города, и принялись ломиться в запер-

тые ворота. Внезапно ворота с шумом распахнулись и 2 когорты римлян бросились на всадников. Исалка приказал отступить. Ему на помощь Ганнибал отправил Махарбала, но и его римляне заставили отойти от городских ворот. Делать было нечего: разбив лагерь под стенами Касилина, Ганнибал начал осаду. Во время одной из вылазок касилинцев ему почти удалось отрезать их от города; в стычке многие были перебиты. На следующий день начался штурм, но осажденные парализовали все действия карфагенян. В конце концов, оставив около Касилина укрепленный лагерь с гарнизоном, достаточным для поддержания блокады, Ганнибал отправился с основными своими силами на зимние квартиры в Капую [Ливий, 23, 17, 7–18, 9].

Пребывание карфагенских войск на зимних квартирах в Капуе римская традиция считает одной из серьезнейших стратегических ошибок Ганнибала. Ливий [23, 18, 11–12] яркими красками рисует разложение пунийской армии: «Тех, кого не победили никакие лишения, погубили слишком обильные удобства и неумеренные удовольствия — и это тем больше, чем с большей жадностью они с непривычки в них погрузились. Дело в том, что сон, и вино, и пиршества, и блудницы, и бани, и безделье, по привычке изо дня в день все более привлекательные, так ослабили их тела и души, что позже их больше поддерживали прежние победы, чем наличные силы». И далее [23, 18, 14–16]: «...Он не сохранил ничего от прежней дисциплины, ибо многие, спутавшись с блудницами, развратились, и, как только их стали держать в палатках, а также заставлять переносить походы и другие военные невзгоды, у них, подобно новобранцам, не хватило ни физических, ни душевных сил. И затем в течение всего лета многие без отпусков покидали знамена...» [ср. также у Диодора, 26, 11; Вал. Макс., 9, 1, 9].

В этом описании нельзя не заметить определенного преувеличения; последующие операции Ганнибала в Италии показывают, что ущерб, нанесенный его войскам зимовкой в Капуе, был не так велик, как это представляет своему читателю Тит Ливий. Тем не менее упадок прежней дисциплины, очевидно, остро ощущался (хотя бы и не в таких масштабах).

Как бы то ни было, едва только спали холода, Ганнибал снова повел свою армию к Касилину, гарнизон которого и на-

селение жестоко страдали в осаде от голода. Рассказывали, что люди бросались со стен, подставляя грудь ударам вражеских копий, предпочитая смерть невыносимым мукам. Надежды на скорую помощь у осажденных, казалось, не было: Марцелл все свое внимание уделял Ноле, а диктатор Марк Юний Пера отправился в Рим для гаданий, запретив начальнику конницы Тиберию Семпронию Гракху предпринимать какие бы то ни было действия. Урок кампании Фабия и Минуция хорошо запомнился римлянам. Единственное, что позволил себе Гракх, — это спускать вниз по Вольтурну в бочках зерно, пока однажды течение не прибило бочки к берегу и ими не завладели пунийцы. Пробовали еще высыпать в реку орехи, которые в городе вылавливали корзинами, однако толку от этого было мало. Изнемогавшие от голода касилинцы и римские воины начали есть кожу, траву, крыс. Когда солдаты Ганнибала распахали поле перед городской стеной, дабы затруднить им вылазки, они побросали туда семена репы, в надежде как раз во время вылазки собрать урожай.

Однако и Ганнибал не предпринимал решительных действий. Очевидно, если римляне не чувствовали себя в состоянии решиться на новое генеральное сражение, то и Ганнибал после зимовки в Капуе не видел такой возможности для себя. Понимая, что осада Касилина сковывает его силы и заставляет напрасно тратить время (недаром ему приписывается раздраженный возглас: «Неужели мне суждено сидеть у Касилина, пока не вырастет репа?»), но не решаясь захватить город силой, Ганнибал пошел в конце концов на переговоры. За выкуп в семь унций* золота с человека он разрешил осажденным покинуть город.

Взятие Касилина и в особенности бездействие римлян в начале кампании открыли Ганнибалу дорогу к новым успехам на юге Италии, позволили захватить силой или принудить к заключению союза некоторые города, сохранявшие еще верность Риму.

Первой его жертвой стала Петелия — единственный, по словам Ливия, город в Брутиуме, не изменивший союзу с Римом. Она оказалась в безвыходном положении: осажденная

---

* Древнеримская унция равнялась 28,34 грамма; семь унций — 198,38 грамма. — *Прим. ред.*

карфагенянами и брутиями, Петелия запросила помощи у Рима, но получила отказ; сенат объявил, что никакой поддержки при сложившихся обстоятельствах он столь отдаленным союзникам оказать не может, и предложил петелийцам самим позаботиться о себе. По настоянию местного сената в Петелии решили сопротивляться [Ливий, 23, 20, 4–10], однако после осады, продолжавшейся несколько месяцев (по Полибию, 11), изнуренные голодом горожане с позволения римского правительства сдались карфагенскому военачальнику Гимилькону, которому Ганнибал поручил осаду города [Ливий, 23, 30, 1–4; Полибий, 7, 1, 2]. По рассказу Аппиана [Ганниб., 29], который в одних случаях дополняет Полибия и Ливия, а в других — противоречит им, события в Петелии разворачивались следующим образом: Ганнибал, подведя к городу осадные орудия, натолкнулся на отчаянное сопротивление немногочисленных граждан, мужчин и женщин, которым удалось эти орудия поджечь. Учитывая, что защитников Петелии было слишком мало, что они гибли в оборонительных боях, от голода и лишений, Ганнибал решил ужесточить блокаду. По его приказу вокруг Петелии была возведена осадная стена; командование осаждающими Ганнибал поручил Ганнону. Петелийцы выслали на бой сначала тех, чья гибель принесла бы городу наименьший ущерб; за этими последовали и остальные. Только после уничтожения почти всех защитников города, которые были в состоянии держать оружие, Ганнон сумел войти в город. Из населения спаслись бегством только 800 человек; когда война окончилась, римляне водворили их на прежнее место.

Сравнивая сведения Аппиана, с одной стороны, и Полибия и следующего за ним Ливия, с другой, приходится признать, что версия Полибия производит впечатление более достоверной. Как бы то ни было, Петелия оказалась в руках карфагенян, и римляне лишились последнего оплота в Брутиуме.

Вскоре после этого, по рассказу Ливия [23, 30, 6–7], брутии, союзники Ганнибала, захватили греческий город Кротон; на сторону брутиев перешел и другой греческий город — Локры, где знать, как замечает Ливий [23, 30, 8], предала народ.

Согласно другой версии, также воспроизводимой Ливием [24, 1–3], Локры и Кротон были захвачены карфагенянами после того, как войска Ганнона, сына Бомилькара, по окон-

чании военных действий в Кампании в 215 г. возвратились в Брутиум. Этому противоречит, однако, то обстоятельство, что прибывшие перед событиями 215 г. в Кампании подкрепления Ганнибалу высадились в Локрах, которые к этому моменту уже стали союзниками карфагенян. Вызывает сомнение и достоверность отдельных деталей этого рассказа. Так, Ливий пишет, что Локры сдались карфагенянам потому, что «легкомысленные» предпочли новый союз и новое государственное устройство; они, однако, позволили римскому гарнизону тайно покинуть город. Здесь имеется противоречие: говорится о государственном перевороте, явно антиримском по своей политической направленности, и в то же время о действиях, способных, безусловно, скомпрометировать Локры в глазах нового союзника. Что же касается Кротона, то здесь, по словам Ливия, существовало антиримское движение, которое впустило в город брутиев, однако местная знать укрылась в акрополе, а затем перебралась в Локры. Во второй версии Ливия не исключены, таким образом, хронологические aberrации; здесь могли найти отражение события, происшедшие в Брутиуме до прибытия карфагенских подкреплений.

Некоторая активность элементов, враждебных Риму, наблюдалась в Сицилии: Гелон, старший сын сиракузского царя Гиерона II, после Канн открыто принял сторону Карфагена. Он вооружал народ, всеми мерами привлекал к себе сторонников, готовясь захватить власть, и только внезапная смерть Гелона, в которой, может быть и не без причины, обвиняли его отца, сохранила, хотя и на короткое время, римско-сиракузский союз [Ливий, 23, 30, 10–12].

Союз с Филиппом V. Война в Южной Италии

Пока Ганнибал и союзники сражались в Южной Италии, его брат Магон собирал в Карфагене подкрепления. Ему удалось набрать 12 000 пехотинцев, 1500 всадников (вместо 4000, как предполагало решение совета), 20 слонов (вместо 40) и, кроме того, 1000 талантов серебра и 60 боевых кораблей. Всех этих воинов, животных, деньги и флот он уже собирался направить в Италию, как вдруг обстоятельства круто изменились [Ливий, 23, 32, 5].

Во-первых, из Испании поступили вести о поражениях, которые потерпели там карфагенские войска, и о том, что почти все коренное население полуострова перешло на сторону римлян [Ливий, 23, 32, 6]. Во-вторых, в Карфаген прибыло тайное посольство из Сардинии, которая издавна была колонизована финикийцами (как показали раскопки, там было много пунийских поселений и на побережье, и внутри острова). Посланцы рассказывали, что на острове стоит небольшой римский гарнизон, что прежний наместник, претор Авл Клавдий, отзывается и пока еще только ожидают нового, что население провинции созрело для бунта: оно утомлено длительным, жестоким, алчным господством римлян, тяжкими поборами и обязанностью поставлять римским войскам чрезмерно много продовольствия. Послов из Сардинии в Карфаген направили сардинские аристократы; главным инициатором заговора Ливий [23, 32, 7–10] называет Хампсикору, самого авторитетного и самого богатого человека на острове. Интересно, что, по рассказу Ливия, антиримское движение в Сардинии было преимущественно аристократическим. Может быть, здесь сказались давние политические, хозяйственные и культурные связи Сардинии с Карфагеном, разорванные после I Пунической войны, когда остров перешел под власть Рима, тем более что традиции карфагено-финикийской цивилизации в Сардинии сохранялись по крайней мере до III в. н. э. Не исключено, что антиримское движение в Сардинии могло быть инспирировано карфагенянами [Ливий, 23, 41, 2].

Как бы то ни было, карфагенский совет решил направить в Испанию Магона со всеми войсками, находившимися под его командованием, а в Сардинию — Гасдрубала Плешивого, которому дали примерно такую же армию, что и Магону [Ливий, 23, 32, 11–12]. Решение карфагенского правительства хорошо объясняется политической обстановкой, сложившейся в западносредиземноморском мире: необходимо было укрепить пошатнувшееся положение на Пиренейском полуострове, по возможности ликвидировав там римскую угрозу, а перспектива отвоевать назад Сардинию создавала реальную надежду овладеть выгодными стратегическими рубежами для нового вторжения в Центральную Италию. Все это так. Но о каких-либо подкреплениях из Карфагена при этом уже не могло быть и речи. Тем более важными были для Ганнибала

дипломатические шаги, дававшие, казалось, возможность обрести столь желанного союзника и начать объединение всей ойкумены для борьбы против Рима.

Борьба двух могущественнейших на земле народов, пишет Ливий [23, 33, 1], привлекла к себе внимание всех царей и племен, в том числе и Филиппа V, царя Македонии, который рассчитывал воспользоваться затруднительным положением карфагенян для достижения своих политических целей.

В 221 г. умер македонский царь Антигон Досон. Его преемник, Филипп V, так сказать, по наследству воевал против истинного врага Македонии — Этолийского союза и связанных с ним Спартой и Элидой. Получив известие об исходе битвы при Каннах, царь, по совету одного из своих самых близких «друзей» Деметрия Фаросского, решил прекратить войну против Этолии; советник рисовал перед ним куда более заманчивую перспективу завоевания Италии, а затем и всего мира [Полибий, 5, 101, 9–102, 1]. Была у Филиппа и другая цель — отвоевать Иллирию, совсем недавно в результате войн 229–219 гг. оказавшуюся под властью Рима. Среди иллирийских территорий, захваченных римлянами, были области, принадлежавшие Деметрию Фаросскому, который был, таким образом, лично заинтересован в войне против Рима. Мы не знаем, каковы были условия мирного урегулирования между Филиппом V и его противниками, которого они достигли в Навпакте [Полибий, 5, 105, 1–2]; по-видимому, было восстановлено довоенное положение вещей — «союз» всех греческих обществ с Македонией, то есть фактическое господство в Греции македонского царя. Интересно, что, по рассказу Полибия [5, 104], важным стимулом к заключению Навпактского мира была угроза с запада. Во время переговоров навпактец Агелай указывал, что, кто бы ни победил в Италии, римляне или карфагеняне, они попытаются распространить свою власть и на Грецию. Предвидение это, как известно, полностью сбылось.

Для того чтобы противостоять этой угрозе, необходимо было, по мнению греков, водворить в самой Греции мир и спокойствие, а царю Филиппу свой воинственный пыл обратить на запад, в чем греки обещали быть его надежными союзниками. Как видим, Филипп V лишь на весьма короткое время

мог стать соратником Ганнибала; в случае победы над Римом он превращался во врага карфагенян.

Навпактский мир развязал Македонии руки. Построив и оснастив 100 кораблей, Филипп V вышел со своими войсками в открытое море, прибыл к Кефалении и Левкаде, а затем, узнав, что римский флот стоит на якоре возле Лилибея в Сицилии, отправился морем к Аполлонии, в направлении на Иллирию. Однако там царь получил ложное сообщение, будто на него идет римский флот, и в панике отступил к Кефалении, а оттуда вернулся в Македонию [Полибий, 5, 109—110]. Таким образом, первая его попытка овладеть Иллирией окончилась неудачей, главным образом из-за его же собственной неоправданной доверчивости и панического страха перед римлянами. В действительности у Регия были замечены 10 римских кораблей, которые, конечно, не могли вступить в бой с македонским флотом; но именно они послужили причиной преувеличенных слухов, по которым римский флот уже находился на подступах к Адриатическому морю.

Эта неудача сделала Филиппа V особенно заинтересованным в союзе с Ганнибалом, для которого, в свою очередь, поддержка Македонии имела первостепенное значение. Во-первых, можно было надеяться, что часть римских сил будет отвлечена на борьбу с греко-македонскими войсками за пределами Италии. Во-вторых, этот союз позволял выйти из дипломатической изоляции; можно было рассчитывать, что и другие властители эллинистического востока присоединятся к Ганнибалу в его смертельной схватке с Римом. О борьбе, которая ему предстояла бы сразу же после победы и о которой, как можно было видеть, говорили вслух, Ганнибал, вероятно, старался не думать: самое главное — победить сейчас, в Италии, а потом будет время решить, что делать и с Иллирией, и с Македонией, и с самим царем Филиппом V.

Таковы были обстоятельства, при которых в лагерь Ганнибала было направлено македонское посольство, возглавлявшееся Ксенофаном. Миновав Брундисий и Тарент, охранявшиеся римскими сторожевыми судами, македоняне высадились у храма Юноны Лацинийской, несколько южнее Кротона, и оттуда через Апулию двинулись к Капуе, но по дороге натолкнулись на римское сторожевое охранение. Солдаты доставили послов к претору Марку Валерию Леви-

ну, стоявшему лагерем неподалеку от Луцерии. Положение спас Ксенофан: не теряя присутствия духа, он заявил, будто послан царем Филиппом V заключить дружественный союз с римским народом; ему даны соответствующие полномочия и поручения к консулам, сенату и всему римскому народу. Обрадованный претор дал послам проводников, чтобы те указали самые удобные дороги и объяснили, где стоят римские и карфагенские войска. Без дальнейших приключений посольство, миновав римские гарнизоны, явилось в Кампанию, а там прямым путем в лагерь Ганнибала [Ливий, 23, 33, 4–9].

Как протекали переговоры между Ганнибалом и Ксенофаном, не известно. Евтропий [3, 12] говорит, правда, что Филипп предложил Ганнибалу помощь против Рима, с тем чтобы после победы Ганнибал помог ему против греков, однако похоже, что он основывается на известном ему тексте соглашения. Мы осведомлены только об условиях союзнического договора, которые Ливий [23, 33, 10–12] излагает следующим образом. Царь Филипп переправится в Италию и опустошит морское побережье, а также по мере своих сил будет вести войну на море и на суше; по окончании войны вся Италия вместе с городом Римом будет принадлежать Карфагену и Ганнибалу, причем последнему достанется и добыча; покорив Италию, союзники переправятся в Грецию и там будут воевать с теми, с кем пожелает царь; материковые государства и острова, прилегающие к Македонии, то есть практически вся балканская Греция с прибрежными островами и Архипелагом, будут принадлежать Филиппу. Приблизительно так же передает содержание договора и Зонара [9, 3]: воевать они будут вместе и Италию захватят карфагеняне, а Грецию с Эпиром и островами — царь Филипп.

Мы имеем редкую, поскольку речь идет о древности, возможность сравнить эти изложения с подлинным текстом договора, который в полном объеме приводится в историческом повествовании Полибия [7, 9]:

«Клятва, которую принесли Ганнибал-полководец, Магон, Миркап, Бармокар и все находящиеся с ним карфагенские герусиасты* и все карфагеняне, воюющие вместе с ним,

---

* Члены герусии — высшего государственного совета (совета 30-ти). — *Прим. ред.*

афинянину Ксенофану сыну Клеомаха, послу, которого послал к ним Филипп, царь, сын Деметрия, от себя, македонян и союзников, пред Зевсом, и Герой, и Аполлоном, пред Божеством карфагенян (имеется в виду, очевидно, богиня Тиннит. — *И. К.*), и Гераклом, и Иолаем, пред Аресом, Тритоном, Посейдоном, пред богами соратствующими и Солнцем, и Луной, и Землей, пред реками, и озерами, и водами, пред всеми божествами, которые владеют Карфагеном, пред всеми богами, которые Македонией и остальной Грецией владеют, пред всеми богами, которые участвуют в походе, присутствующими при этой клятве. Ганнибал-полководец сказал, и все находящиеся с ним карфагенские герусиасты, и все карфагеняне, воюющие вместе с ним, что решили вы и мы дать эту клятву в дружбе и добром благорасположении, быть друзьями, и родственниками, и братьями, дабы царь Филипп, и македоняне, и прочие греки, которые суть их союзники, выручали бы карфагенских граждан, и Ганнибала-полководца, и тех, кто с ним, и тех, кто под властью карфагенян, пользующихся теми же законами (что и карфагеняне. — *И. К.*), граждан Утики, и города, и народы, покорные карфагенянам, и воинов, и союзников, и все города и народы, с которыми у нас дружба, в Италии, Галлии и Лигурии, и с которыми у нас будет дружба в этой стране. Также и Филиппа, царя, и македонян, и из прочих греков [их] союзников будут выручать и охранять участвующие в войне карфагеняне, и граждане Утики, и все города и народы, покорные карфагенянам, и союзники, и воины, и все [дружественные нам] народы и города в Италии, Галлии и Лигурии, и другие, которые стали бы союзниками в этих местностях Италии. Мы не будем злоумышлять, не будем строить козни друг против друга; со всем усердием и благорасположением, без хитрости и злого умысла мы будем врагами тех, кто враждует с карфагенянами, за исключением царей, и городов, и гаваней, с которыми у нас имеются клятвы и договоры о дружбе. Будем также и мы врагами тех, кто враждует с царем Филиппом, кроме царей, и городов, и народов, с которыми у нас имеются клятвы и договоры о дружбе. Будете вы также нашими союзниками в войне, которую мы ведем против Рима, пока нам и вам боги не даруют победу. И вы нам можете, насколько будет нужно и как мы договоримся. Если бы, когда боги даруют вам и нам победу в войне против римлян

и их союзников, римляне просили заключить договор о дружбе, мы согласимся так, чтобы у них с вами была такая же дружба на условии, чтобы им не было разрешено начинать когда бы то ни было войну против вас и чтобы римляне не властвовали над керкирянами, аполлоннатами, эпидамнянами, а также над Фаросом, Дималлой, Парфинией и Агитанией. Они отдадут Деметрию Фаросскому всех его подданных, которые находятся в пределах Римского государства. Если же римляне начнут войну против вас или против нас, мы будем помогать друг другу, насколько каждой из сторон это будет нужно. Также и если кто-нибудь другой, кроме царей, и городов, и народов, с которыми у нас имеются клятвы и договоры о союзе. Если же мы решим изъять или добавить к этой клятве, то мы изыдем или добавим, как это будет решено нами обоими».

Сравнение текста карфагено-македонского договора, сохраненного Полибием и не вызывающего сомнений по поводу своей достоверности (в особенности характерна проникшая в греческий перевод калька с финикийского), с изложением Ливия, Зонары и Евтропия показывает, что последние воспроизвели не столько содержание соглашения, сколько его истолкование римской официальной пропагандой, восходящее, как в этом легко убедиться, к речам Гая Теренция Варрона сразу же после Канн. В договоре отсутствуют какие бы то ни было конкретные обязательства Филиппа V, речь идет в весьма неопределенной форме об оказании помощи в войне против Рима. Нет в договоре и статьи, которая гарантировала бы Карфагену обладание Италией; более того, стороны даже выражают готовность заключить союзнический договор с Римом, причем единственным предварительным условием, оговоренным здесь, является отказ Рима от завоеваний на Балканском полуострове. Это последнее обстоятельство особенно существенно: продолжая свою прежнюю политику, которую он начал сразу же после Канн, Ганнибал и в соглашении с Филиппом V фактически повторяет Риму приглашение заключить договор о мире и дружбе. Однако и этот призыв не был услышан. В договоре очень неопределенно сформулированы и обязательства Ганнибала оказать помощь своему македонскому союзнику. Каких-либо гарантий последнему по поводу господства над Грецией здесь также нет. Создается впечатление, что договаривающиеся стороны проявили исключитель-

ную осторожность, не желая связывать себя определенными обязательствами.

Примечательна и форма договора, заключенного в соответствии с обычной процедурой ближневосточной дипломатии. Как показал Э. Бикерман в своем интереснейшем исследовании этого документа, греческий текст клятвы Ганнибала Филиппу V у Полибия — это точный до буквализма перевод финикийско-пунийского оригинала. По своей схеме он представляет собой берит — клятву, фиксирующую установление союзнических отношений; она совершается в присутствии богов и содержит обращения к богам своим и контрагента; ее формуляр и терминология восходят, по мнению Э. Бикермана, к ближневосточным договорам II тысячелетия. Клятву приносит сам Ганнибал и все находящиеся в его лагере карфагеняне; такая клятва, хотя она и предусматривает оказание помощи македонянам со стороны участвующих в войне карфагенян, обществ, подвластных Карфагену, и союзников, не накладывает обязательств на Карфагенское государство как таковое и не связывает карфагенское правительство в его действиях, подобно тому как клятва Гасдрубала не переходит через Ибер не связывала ни его преемников, ни центральные власти.

Последнее обстоятельство, которое Филипп V, очевидно, не принимал в расчет, делало союз между Карфагеном и Македонией весьма эфемерным и в дальнейшем могло породить немало затруднений. По сути дела, это был союз между Филиппом, действовавшим от имени и как олицетворение Македонского государства, и Ганнибалом, выступавшим только от своего собственного имени, представлявшим только себя самого.

И все же заключение союза было и для того и для другого большим дипломатическим успехом. Как уже говорилось, появление нового противника должно было отвлечь часть римских войск от Ганнибала, а Филипп V получал, казалось, возможность без труда отобрать у обессилевшего Рима Иллирию. Однако воспользоваться новой политической ситуацией, которую они сами создали, стороны не сумели.

После окончания переговоров македонские послы двинулись из карфагенского лагеря в обратный путь; вместе с ними Ганнибал направил и своих уполномоченных — Гисгона, Бостара и Магона, которые должны были получить у Филиппа V подтверждение договора и принять его клятву. Без особых

приключений они добрались до храма Юноны Лацинийской, около которого были спрятаны корабли, и вышли оттуда в море, но были замечены с римских кораблей, охранявших берега Калабрии. Македоняне попробовали спастись бегством, но, убедившись, что римляне их легко нагоняют, решили сдаться. В этой ситуации Ксенофан прибегнул к старому и уже испытанному трюку: он заявил командующему флотилией, что, дескать, царь Филипп отправил его к римлянам заключить договор о союзе, что он прибыл к Марку Валерию, к которому только и мог явиться, не подвергая себя опасности, но пробраться через Кампанию, занятую войсками противника, не сумел. На этот раз Ксенофану не поверили: карфагенский облик и платье, наконец, акцент изобличили посланцев Ганнибала, а потом нашли у перепуганных послов письмо Ганнибала к Филиппу и договор. Командующий римской флотилией счел необходимым немедленно отправить послов и захваченные материалы в Рим; пленных везли на пяти кораблях (каждого на отдельном) и содержали в строгой изоляции [Ливий, 23, 34, 1–9]. В Риме сенат приказал пленных заключить в тюрьму, а их провожатых продать в рабство [Ливий, 23, 38, 7].

Между тем один из македонских кораблей, захваченных римлянами, бежал с дороги и ушел на родину. После его прибытия стало известно, что и придворные Филиппа, и пунийцы, и документы захвачены неприятелем. Царь, не зная, на каких условиях Ксенофан пришел к соглашению с Ганнибалом, отправил к последнему новых послов с прежним поручением; на этот раз все закончилось благополучно. Но время было упущено: лето кончилось прежде, чем царь сумел что-либо сделать [Ливий, 23, 39, 1–4]. Утрачен был и момент секретности: осведомленное о союзе Ганнибала и Филиппа V и о деталях этого союза римское правительство могло предпринять необходимые меры для организации отпора новому врагу.

Тем временем в Италии война шла своим чередом — «вяло», как говорит Ливий [23, 35, 1], потому что одна сторона была еще слишком слаба, а другая утратила наступательный порыв; на этот раз инициатором новой кампании выступила Капуя, решившая подчинить своей власти Кумы. Осуществление этого плана представляло серьезную угрозу для Рима: Капуя не только заявляла свои претензии на господство в Италии, но

и делала первые шаги для того, чтобы претворить их в жизнь. Гораздо сложнее было положение Ганнибала. С одной стороны, действия Капуи были подчеркнута антиримскими и, следовательно, благоприятными для Ганнибала; они не выходили за рамки союзнических отношений между Ганнибалом и Капуей. С другой стороны, сама инициатива Капуи могла оказаться опасным предвестником будущих конфликтов, она не согласовала с Ганнибалом своих действий. Однако события приняли неожиданный для капуанцев и для самого Ганнибала неблагоприятный оборот.

Для осуществления своего замысла капуанцы решили воспользоваться общекампанскими ежегодными жертвоприношениями в Гамах. Они сообщили в Кумы, что на сей раз для совершения торжественного обряда прибудет в полном составе капуанский сенат, и просили, чтобы и куманский сенат явился туда же для совещания и разработки единой политической линии. Капуанцы обещали охранять Гамы от римлян и карфагенян. Кумы не отклонили предложения, но сообщили обо всем происшедшем римскому консулу Тиберию Семпронию Гракху, который в этот момент неподалеку от Литерна был занят обучением своих солдат. Гракх велел куманцам свезти все с полей в город и не появляться за городскими стенами, а сам повел войска в Кумы, находившиеся от Гам на расстоянии трех миль*.

Капуанцы собрались в Гамы. Жертвоприношения продолжались три дня. Тем временем в засаде стоял большой по тогдашним масштабам отряд воинов (14 000 человек) под командованием Мария Алфия, высшего магистрата Капуи. Когда жертвоприношение окончилось, Гракх напал на капуанский лагерь, перебил там более 2000 человек и возвратился в Кумы.

Пунийские войска, когда происходили эти события, стояли лагерем недалеко от Капуи, у горы Тифата. Едва в Капуе узнали об избиении в Гамах, Ганнибал быстро двинулся туда, рассчитывая застать там воинов Гракха, занятых, как он думал, грабежом и вывозом добычи, однако нашел только трупы союзников и следы побоища.

Перед Ганнибалом снова встал вопрос: что делать дальше? Некоторые (Ливий не указывает, кто именно) предлагали ему

---

* Древнеримская миля равнялась 1482 метрам. — *Прим. ред.*

немедленно осадить Кумы, да и сам полководец склонялся к этому решению. Но вместо того чтобы идти к городу, Ганнибал вернулся к Тифате, так как его солдаты ничего, кроме оружия, с собою не имели. Только на следующий день он подошел к Кумам и начал осаду. Первая попытка карфагенян овладеть городом не удалась. По приказанию Ганнибала около городской стены соорудили осадную башню, однако против нее на самой стене Гракх велел построить другую, значительно более высокую. Когда пунийцы придвинули свою башню вплотную к стене, осажденные подожгли ее; одновременно смелой вылазкой из городских ворот они заставили карфагенские посты бежать в лагерь. На следующий день Ганнибал выстроил свои войска перед городскими воротами, рассчитывая, что воодушевленный успехом противник захочет сразиться в настоящем бою. Гракх не поддался на провокацию, и Ганнибал, поняв, что город не взять, ушел к Тифате [Ливий, 23, 36, 1–37, 9].

Примерно тогда же стало известно еще об одной неудаче карфагенян: в Лукании, при Грументе, пунийский военачальник Ганнон, сын Бомилькара, был разбит Тиберием Семпронием Лонгом. Римляне силою восстановили свою власть над Верцеллием, Весцеллием и Сицилином и жестоко расправились с приверженцами карфагенян [Ливий 23, 37, 10–13]. Серьезный удар нанес по Ганнибалу и консул Квинт Фабий Максим после того, как, задержанный разного рода жертвоприношениями, он получил наконец возможность переправиться через Вольтурн. Фабий Максим взял штурмом Требулу и Австикулу, а потом, став лагерем недалеко от Суессулы, послал оттуда войска в Нолу [Ливий, 23, 39, 5–8].

Как уже говорилось, карфагенское правительство, узнав о начале в Сардинии антиримского движения и возможности снова отвоевать ее у Рима, решило направить туда Гасдрубала Плешивого, однако страшная буря разметала пунийские корабли и отнесла их к Балеарским островам; там Гасдрубалу пришлось долго ремонтировать свои суда, прежде чем они были приведены в боевое состояние [Ливий, 23, 34, 16–17]. Когда это известие пришло в Рим, сенат приказал набрать дополнительно 5000 пехотинцев и 400 всадников и направить этот

отряд под командованием Тита Манлия Торквата на подавление бунта [Ливий, 23, 34, 10–15].

Переправившись в Сардинию, Манлий приказал вытащить корабли у Каралиса на берег и сформировал из моряков пехотные соединения, таким образом, под его командованием оказалось 25 000 пехотинцев и 1200 всадников. В первом же сражении, которое завязал с римлянами Гостий, сын Хампсикоры, инициатора восстания, сарды были разбиты, потеряли 3000 убитыми и 800 ранеными; остальные, рассеянные по острову, собрались в городе Корне. Тем временем в Сардинию на помощь восставшим прибыл наконец флот Гасдрубала, и Манлий счел за благо уйти в Каралису; в свою очередь, Гасдрубал и Хампсикора также двинулись к Каралису. Манлий выступил им навстречу, карфагеняне попали в окружение и были почти полностью уничтожены. Римляне особенно гордились тем, что в плен попали три крупных карфагенских деятеля — сам Гасдрубал Плешивый, Ганнон — организатор восстания и Магон (он происходил из династии Баркидов и был близким родственником Ганнибала). Гостий, сын Хампсикоры, пал в бою, а сам Хампсикора, узнав об этом, покончил жизнь самоубийством. Римское господство на острове было полностью восстановлено [Ливий, 23, 40–41; Евтропий, 3, 12].

Приблизительно тогда же произошло еще одно событие, в источниках отмеченное только беглым упоминанием [Ливий, 23, 41, 8]. Римский наместник Сицилии претор Тит Отацилий вышел со своим флотом из Лилибея к берегам Африки и там опустошил территорию, принадлежавшую карфагенянам. Значение этой операции, хотя она и не привела пока к созданию римского плацдарма в непосредственной близости от Карфагена, трудно переоценить. Она показала, что и после Канн североафриканские владения Карфагена не гарантированы от римского вторжения, что Рим очень быстро оправляется от последствий катастрофического, как думалось сначала, разгрома. Это впечатление должно было еще больше усилиться, когда на обратном пути Тит Отацилий разгромил и рассеял пунийскую эскадру, возвращавшуюся из Сардинии на родину, и даже захватил семь кораблей [Ливий, 23, 41, 9].

Однако основным театром военных действий продолжала оставаться Южная Италия. В Локры наконец прибыли под-

крепления, присланные из Карфагена: воины, слоны и продовольствие. Отрядом командовал Бомилькар. Чтобы захватить его врасплох, римский военачальник Аппий Клавдий быстро перевел свои войска в Мессану, а оттуда подступил к Локрам, но Бомилькар ушел в Брутиум. Локры не допустили в свою гавань римские корабли, и Аппий Клавдий вынужден был вернуться в Мессану [Ливий 23, 41, 10–12].

Тем не менее военную инициативу целиком сохраняло в своих руках римское командование. Проконсул Марк Клавдий Марцелл, возглавлявший римский гарнизон в Ноле, сумел использовать бездействие Ганнибала, стоявшего лагерем у Тифата, чтобы совершать набеги на территорию исконных врагов Рима — гирпинов и кавдинских самнитов — и опустошить ее так, что самнитам припомнились прежние их поражения в борьбе с римлянами [Ливий, 23, 41, 13]. Гирпины и самниты обратились за помощью к Ганнибалу [Ливий, 23, 42–43, 4], и тот решил атаковать Нолу. Туда же прибыл из Брутиума Ганнон вместе с отрядом Бомилькара. При приближении карфагенян Марцелл заперся в городе [Ливий, 23, 43, 5–8].

Свои новые операции у Нолы Ганнибал решил начать попыткой договориться с местными властями. Несомненно, по его приказанию к городским стенам подошел Ганнон и вызвал для беседы Геренния Басса и Герия Петтия — очевидно, наиболее влиятельных сенаторов Нолы. С разрешения Марцелла они вышли из ворот, однако желательного Ганнибалу результата не получилось. Ганнон, если верить рассказу Ливия [23, 43, 9–44, 2], предлагал ноланцам сдаться и выдать римский гарнизон. В этом случае только от самих ноланцев зависело бы продиктовать условия союза между ними и Ганнибалом. Геренний Басс отвечал, что Нола сохранит свою верность римлянам, и на этом стороны расстались.

Такой исход переговоров показал Ганнибалу тщетность надежды овладеть Нолой мирным путем, и он приступил к подготовке штурма — окружил городские стены, чтобы одновременно со всех сторон напасть на город. Марцелл сделал вылазку, и, когда воины сбежались к месту схватки, там началось побоище, которое прекратилось только из-за проливного дождя.

На третий день, когда Ганнибал выслал отряд разграбить окрестности Нолы, произошла новая схватка. И римские

и пунийские воины сражались поначалу очень нерешительно и, по-видимому, не очень охотно, однако, судя по рассказу Ливия, воодушевление римлян под влиянием поддержки ноланцев постепенно росло. В конце концов карфагеняне бежали в свой лагерь; римляне хотели было взять его штурмом, но Марцелл отвел их за стены Нолы. В бою Ганнибал потерял 5000 убитыми и 600 пленными; кроме того, погибли четыре слона, а два были захвачены римлянами. Вскоре после сражения отряд из 272 всадников перешел на сторону Марцелла. Результат боев под Нолой был для Ганнибала, пожалуй, самым неприятным. Он уже не мог быть полностью уверенным в собственных солдатах, которые начали разочаровываться в удачливости предводителя. Римская традиция, надо сказать, высоко оценила победу Марцелла под Нолой [см. у Орозия, 4, 16, 12]: Марцелл первый после стольких катастроф пробудил надежду на то, что Ганнибал может быть побежден.

Впрочем, у Нолы ни одна из сторон не одержала победы. Наступила зима, и Ганнибал, не желая оставаться под стенами неприступного для него города, отослал Ганнона с его войсками в Брутиум, а сам пошел на зимние квартиры к Арпам, в Апулию [Ливий, 23, 46, 8].

Услышав об этом, Квинт Фабий Максим явился на территорию, принадлежавшую Капуе. Начались кавалерийские стычки, которые, однако, не принесли успеха ни той, ни другой стороне [Ливий, 23, 46, 9–48, 1]. Свои зимние квартиры Фабий устроил около Суессулы, а Марцеллу приказал, оставив в Ноле гарнизон, необходимый для обороны, остальных воинов отпустить в Рим [Ливий, 23, 48, 2]. Другой консул, Тиберий Семпроний Грахх, перевел свои войска из Кум в Луцерию и оттуда отправил претора Марка Валерия в Брундисий организовывать оборону на случай возможного вторжения македонян [Ливий, 23, 48, 3].

В Испании положение карфагенских войск также становилось все более неблагоприятным. Римляне принудили карфагенян снять осаду с Илитурги, а затем и с Интибила [Ливий, 23, 48, 4–49]. Почти все племена и народности Испании перешли на сторону римлян.

Война на Сицилии. Осада Сиракуз. Архимед

Зиму 215–214 гг. Ганнибал провел в Апулии, неподалеку от Арп, время от времени завязывая мелкие стычки с римлянами Тиберия Семпрония Гракха, зимовавшими в Луцерии [Ливий, 24, 3, 16–17]. Квинт Фабий Максим использовал это время для того, чтобы занять Путеолы [Ливий, 24, 7, 10], важный торговый центр в Кампании.

Новые военные действия в Южной Италии начались с того, что Ганнибал спешно возвратился в старый лагерь у Тифата; его побудили к этому настойчивые требования капуанцев, опасавшихся, что римляне осадят Капую. У Тифаты, однако, Ганнибал не задержался: оставив там нумидийских и испанских солдат, он отправился к Авернскому озеру якобы для совершения жертвоприношений; в действительности он хотел атаковать Путеолы и находившийся там римский гарнизон [Ливий, 24, 12, 1–5].

Имея в виду эти его передвижения, консул Квинт Фабий Максим приказал Гракху передвинуть свои войска из Луцерии в Беневент, а своему сыну, претору тоже Квинту Фабия Максиму, занять Луцерию [Ливий, 24, 12, 5–6].

Между тем Ганнибал достиг Авернского озера. Пока он приносил жертвы, к нему явились четверо знатных юношей из Тарента. Когда-то они побывали в карфагенском плену, одни после Тразименского озера, другие после Канн, были отпущены домой и теперь предлагали Ганнибалу воспользоваться случаем и захватить Тарент. Большинство тарентской молодежи, рассказывали они, согласны предпочесть союз с Карфагеном союзу с Римом, и вот теперь они пришли в лагерь Ганнибала посланцами от этих людей и просят его подойти как можно ближе к их городу. Как только из Тарента увидят его боевые значки, город сразу же будет сдан, потому что народ там находится под влиянием (Ливий употребляет даже более резкое слово: «во власти») молодежи, а государство — в руках народа [Ливий, 24, 13, 1–3]. Исходя из этого рассказа Ливия, можно подумать, что Ганнибала призывало в Тарент, как это было и во многих других случаях, антиримское движение, которым руководили некоторые выходцы из местной аристокра-

тии, надеявшиеся в результате неизбежного переворота прийти к власти.

Для Ганнибала предложение тарентинцев было и чрезвычайно заманчивым, и, казалось, легко осуществимым. Захват Тарента делал возможными прямые контакты между Ганнибалом и Филиппом V; в случае необходимости в Таренте могли быть высажены македонские войска. Не удивительно, что Ганнибала охватило огромное, как пишет Ливий, желание овладеть этим городом. Однако нападение на Тарент отложил и решил напасть на Путеолы; три дня карфагеняне безуспешно штурмовали их стены, затем пошли к Неаполю и опустошили его окрестности.

Пока Ганнибал совершал все эти бесцельные передвижения, в Кампании произошли два события, которые должны были существенно повлиять на развитие обстановки: консул Квинт Фабий Максим начал осаду Касилина, занятого карфагенским гарнизоном [Ливий, 24, 14, 1], а Ганнон, сын Бомилькара, подступил из Брутиума к Беневенту. Туда же из Луцерии пришел Гракх и расположился на расстоянии примерно мили от пунийцев. Готовясь к бою, он обещал каждому из своих воинов, рабский статус которых пока еще сохранялся, свободу за принесенную голову неприятеля. Когда на другой день началось сражение, такое условие едва не стоило римлянам победы: убивая врагов, римские солдаты рубили им головы, а потом с этими головами покидали поле боя.

Когда военные трибуны донесли о происходящем Гракху, он приказал всем немедленно бросить головы и вернуться в битву; при этом было сказано, что свободу они безусловно получат.

Сражение возобновилось с новой силой; против нумидийской конницы Ганнона были брошены римские всадники. Веса колебались, и тогда Гракх, в очередной раз меняя решение, объявил, что свободу его воины получают только в том случае, если враг будет обращен в бегство. Натиск римской пехоты усилился до такой степени, что карфагенские воины не выдержали и побежали. Бой вскоре превратился в беспорядочную резню. Из 7000 пехотинцев, главным образом брутиев и луканов, и 1200 всадников Ганнона — нумидийцев, мавров и многочисленных италиков — спаслись вместе с полководцем менее 2000, преимущественно конных. Гракх сдержал слово.

Все рабы, участвовавшие в сражении под Беневетом, получили свободу. Интересно, что скот, захваченный в карфагенском лагере, Грахх изъяс из общей добычи и объявил, что хозяева животных (очевидно, местные жители) могут в течение месяца забрать их. Такая мера должна была продемонстрировать италикам, что римские войска защищают своих союзников от грабежа и насилий [Ливий, 24, 14–26].

Тем временем Ганнибал опять подошел к стенам Нолы, провел под ее стенами три дня, но опять-таки, уже в третий раз, взять город не сумел и наконец пошел к Таренту [Ливий, 24, 17]. Неудача Ганнибала под Нолой и его поспешный уход к Таренту позволили римскому командованию уделить больше внимания осаде Касилина, который обороняли 2000 капуанцев и 700 воинов Ганнибала. Фабий призвал на помощь Марцелла. С большими трудностями город был взят, и почти все капуанцы были изрублены [Ливий, 24, 19].

После этого Марцелл вернулся в Нолу, а Фабий отправился восстанавливать римское господство в Самниуме и прилегающих к нему областях. Особенно жестоко он расправился с кавдинскими самнитами — давними и исконными врагами Рима: выжег поля, угнал скот, обратил в рабство людей, штурмом были взяты Компультерия, Телесия, Компса, Фугифулы и Орбитаний. Не удовлетворившись этим, Фабий занял в Лукании Бланды и в Апулии Эки. Тогда же его сын, претор Квинт Фабий Максим, действовавший в окрестностях Луцерии, захватил город Акуку [Ливий, 24, 20, 3–8].

В это время Ганнибал, опустошая все на своем пути, двигался к Таренту. Только на территориях, принадлежавших этому городу, его войска прекратили грабежи — не потому, замечает Ливий, только что рассказавший о чудовищных «подвигах» Фабия в Самниуме, что они стали дисциплинированнее, а потому, что Ганнибал не хотел раздражать тарентинцев. Однако он и здесь опоздал. За три дня до его появления пропретор Марк Валерий, командовавший римским флотом в Брундисии, направил в Тарент Марка Ливия, который не дал возможности ни Ганнибалу внезапно напасть на город, ни заговорщикам совершить задуманное. Проведя в бездействии под стенами Тарента несколько дней, Ганнибал отправился к Салапии, где решил расположиться на зиму [Ливий, 24, 20, 9–16].

Как уже говорилось, сразу после битвы при Каннах в правящих кругах Сиракуз появилась «партия», добивавшаяся разрыва Сиракуз с Римом. Ее возглавлял Гелон, сын престарелого царя Гиерона. Только смерть Гелона при весьма загадочных обстоятельствах помешала ему прийти к власти и осуществить этот замысел. Однако летом 215 г. девяностолетний Гиерон II умер, и царский венец перешел к его совсем еще юному внуку — Гиерониму, сыну Гелона.

Римская анналистическая традиция не жалеет черных красок для характеристики этого правителя. «Мальчик, который едва ли бы нес умеренно бремя свободы, не говоря о власти. Каков возраст, таков ум: и опекуны и друзья воспользовались этим, чтобы ввергнуть его во всякие пороки», — читаем мы у Ливия [24, 4, 1–2]. И далее [24, 5, 1–5]: «Гиероним, точно желая своими пороками сделать незабвенной память о деде, уже при первом своем появлении показал, насколько все переменилось. Те, кто в течение стольких лет не замечали, чтобы Гиерон или сын его Гелон одеждой и какими-либо другими знаками отличия выделялись среди прочих граждан, видели теперь пурпур, диадему, вооруженную свиту и даже то, что он, подобно тирану Дионисию, иногда выезжал из царского дворца на четверке белых коней. Столь блестящей и гордой внешности соответствовали презрение ко всем людям, гордый вид, с которым он слушал других, оскорбительные речи, редкий доступ не только для посторонних, но даже для опекунов, невиданные страсти, бесчеловечная жестокость». У Полибия мы встречаем выражения: «от природы неустойчивый» [7, 4, 6]; «неустойчивость и безрассудство мальчика» [7, 4, 8]; «глупость владыки» [7, 5, 3]. Однако тот же Полибий [7, 7, 1–5] резко выступает против изображения Гиеронима как чудовища жестокости и средоточия пороков: «Некоторые историки, писавшие о гибели Гиеронима, сочиняли длинные повествования, переполненные небылицами; рассказывали о знамениях, случившихся у них (то есть сиракузян. — *И. К.*) до его прихода к власти, и о бедствиях сиракузян; на манер трагиков рисовали и жестокий нрав, и нечестивые деяния, а в заключение — невероятные ужасы, случившиеся при его гибели, как будто ни Фаларид, ни Аполлодор, ни какой-нибудь другой тиран не были жестокосерднее его. И власть он получил ребенком, и, прожив после этого не больше 13 или 12 месяцев, рас-

стался с жизнью. За это время могло произойти так, что тот или другой подверглись пытке и кто-то из друзей или иных сиракузян был убит, но неправдоподобны ни чрезмерное беззаконие, ни неслыханная нечестивость. Можно сказать, что он был нравом крайне безрассуден и преступал законы, но его нельзя сравнивать ни с одним из упомянутых выше тиранов».

Не останавливаясь на личных качествах Гиеронима, тем более что объективных данных для суждения о них мы все-таки не имеем, заметим, что Гиероним только придерживался политической линии своего отца Гелона, о котором и римский писатель, цитированный выше, в общем, не может сказать ничего плохого и которого Полибий [7, 8, 9] рисует как покорного и преданного сына, то есть как человека, наделенного наилучшими из возможных добродетелей. К тому же Гелон был соправителем Гиерона II. После гибели Гиеронима Сиракузы, как известно, упорно сопротивлялись Риму, которому удалось овладеть городом лишь после длительной, тяжелой осады и кровопролитного штурма. Все эти факты показывают, что в Сиракузах наблюдалось массовое недовольство римлянами.

Союзнические отношения с Римом, хотя и обеспечивали Сиракузам мир и до определенной степени независимость, ложились тяжелым бременем на плечи государства — поскольку материальная помощь Риму требовала немалых затрат. К тому же она, в особенности после Канн, ставила Сиракузы в угрожающую ситуацию: они могли в любую минуту ожидать удара со стороны Карфагена. Наконец, союз с Римом не давал Сиракузам перспективы расширения их владений в Сицилии: весь остров, за исключением собственно сиракузской территории, уже представлял собой римскую провинцию, да и поглощение этой провинцией Сиракуз, то есть утрата последних остатков самостоятельности, было лишь вопросом времени. Сближение Сиракуз с Карфагеном влекло за собой освобождение от римской зависимости; поведение Ганнибала в Италии давало, казалось, основания полагать, что взаимосвязи с Карфагеном не будут столь обременительными и примут форму союза равноправных государств; наконец, в награду за помощь вероятному победителю можно было надеяться урвать из сицилийских владений Рима кусок пожирнее. Для Ганнибала союз с Сиракузами означал расширение сферы господства Карфа-

гена в Южной Италии, вовлечение в войну с Римом новой силы, что не могло не повлиять в благоприятном для него смысле на положение вещей в целом; за это Ганнибал готов был обещать все, что угодно, тем более что окончательно судьбу Сиракуз можно было решить, а в случае необходимости и пересмотреть после уничтожения главного врага — Рима, когда вся Сицилия снова станет карфагенской. Не исключено поэтому, что за кулисами событий, происходивших в Сиракузах, стоял Ганнибал.

Гиерониму, по завещанию Гиерона II, было назначено пятнадцать опекунов. Рассказывая об этом, Ливий [24, 4, 1–3] добавляет, что, обеспокоенный нравом своего внука, который не сможет вести «умеренную» жизнь, а тем более «умеренно» управлять государством, Гиерон перед кончиной, по слухам, думал о том, чтобы установить в Сиракузах «свободу» — иначе говоря, передать власть полисным административным органам. Только уступая настояниям своих дочерей Демараты и Гераклеи, надеявшихся, что фактическими правителями при малолетнем царе будут они сами и их мужья Андранодор и Зоипп, Гиерон будто бы отменил свое намерение. Однако завещание Гиерона ближайшие его родственники бесцеремонно нарушили.

Вскоре после того, как Гиероним был провозглашен царем, Андранодор разогнал регентский совет, заявляя, что Гиероним уже достиг юношеского возраста и может самостоятельно управлять государством. Слагая полномочия опекуна, он сохранил влияние на молодого царя [Ливий, 24, 4, 9] вместе, как выясняется, с Зоиппом и представителем местной знати Фрасоном [Ливий, 24, 5, 7]. По Ливию [24, 5], Гиероним не слишком много внимания уделял государственным делам: его интересовали главным образом распри советников. Однако основного вопроса — к кому присоединиться, к Риму или Карфагену, — он не мог обойти. Решение этой проблемы осложнялось тем, что Андранодор и Зоипп были сторонниками карфагенской ориентации, а Фрасон — римской.

Внезапно Каллон, ровесник и близкий друг Гиеронима, донес, что на царя готовится покушение. По-видимому, одна из группировок сиракузской знати рассчитывала вырвать власть у слабого правителя; он даже указал на одного из заговорщиков — некоего Феодота. Феодот под пыткой огово-

рил (по утверждению Ливия [24, 5, 11–12], ложно) Фрасона, якобы организатора всего предприятия. Фрасона и некоторых других приближенных царя, также обвиненных Феодотом, немедленно казнили. Ливий пишет [24, 5–14], что, несмотря на арест Феодота, никто из действительных участников заговора не скрылся и не бежал: они были уверены в мужестве и верности Феодота, который никого из них не выдал.

Результатом гибели Фрасона было то, что идея союза Сиракуз с римлянами, потеряв своего единственного влиятельного поборника, была безнадежно скомпрометирована в глазах Гиеронима соучастием, подлинным или мнимым, Фрасона в заговоре на его жизнь. Несомненно, не без влияния своих зятьев [ср. у Полибия, 7, 2, 1] Гиероним отправил к Ганнибалу посольство — киренца Поликлета и аргосца Филодема [Полибий, 7, 2, 2]; Ганнибал, в свою очередь, прислал в Сиракузы людей из своего окружения — молодого аристократа Ганнибала, в тот момент триерарха [Полибий, 7, 2, 3], а также родившихся в Карфагене Гиппократ и Эпикида, внуков одного сиракузского изгнанника, по материнской линии принадлежавших к пунийскому роду [Полибий, 7, 2, 4]. Союз был заключен, а Гиппократ и Эпикид — фактически агенты Ганнибала — остались при дворе Гиеронима [Ливий, 24, 6, 1–3].

Узнав об этих переговорах, претор Аппий Клавдий, которому римское правительство поручило управление Сицилией, немедленно отправил послов в Сиракузы. Успеха эта миссия не имела. Выслушав римлян, Гиероним спросил только, чем закончилась для них битва при Каннах; карфагенские послы, дескать, рассказывают ему об этом событии невероятные вещи, а он хочет знать правду, чтобы принять решение. Римляне удалились, заявляя, что вернуться, когда царь захочет разговаривать серьезно [Ливий, 24, 6, 4–6].

Полибий [7, 3, 1–9] по-другому рассказывает о римско-сиракузских переговорах. Речь римских послов рассердила Гиеронима, и он сказал, что сочувствует римлянам, столь позорно разгромленным карфагенянами в Италии. Оцепенев от наглости юного царя, послы могли только спросить: кто ему все это сказал о них? Гиероним указал на карфагенских послов и предложил римлянам опровергнуть их рассказы. Римляне отказались и снова стали убеждать царя сохранить дружественные отношения с Римом. Гиероним отвечал, что он по зре-

лом размышлении даст ответ, и без всякого перехода спросил, почему незадолго до смерти его деда римский флот неожиданно подошел к мысу Пахин, а потом, также без видимой причины, повернул назад. На это римские послы заметили, что провинциальные власти желали только защитить Гиеронима и укрепить его власть, если бы Гиерон умер; когда стало известно, что Гиерон жив, кораблям приказано было вернуться. Позвольте и мне, римляне, заключил Гиероним беседу, защитить свою власть, перенеся надежды на карфагенян.

Кто из двух авторов ни оказался бы прав, ясно, что Гиероним принял римских послов в высшей степени недружелюбно, грубо напомнил им о тяжелейших поражениях римского оружия и без всяких околичностей дал понять, что политический курс Сиракуз резко меняется.

Основываясь на договоренности с Ганнибалом, Гиероним отправил послов в Карфаген — Агафарха, Онесигена и Гиппостена [Полибий, 7, 4, 1], и там был заключен новый договор о союзе (видимо, уже не берет, а межгосударственный). Будущей границей сиракузских и карфагенских владений в Сицилии после изгнания с острова римлян должна была стать река Гимера, как это было в конце V в. [Полибий, 7, 4, 2] Однако некоторое время спустя Гиероним потребовал, чтобы ему после победы была передана вся Сицилия. Карфагенское правительство согласилось и на это: для него решающее значение имел пока союз с Гиеронимом, а вовсе не условия этого союза [Ливий, 24, 6, 7–9; Полибий, 7, 4, 4–8].

Получив известия о соглашении между Сиракузами и Карфагеном, римские власти в Сицилии снова отправили к Гиерониму дипломатическую миссию. Нужно было принимать окончательное решение. В царском совете единства не было: природные сиракузяне молчали, спартаец Дамипп и фессалиец Автоной высказывались за проримскую направленность сиракузской внешней политики, а Андранодор, Гиппократ и Эпикид — в пользу союза с Карфагеном. Гиероним принял точку зрения трех последних советников; римлянам он заявил, что сохранит верность союзу с Римом, если последний возвратит все золото, весь хлеб и все дары, полученные от Гиерона, и согласится уступить Сиракузам сицилийскую территорию до реки Гимеры [Полибий, 7, 5, 1–8]. Условия Гиеронима бы-

ли для сената явно неприемлемы. С этого момента союз между Римом и Сиракузами прекратил свое существование.

Как мы видим, политические планы Гиеронима отвечали давним устремлениям всех сиракузских правительств: речь шла не более и не менее как об установлении гегемонии Сиракуз в Сицилии, о воссоздании на острове государства тирана Дионисия Старшего. До тех пор пока противниками Гиеронима на острове были римляне, политические цели его и Ганнибала совпадали. Этим, собственно, и объясняется неожиданный союз между Сиракузами и Карфагеном. Ганнибал мог быть доволен.

Сразу же после заключения договора Гиероним предпринял все необходимые шаги для того, чтобы начать войну против Рима. Летом 214 г. он отправил отряд из 2000 солдат под командованием Гиппократа и Эпикида, чтобы овладеть городами, в которых находились римские гарнизоны. Сам царь во главе 15-тысячной армии двинулся к Леонтинам — одному из крупнейших и стратегически весьма важных городов в глубине Сицилии, северо-западнее Сиракуз. Захватив Леонтины, Гиероним приобрел возможность бороться с римлянами непосредственно в их сицилийских владениях [Ливий, 24, 7, 1–2].

Однако жизни Гиеронима по-прежнему угрожала опасность. Не устрашенные ни арестом Феодота, ни казнью Фрасона, заговорщики, состоявшие, как пишет Ливий, на военной службе и, следовательно, участвовавшие в предприятиях Гиеронима, бывшие вместе с ним в Леонтинах, выжидали только удобного случая, чтобы привести свой замысел в исполнение — убить молодого царя. Этот момент настал тогда же, летом 214 г. На узкой леонтинской улочке, по которой Гиероним обыкновенно ходил на агору, они заняли пустой дом и там с оружием в руках поджидали свою жертву. Один из них, царский телохранитель Диномен, должен был любым способом задержать шествие. Все произошло так, как было задумано. Будто бы желая поправить обувь, Диномен остановил свиту царя, и, когда Гиероним один проходил мимо вооруженных людей, стоявших у ворот, эти люди внезапно напали на него и несколькими ударами убили. Поднялся шум. В Диномена, который уже явно преграждал дорогу, начали метать ко-

пья. Получив две раны, он все же сумел скрыться. Царские телохранители разбежались [Ливий, 24, 7, 3–7].

Устранение Гиеронима было тяжелым ударом по военно-политическим планам Ганнибала, тем более что заговорщики приняли все меры, дабы предупредить захват власти Андранодором и его сторонниками [Ливий, 24, 7, 7–8]. Правда, поначалу сиракузяне были не на стороне царевбийц. Среди воинов, стоявших в Леонтинах, начались волнения и даже раздавались громкие требования отомстить за кровь Гиеронима [Ливий, 24, 21, 2]. Однако политическая агитация заговорщиков сделала в конце концов свое дело. Повсюду велись речи о восстановлении свободы, о гнусных преступлениях и отвратительной похотливости тирана, будились надежды на щедрое жалование, на службу под командованием более достойных полководцев, и те же сиракузские воины, которые только что требовали казни убийц, бросили труп Гиеронима непогребенным, несмотря на то что, по греческим религиозным представлениям, погребение умерших было важнейшей сакральной обязанностью [Ливий, 24, 21, 3]. Таким образом, сиракузские заговорщики сумели успешно привлечь на свою сторону армию. Не менее важным было для них и другое — захватить власть в самих Сиракузах.

Двое из заговорщиков — Феодот и Сисий прискакали на царских конях в Сиракузы, однако слухи об убийстве царя их опередили. Андранодор разместил свои гарнизоны на острове Ортигия*. Поздно вечером, после заката солнца, Феодот и Сисий въехали в город, призывая народ прийти с оружием в Ахрадину, чтобы бороться за свободу. На следующий день утром сиракузяне собрались в Ахрадине перед зданием совета, и один из членов совета, Полиен, предложил направить к Андранодору послов и во избежание междоусобицы потребовать от него капитуляции. Немного поколебавшись, Андранодор подчинился требованию совета и народного собрания; благодаря такой уступчивости ему удалось войти в состав нового сиракузского правительства [Ливий, 24, 22–23].

Однако на этом политическая борьба в Сиракузах не закончилась. В нее вмешались Гиппократ и Эпикид. Для начала они обратились к сиракузскому совету с естественной, казалось,

---

* Остров Ортигия, Ахрадина, Тиха — городские районы Сиракуз.

для их положения просьбой: дать им способ вернуться к Ганнибалу и, так как по всей Сицилии бродят вооруженные римляне, предоставить им охрану на отрезок пути до Локар. Это целиком соответствовало желаниям совета, который хотел удалить их из города. Совет решил пойти навстречу Гиппократу и Эпикиду, но сиракузские магистраты не торопились выполнить этого решения, и агенты Ганнибала получили время для осуществления своего замысла. Гиппократ и Эпикид начали вести антиримскую агитацию. Клика, пришедшая к власти после убийства Гиеронима, говорили они, хочет отдать город в руки римлян и, воспользовавшись их поддержкой, стать единоличным хозяином Сиракуз [Ливий, 23, 23, 5–11].

Этими настроениями, которые искусно сеяли в Сиракузах Гиппократ и Эпикид, попытался воспользоваться Андронодор — один из вдохновителей антиримской политики Гиеронима, решившийся совершить государственный переворот вместе с Фемистом, женатым на дочери Гелона (и, значит, сестре Гиеронима). Заговор не удался: Андронодор рассказал о своем замысле трагическому актеру Аристону, пользовавшемуся полным его доверием, тот донес магистратам, и в результате, когда Фемист и Андронодор явились на заседание совета, они были убиты на месте, без суда [Ливий, 24, 24, 1–5]. Убийцы сумели добиться волеизъявления народных масс, которые не только задним числом оправдали их действия, но и обрекли на смерть дочерей Гиерона и Гелона [Ливий, 23, 25–26]. Как бы ни было положение в Сиракузах, очевидно, там никто не желал восстановления в какой-либо форме власти прежней царской семьи. В конечном счете попытка Фемиста и Андронодора пошла на пользу Гиппократу и Эпикиду: на дополнительных выборах они были введены в коллегия верховных магистратов вместо погибших заговорщиков [Ливий, 24, 27, 1].

Развитие событий в Сиракузах, естественно, не могло не привлечь к себе пристального внимания римского правительства. Наличных римских контингентов в Сицилии было далеко не достаточно для организации отпора; к тому же до прихода к власти Гиппократа и Эпикиды римляне смотрели на Сицилию, сохранявшую полное спокойствие, не как на театр военных действий, а как на место рутинной и малопочетной гарнизонной службы, где нельзя было выдвинуться, заслужить отличий и т. п. Недаром, по определению сена-

та, именно в Сицилии, как в своего рода ссылке, должны были служить без жалования, без надежды реабилитировать себя воинскими подвигами, без надежды вернуться на родину до конца войны беглецы из-под Канн — все, кто остался в живых. Внезапно все переменялось. Сицилия превращалась в поле битвы, и римское правительство поручило управлять ею консулу Марку Клавдию Марцеллу [Ливий, 24, 21, 1]. Это назначение, даже вне зависимости от ранга Марцелла, показало, какое большое значение придают в Риме сицилийскому театру военных действий.

Между тем сиракузское правительство вопреки ожиданиям решило попытаться достичь мирного урегулирования с римскими властями. Гиппократ и Эпикид, хотя они и вошли в коллегию верховных магистратов, все же не были достаточно сильны, чтобы воспрепятствовать этому шагу, на котором настояли приверженцы римской ориентации. Особенно устрашающе воздействовало на сиракузские власти присутствие у Мурганции римского флота в 100 кораблей, командование которого должно было наблюдать за положением в Сиракузах и действовать в соответствии с обстановкой. К Аппию Клавдию были отправлены из Сиракуз послы для заключения перемирия, а потом к нему явились оттуда же еще и другие послы для переговоров о заключении союза. В этот момент в Сицилию приехал Марцелл, и дальнейшие дипломатические контакты Аппий Клавдий передал ему [Ливий, 24, 27, 4–5]. Марцелл подтвердил все договоренности Аппия Клавдия и отправил в Сиракузы своих представителей для завершения переговоров [Ливий, 24, 27, 6].

Пока все это происходило, к мысу Пахин — крайней юго-западной точке Сицилии недалеко от Сиракуз — подошел карфагенский флот. Узнав об этом, Гиппократ и Эпикид возобновили антиримскую кампанию, обвиняя — теперь уже своих коллег — в сговоре и намерении сдать Риму. Их слова, казалось, подтверждали и сами римляне: Аппий Клавдий не нашел ничего лучшего, как расположить свой флот у входа в сиракузскую гавань для того, как гласила официальная версия, чтобы придать мужества проримской «партии». Собственно, поступок Клавдия был естественной для римлян реакцией на появление карфагенского флота у мыса Пахин. Однако в Сиракузах это вызвало взрыв народного возмущения; толпы го-

рожан устремились к гавани, чтобы не дать римским морякам сойти на берег [Ливий, 24, 27, 8–9]. Тем не менее руководству проримской «партии» удалось в конце концов убедить народное собрание заключить с Римом мирный договор. Основной довод, который в ходе обсуждения выдвигался, сводился к тому, что, отказав Риму в мирном договоре, Сиракузы окажутся перед перспективой неизбежной и очень близкой с ним войны [Ливий, 24, 28].

Несколько дней спустя в Сиракузы прибыло посольство из Леонтин с просьбой прислать гарнизон для защиты своих границ. Вожди антикарфагенской группировки решили использовать этот удобный предлог для того, чтобы удалить из Сиракуз политических противников. Гиппократ получил приказание вести в Леонтины отряд перебежчиков; к нему присоединились наемники, служившие во вспомогательных подразделениях сиракузской армии. Всего под его командованием оказалось 4000 человек [Ливий, 24, 29, 2].

Свою деятельность в Леонтинах, население которых было настроено резко враждебно к римлянам, Гиппократ начал с нападений, сначала тайных, на римские владения. Когда Аппий Клавдий прислал гарнизон для защиты пограничных с Леонтинами районов, Гиппократ атаковал одну из застав и перебил много воинов [Ливий, 24, 29, 4]. Марцелл немедленно обратился в Сиракузы: мир вероломно нарушается; он не может быть сохранен, если не будут высланы из Сиракуз и вообще из Сицилии Гиппократ и Эпикид, действующие, как всем было ясно, в интересах, а возможно, и в соответствии с инструкциями Ганнибала [Ливий, 24, 29, 5]. Эпикид, видя явную для себя опасность, прискакал в Леонтины, чтобы присоединиться к брату.

Немного погодя там же появилось сиракузское посольство, обратившееся к местному народному собранию с упреками по поводу нападения на римскую заставу. Они требовали, чтобы и Гиппократ и Эпикид отправились в Локры или куда хотят, но покинули бы Сицилию. Однако сиракузяне столкнулись с серьезным сопротивлением. Обращаясь к населению Леонтин, Эпикид кричал, будто Сиракузы заключили договор с Римом так, чтобы сохранить под своей властью территории, которыми раньше владели цари, в том числе и Леонтины. Знает, Леонтины должны добиваться, чтобы подобное условие

из римско-сиракузского договора было изъято, или же вообще не признавать договор. В результате посольству было сказано, что никто не давал Сиракузам полномочий заключать от имени Леонтин договор с Римом и что они, Леонтины, не связаны чужими союзническими отношениями [Ливий, 24, 29, 6–12; ср. у Апп. Сиц., 3]. Этот ответ сиракузское правительство сообщило Марцеллу, добавив, что Леонтины не признают власть Сиракуз, что римляне могут, следовательно, не нарушая условий союза, воевать с Леонтинами и что, наконец, Сиракузы также примут участие в этой кампании, если им будет гарантировано после победы обладание мятежным городом [Ливий, 24, 29, 12]. Со своей стороны сиракузское правительство назначило награду за головы Гиппократ и Эпикид, отнеся их на вес золота [Апп. Сиц., 3].

Решительным ударом римские войска захватили Леонтины [Ливий, 24, 30, 1]; Гиппократ и Эпикид бежали в Гербес. Сиракузяне, пославшие отряд в 8000 воинов, опоздали, однако то, что они узнали о судьбе города, повергло их в ужас. Рассказывали, что в Леонтинах перебиты все — и воины, и мирные жители; что там не осталось в живых ни одного взрослого гражданина; что город разграблен и добыча роздана воинам. До какой степени все это верно, трудно сказать. Ливий [24, 30, 4; ср. у Плут. Марц., 14] по понятным причинам говорит о приведенных им слухах как о смеси истины и лжи, однако и он не отрицает, что почти 2000 перебежчиков были выпороты, а затем казнены по приказанию Марцелла. Сиракузские военачальники не могли ни заставить своих солдат продолжать движение к Леонтинам (известия о судьбе Леонтин застали сиракузский отряд у реки Мила), ни принудить их оставаться на месте и ждать новых известий. В конце концов они повели свой отряд в Мегару Гиблейскую (городок на морском берегу, несколько севернее Сиракуз) и потом сами с немногими всадниками поскакали к Гербесу — в глубь Сицилии, на запад, рассчитывая среди всеобщего замешательства без особого труда овладеть городом. Замысел этот не удался, и на следующий день сиракузяне подтянули к Гербесу из Мегары все свои войска. Положение Гиппократ и Эпикид казалось безнадежным. Тогда-то оба авантюриста приняли смелое решение — сдать сиракузским воинам. Приняты они были с огромным энтузиазмом; попытка арестовать Гиппократ вызвала столь бурную

реакцию, что сиракузские военачальники Сосид и Диномен должны были отступить. Гиппократу удалось убедить перебежчиков из римской армии, служивших у сиракузян, что сиракузские власти одобряют кровавую расправу, которую Марцелл учинил в Леонтинах. С трудом Гиппократ и Эпикид могли успокоить солдат и удержать их от немедленного нападения на командиров. Сосид и Диномен в панике бежали. Тем временем Гиппократ и Эпикид послали в Сиракузы вестника, который должен был сообщить совету все то, что совсем недавно узнали сиракузские воины о судьбе Леонтиц [Ливий, 24, 30, 5–31, 15].

Рассказы вестника произвели на совет и народ Сиракуз огромное впечатление. Алчность и жестокость римлян, говорили в городе, обнаружилась в Леонтинах; так же и даже еще хуже они поступили бы и в Сиракузах. Решено было запереть ворота и охранять город [Ливий, 24, 32, 1–2]. Однако некоторые местные аристократы и магистраты больше, чем римлян, опасались простонародья и воинов Гиппократа и Эпикиды, стоявших уже у Гексапила — городских ворот Сиракуз, состоявших из шести камер, следовавших одна за другой. Несмотря на их сопротивление, Гиппократ и Эпикид проникли в город: народ открыл им ворота. Магистраты бежали в Ахрадину, но и она пала при первом же штурме. Те из магистратов, кто не скрылся во время смятения, погибли. На следующий день было провозглашено освобождение рабов, а из тюрем выпустили заключенных. Так, опираясь на демократическое движение в Сиракузах, Гиппократ и Эпикид снова пришли к власти и были повторно избраны верховными магистратами [Ливий, 24, 32–33].

Получив известия о том, что происходит в Сиракузах, Марцелл немедленно двинул туда войска из Леонтин. Римляне расположились лагерем на расстоянии полутора миль от города, в Олимпии, недалеко от храма Зевса [Ливий, 24, 33, 3]. Римское фециальное право* требовало (дабы война была «законной» и угодной богам), чтобы будущему противнику была формально объявлена война и чтобы при этом ему были

---

* Фециальное право регулировало в Древнем Риме порядок объявления войны, выдачу лиц, обвиняемых в оскорблении послов, и т. п. Находилось в ведении древнеримской жреческой коллегии — фециалов, откуда и происходит его название. — *Прим. ред.*

предъявлены требования и претензии, оправдывающие разрыв мирных отношений. В данном случае это было необходимо с римской точки зрения еще и потому, что между Римом и Сиракузами формально продолжал существовать договор о союзе. Все это заставило Марцелла снова начать фактически уже никому не нужные и явно обреченные на провал переговоры. Чтобы не допустить римлян в Сиракузы, Гиппократ и Эпикид вышли из ворот; здесь, у городской стены, состоялся обмен краткими речами. Глава римского посольства заявил, что он принес сиракузянам не войну, но помощь и защиту тем, кто, спасшись от резни, бежал к римлянам; римляне не оставят безнаказанным позорное избиение своих союзников; если тем, кто бежал к римлянам, будет позволено безопасно возвратиться на родину, если будут выданы зачинщики убийств, если будет восстановлена в Сиракузах свобода и законность, войны не будет; если же этого не произойдет, римляне будут преследовать войной каждого, кто попытается сопротивляться. Иначе говоря, римские представители потребовали восстановить в Сиракузах власть проримски настроенных аристократических кругов, выдать на расправу Гиппократа, Эпикиду и их сторонников. Естественно, что на такого рода соглашение новые сиракузские правители пойти не могли, и Эпикид коротко заметил: он бы отвечал, если бы у послов было поручение к нему; пусть послы возвратятся, когда власть над Сиракузами окажется в руках тех, к кому они пришли; если же римляне начнут войну, то сами по ходу дела поймут, что осаждать Сиракузы — это не то же самое, что осаждать Леонтины. С этим Гиппократ и Эпикид покинули послов и приказали запереть ворота [Ливий, 24, 33, 3–8].

Римляне начали штурмовать Сиракузы одновременно с суши (со стороны Гексапила) и с моря (со стороны Ахрадины). Однако натолкнулись на неожиданное сопротивление, организатором которого античная традиция называет одного из крупнейших ученых того времени — Архимеда. Здесь в нашу задачу не может входить сколько-нибудь подробная характеристика Архимеда-исследователя, и мы, отсылая читателя к монографии С. Я. Лурье, посвященной этому человеку*, ограничимся лишь несколькими общими замечаниями.

---

* С. Я. Лурье. Архимед. М. —Л., 1945.

Архимед, родившийся около 287 г. в семье математика и астронома Фидия, был родственником Гиерона II. Политическая позиция Архимеда, очевидно, в немалой степени определялась его родством с царским домом: едва ли он мог сочувствовать людям, организовавшим истребление всех потомков и близких родственников Гиерона, тогда как в Гиппократе и Эпикиде он видел продолжателей Гиеронима; наконец, в защите отечества от чужеземных захватчиков, которые определенно хотели лишить Сиракузы их самостоятельности, он должен был видеть свой гражданский долг. Как бы то ни было, последние месяцы жизни Архимед, явно присоединившись к Гиппократу и Эпикиду, отдал обороне родного города от римлян. Кстати сказать (мы мимоходом уже упоминали об этом), многие оборонительные механизмы были устроены на стенах Сиракуз под руководством Архимеда еще в годы царствования Гиерона II [Ливий, 24, 34, Полибий, 8, 9, 2, Плут. Марц., 14].

Стену Ахрадины, рассказывает Ливий [24, 34], Марцелл штурмовал с моря 60 квинквиремами; с одних кораблей пращники, копейщики и стрелки из луков вели настоящую охоту за каждым, кто появлялся на городской стене; другие суда Марцелл приказал соединить по два и, установив на них осадные орудия, подвести вплотную к укреплениям сиракузян. Архимед поражал дальние корабли огромными камнями, которые воины метали с помощью катапульт; судам, находившимся в непосредственной близости от стен, он наносил урон сериями хотя и более легких, но непрерывных ударов. Чтобы сиракузские воины могли, не подвергаясь опасности, обстреливать неприятеля, Архимед велел пробить в стене множество бойниц. Когда, спасаясь от обстрела, римские корабли заходили в мертвое пространство непосредственно у городской стены, сиракузяне с помощью подъемной машины обрушивали на неприятельское судно железную лапу; вырвав захваченный лапой нос корабля из воды, его ставили торчком на корму, а часто и поднимали над морем; затем лапа срывалась, и корабль вместе с экипажем с большой высоты падал в море, разрушался и тонул. Все попытки Марцелла ворваться в город со стороны моря были тщетными. Штурм Сиракуз с суши также не принес римскому оружию удачи; катапульты Архимеда метали на головы солдат массивные каменные глыбы; такие

же камни сиракузяне сталкивали со стен навстречу штурмовавшим. Неудача всех этих попыток принудила римское командование отказаться от штурма и ограничиться только блокадой с моря и с суши.

В нашем распоряжении имеются и другие рассказы об осаде римлянами Сиракуз, в частности рассказ Полибия [8, 5–9], в некоторых пунктах дополняющий или уточняющий Ливия. Так, по словам Полибия, на римских судах, которые должны были подойти к городской стене, были устроены самбики — подъемные лестницы, по которым можно было взобраться на стену. Стрельба сиракузян из катапулт не давала Марцеллу возможности подвести корабли к стене, поэтому он решился на ночную атаку; тогда-то римляне и были встречены обстрелом из бойниц, а Архимед ввел в действие механизмы, вырывавшие суда из воды. Некоторые корабли, пишет Полибий [8, 8, 4], валились на борт, другие опрокидывались, большинство же зачерпывали воду и приходили в негодность. Пытаясь скрыть охватившую его тревогу, Марцелл находил в себе силы шутить, говоря, что Архимед угощает его корабли морской водой, а его самбики позорно прогнаны с попойки [Полибий, 8, 8, 6]. На суше происходило примерно то же самое, причем машины с лапами здесь выхватывали воинов из атакующих рядов и швыряли с большой высоты на землю [Полибий, 8, 9, 4].

По свидетельству Плутарха [Плут. Марц., 14–17], в котором также имеются некоторые дополнительные подробности, Марцелл соединил 8 кораблей и на них воздвиг осадную башню, против чего Архимед тоже употребил изобретенный им механизм. Некоторые суда тонули от удара чудовищной лапы. Часто корабль, поднятый из воды в воздух, лапа раскачивала во все стороны до тех пор, пока экипаж не оказывался в воде. Марцелл даже вскричал: «Не довольно ли нам воевать с этим Бриареем от геометрии, который вычерпывает из моря наши суда, а потом с позором швыряет их прочь и превзошел сказочных сторуких великанов — столько снарядов он в нас мечет!» У Марцелла были основания сказать это: в конце концов Архимед внушил римским воинам такой ужас, что они в панике принимались бежать, завидев над городской стеной кусок каната или бревно.

Все эти сообщения (ср. также у Диодора [26, 18]; Зонары [9, 4]) взаимно друг друга дополняют и в целом создают картину яростного и для римлян крайне неудачного штурма, который мог закончиться только тем, чем и закончился: римляне решили взять Сиракузы измором. Против такого метода ведения войны созданные Архимедом катапульты и боевые механизмы были бессильны.

Какую же позицию во время всех этих событий занимали карфагеняне, в том числе, что для нас особенно важно, Ганнибал? Мы уже говорили выше, что в свое время, дабы поддержать в Сиракузах прокарфагенские настроения, к мысу Пахин был послан карфагенский флот. После того как к власти в Сиракузах пришли Гиппократ и Эпикид, командующий этим флотом Гимилькон спешно уехал в Карфаген; туда же прибыли послы Гиппократа и было доставлено письмо Ганнибала. Содержание этого письма представляет особый интерес, поскольку оно раскрывает истинные цели всех манипуляций и самого Ганнибала, и его агентуры в Сиракузах: Ганнибал писал, что уже настало время, покрыв себя великой славой, снова завоевать Сицилию. Опираясь на поддержку Ганнибала и на просьбы сиракузского посольства, Гимилькон добился от карфагенского совета новых подкреплений [Ливий, 24, 35, 4–5].

Было ясно, что римское командование попытается взять реванш за неудачу у стен Сиракуз, восстановить свое положение в остальной Сицилии. И действительно, не желая, как пишет Полибий [8, 9, 11–12], попусту терять время на осаду города, Марцелл и Аппий Клавдий Пульхр разделили между собой армию. Две трети солдат под командованием Аппия Клавдия остались блокировать Сиракузы, а остальных Марцелл повел завоевывать сицилийские города, отказавшиеся признать римское владычество. Гелор и Гербес сдались добровольно, но Мегару Гиблейскую он взял штурмом, разрушил и разграбил, чтобы, замечает Ливий, не пытающийся на сей раз отрицать чудовишной и обдуманной жестокости римлян, внушить страх другим сицилийцам, в особенности же сиракузьянам [Ливий, 24, 35, 1–2; Плут. Марц., 18].

Гимилькон был готов к такому повороту событий. Едва только прибыли дополнительные войска, он двинул свой флот на запад, к старинным карфагенским владениям на острове,

где было значительное финикийское население. Там он высадил 25 000 пехотинцев, 3000 всадников и 12 слонов, овладел Гераклеей Минойской, а вслед за ней и Акрагантом. Марцелл хотел было помешать ему, но опоздал [Ливий, 24, 35, 3–6].

Появление карфагенских войск в Акраганте и явная неудача Марцелла вызвали на острове новый подъем антиримских настроений. В Сиракузах осажденные решили активизировать свои действия; полагая, что смогут успешно защищаться и с меньшим по численности гарнизоном, они разделили армию на две части: одна под командованием Эпикиды осталась для охраны Сиракуз, а другая во главе с Гиппократом (10 000 пехотинцев и 5000 всадников) ночью покинула город, чтобы двинуться на соединение с Гимильконом, и расположилась недалеко от Акриллы. Там сиракузян и застал врасплох Марцелл, возвращавшийся после неудачи у Акраганта; сиракузская пехота была без особого труда окружена римлянами, и лишь отряд всадников во главе с Гиппократом ускакал в Акры. Несколько дней спустя Гимилькон и Гиппократ объединились и подошли к реке Анап; они остановились примерно в восьми милях от Сиракуз [Ливий, 24, 35, 7–36, 2; Плут. Марц., 18]. Но все попытки Гимилькона сразиться с Марцеллом ни к чему не привели: римский командующий искусно уклонялся от боя. Тогда Гимилькон отправился в глубь Сицилии, оставив Сиракузы самостоятельно бороться с римлянами [Ливий 24, 36].

Тарент. Взятие Сиракуз.

Положение в Испании

Итоги кампании 214 г. не позволили Ганнибалу в следующем, 213 г. предпринять сколько-нибудь серьезные наступательные действия. Пока в других местностях Италии, в Африке и Испании развертывались по инициативе римского командования боевые операции, Ганнибал ждал сдачи Тарента [Ливий, 25, 1, 1]. При всем этом — хотя Тарент, конечно, Ганнибалу был очень нужен — он оказался на периферии войны и не смог не только вырвать у римлян инициативу или вообще оказать какое-то влияние на ход событий, но и вос-

препятствовать дальнейшему укреплению римских позиций на юге Апеннинского полуострова.

Одним из пунктов, вокруг которых римское командование в Италии сосредоточило свои усилия, стали в 213 г. Арпы. В самом начале кампании к консулу Квинту Фабию Максиму, сыну Кунктатора, явился в сопровождении трех рабов знатнейший и богатейший гражданин Арп Дасий Альгиний и повел неожиданные речи — он обещал передать город римлянам, если ему за это последует вознаграждение [Ливий, 24, 45, 1]. Эта измена Дасия, того самого, который после Канн принял сторону Ганнибала и был инициатором и организатором установления союзнических отношений между Арпами и Карфагеном [Ливий, 24, 45, 2], глубоко потрясла военный совет, к которому консул обратился за решением. Полагая, что верность должна сопутствовать удаче, он после битвы при Каннах перебежал к Ганнибалу, а теперь, когда дела римлян вопреки его ожиданиям и желаниям стали поправляться, задумал новую измену — на этот раз в пользу тех, кого когда-то предал. По словам Ливия [24, 45], некоторые участники обсуждения этого происшествия, исходя из «староримских» морально-этических принципов, предлагали, не вступая в дальнейшее рассмотрение вопроса, выпороть Дасия и казнить как двоедушного общего врага. Иначе и, разумеется, учитывая интересы Римского государства, высказался Квинт Фабий Максим Кунктатор, знаменитый диктатор, отец консула, находившийся при армии сына в качестве легата. Сейчас, говорил он, необходимо думать о том, как сохранить италийских союзников и одновременно вернуть тех, кто присоединился к Ганнибалу. Расправа над Дасием покажет, что для тех, кто после Канн отказался от дружественных отношений с Римом, нет обратной дороги, и тогда вся Италия будет союзницей Карфагена. Фабий разглядел в поступке Дасия главное: в Италии начался поворот общественного мнения; перед Ганнибалом вырисовывалась, правда пока еще отдаленная, перспектива одиночества. В этих условиях Фабий предлагал не отталкивать жестокой расправой с Дасием возможных перебежчиков, какими бы слабыми и двуличными они ни были. Правда, он не настаивал и на освобождении Дасия, так что последний был передан под домашний арест в Калы.

В самих Арпах внезапное исчезновение Дасия Альтиния вызвало волнение всего населения. Опасались переворота и обратились к Ганнибалу. Но тот никак не успокоил народ, зато захватил и распродал имущество Дасия, а его жену и детей, арестованных и доставленных в карфагенский лагерь, приказал сжечь живьем [Ливий, 24, 45, 11–14].

Тем временем Фабий-сын подошел из Суэссулы к Арпам, и ночью, взломав ворота, римляне ворвались в город [Ливий, 24, 46]; во время уличных стычек между арпинцами и римлянами завязались разговоры; в конце концов местный верховный магистрат, побуждаемый согражданами, явился к консулу, и, получив клятвенное заверение в возобновлении союза, арпинцы ударили по карфагенскому гарнизону. На сторону римлян перешли в Арпах и 1000 испанских всадников, однако они выговорили для карфагенян право свободно покинуть город [Ливий, 24, 47, 1–11].

Примерно тогда же претор Публий Семпроний Тудитан захватил Атрин и там 5000 пленных [Ливий, 24, 47, 14]. Однако гораздо значительнее оказался несущественный на первый взгляд факт. В самой Капуе среди аристократии обнаружилось течение в пользу возобновления отношений с Римом. К римскому лагерю прискакали 120 капуанских всадников с предложением сдать Капую, если им будет гарантировано их имущество. Беседовавший с их десятью представителями претор Гней Фульвий Центимал обещал им, разумеется, полную поддержку и все, что они просили [Ливий, 24, 47, 12–13]. Еще бы! Казалось, заколебался краеугольный камень карфагенского господства в Южной Италии. Особенно важно было то, что всадники действовали явно с разрешения капуанских властей. Однако все ограничилось только переговорами.

В 213 г. произошло еще одно событие, которое и в самом Карфагене, и в лагере Ганнибала не могли не воспринять как серьезную угрозу: братья Сципионы, успешно воевавшие на Пиренейском полуострове, высадились в Северной Африке. Это была уже вторая попытка римского командования перенести войну непосредственно на территорию Карфагенской державы. На этот раз африканская экспедиция привела к большому дипломатическому успеху римлян. Им удалось воспользоваться тем, что у карфагенян возникли столкновения с одним из нумидийских «царей» — вождем племени ма-

сайсилиев — Сифаксом, и заключить с ним союз. Насколько опасным карфагенское правительство считало сложившееся положение, видно уже из того, что, по данным Аппиана [Апп. Исп., 15], оно вызвало в Африку Гасдрубала Баркида с частью его армии.

Парализовать постоянную угрозу со стороны масайсилиев карфагеняне могли только одним — натравить на Сифакса извечных врагов, другое нумидийское племя — массивилов, «царем» которых тогда был Гала. Карфагенские послы без особого труда уговорили Галу напасть на масайсилиев, пока римляне не переправили в Африку большой контингент и союз между ними и Сифаксом существует скорее на словах, чем на деле. Особенно рвался в бой семнадцатилетний сын Галы, Массанасса, которому престарелый «царь» поручил верховное командование. Присоединив к своим отрядам карфагенские формирования, Массанасса разгромил Сифакса в большом сражении и вынудил его бежать в Мавританию, к Гибралтару. Там Сифакс набрал новую армию и переправился в Испанию; туда же явился для продолжения войны с Сифаксом и Массанасса [Ливий, 24, 48, 13–49, 6]. Ливий особо подчеркивает, что Массанасса вел эту войну самостоятельно, без помощи карфагенян.

Наступил 212 г. — год, когда Ганнибалу дано было еще раз испытать военную удачу на территории Италии.

Мы уже говорили о том, что в Таренте в 214 г. проявилось себя антиримское движение, руководители которого призывали Ганнибала и обещали ему сдать город без сопротивления. Тогда этот замысел не был осуществлен. Однако в 214 г. случился новый подъем антиримского движения в греческих колониях на юге Италии; его вызвала чудовищная и политически крайне вредная жестокость римских властей по отношению к заложникам — фурийцам и тарентинцам, пытавшимся бежать из Рима.

Как рассказывает Ливий [25, 7], события разворачивались следующим образом. В Риме уже давно под предлогом выполнения посольских обязанностей жил тарентинец Фалея, которому удалось найти доступ к заложникам, взятым в обеспечение верности от Фурий и Тарента. Эти заложники содержались в атриуме Свободы. Римские власти охраняли их

без особой тщательности, так как думали, что ни им самим, ни их государствам не было выгодно обманывать римлян. Фалея подкупил двух стражей, с наступлением сумерек вывел заложников из места заключения и вместе с ними бежал из города. По-видимому, задание Фалеи и заключалось в том, чтобы вырвать заложников из римских лап. На рассвете бегство было обнаружено. Отправленные в погоню воины нашли всех беглецов недалеко от Таррацины; их схватили, приволокли в Рим и по решению народного собрания сначала выпороли, а потом сбросили со скалы.

Эта расправа глубоко потрясла и оскорбила население Фурий и Тарента не только самим фактом, но и тем, что казни был придан нарочито позорный характер. Осуществилось именно то, против чего предостерегал Фабий Кунктатор, когда решалось дело Дасия Альтиния: римляне не устрашили колеблющихся «союзников», но оттолкнули их от себя, своими руками, можно сказать, направили их в лагерь противника. Кровь погибших взывала к мести, и в Таренте составилась новая заговор молодежи во главе с Никоном и Филеменом [Ливий, 25, 8]. В эти дни Никон и Филемен несколько раз побывали у Ганнибала, выходя из города то будто бы на охоту, то якобы для угона карфагенского скота. В ходе переговоров стороны выработали условия сдачи: свободные тарентинцы сохраняют свои законы и все имущество; они не будут платить карфагенянам подати и не будут обязаны принимать против своей воли чужеземные войска. Римский гарнизон заговорщики обещали выдать Ганнибалу.

Для того чтобы облегчить Ганнибалу проникновение в город, Филемен стал даже чаще, чем прежде, выходить на ночную охоту; наконец, стражи городских ворот настолько уже привыкли к его вылазкам, что открывали ему вход по первому сигналу. Тогда-то Ганнибал решил, что настало время, и глубокой ночью повел солдат к стенам Тарента. По городу между тем разнесся слух, будто группа нумидийских всадников опустошает поля и наводит страх на земледельцев. Начальник римского гарнизона выслал конницу остановить грабеж, однако серьезных мер предосторожности не принял: он думал, что Ганнибал находится в своем лагере.

Филемен должен был провести группу солдат Ганнибала через калитку, пользуясь которой он обычно входил в город,

а основная часть карфагенской армии должна была подойти к Теменитидским воротам, расположенным в восточной части городской стены, где ее ожидал Никон.

Приблизившись к воротам, Ганнибал приказал зажечь сигнальный огонь. В ответ блеснул сигнал Никона, и снова все погрузилось в темноту. Карфагенские воины в полном молчании собрались у ворот. В это время Никон напал на спящих часовых, перебил их и распахнул ворота. Ганнибал вошел с пехотинцами в город; всадникам он приказал оставаться у городских стен. Тем временем и Филемен подошел к своей калитке, разбудил сторожа и со словами «Едва возможно держать огромную тушу» вошел внутрь. Размеры добычи — а это был заранее приготовленный громадный вепрь — поразили охранника, и он стал разглядывать зверя; в этот момент Филемен ударил охранника рогатиной; тотчас в открытую калитку ворвались солдат, взломали ближайшие ворота, и еще один карфагенский отряд вступил в город. В полной тишине он проследовал к рыночной площади и там присоединился к Ганнибалу [Ливий, 25, 8—9].

Ганнибал старался соблюдать тишину, но шум и суэта все-таки охватили город; правда, тарентинцы и римляне долго не могли понять, что, собственно, происходит. Тарентинцы думали, что римляне вышли разграбить город; римские солдаты считали, что это горожане затеяли бунт. Начальник римского гарнизона Гай Ливий, разбуженный (он спал мертвецким сном после попойки) при первых сигналах тревоги, бежал в гавань, а оттуда на лодке переправился в тарентинский акрополь. Когда стало светать, римляне узнали пунийское и галльское оружие и поняли: Ганнибал захватил город. Уцелевшие римляне собрались в акрополе. Ганнибал велел объявить тарентинцам, чтобы они пометили свои дома, — так он надеялся уберечь их от грабежа; дома и имущество римлян были разграблены [Ливий 25, 10].

На следующий день Ганнибал предпринял попытку захватить акрополь, где засели остатки римского гарнизона и тарентинцы, что не хотели порывать связи с Римом. Акрополь Тарента был защищен с одной стороны морем и скалами, а с другой — стеной и огромным рвом; взять его штурмом Ганнибалу не было ни малейшей возможности. Поэтому он решил отделить город от акрополя валом. Когда начались

работы, римляне сделали вылазку, но были разбиты, обращены в бегство и уже больше не мешали воинам Ганнибала копать ров и насыпать земляную стену. По завершении работ Ганнибал попытался еще раз штурмовать акрополь, но безуспешно: римские воины ночью разрушили и частью сожгли осадные сооружения. После этого все свои надежды Ганнибал возложил на осаду акрополя, однако она не могла быть достаточно эффективной, пока акрополь имел выходы к морю — так, сюда, на помощь осажденным, без помех были направлены римские солдаты из соседнего Метапонта; больше того, засевшие в акрополе римляне и тарентинцы заперли тарентинским кораблям выход в открытое море. Тогда, по предложению Ганнибала, тарентинские корабли были перевезены посуху, на повозках, спущены на воду и стали на якоря у входа в гавань, казалось напрочь блокировав акрополь [Ливий, 25, 11].

Взятие Тарента, несмотря на устоявший акрополь, усилило влияние Ганнибала в Великой Греции. Стоило римскому командованию отправить гарнизон из Метапонта в Тарент, как сторону Ганнибала приняло население Метапонта. Так же поступили и другие города Великой Греции, среди которых Ливий называет Фурии [Ливий, 25, 15]. По свидетельству Аппиана [Ганниб., 34] тарентинцы захватили продовольствие, посланное Фуриями гарнизону, укрывшемуся в акрополе, и пленили сопровождающих. Ганнибал освободил пленных фурийцев, и они убедили своих сограждан сдаться карфагенянам, а местный римский гарнизон морем ушел в Брундисий. Вместе с Фуриями и Метапонтом на сторону карфагенян перешла Гераклея. В Таренте, однако, дела карфагенян шли не так успешно. Легат Гай Сервилий сумел на нескольких кораблях пробиться к тарентинскому акрополю и доставить осажденным продовольствие [Ливий, 25, 15]. Таки образом, выяснилось, что в блокаде есть бреши, а заделать их не было сил.

Между тем густые тучи собрались над Капуей — важнейшей опорой карфагенского господства в Южной Италии. Пока Ганнибал занимался Тарентом, Капуя осталась без какого бы то ни было прикрытия; римляне подступили к городу и перерезали почти все пути, ведущие в него. Оказавшись перед угрозой голода, капуанцы обратились к Ганнибалу с прось-

бой помочь с доставкой хлеба, и тот поручил это Ганнону, но в то же время ничего не сделал для того, чтобы предотвратить намечающуюся блокаду. Ганнон подошел к Беневенту, велел свезти в свой лагерь хлеб окрестностей и предложил капуанцам за ним явиться. В назначенный день, однако, капуанцы (из-за своей легкомысленной беспечности, замечает Ливий) прислали всего лишь немногим более 400 повозок и несколько вьючных животных. Этого явно не хватало, и раздраженный Ганнон приказал капуанцам явиться снова, и на этот раз с достаточным количеством телег [Ливий, 25, 13].

Само собой понятно, что подобные операции невозможно было сохранить в тайне, и обо всем узнали римские консулы, бывшие в Бовиануме. Тут же один из них, Квинт Фульвий Флакк, который отвечал за боевые действия в Кампании, выдвинулся в Беневент. В лагере Ганнона в это время находилось много невооруженных капуанцев с 2000 повозок; какой-либо воинский порядок там полностью отсутствовал. Воспользовавшись этим, Фульвий атаковал пунийцев; римские воины и их союзники — пелигны ворвались в лагерь карфагенян и учинили там страшную резню. Они убили больше 6000 пунийских воинов и более 7000 взяли в плен, в том числе капуанцев, прибывших к Ганнону за хлебом. Сам Ганнон, в момент боя находившийся по неизвестной причине в Коминии Церите, узнав о разгроме своего лагеря, с несколькими фуражировщиками, которые случайно оказались при нем, поспешно удалился в Брутиум [Ливий, 25, 13–14].

Капуанцы отправили к Ганнибалу новое посольство. Оба консула находятся в Беневенте, в отчаянье сообщали они (пока Фульвий сражался с карфагенянами, в Беневент прибыл и Аппий Клавдий Пульхр), всего в одном дне пути от Капуи. Война почти у ворот и стен их города. Если Ганнибал не придет на помощь, Капуя попадет в руки врагов еще быстрее, чем Арпы. Ганнибал хорошо понял угрозу, содержащуюся в речах капуанских послов: ему напомнили об Арпах, совсем недавно перешедших к римлянам, о Дасии Альтинии — таком верном, казалось бы, друге карфагенян, предложившем тем не менее свои услуги римлянам. Опасность потерять Капую была велика, и Ганнибал сразу отправил для защиты города 2000 всадников [Ливий, 25, 15].

Тем временем консулы повели легионы из Беневента к стенам Капуи, рассчитывая как можно скорее захватить ее. В Беневент же был призван из Лукании Тиберий Семпроний Грах с отрядом всадников и легковооруженных пехотинцев [Ливий, 25, 15], но ему не суждено было выполнить этот приказ. В Лукании в этот момент произошли, очевидно не без влияния успехов Ганнибала в Великой Греции, важные события: руководитель проримской «партии» Флав (по Аппиану, Флавий) внезапно для римлян решил перейти на сторону карфагенян; дружбу с ними он решил закрепить убийством римского военачальника, с которым его связывал договор о взаимном гостеприимстве. И это обстоятельство, конечно, усугубляло в глазах римлян вероломство и преступность Флава. Договорившись с Магоном, командовавшим карфагенскими войсками в Брутиуме, Флав без труда заманил Гракха в ловушку, где и сам Гракх, и сопровождавшие его воины были без труда уничтожены [Ливий, 25, 16; Апп. Ганниб., 35]. По другим версиям, которые также приводит Ливий [26, 17], Гракх погиб случайно, столкнувшись с пунийцами то ли при купании, то ли во время жертвоприношений. Говорили, что Ганнибал устроил Гракху достойное погребение; по другой версии, Ганнибал приказал доставить голову Гракха в римский лагерь квестору Гнею Корнелию, и последний устроил Гракху торжественные похороны в Беневенте [Ливий, 25, 17].

Впрочем, гибель Гракха мало что изменила в положении дел. Римские войска вступили на территорию, принадлежавшую Капуе. Правда, тут же их ждало разочарование: в стычке, которая переросла в серьезное сражение, они потеряли около 1500 человек [Ливий, 25, 18]. Это дало время Ганнибалу придвинуть к Капуе свои основные силы и навязать римлянам сражение.

В этой битве римские солдаты показали удивительную стойкость. Засыпаемые стрелами и дротиками, теснимые конницей, они стояли непоколебимо, пока консулы не дали сигнал к кавалерийской атаке. В это время показались воины Гракха, которыми теперь командовал Гней Корнелий. И римляне, и карфагеняне приняли их за подкрепление, идущее к противнику. С обеих сторон последовал приказ отступить. Казалось, продолжения сражения не избежать, но внезапно Ганнибал получил донесение, что римский лагерь пуст, Фульвий ушел

в Кумы, а Аппий Клавдий — в Луканию. Ход мыслей Ганнибала нетрудно себе представить: римляне наконец-то снова отступают, римляне признают себя побежденными... После непродолжительных колебаний Ганнибал бросился за Аппием Клавдием, несомненно рассчитывая на поддержку своих луканских союзников; по дороге он уничтожил отряд центуриона Марка Центения Пенулы, с недавних пор действовавший в Лукании. Эта задержка дорого стоила карфагенянам; Аппий Клавдий сумел от них оторваться и, совершив круговой маневр, вернулся к Капуе, тогда как Ганнибал считал, что вот-вот его настигнет [Ливий, 25, 19].

Снова, с еще большей энергией и упорством, консулы приступили к осаде Капуи [Ливий, 25, 20]. Ганнибал же оказался в Апулии, где у стен Гердони перед ним возникло войско под началом претора Гнея Фульвия Центимала. Ганнибал решил дать Центималу сражение; он не сомневался в успехе. И в самом деле, уже первый натиск карфагенян сломил сопротивление неприятеля; видя, что все потеряно, Центимал ускакал с 200 всадников. Всего из 18 000 римских воинов спаслись в этом бою не более 2000 [Ливий, 25, 20–21].

Эта победа Ганнибала, хотя и напугала римское правительство, с военной точки зрения оказалась бесполезной. Тем более что, одержав ее, не вернулся к Капуе, а увел своих солдат в Тарент. Капуанцам, вновь просившим помощи, он ответил, что один раз уже заставил консулов снять осаду и сделает это снова, когда сочтет нужным. Однако когда посланцы Капуи вернулись обратно, их город был уже окружен двойным рвом и валом. Прежде чем приступить к осаде, римские власти сочли необходимым предложить гражданам Капуи до середины мая покинуть город и унести с собой имущество; им обещали сохранение свободы и достоинства. Капуанцы отказались. Так началась осада Капуи, а вместе с нею и новый этап войны в Италии [Ливий, 25, 22].

Римское командование не зря именно здесь сконцентрировало свои основные усилия. Теперь Ганнибал был связан необходимостью одновременно помогать Капуе и осаждать акропол в Тарента; в обоих случаях он не имел права уступить; падение Капуи, несомненно, повлекло бы за собой переход всех или почти всех его союзников на сторону Рима, но и неудача в Таренте сулила то же самое.

На другом театре военных действий, в Сицилии, обстановка складывалась в 212 г. для Карфагена крайне неблагоприятно. Важнейшим событием здесь стало падение Сиракуз, что привело к окончательному изгнанию пунийцев из Сицилии.

Вообще говоря, осада Сиракуз, хотя она и велась после неудачи памятного штурма в 214 г. со всей тщательностью, представлялась Марцеллу делом бесперспективным. Оборонительные механизмы Архимеда являли собой смертельную угрозу для каждого, кто осмеливался подойти к сиракузским стенам. Блокировать город полностью не удалось — продовольствие в Сиракузы регулярно завозилось морем из Карфагена [Ливий, 25, 23]. Оставалось возлагать надежды на проримски настроенных сиракузян; они имелись и в осажденном городе, и, по словам Ливия, в римском лагере — это были представители знатнейших семейств, изгнанные из города.

Очень долго сиракузским изгнанникам не удавалось наладить контакты со своими сторонниками за городскими стенами. Наконец случай представился: раб одного изгнанника под видом перебежчика проник в город и сообщил нужным людям, что Марцелл, которого боялись из-за слухов о расправе, устроенной или будто бы устроенной им в Леонтинах, предлагает в случае сдачи Сиракуз сохранить их гражданам свободу и право иметь свои законы. Само собою разумелось, что к власти в Сиракузах придет новое правительство, которое составят те, кто свергнут Эпикида и предадут город в руки римских солдат.

Вскоре, прикрывшись в рыбацкой лодке сетями, из города выбрались несколько сиракузян и явились в римский лагерь на переговоры; постепенно эти поездки стали учащаться и привели к тому, что в Сиракузах созрел заговор, в который оказались вовлечены 80 человек... Но внезапно все рухнуло. Некто Аттал, человек, близкий к заговорщикам, но, видимо, не вполне посвященный в их замыслы (Ливий говорит, что его оскорбило проявленное к нему недоверие), донес о чем знал Эпикиду. Заговорщики были схвачены и после пыток казнены [Ливий, 25, 23].

Спустя некоторое время, однако, Марцеллу представился другой случай. В римский лагерь явился перебежчик по имени Сосистрат [см. у Фронтин, 3, 3, 2] и рассказал, что в осажденном городе совершается обычное трехдневное празд-

нование в честь богини Артемиды; еды на пиршествах не хватает, но зато в изобилии пьют вино, которое Эпикид щедро раздает народу, и стражники пьют наравне со всеми. Узнав об этом, Марцелл решил воспользоваться подходящим моментом.

Поздно ночью, когда сиракузские стражи вконец перепились, римляне проникли в город и взломали небольшую калитку рядом с воротами Гексапила. Они, хотя и с опозданием, были обнаружены, и все еще можно было поправить, ибо ворота, напомним, состояли из шести камер. Но воины, охранявшие ворота, очнувшись от пьяного сна, в панике побежали куда глаза глядят. Потратив некоторое время на то, чтобы взломать ворота, перед рассветом Марцелл вступил в город и занял районы Тиха и Эпиполы [Полибий, 8, 37, 2–11; Ливий, 25, 23–24; Плут. Марц., 18]. Впрочем, в руках Эпикида еще оставались Ахрадина и остров Ортигия, имевшие свои собственные укрепления, где можно было отсижеться до прихода Гимилькона и Гиппократа, которые, как надеялись сиракузяне, обязательно явятся на помощь. К тому же Ахрадину защищали перебежчики, когда-то покинувшие римские или союзные римлянам знамена и теперь сражавшиеся в сиракузской армии; они понимали, что в случае сдачи их ожидает неминуемая гибель. Неудивительно поэтому, что, начав переговоры о сдаче города, Марцелл получил категорический отказ.

Наконец к Сиракузам подошли Гимилькон и Гиппократ. Весьма значительную часть их войска составляли жители сицилийских городов (до 20000 пехотинцев и 5000 всадников [Апп. Сиц., 4]). Стороны начали готовиться к решающей битве, но тут в события вмешалась эпидемия, поразившая обе армии, однако же полностью уничтожившая только одну. Дело в том, что сицилийцы, служившие у Гимилькона и Гиппократа, при начале эпидемии разбежались по своим городам. Одолеть сильно поредевшее войско римлянам не составило труда [Ливий, 25, 26].

Бомилькар, теперь единственный представитель пунийского высшего командования на острове, снова отправился за подкреплением в Карфаген. Там он убедил совет в возможности захватить римлян, сидящих в Сиракузах, и вернулся в Сицилию во главе огромного флота из 130 боевых и 700 транс-

портных кораблей. В свою очередь, Эпикид, поручив оборону Ахрадины командирам наемных отрядов, отправился морем навстречу Бомилькару. Марцелл решил помешать Бомилькару войти в Сиракузы и отправил ему навстречу римские корабли. Но Бомилькар внезапно отправил транспортным судам, стоявшим в Гераклее Минойской, приказ возвращаться в Карфаген, а сам отплыл в Италию, взяв курс на Тарент [Ливий, 25, 27]. Чем он руководствовался, мы не знаем. Сицилийские греки истолковали его действия в том смысле, что Карфаген отказывается от борьбы за Сицилию. Эпикид, не желая снова очутиться в осажденном городе, ушел в Акрагант [Ливий, 25, 27]. Там же, в Акраганте, укрылась и часть карфагенской пехоты под командованием Ганнона [Ливий, 25, 40]. Сицилийцы же, совсем недавно активно готовившиеся к новым сражениям, начали переговоры с Марцеллом об условиях сдачи Сиракуз [Ливий, 25, 28].

Условия, на которых обе стороны пришли к соглашению, были следующие. Все то, что совсем недавно и где бы то ни было принадлежало царям, теперь будет принадлежать римскому народу. Тем самым решалась судьба Сиракуз, Леонтин и других городов, состоявших под властью Гиерона II и Гиеронима. Все же остальные сицилийцы сохраняют свою свободу и свои законы, то есть самоуправление. По-видимому, последнее условие не могло распространяться на территорию, бывшую до начала военных действий римской провинцией, хотя в тексте договора, приведенном Ливием, об этом прямо ничего не говорится. Добившись этих условий, сицилийские представители обратились к тем, на кого Эпикид, отплывая навстречу Бомилькару, возложил оборону Ахрадины и Ортигии, а когда договориться не удалось, организовали их убийство [Ливий, 25, 28]. Затем, созвав народное собрание, они убедили граждан избрать из своей среды послов и отправить к Марцеллу. Однако пока в римском лагере шли переговоры, перебежчики, опасавшиеся расправы со стороны Марцелла, убедили наемных солдат сиракузской армии в том, что и их ожидает такая же участь. Наемники взбунтовались, в городе начались массовые убийства и грабежи [Ливий, 25, 29]; чуть позже они избрали себе командиров и принялись по-своему организовывать оборону города; казалось, теперь, повязанные кровью горожан, они будут стоять до конца.

Но именно один из вождей наемников стал в скором времени тем ключом, который позволил римлянам взять Сиракузы. В числе трех избранных наемниками командиров, в ведении которых находилась Ахрадина, был ибериец Мэрик. К нему подослали его соотечественника, и тот склонил Мэрика к предательству. Предложив разделить линию обороны на отдельные участки и передать каждый под командование кому-нибудь из вождей наемников, Мэрик взял под свой контроль местность от источника Аретуса до входа в гавань у южной оконечности Ахрадины. Поздно ночью римляне подогнали к этому месту большую квадриему и высадили десант, который Мэрик впустил в ворота недалеко от Аретусы. Таким образом, почти вся Ахрадина была захвачена, а затем десант был высажен и на Ортигию, где находилась казна сиракузских царей. Перебежчики попытались спастись бегством, а жители вышли к победителю, умоляя теперь уже только о сохранении жизни. Марцелл отправил на Ортигию солдат для охраны царской казны, разместил караулы в домах тех, кто с самого начала боев поддерживал римлян, и отдал Ахрадину на разграбление солдатам. Во время этой вакханалии насилий и грабежа (Ливий говорит, что «много было явлено отвратительных примеров злости, много — алчности») погиб Архимед [Ливий, 25, 30—31].

Гибель Архимеда на протяжении длительного времени была сюжетом многочисленных повествований. Плутарх [Плут. Марц., 19], который, подобно Ливию, старается уверить читателя, будто смерть Архимеда глубоко огорчила римского командующего, приводит три рассказа об его кончине. Согласно одному из них, Архимед был погружен в изучение геометрических чертежей; он не обращал внимания на римлян, бежавших по улицам, и даже не знал, что город взят неприятелем; когда перед Архимедом внезапно предстал римский воин и потребовал его к Марцеллу, ученый отказался, объясняя это тем, что он пока не решил проблемы и не закончил доказательства; солдат вытащил меч из ножен и заколол Архимеда. По другой версии, когда к Архимеду явился римский солдат с мечом в руке, ученый просил дать ему короткое время, чтобы задача, которую он занимался, не осталась нерешенной; убийца, не обращая внимания на слова Архимеда, пронзил его своим мечом. Еще один рассказ, сохраненный Плутархом: Архимед

шел к Марцеллу и нес математические инструменты; солдаты, встретившие его по дороге, решили, что он несет сокровища, и убили его с целью грабежа. У Валерия Максима [8, 7, 7] сохранилось предание, будто Марцелл приказал пощадить Архимеда, который был убит не только без ведома, но и вопреки ясно выраженному указанию Марцелла. Воину, ворвавшемуся к нему в дом, Архимед сказал: «Не порти это [чертеж]!»; римлянин, оскорбленный этими словами, отрубил ему голову. В изложении Диодора [26, 18] и Диона Кассия [фрагм. 45] Архимед был погружен в свою работу, когда какой-то римлянин предстал перед ним; не видя, кто ему мешает, Архимед сказал: «Отойди, человече, от моего чертежа!»; схваченный врагом, поняв, что он попал в руки римлянина, старик закричал: «Пусть кто-нибудь из моих даст мне какое-нибудь орудие!»; перепуганный римлянин тут же его убил. Марцелл оплакал Архимеда и приказал торжественно похоронить в родовой усыпальнице; убийцу казнили. По Зонаре [9, 5], Марцелл не приказывал пощадить ученого, не печалился о его гибели и уж тем более никого не наказывал.

Таким образом, мы вынуждены оставить открытым вопрос об обстоятельствах смерти Архимеда и о подлинной реакции Марцелла на это событие. Не исключено, что Марцелл счел необходимым продемонстрировать свою скорбь по поводу этого инцидента и отдать последний долг убитому: в ситуации, которая сложилась в самой Сицилии, и в балканской Греции, где римляне отчаянно нуждались в поддержке греческих союзов против Филиппа V, им было крайне невыгодно представлять в роли убийц и насильников, хладнокровно истребляющих лучших представителей греческой мысли. Сопоставление с Ганнибалом, при штабе которого находились греческие литераторы, было бы слишком невыгодным. Достоверно [Циц. Госуд., 1, 14], что Марцелл одну из знаменитых Архимедовых «сфер» поместил в храм Мужества, а другую взял себе как причитающуюся долю добычи; в его семье эта реликвия передавалась из поколения в поколение.

В Сиракузах хранить память об Архимеде — одном из организаторов сопротивления римскому нашествию и, вероятно, бескомпромиссном враге римлян, — надо полагать, не поощрялось. Этим объясняется, что могила Архимеда была забро-

шена и забыта, и только Цицерон уже в I в. после многих трудов смог ее отыскать [Циц. Туск., 5, 64–66].

Падение Сиракуз и последующий вслед за этим разгром карфагенян у реки Гимера предрешили исход борьбы за Сицилию. Остров становился римской провинцией, хотя в Акраганте еще оставались карфагенские войска и отряды Эпикиды; все планы карфагенского правительства, все военно-политические устремления самого Ганнибала, связанные с Сицилией, и, в частности, с Сиракузами, потерпели крушение. Вместо того чтобы связывать Ганнибала с Карфагеном, Сицилия превращалась в непреодолимую преграду, отделявшую пунийскую армию в Италии от возможных источников подкреплений. Вместо того чтобы стать надежным тылом для армии Ганнибала, Сицилия делалась плацдармом, откуда можно было в любой момент ожидать и вторжения римских войск в Африку, и удара по Ганнибалу. Рушилась надежда на македонско-тарентинско-капуанско-сиракузско-карфагенскую коалицию для уничтожения Рима. В тарентинском акрополе прочно сидели римляне, Капуя была осаждена, Сиракузы захвачены Марцеллом. А кроме того, Тит Отацилий совершил новый рейд в Африку. За несколько дней до захвата Сиракуз, вторгнувшись рано утром на 80 квинкверемах в гавань Утики, он опустошил окрестные поля и, захватив нагруженные продовольствием транспорты, с торжеством вернулся в Лилибей [Ливий, 27, 31].

В Испании в 212 г. находились две римские армии: одна — под командованием Публия Корнелия Сципиона и другая — под началом его брата Гнея. Когда наступил сезон боевых операций, римские полководцы покинули зимние квартиры и объединили свои силы. Им противостояли три армии карфагенян: две — под командованием Гасдрубала, сына Гисгона, и Магона, сына Гамилькара Барки, — находились в общем лагере на расстоянии приблизительно пяти дней пути от римлян, и одна стояла около города Анторга; ее возглавлял Гасдрубал, сын Гамилькара Барки. Для того чтобы разработать план кампании и определить ее цели на ближайшее время, Сципионы созвали военный совет; его участники пришли к единодушному мнению, что настало время закончить войну в Испании. Средств должно было хватить: к римлянам присоединились

20 000 кельтиберов — по тем временам весьма грозная сила. Сначала римское командование решило нанести удар по Гасдрубалу, сыну Гамилькара Барки. Все были уверены в успехе и беспокоились о том, как бы, напуганные его поражением, Гасдрубал, сын Гисгона, и Магон Баркид не ушли в горы и не затянули войну. Поэтому римляне разделили свои войска. Две трети римлян Публий Корнелий Сципион повел против Магона Баркида и Гасдрубала, сына Гисгона; остальных римлян и кельтиберов Гней Корнелий Сципион двинул к Анторгу против Гасдрубала Баркида [Ливий, 25, 32].

Хорошо понимая, что главные надежды Гней Сципион возлагает на кельтиберов, Гасдрубал Баркид сделал все, чтобы оторвать их от римлян. Его аргументы подействовали, и кельтиберы покинули римский лагерь, заявив на прощание, будто междоусобные распри мешают им принять участие в предприятии Сципионов. Гней, не имея теперь ни достаточной армии, чтобы осуществить первоначальный план и сразиться с Гасдрубалом Баркидом, ни возможности соединиться с братом, решил отступить, по возможности уклоняясь от боя на открытой местности; карфагеняне преследовали его по пятам [Ливий, 25, 33].

Положение Публия Корнелия Сципиона также становилось все более затруднительным. Набеги нумидийской конницы Массанассы постоянно тревожили его солдат. Удары, наносимые ею, с каждым днем становились все ощутимее, так что в конце концов римляне оказались в полном смысле слова осажденными в собственном лагере. Большую тревогу вызвал у Сципиона слух о том, что на помощь карфагенянам идет один из испанских вождей, Индебил, и ведет с собой отряд суэссетанов в 7500 человек. Желая предотвратить худшее и, во всяком случае, не допустить Индебила соединиться с карфагенянами, Публий Сципион ночью бросился ему навстречу, оставив в лагере небольшой гарнизон под командованием Тиберия Фонтя. Сражение завязалось с ходу, и римская пехота уже, казалось, побеждала, как вдруг с флангов на нее напали нумидийские всадники, а с тыла — карфагеняне, очевидно внимательно следившие за всеми передвижениями Публия. Во время боя Публий Корнелий Сципион был убит, и эта гибель предредила исход дела: лишившись командова-

ния, римляне разбежались; многие из них погибли во время бегства [Ливий, 25, 34].

Сразу же после этого Гасдрубал, сын Гисгона, и Магон Баркид повели свои войска на соединение с Гасдрубалом Баркидом. Узнав об их прибытии, Гней Сципион решил снова отступить и ночью оставил свой лагерь. Но утром римлян нагнала нумидийская конница, заставила остановиться и принять бой. К наступлению следующей ночи Сципиону удалось занять на холме, господствовавшем над местностью, круговую оборону и даже возвести из обозной клади какое-то подобие заграждений. Однако сопротивляться численно превосходящему противнику римские солдаты не могли. Карфагеняне, испанцы, нумидийцы расчистили себе дорогу и начали резню; большинство римлян укрылись в окрестных лесах, а потом бежали в лагерь к Тиберию Фонтею. Гней Сципион был убит в бою [Ливий, 25, 35—36; ср. также у Апп. Исп., 15].

Римляне переправились через Ибер; командующим они избрали Луция Марция. Гасдрубал, сын Гисгона, также переправился через Ибер, но римляне сумели отбиться. Карфагеняне расположились лагерем неподалеку от римлян, всем своим поведением выказывая пренебрежение противнику, которого они теперь не считали способным на что-либо серьезное. Пунийское командование не озаботилось никакими мерами предосторожности. Воспользовавшись этим, ночью римляне ворвались в карфагенский лагерь и перебили, если верить Ливию, почти всех, кто в нем был [25, 37—39]. Но Ливий, по-видимому, склонен преувеличивать успех Луция Марция; во всяком случае, его описанию он уделил больше места, чем гибели всей римской армии на Пиренейском полуострове. Хотя очевидно, что разгром Сципионов снова отдал в руки карфагенян Испанию к югу от Ибера.

Осада Капуи. Ганнибал у ворот Рима

Ганнибал, долгое время колебавшийся между желанием захватить тарентинский акрополь и необходимостью оказать помощь Капуе, решил все-таки сосредоточиться на Капуе. Оставив в Брутиуме часть обоза и тяжеловооруженных солдат, он во главе отборной пехоты и конницы, за которыми следо-

вали еще 33 слона, прибыл в Кампанию и снова расположился у горы Тифаты. При этом карфагеняне сумели скоординировать свои действия с капуанцами и ударили по римлянам с двух сторон сразу. Это вынудило римское командование разделить войска: Аппий Клавдий Пульхр сражался с капуанцами, Квинт Фульвий Флакк — противостоял Ганнибалу; кроме того, пропретор Гай Клавдий Нерон занял дорогу на Суэссулу, а легат Гай Фульвий Флакк с союзнической конницей — местность, прилегающую к реке Вольтурну.

Легионы Аппия Клавдия отразили атаку капуанцев и оттеснили их к городским воротам. Ганнибал, наоборот, на первых порах добился успеха: один из легионов Фульвия (шестой, говорит Ливий) не выдержал натиска испанских наемников Ганнибала и отступил; испанцы, при поддержке трех боевых слонов, прорвали строй противника и подошли к валу римского лагеря. Здесь, однако, их встретило ожесточенное сопротивление. Римлянам удалось убить слонов; их тела заполнили ров перед лагерным валом, и воины дрались не только на валу, но и на трупах животных, которые образовали своего рода мост. В конце концов Ганнибал велел испанцам отступить [Ливий, 26, 5–6].

Победителей сражении не было, но эта ничья была для Ганнибала равна поражению. Попытка его прогнать римлян от стен Капуи не удалась. Больше он уже не предпринимал атак на римский лагерь, видимо не считая себя в состоянии прямым ударом заставить Фульвия и Аппия Клавдия покинуть Кампанию. Надо было найти иное средство, чтобы отвлечь внимание римского командования от осажденного города. И ему показалось вдруг, что такое средство найдено: нужно было создать или, по крайней мере, сымитировать смертельную угрозу существованию Римского государства. Так было решено идти на Рим.

Мы уже говорили о том, что сразу же после битвы при Каннах среди ближайших соратников Ганнибала родилась идея немедленного похода на Рим; Ганнибал отверг ее и по прошествии времени не мог не понимать, какую возможность упустил [ср. у Ливия, 26, 7, 3]. Но теперь, почти через четыре года, обстановка коренным образом изменилась. После Канн Рим был беззащитен до такой степени, что составлял легионы из добровольцев-рабов, которым в награду за службу обеща-

ли освобождение. С тех пор, однако, он накопил достаточно сил, чтобы противостоять Карфагену и в Италии, и на Сицилии, и в Испании, даже совершать набеги на побережье Северной Африки. Все это Ганнибал, разумеется, знал. Но он рассчитывал, что, если Рим подвергнется прямой опасности, римляне перебросят на его защиту войска от Капуи. В Капую он переправил письмо, где объяснял свой замысел: его уход заставит римлян удалиться от стен города для защиты Рима; потерпев еще несколько дней, капуанцы вообще будут избавлены от осады. Переправившись в одну из ночей через Вольтурн (в своем лагере он приказал не гасить огней), Ганнибал двинулся на север [Ливий, 26, 7].

Успех всего предприятия, задуманного Ганнибалом, в небольшой степени зависел от того, насколько будет велик элемент неожиданности в его действиях. Однако сохранить свой замысел в тайне ему не удалось: Фульвий Флакк узнал о нем от перебежчиков и немедленно известил римское правительство. В Риме тотчас было созвано заседание сената. Один из сенаторов, Публий Корнелий Асина, требовал для защиты Рима вызвать всех полководцев и все войска, действовавшие в Италии, то есть сделать именно то, чего хотел Ганнибал. Ему возражал Квинт Фабий Максим. Он считал преступным оставлять осаду Капуи и, поддавшись страху, совершать какие бы то ни было военные маневры под влиянием угроз Ганнибала. «Неужели, — восклицал он, — тот, кто после Канн, будучи победителем, не осмелился идти на Рим, теперь, отброшенный от Капуи, возымеет надежду овладеть Римом? Не для осады Рима, но для освобождения Капуи от осады идет он. Рим будет защищен теми войсками, которые находятся у города». Обсуждение завершилось принятием компромиссного предложения Публия Валерия Флакка. Аппию Клавдию и Фульвию написали письмо с предложением самим определить, какую помощь они могут оказать Риму при условии, что осада Капуи будет продолжаться по всем правилам.

Римские военачальники, посоветовавшись, решили направить в Рим 15 000 пехотинцев и 1 000 всадников. Аппий Клавдий, перед этим раненный в бою с капуанцами, не мог возглавить эту экспедицию, и командование взял на себя Квинт Фульвий Флакк [Ливий, 26, 8; ср. у Апп. Ганниб., 40]. Таким образом, замысел Ганнибала осуществился лишь частично;

ему так и не удалось заставить римлян снять осаду с Капуи. Полибий [9, 6–7] утверждает, что никакие римские солдаты вообще не уходили от Капуи.

Известие о том, что Ганнибал идет на Рим, вызвало в городе огромную тревогу. Среди горожан ходило много слухов и небылиц, которые порождали страх и панику. Рассказывали, например, что карфагянин только потому осмелился пойти на Рим, что уже уничтожил легионы, стоявшие под стенами Капуи [Полибий, 9, 6, 2]. Сенат пытался навести порядок в этом хаосе [Ливий, 26, 9]; он вообще не уходил с форума, куда приходили все желавшие участвовать в обороне. По рассказу Аппиана [Ганниб., 39], все, кто мог носить оружие, охраняли ворота; старики защищали стены, женщины и дети таскали камни и метательные снаряды [ср. также у Полибия, 9, 6, 3]. До подхода Фульвия (получив известие об его движении к Риму, сенат, дабы не лишать его власти командующего в пределах городской черты, решил предоставить ему права и полномочия консула*) римские власти расположили гарнизоны в крепости, на Капитолии, на стенах вокруг города, а также на дальних подступах к Риму — в крепости Эсула и на Альбанском холме [Ливий, 26, 9]. Насколько достоверны сведения Аппиана [Ганниб., 39], что в Риме, когда Ганнибал предпринял свой поход, не было достаточных сил для обороны, неизвестно. Они, во всяком случае, противоречат свидетельствам Ливия и Полибия. По данным Полибия [9, 6, 6], как раз в этот момент завершилось формирование одного легиона и начал формироваться другой.

Между тем Ганнибал и Фульвий спешили к Риму. Фульвий несколько задержался на переправе через Вольтурн: карфагяне сожгли все лодки и римляне второпях сколачивали плоты. Ганнибал шел на север, опустошая все на своем пути и почти не встречая сопротивления. Только когда он вступил на территорию Фрегелл и подошел к реке Лирис, его движение несколько замедлилось, так как мост был разрушен. Беспощадно разорив Фрегеллы и восстановив переправу, Ганнибал продолжил свой путь и наконец оказался в восьми милях

---

* Согласно римским обычаям, полномочия, предоставленные Квинту Фульвию для осады Капуи, не имели силы в пределах римской городской черты.

от Рима [Ливий, 26, 9]. Почти одновременно с этим в Рим, через Капенские ворота, вошел Фульвий.

Ганнибал еще ближе подошел к Риму; он расположил свой лагерь у реки Аниона, в трех милях (в 40 стадиях, по Аппиану [Ганниб., 39], в 32 стадиях, по Полибию [9, 5, 9]) от города, и во главе 2000 всадников поскакал на рекогносцировку в направлении Коллинских ворот; он уже приближался к храму Геркулеса и видел расположение улиц, когда Фульвий выслал ему навстречу конницу; после короткой стычки пунийцы удалились в свой лагерь [Ливий, 26, 10].

Ганнибал у ворот! Люди в смятении ожидали, что бои вот-вот завяжутся на улицах города. В Риме в момент, когда Ганнибал подошел к его стенам, на Авентинском холме находилось около 1200 нумидийских всадников-перебежчиков. Пока у Коллинских ворот происходила стычка между римской и карфагенской конницей, сенат приказал им сосредоточиться на Эсквилине. Когда нумидийцы стали спускаться с холма, население вообразило, что Авентин уже занят карфагенянами. Люди принялись забрасывать нумидийцев камнями и дротиками, и ни разъяснить в чем дело, ни успокоить народ не было ни малейшей возможности. После этого происшествия власти решились на крайнюю меру: всем бывшим диктаторам, консулам и цензорам был предоставлен империй, то есть полномочия высшей военно-административной власти, для поддержания порядка, пока враг не удалится от города [Ливий, 26, 10].

На следующий день Ганнибал форсировал Анион и вывел на битву все свои войска. Фульвий и консулы также решили не уклоняться от сражения. Но когда армии построились одна против другой и изготовились к бою, разразился страшный дождь с градом, который привел и римлян и карфагенян в такое жалкое состояние, что они едва добрались до своих лагерей. На следующий день повторилось то же самое, и по пунийскому лагерю поползли слухи, что это боги мешают Ганнибалу одержать победу; говорили, будто сам Ганнибал восклицал, что у него не хватает то ума, то счастья, чтобы овладеть Римом [Ливий, 26, 11]. Очевидно, этот эпизод послужил Полибию основой для рассказа о том, что консульские войска, выстроенные перед городом, остановили Ганнибала, когда тот устремился на Рим [9, 6, 8–10].

Между тем Ганнибалу доложили сразу о двух событиях. Во-первых, он узнал, что римское правительство отправило в Испанию дополнительные воинские контингенты. Это ясно показало, что римское правительство ничуть не испугалось его похода на Рим; оно даже послало своих солдат далеко за море, не обращая внимания на то, что он, Ганнибал, стоит у самых Коллинских ворот. При таком раскладе нечего было и думать, что римляне снимут осаду Капуи. Во-вторых, Ганнибал узнал, что поле, на котором располагался его лагерь, именно сейчас продано в Риме за обычную цену; на покупателя не произвело никакого впечатления то, что этим полем в данный момент фактически владеет не продавец, а Ганнибал. Едва ли можно сомневаться в том, что эта коммерческая сделка была политической демонстрацией, которая должна была показать всей Италии, и прежде всего, конечно, Ганнибалу, насколько прочны позиции Рима и насколько уверены в себе римляне [Ливий, 26, 11, 5–6].

Римляне, надо сказать, произвели на Ганнибала именно то впечатление, которого добивались. Правда, в порыве ярости карфагенский полководец приказал продать у себя в лагере лавки римских менял, расположенные вокруг римского форума [Ливий, 26, 11, 7]. Однако он так и не решился больше предлагать Фульвию сразиться под стенами Рима; сначала он перенес свой лагерь к реке Тутии, в шести милях от Рима, а потом, разграбив окрестности города [Полибий, 9, 6, 10], и в том числе храм в роще Феронии, ушел на юг Апеннинского полуострова [Ливий, 26, 11].

Евтропий [3, 14] иначе, вне связи с осадой Капуи, и, по-видимому, менее достоверно рассказывает о походе Ганнибала на Рим. Ганнибал, говорит он, дошел до четвертого милевого столба, а его всадники — до городских ворот; затем, опасаясь войск противника, он возвратился в Кампанию. По рассказу Аппиана [Ганниб., 40], Фульвий не входил в Рим, а расположился против лагеря Ганнибала по другую сторону Аниона. Так как мост через реку был разрушен, Ганнибал решил обойти реку у ее истоков; рассказывали, что ночью Ганнибал с отрядом отборных конников проник в город, тайно его осмотрел и затем (настолько сильно было полученное им впечатление) отступил к Капуе. По-видимому, версия Аппиана интересна

только в одном отношении: еще и через несколько столетий Ганнибала считали способным решительно на все.

Римский поход Ганнибала закончился тяжелым военно-политическим поражением, хотя у стен города не произошло сколько-нибудь серьезных боев (может быть, именно по этой причине), а противники лишь примеривались друг к другу. Он показал, что у Ганнибала нет ни продуманного плана ведения войны, ни сил для достижения сколько-нибудь ощутимого перелома в войне. Судьба Капуи была предрешена. Ганнибал, видимо, не слишком долго предавался размышлениям о ее будущем; он решительно перечеркнул все свои надежды, связанные с нею, и, в то время как Фульвий возвратился из Рима к Капуе, устремился через Луканию в Брутиум и далее к Регию, к Мессинскому проливу [Ливий, 26, 12, 2]. По Полибию [9, 7, 7], во время этого похода Ганнибал напал на преследовавшие его консульские легионы и нанес им серьезный урон [ср. также у Апп. Ганниб., 41–42]. С военной точки зрения это не имело особого значения.

В Капуе уход Ганнибала в Брутиум истолковали однозначно, так, как его и следовало истолковать, — что карфагеняне бросили город на произвол судьбы. Римляне могли надеяться, что теперь мятежные капуанцы одумаются, прекратят бесполезное сопротивление и попытаются войти в соглашение с римским правительством, которое желало подчеркнуть и свое миролюбие, и готовность забыть прошлое. Был издан указ о том, что все граждане Капуи, которые до означенного срока перейдут на сторону римлян, не будут преследоваться за преступления, совершенные ими против Рима; судя по тому, в каких формулировках Ливий [26, 12] цитирует данный указ, римское командование обещало Капуе «амнистию» и восстановление союзнических отношений. Однако, несмотря на предательство Ганнибала и явную бесперспективность дальнейшей борьбы, Капуя отклонила примирительный жест Рима; не было, свидетельствует Ливий [26, 12], ни одного случая перехода капуанцев в римский лагерь.

Ливий объясняет такое поведение граждан Капуи страхом [ср. также у Диодора, 26, 17]. Думается, однако, что мы вправе усомниться в достоверности этого объяснения, восходящего, по всей видимости, к римской официальной версии, тем более что изложенный здесь указ, как его передает сам Ливий,

предусматривал амнистию вне зависимости от тяжести и характера совершенных деяний.

Материал, имеющийся в распоряжении исследователя, позволяет иначе подойти к вопросу. Сам Ливий следующим образом характеризует положение, сложившееся в Капуе: знать оставила государственные дела и ее невозможно было созвать на совет; власть находилась в руках недостойного человека: высшим магистратом в Капуе был в этом году Сеппий Лесий — выходец из местной бедноты [Ливий, 26, 6]. Знать не появлялась ни на форуме, ни в общественных местах и, запершись дома, ожидала участия своей и города. Ведение всех дел было поручено Бостару и Ганнону — командирам пунийского гарнизона в Капуе [Ливий, 26, 12]. Если оставить в стороне окраску, которую придает этим фактам наш источник, можно считать достоверным, что власть в Капуе находилась в руках карфагенского командования и магистрата — представителя плебейских масс; знать либо самоустранилась (во всяком случае, те, кто не хотел принимать участия в антиримских действиях), либо была отстранена, но при всех обстоятельствах не принимала участия в управлении городом. То обстоятельство, что даже проримски настроенные «сенаторы» (а такие в городе, безусловно, были) не воспользовались гарантиями и обещаниями римлян, можно объяснить только одним: и Бостар, и Ганнон, и Сеппий Лесий создали обстановку, при которой сама мысль о сдаче оказывалась невозможной. Их мотивы понять нетрудно. Карфагеняне не хотели идти в плен, капуанские плебеи не желали отдавать свой города на разграбление римским солдатам, тем более что восстановление римского господства повлекло бы за собою приход к власти той части капуанской аристократии, на которую всегда опирались римляне.

Единственную надежду осажденные могли питать только на помощь извне. Бостар и Ганнон решили обратиться к Ганнибалу с письмом. Они упрекали его в том, что он предал врагу не только Капую, но и своих солдат. Если он вернется к Капуе и начнет здесь активные боевые действия, то и капуанцы будут готовы совершить вылазку. Карфагеняне перешли Альпы не для борьбы с Регием или Тарентом, но для войны с Римом. Где римские легионы, там должны находиться и пунийские войска. Это письмо карфагеняне отдали группе нумидийцев,

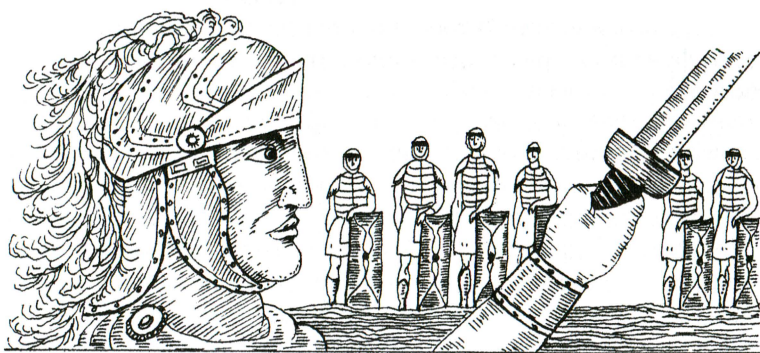
которые под видом перебежчиков явились в римский лагерь, а оттуда должны были пробраться к Ганнибалу. Однако это резкое послание не дошло до адресата. Какая-то женщина-капуанка, любовница одного из нумидийцев, раскрыла замысел вражескому командованию; захватив всю группу, а также других перебежчиков-нумидийцев, бродивших по лагерю, римляне отрубили им руки и отпустили на все четыре стороны [Ливий, 26, 12].

Лесий решил во что бы то ни стало созвать сенат. По словам Ливия [26, 13], ему пришлось угрожать насильственным приводом, чтобы заставить сенаторов собраться. Как бы то ни было, сенат почти единодушно высказался за немедленную капитуляцию. Вибий Виррий, который так недавно убеждал капуанцев порвать союз с Римом, говорил теперь, что римляне жестоко расправятся с Капуей; сам он, не дожидаясь позорной казни, предпочитает добровольно уйти из жизни (кстати сказать, Виррий и его сторонники тогда же отравились [Ливий, 26, 14]). В римский лагерь были отправлены капуанские послы для переговоров о сдаче, а на следующий день широко распахнулись городские ворота, посвященные Юпитеру, и римские войска вступили в Капую. Пунийский гарнизон был взят в плен, сенат арестован, и те сенаторы, которые были известны как инициаторы отпадения от Рима, водворены под стражу. Фульвий с ними расправился, пренебрегши возражениями Аппия Клавдия и не обратив внимания на письмо претора Гая Кальпурния и постановление римского сената, который намеревался сам решить судьбу капуанской знати. Фульвий вскрыл письмо, когда было уже поздно [Ливий, 26, 15; ср. у Орозия 4, 17, 12; Апп. Ганниб., 43]. Остальные аристократы почти все оказались в тюрьмах; множество капуанцев продали в рабство. В стенах города разрешили остаться жителям, не имевшим ранее гражданских прав, вольноотпущенникам, мелким торговцам, ремесленникам (то есть всем, кто, не имея ранее в Капуе гражданских прав, не мог влиять на ход событий), однако городскую землю и общественные здания объявили собственностью римского народа [ср. у Апп. Ганниб., 43]. Победители не разрешили организовать в Капуе никакого подобия самоуправления; суд и расправу в городе отныне должен был чинить ежегодно сменяемый римский наместник [Ливий, 26, 16]. Давний со-

перник, на протяжении многих десятилетий оспаривавший у Рима власть над Италией, вторая «столица» Италии, был уничтожен.

Несмотря на то что Ганнибалу суждено было еще почти десять лет сражаться на территории Италии, результаты войны там, по сути дела, уже определились. Он ничего больше не мог сделать для того, чтобы подорвать сколько-нибудь серьезно фундамент римского господства на Апеннинском полуострове.

Глава пятая На пути к закату. От падения Капуи до Замы

Падение Капуи лишило Ганнибала самого сильного в пределах Южной Италии союзника. А расправа, которую римское командование учинило над населением Капуи, показала всей Италии, какая участь ждет тех, кто имел неосторожность изменить Риму и упорно не желает отказываться от союза с карфагенянами. Падение Капуи обнаружило и бессилие Ганнибала, не сумевшего предотвратить неблагоприятное для себя развитие событий. Немудрено, что в городах Италии, связанных с Ганнибалом, начались волнения; все искали подходящего случая, чтобы перейти на сторону римлян. Это внушало Ганнибалу сильную тревогу: он не мог быть одновременно всюду, чтобы удержать от измены колеблющихся. Не мог он и расплыть свои войска, если не желал оказаться слабее неприятеля. Пришлось без боя отдать некоторые города; из нескольких населенных пунктов Ганнибал переселил жителей в другие места, а их имущество отдал на разграбление своим воинам; это еще более настроило против карфагенян местное население [Полибий, 9, 26, 2—9; Ливий, 26, 38]. Весьма характерный эпизод рассказывает Аппиан [Апп. Ганниб., 44]: в городе Тисия (Брутиум) действия карфагенян вызвали заговор с целью передать город римлянам. Заговорщики сумели про-

вести в Тисию большую группу римских солдат, которые напали на пунийский гарнизон и захватили город. Немного времени спустя, когда мимо Тисии проходил Ганнибал, римляне бежали в Регий, и карфагеняне снова заняли город. Тех участников заговора, которых удалось схватить, Ганнибал приказал сжечь живьем.

Победить Ганнибал уже не мог, но ресурсов для борьбы у него еще хватало. Он, по сути, владел Луканией и Брутиумом, его еще поддерживала Великая Греция, и, что особенно важно, в Таренте стоял пунийский гарнизон. Многие теперь зависело от того, какой оборот примут военные действия в Испании.

Публий Корнелий Сципион Младший

После гибели Гнея и Публия Корнелиев Сципионов смелые действия Луция Марция позволили римлянам сохранить плацдарм к северу от Ибера. Однако сенат отказался утвердить Луция Марция на посту командующего римскими войсками в Испании. Сенат чувствовал себя задетым и даже ущемленным в своих правах из-за того, что какой-то никому не ведомый Луций Марций, не назначенный «отцами-сенаторами», а всего лишь избранный воинами, позволил себе, донося в Рим обо всем происходившем, именовать себя пропретором. Олигархическое правительство Рима видело опасный прецедент на будущее в том, что воины в обход сената вздумали облечь своего избранника полномочиями магистрата [ср. у Ливия, 26, 2]. Поэтому вопрос, кому поручить командование войсками, ранее бывшими под началом Гнея Корнелия Сципиона, было решено вынести на народное собрание [Ливий, 26, 2].

Пока же сенат поручил Гнею Клавдию Нерону, под началом которого было 12000 пехотинцев и 1100 всадников, переправиться в Испанию. Высадившись у Тарракона и пройдя оттуда к Иберу, Нерон принял армию от Тиберия Фонтя и Луция Марция, а затем двинулся на карфагенян [Ливий, 26, 17]. Гасдрубал Баркид в этот момент находился у Черных Камней, между Илитургами и Ментиссой. Его положение было крайне неудачным, и Нерон незамедлительно это доказал, заняв ущелье и преградив Гасдрубалу дорогу. Тогда Гасдрубал

пошел на хитрость и предложил римскому командующему начать переговоры: договариваться предлагалось — ни больше ни меньше — о том, чтобы в обмен на свободный проход, карфагеняне вывели из Испании все карфагенские войска. Нерон с радостью ухватился за это предложение, отдававшее римлянам весь пиренейский плацдарм без борьбы, да еще и сразу же после тяжелого поражения и гибели двух полководцев. Переговоры по конкретным вопросам (следовало уточнить условия сдачи городов, сроки эвакуации гарнизонов и вывоза пунийского имущества) Гасдрубал просил назначить на следующий день. Получив согласие, он с наступлением сумерек начал выводить всеми возможными путями свои обозы. На следующий день переговоры продолжились; карфагеняне навязали римской стороне обсуждение стольких проблем, в том числе и во все не относящихся к делу, что их решению пришлось посвящать несколько дней.

Тем временем Гасдрубал выводил по ночам небольшими группами свою армию. Наконец, когда почти все уже было сделано, Гасдрубал снова попросил Нерона перенести переговоры, так как, по его словам, в тот день, когда была назначена решающая встреча, религиозные установления запрещали карфагенянам вести какие-либо дела. На удачу карфагенян, пал сильный туман; он позволил уйти незамеченными последнему их конному отряду во главе с Гасдрубалом и даже увести слонов. Когда туман рассеялся, римляне поняли, что их обманули. Нерон бросился в погоню, однако Гасдрубал ушел от боя, и дело ограничивалось небольшими стычками между пунийским арьергардом и авангардом римлян [Ливий, 26, 17].

В Риме тем временем решили увеличить численность армии, сражающейся на Пиренейском полуострове, и послать туда полководца в ранге проконсула, то есть облеченного высшей военно-административной властью. Тут вдруг выяснилось, что никто не стремится занять эту должность — никто, кроме двадцатичетырехлетнего (по Полибию [10, 6, 10], двадцатисемилетнего) Публия Корнелия Сципиона, сына Публия и племянника Гнея Сципионов, которые совсем недавно погибли в Испании. Невзирая на свой непозволительно с римской точки зрения юный возраст, неожиданный претен-

дент был избран, хотя многие и высказывали сомнения, что от этого выбора будет польза [Ливий, 26, 18].

Личность Публия Корнелия Сципиона-сына, будущего победителя Ганнибала, человека, сыгравшего исключительную роль в политической и культурной жизни Рима в конце III — первой половине II в., вызвала пристальный интерес античной историографии. Как бы ни оценивать те или иные рассказы о нем, едва ли можно усомниться в том, что это был в высшей степени незаурядный человек и, бесспорно, один из самых способных наряду с Фабием Кунктатором и Марцеллом полководцев, какими располагала римская армия во время II Пунической войны.

Родился Сципион в 236 или 235 г. в одной из знатнейших римских патрицианских семей, выходцы из которой, как показывают знаменитые элоги Сципионов, в течение многих десятилетий в III—II вв. играли видную роль в политической жизни Рима. Как можно было видеть, отец нового командующего римскими войсками в Испании был консулом в 218 г., когда началась война, а позже вместе со своим братом Гнеем командовал римскими войсками в Испании. Избрание молодого Публия проконсулом можно в связи с этим трактовать как признак того, что ведение войны на Пиренейском полуострове воспринималось как своего рода наследственный удел Сципионов.

Заслуживают внимания некоторые детали рассказа Аппиана [Апп. Исп., 18]. По его словам, выступая в народном собрании, молодой претендент велеречиво говорил о своем отце и дяде и, оплакав их гибель, заявил, что он сам может быть мстителем за них и за отечество; более того, он захватит не только Испанию, но и Африку и самый Карфаген. Некоторые, пишет далее Аппиан, решили, что эти слова — юношеская похвальба. Сенаторы — старцы, пишет Аппиан — склонны были говорить не о смелости, а об опрометчивом безрассудстве молодого Сципиона. Узнав об этих речах, Сципион объявил, что откажется от должности, если кто-нибудь из них возьмет ее на себя. Никого не нашлось, и тем дело и кончилось.

Рассказывали, что в семнадцать лет Публий Корнелий Сципион участвовал в битве при Тицине и там спас жизнь своего отца [см. выше; Полибий, 10, 3, 3—6; Ливий, 21, 46, 7—8; Дион Касс., фрагм., 38]. Это трогательное повествование исхо-

дило от самих Сципионов и широко ими распространялось. Полибий, сам будучи близок к Сципионам, ссылается на Гая Лелия, одного из ближайших друзей юного героя, занимавшего при его особе важнейшие должности — легата, начальника конницы и т. п. Но это еще не все. Сципион участвовал в битве при Каннах в должности военного трибуна; он был среди тех, кто вместе с Аппием Клавдием Пульхром принял на себя командование смятенными и подавленными римскими солдатами; он помешал Луцию Цецилию Метеллу и его сообщникам осуществить предательский план бросить Рим на произвол судьбы и бежать куда глаза глядят [Ливий, 22, 53; Дион Касс., фрагм., 28; Орозий, 4, 16, 6; Фронтин, 4, 7, 39; Знам., 49, 5–6].

Таким образом, традиция рисует Сципиона — а ее сведения и оценки восходят, бесспорно, ко времени II Пунической войны — настоящим римлянином — пламенным патриотом, мужественным воином, тщательно соблюдающим нравственно-этические принципы тех, кто создал могущество и славу Рима.

Тит Ливий пишет [26, 19, 3–6]: «Сципион не только вызывал изумление своими истинными доблестями, но и с юношеских лет разными способами выставлял их напоказ, многое совершая пред толпою, побуждаемый или ночными видениями, или божественным внушением — либо потому, что и сам был в какой-то мере суеверен, либо чтобы его повеления и замыслы, как бы ниспосланные своего рода оракулом, выполнялись без промедления. Подготавливая к этому умы с самого начала, он с того времени, как надел мужскую тогу, никогда не совершал никакого общественного или частного дела, пока не сходит в Капитолий и, войдя в храм, не расположится и не проведет там некоторое время, большей частью в одиночестве, в уединении» (ср. также у Диона Касс., фрагм., 39, что, несомненно, восходит к Ливию [26, 196]). Этому обычаю, добавляет Ливий, Сципион придерживался в течение всей своей жизни. Характеристика, данная Ливием, весьма уклончива: перед нами или чистый юноша, искренне верующий в богов и в божьи знамения, которые направляют всю его жизнь, или ловкий, холодный, циничный карьерист, умело эксплуатирующий религиозные чувства и суеверия толпы. Полибий считает необходимым опровергнуть рассказы о боговдохновенности

Сципиона и объясняет его действия трезвым расчетом [10, 2, 12–13]. Впрочем, чем бы ни объяснялось поведение Сципиона, оно создавало ему в высшей степени благоприятную репутацию и, конечно, способствовало его стремительному продвижению к власти.

Особые «связи» Сципиона с богами привели в конце концов к возникновению слухов об его божественном происхождении. Рассказывали, что в спальне его матери часто видели змея, который при появлении людей скатывался с постели и исчезал с глаз [Ливий, 26, 19, 7; Знам, 49, 1], что Сципион — сын Юпитера [Знам., 49, 1–2; ср. у Диона Касс., фрагм., 39], и что, когда он по ночам отправлялся на Капитолий, собаки на него не лаяли. В биографиях Сципиона, составленных Гаєм Оппием, современником Гая Юлия Цезаря, и Юлием Гигином, жившим во времена Августа, а также в других сочинениях, ему посвященных, рассказывалось, что мать будущего полководца долго считалась бесплодной и ее супруг потерял надежду иметь детей; внезапно обнаружилось, что в отсутствие мужа в ее спальне и на ее постели рядом с нею лежит огромный змей; те, кто это видел, перепугавшись, начали кричать, змей исчез, и разыскать его не удалось. Публий Корнелий Сципион-отец обратился к гаруспикам. Они ответили, что родится ребенок; несколько дней спустя женщина почувствовала себя беременной и на десятом месяце родила будущего победителя Ганнибала [Гелл., 6, 1, 2–4]. Уже Ливий [26, 19, 7] сравнивал это предание с аналогичной легендой о матери Александра Македонского, легендой «столь же суетной и баснословной». Авл. Геллий [6, 1, 1] также считает нужным подчеркнуть тождественность повествования об Олимпиаде, матери Александра Македонского, и о матери Сципиона.

Оставляя в стороне вопрос о том, как сам Ливий или его источник относились к данному рассказу (а отношение Ливия, очевидно, насмешливо-недоброжелательное, он явно не склонен верить всем этим разговорам), заметим следующее. Легенда должна была показать, что в лице Публия Корнелия Сципиона-сына миру явлен новый Александр, сын Юпитера, которому суждено свершить великие подвиги, завоевать вселенную, повергнуть ее к ногам Рима.

Как реагировал Ганнибал на назначение Сципиона командующим римскими войсками в Испании, источники не сооб-

шают; судя по всему, он не придавал испанскому театру военных действий значения. По его мнению, все должны были решить будущие сражения на Апеннинах; появление на Пиренейском полуострове нового полководца, ничем пока себя не проявившего, никак не повлияло на действия Ганнибала.

Падение Капуи было далеко не единственной катастрофой, которую Ганнибалу пришлось пережить в этом труднейшем для него 211 г. Не меньшей силы удар римское правительство нанесло ему на Балканском полуострове, где, по-видимому, уже в 212 г. оно начало переговоры с руководителями Этолийского союза. Судьба Капуи, несомненно, произвела на этолийцев сильное впечатление; вскоре после ее захвата претор Марк Валерий Левин явился на специальное заседание этолийского совета и открыто предложил союз с Римом. Судьба Сиракуз и Капуи, говорил Левин (в изложении Тита Ливия), показывает, насколько успешно римляне ведут войну в Италии и Сицилии. От предков, продолжал он, римляне унаследовали обычай заботиться о союзниках, из коих одним они дали гражданские права, а других поставили в такие благоприятные условия, что те предпочитают быть скорее союзниками, нежели гражданами; положение этолийцев, которые первыми из заморских народов установят дружественные отношения с Римом, будет особенно почетным; в борьбе с Македонией Рим поддержит Этолийский союз, и, в частности, поможет ему вернуть Акарнанию. Слова Левина не встретили возражений. В пользу союза с Римом выступили стратег Этолийского союза Скопас и один из ведущих политических деятелей Доримах; главной приманкой, как подчеркивает Ливий, конечно, была Акарнания, то есть выход к Ионийскому морю. Римско-этолийский союз, по мысли Левина и Скопаса, должен был стать ядром мощной коалиции, которая со всех сторон окружила бы Македонию и сделала бы ее военно-политическое положение в высшей степени трудным. Этолийцы обязывались начать сухопутную войну против Филиппа V, а римляне — помочь им флотом не менее чем в 25 пентер (иначе говоря, всю тяжесть войны с Македонией римское правительство возлагало на этолийцев, а на себя брало только поддержку их действий с моря); все города с их домами и земля между Этолией и островом Керкирой должны были достаться это-

лийцам, а вся остальная добыча — римлянам; римляне обязались сделать так, чтобы Акарнания принадлежала этолийцам; если этолийцы заключат с Филиппом мир, то только с оговоркой, что македонский царь воздержится от военных действий против римлян, их союзников и подданных; в свою очередь, римское правительство обязывалось при заключении мира с Македонией установить, что Македония не имеет права вести войну против этолийцев и их союзников [Ливий, 26, 24].

Этолийцы немедленно по заключении этого договора выступили против Македонии, а Левин штурмом взял Закинф и, овладев двумя акарнанскими городами, передал их Этолийскому союзу. Договор между Филиппом V и Ганнибалом после этого превратился в ничего не стоящий клочок пергамента. Окруженный со всех сторон врагами, Филипп V не мог теперь, даже если бы и хотел, вмешаться в италийские дела [Ливий, 26, 24–26].

Победы римлян на Сицилии и в Испании

Итак, кампания 210 г. начиналась для Ганнибала в неблагоприятных условиях. Правда, и в Риме продолжительная и разорительная война вызывала все более растущее недовольство народа. Говорили, что поля опустошены, что Италия истощена мобилизациями, что каждый год одна за другой гибнут армии, что оба консула — Левин и Марцелл — слишком воинственны и способны скорее посреди глубокого мира разжечь войну, чем во время войны дать государству хоть немного вздохнуть [Ливий, 26, 26]. Когда римскому правительству понадобилось мобилизовать новую партию гребцов и обеспечить им жалованье и консулы распорядились, чтобы и гребцов и деньги на их содержание доставляли частные лица в соответствии с их имущественным положением, в Риме начался такой ропот, что, замечает Ливий, для бунта не хватало только вождя. Огромная толпа, собравшаяся на форуме, яростно кричала консулам, что люди и так уже истощены податями и ничего не имеют, кроме голой и опустошенной земли; их дома сожгли враги, их рабов присвоило государство, то выкупая за ничтожную плату для несения военной службы, то приказывая отдавать их в качестве гребцов; все деньги истрачены на жалава-

ные гребцам да на ежегодные подати; у кого ничего нет, у того ничего и не возьмешь; пусть продают их имущество, пусть отнимают свободу, а у них нет средств даже на выкуп [Ливий, 26, 35]. С большим трудом власти сумели успокоить недовольных, обязав сенаторов и всадников сдать почти все золото, серебро и медь в казну; вслед за этим добровольные или полудобровольные взносы сделали и остальные.

Однако положение Ганнибала было гораздо хуже. Армия его таяла; помощи ожидать было неоткуда. Падение Капуи заставило многих его «союзников» решиться на новую «измену» — теперь уже в пользу Рима. Так произошло, в частности, в Салапии, которая в свое время в числе первых изменила Риму и установила союзнические отношения с карфагенянами. Город перешел на сторону римлян; карфагенский гарнизон — 500 нумидийских всадников — был почти полностью истреблен в уличном бою; сохранить жизнь удалось только 50 из них — все они оказались в плену. Гибель этого отряда была, по словам Ливия, для Ганнибала еще более тяжела, чем потеря Салапии: Ганнибал окончательно потерял свое превосходство в коннице. Но все же и утрата Салапии была для него чувствительным ударом, тем более что ее примеру могли последовать и другие [Ливий, 27, 1].

Вслед за этим Марцелл отнял у самнитов и карфагенян города Мармореи и Мелы, отдав их на разграбление своим войнам, причем около 3000 воинов пунийского гарнизона погибли. Однако предпринятая тогда же попытка римлян овладеть Гердонией, население которой склонялось на их сторону, закончилась крупной неудачей. Узнав, что проконсул Гней Фульвий стал лагерем у Гердонии, Ганнибал устремился туда же, подошел к римским позициям и выстроил войска в боевой порядок. Фульвий вывел свои войска ему навстречу. На сей раз Ганнибал решил снова применить тот же маневр, который обеспечил ему победу при Каннах: пока пехота сражалась, одна часть всадников напала на римский лагерь, а другая ударила неприятелю в тыл. Расчеты Ганнибала оправдались: многие римляне бежали, многие (по одним сведениям, 7000, а по другим — 13 000, в том числе и сам Фульвий [Апп. Ганниб., 48]) погибли в бою. Ганнибал жестоко расправился с местным населением: всех жителей Гердонии он переселил в Метапонт

и Фурии, а тех из знати, кто был уличен в тайных контактах с Фульвием, приказал казнить [Ливий, 27, 1].

Дабы не дать Ганнибалу развить успех, против него был послан Марцелл. В Лукании, куда успел уйти Ганнибал, произошло сражение, в котором, однако, ни Ганнибалу, ни Марцеллу не удалось добиться решающего успеха. На следующий день Ганнибал уклонился от боя, а затем ночью двинулся в направлении Апулии. Марцелл бросился за ним; у Венусии завязались стычки, однако пунийский полководец не принял сражения и продолжил свой путь. Марцелл неотступно двигался за ним [Ливий, 27, 2].

Несмотря на все успехи римлян на Сицилии, война там еще продолжалась. Между прочим, это позволило сенату отказать Марцеллу в триумфе после взятия Сиракуз и ограничиться только «овацией» — значительно менее почетным и менее торжественным въездом в Рим [Ливий, 26, 21]. Вскоре после отъезда Марцелла карфагеняне высадили на острове 8000 пехотинцев и 3000 нумидийских всадников. В течение всего 211 г. и первой половины 210 г. нумидийские всадники под командованием Муттона весьма серьезно досаждали римлянам [Ливий, 26, 21].

Однако во второй половине 210 г. все переменялось, и остров был полностью очищен от карфагенян. Дело в том, что успехам Муттона уже давно завидовал Ганнон, верховный командующий карфагенской армией в Сицилии. Отношения между ними в конце концов обострились до такой степени, что Ганнон сместил Муттона и передал его должность своему сыну. В этом поступке, если учесть, что Муттон был ставленником Ганнибала, нельзя не видеть отражения внутривкарфагенской борьбы за власть между Баркидами и их политическими противниками. Но момент для сведения счетов Ганнон выбрал крайне неудачный; к тому же он не учел степень популярности Муттона среди его солдат. Нумидийцы просто отказались повиноваться другому командиру, сам же Муттон вступил в переговоры с прибывшим на Сицилию консулом Левином о сдаче Акраганта. Когда римляне подошли к городу, нумидийцы, заняли ворота, ведущие к морю, и пустили через них неприятеля. Обеспокоенный шумом, Ганнон решил, что имеет дело с обыкновенным солдатским бунтом, но, разглядев

на улицах римских воинов, он вместе с Эпикидом бежал через другие ворота, погрузился на небольшой корабль и отплыл в Африку, бросив Сицилию на произвол судьбы. Оставленные своим командованием, пунийцы и сохранявшие им верность сицилийцы все погибли на улицах города.

Расправа, которую Левин учинил в Акраганте, напомнила сицилийцам о судьбе Капуи и наглядно продемонстрировала, что ждет тех, кто будет сопротивляться римскому оружию: городских магистратов и членов совета («тех, кто был первыми людьми в Акраганте», — пишет Ливий) выпороли и казнили, всех остальных продали в рабство, продали и захваченную в городе добычу. Не удивительно, что после этого сицилийские города один за другим добровольно сдались римлянам; только шесть из них Левину пришлось брать штурмом. Вековая борьба за Сицилию закончилась [Ливий, 26, 40].

Впоследствии Муттон получил самую высокую награду, на которую только мог рассчитывать, — права римского гражданства [Ливий, 27, 5]. Этим римское правительство еще раз подчеркнуло то значение, которое придавало оно успешному для Рима исходу войны на острове. И действительно, римская армия возвратила себе великолепный плацдарм для вторжения в Африку. Кстати, вскоре после захвата Акраганта римский флот под командованием Марка Валерия Мессалы совершил набег на африканские владения Карфагена. Римляне высадились около Утики, разграбили и опустошили ее окрестности и, захватив множество пленных и богатую добычу, вернулись в Лилибей [Ливий, 27, 5]. Кроме того, Сицилия была важнейшей житницей; отсюда в Рим доставлялся дешевый хлеб, что приобретало особое значение в условиях, когда Италия была разорена многолетней войной. Победа при Гердонии даже отдаленно не могла уравновесить потери Сицилии. Показательно, однако, что источники ничего не говорят о действиях Ганнибала в связи с событиями на острове: он ничего не мог сделать ни для того, чтобы поддержать Муттона в его конфликте с Ганноном и предотвратить его измену, ни для того, чтобы помешать Левину овладеть Сицилией.

В Испании кампания 210 г. также была крайне неудачна для пунийцев — в руки римлян попал Новый Карфаген. Под угрозу было поставлено не только присутствие карфагенян на Пи-

ренейском полуострове, но и их монополия на морские торговые пути за Гибралтаром. Вот как это случилось [Полибий, 10, 6—20; Ливий, 26, 41—45; ср. также у Апп. Ганниб., 20—22].

В начале весны Сципион, оставив на севере небольшой гарнизон, переправил через Ибер 2500 пехотинцев и 2500 всадников и двинул их к Новому Карфагену. Одновременно туда же направился римский флот под командованием Гая Лелия. Операция подготавливалась, разрабатывалась и осуществлялась в глубокой тайне; о конечной цели похода знали только Сципион и Лелий. обороной Нового Карфагена руководил Магон (Орозий [4, 18, 1] и Евтропий [3, 15] путали этого Магона с Магоном Баркидом). Он разместил своих воинов следующим образом: 2000 горожан — непосредственно против римского лагеря, 500 — в акрополе и еще 500 — на холме внутри города. Все остальные должны были служить резервом и бежать на помощь туда, где обстоятельства сложатся не вполне благоприятно для осажденных. Основные силы карфагенян находились в это время примерно в десяти днях пути от города.

Тем не менее Магон, несмотря на меньшую численность своего войска, вывел его за ворота и повел в атаку. Сципион схитрил, велел своим воинам немного отступить, чтобы сражение происходило ближе к римскому лагерю и можно было без труда доставлять подкрепления. Непрерывно вводя в дело все новые и новые контингенты, он вынудил карфагенян к отступлению, перешедшему в беспорядочное бегство.

Сципион, не откладывая, начал штурм города. Однако стены Нового Карфагена оказались слишком высоки; лишь немногие лестницы были с ними вровень; воины не могли взобраться на стены, падали вместе с лестницами. Сципион вынужден был остановить бой; ему стало ясно, что Новый Карфаген ударом в лоб не возьмешь. Римский полководец принялся искать уязвимое место в обороне, и оно нашлось. На западных подступах к Новому Карфагену, перед самой городской стеной, находилось озеро, уровень воды в котором уменьшался во время отлива; здесь можно было подобраться к стене. Осажденные, однако, почти не охраняли это место — они перевели солдат туда, где, как им казалось, возникла непосредственная опасность городу. Это была роковая ошибка. Небольшой римский отряд скрытно преодолел стену, бросился к воротам и ударил с тыла по оборонявшимся; по-

ка карфагеняне приходили в себе, римляне взломали замки и распахнули створки ворот. Магон пытался некоторое время защищаться в акрополе, но в конце концов сдался со всем гарнизоном. Римляне захватили в Новом Карфагене 276 золотых патер (чаш), каждая примерно по фунту весом; 18 300 фунтов серебра (недалеко от Нового Карфагена были серебряные рудники), а также много серебряных сосудов; 400 000 модиев пшеницы (1 модий равен 8,7 литра), 270 000 модиев ячменя; 63 транспортных корабля, некоторые из них с грузами.

Распоряжения Сципиона в Новом Карфагене представляют исключительный интерес. Всего он захватил в городе 10 000 свободных мужчин; граждан Нового Карфагена он отпустил на свободу, «возвратил» им город (то есть позволил сохранить городское самоуправление, законы и т. д.) и то имущество, которое уцелело от разграбления; 2000 ремесленников были сделаны государственными рабами, но в будущем, если они проявят усердие во время предстоящей войны, им была обещана свобода. Всех остальных, главным образом молодежь и сильных рабов, Сципион сделал гребцами на своих кораблях. Им он также обещал свободу по окончании войны. Кроме того, Сципион решил вернуть на родину иберийских заложников, находившихся в Новом Карфагене: всем племенам были разосланы приглашения, чтобы их представители, явившись к Сципиону, забрали своих, — очевидно подтвердив союз с Римом. Таким образом, Сципион решил предстать перед населением Пиренейского полуострова, в том числе и перед жителями финикийско-пунийских колоний, в роли не завоевателя, а освободителя от карфагенского господства. Судьба Нового Карфагена должна была убедить остальных не только в бесполезности, но и в ненужности сопротивления, в том, что им гораздо выгоднее принять сторону Рима, нежели сохранять верность Карфагену.

Взятие Тарента. Поход Гасдрубала

В 209 г. консулами стали Квинт Фульвий Флакк, который недавно расправился с Капуей, и Квинт Фабий Максим [Ливий, 27, 6, 12]. Определяя для себя план военной кампании, они основное внимание сосредоточили на Таренте, чтобы ли-

шить Ганнибала последней крупной опорной базы в Италии. Решили, что на Тарент пойдет Фабий. Фульвий и Марцелл должны были активными действиями отвлекать внимание Ганнибала [Ливий, 27, 12, 1–3].

Марцелл застал Ганнибала около Канусия; тот уклонился от боя и отступил в горные районы. Марцелл шел за ним по пятам; время от времени происходили небольшие столкновения, и наконец римский полководец навязал Ганнибалу большое сражение. Оно длилось два дня. На второй день, когда Ганнибал ввел в действие слонов, чаша весов, казалось, качнулась в его сторону. Однако случилось то, чего предвидеть никто не мог. Один слон, раненный дротиками, обезумев от боли, повернул назад и увлек за собой остальных. Слоны расстроили порядки карфагенян, и они вынуждены были отступить. Ночью Ганнибал оставил свой лагерь и ушел в Брутиум [Ливий, 27, 12–15, 1].

Между тем Квинт Фабий Максим подошел к Таренту; одновременно большая флотилия римлян заперла выход из города в море. Неожиданно Фабию помог случай. В Таренте Ганнибал оставил отряд брутиев; начальник этого отряда влюбился в некую тарентинку, брат которой служил римлянам. С разрешения Фабия он под видом перебежчика пробрался в город, явился к сестре, с ее помощью сблизился с начальником брутиев и уговорил его предать Ганнибала. Римляне вошли в город, почти не встретив сопротивления, и только у входа на агору произошла ожесточенная схватка. Опьяненные легкой победой, воины Фабия устроили в городе резню, истребляя всех без разбора. Римляне захватили в Таренте, по слухам, 30 000 рабов, огромное количество серебра, 83 000 фунтов золота, многие произведения искусства [Ливий, 27, 15–16; ср.: Апп. Ганниб., 49; Зонара, 9, 8]. Рассказ Плутарха [Плут. Фаб., 21–22] добавляет к этому рассказу существенную деталь: Фабий велел перебить брутиев, с помощью которых овладел городом, дабы не обнаружилось, что он захватил Тарент благодаря предательству...

А что же Ганнибал? Узнав об осаде Тарента, он быстрым маршем направился туда, но опоздал. Постояв некоторое время в полумиле от уже захваченного римлянами города, Ганнибал двинулся в Метапонт. Теперь среди его союзников не осталось ни одного большого города. Как к последнему шансу

он задумал прибегнуть к хитрости и заманить неприятеля в ловушку. Внезапно для Фабия в римский лагерь прибыли посланцы Метапонта с предложением сдать город, если римляне воздержатся от «наказания» за прежнюю «измену», то есть за переход на сторону Ганнибала. Такое предложение показалось Фабию вполне естественным, в особенности после падения Тарента, и он назначил день, когда подойдет к Метапонту. Ганнибал, в свою очередь, расположил на подступах к городу засады. Все, казалось, предвещало успех. Однако в последний момент Фабий, совершая гадания, получил неблагоприятные предзнаменования и отказался от похода [Ливий, 27, 16].

Несмотря на тяжелые поражения в Италии, Сицилии и Испании, карфагенское правительство еще не считало войну проигранной. Оно надеялось добиться коренного перелома в свою пользу. Гасдрубал Баркид получил приказ вторгнуться с севера в Италию и присоединиться к Ганнибалу, дабы перехватить инициативу на Апеннинском полуострове. Для пополнения армии Гасдрубала по всей Африке вербовали новые контингенты наемников. Готовился также флот для нового вторжения в Сицилию [Ливий, 27, 5, 11–13]. Впрочем, римляне узнали о приготовлениях карфагенян от пленных, захваченных Мессалой, и делали все, чтобы им помешать.

Гасдрубал Баркид понимал: прежде чем идти в Италию, необходимо разбить Сципиона; в противном случае после ухода основных сил карфагенян Пиренейский полуостров станет его легкой добычей. Сражение Сципиону было решено дать как можно скорее. Сципион, в свою очередь, также рвался в бой: он хотел иметь дело с одним только Гасдрубалом до подхода двух других карфагенских армий — под началом Магона Баркида и Гасдрубала, сын Гисгона.

Армия Гасдрубала Баркида находилась около Бекулы. Туда Сципион и двинул свои войска. Ночью, после первой стычки, Гасдрубал с частью армии и слонами, взяв с собой казну, ушел по течению Тага на север, к Пиренейским горам, а оставшимся солдатам приказал занять плато, которое господствовало над местностью; ниже плато находились террасы — там расположились нумидийские всадники, а также легковооруженные балеарские и ливийские стрелки [Ливий, 27, 18]. От удара с тыла карфагенян надежно защищала река, а с фронта

и флангов крутые обрывы. Гасдрубал надеялся, что Сципион завязнет здесь надолго.

На первый взгляд позиция карфагенян казалась неприступной, но Сципион доказал, что это не так. Он сам возглавил атаку легковооруженных пехотинцев; римляне, несмотря на упорное сопротивление, овладели террасами, а затем с трех сторон поднялись на плато. Брошенная своим командующим карфагенская армия сложила оружие: около 8000 воинов были убиты, 10000 пехотинцев и 2000 всадников попали в плен. Следуя своей политической линии, Сципион отпустил всех иберийцев без выкупа, а африканцев продал в рабство [Ливий, 27, 18–19]. Среди пленных африканцев оказался Массива, племянник нумидийского царя Массанассы. Сципион разрешил ему возвратиться к дяде, и эта любезность явилась первым шагом на пути к установлению дружественных отношений между римлянами и Массанассой.

Вскоре после сражения при Бекуле остатки войск Гасдрубала Баркида соединились на севере Пиренейского полуострова с армиями Гасдрубала, сына Гисгона, и Магона Баркида, и трое командующих решили, что Гасдрубал Баркид все-таки должен идти в Италию [Ливий, 27, 20].

Гибель Марцелла. Битва при Метавре

Пока Гасдрубал пополнял свое потрепанное войско и повторял италийский поход Ганнибала, военные действия в Италии шли своим чередом. В конце концов консулы, избранные на 208 г. — Тит Квинций Криспин и Марк Клавдий Марцелл, — расположили свои лагеря между Венусией и Бантией, примерно на расстоянии трех миль один от другого. Туда же явился и Ганнибал.

Консулы рвались в бой. Они были уверены, что, если удастся сразиться с Ганнибалом соединенными силами, его ждет неминуемая гибель. Изо дня в день они выстраивали утром свои войска и ждали, что, может быть, Ганнибал не выдержит и очертя голову бросится на противника. Однако карфагенский полководец всячески уклонялся от битвы [Ливий, 27, 25–26].

Римские командующие постепенно приходили в раздражение. Время шло, так и все лето могло миновать, не принеся осязаемого результата, а они жаждали быстрой победы. Криспин решил ударить по Локрам, которые все еще находились в руках карфагенян. Однако Ганнибал своевременно узнал об этом и послал римлянам наперерез 3000 всадников и 2000 пехотинцев. Римляне шли беспечно, без сторожевых охранений и разведки и жестоко поплатились за это. Карфагеняне напали на них внезапно; около 2000 римских воинов были убиты, почти 1500 попали в плен [Ливий, 27, 26].

Вслед за этим Ганнибала ждала новая удача. В одну из ночей нумидийская конница скрытно заняла холм между карфагенскими и римскими позициями, с которого хорошо просматривались окрестности. По совпадению ту же ночь отправились на рекогносцировку оба консула. Нумидийцы выскочили из засады, и в короткой схватке Марцелл был убит. Раненый Криспин бежал в лагерь [Полибий, 10, 32, 1–6; Ливий, 27, 26–27]. Ганнибал тотчас же перенес свой лагерь на холм, нашел там труп Марцелла и похоронил его. Он обнаруживал по отношению к командованию противника своеобразное рыцарство, если употреблять терминологию значительно более позднего времени. Криспин ушел в горы и укрепился там [Ливий, 27, 28]. По версии Аппиана [Апп. Ганниб., 50] события происходили иначе: Марцелл напал на нумидийских всадников, грабивших окрестности, и погиб, окруженный врагами и брошенный своими солдатами. Тело консула Ганнибал сжег, а кости отослал его сыну в римский лагерь.

Гибель Марцелла, хотя бы и в небольшой стычке, и поспешное отступление Криспина создали Ганнибалу определенное преимущество, и он попытался закрепить достигнутый успех. В руки Ганнибала попал перстень Марцелла с его печатью, и карфагенский военачальник получил возможность, пока весть о гибели консула не распространилась, рассылать от его имени подложные распоряжения. Он, в частности, отправил в Салапию извещение, что Марцелл в ближайшую ночь явится туда со своими войсками. Но Криспин его опередил, спешно известив окрестные города о смерти Марцелла. В Салапии решили прибегнуть к хитрости. Сделав вид, что поверили подложному сообщению, жители города усилили караулы на стенах, а у ворот сосредоточили отборную часть гарнизона.

Поздно ночью, около четвертой стражи, Ганнибал подошел к городу. Часовые подняли решетку, преграждавшую проход в ворота, но, когда около 600 карфагенян вошли в город, решетка внезапно опустилась, и все они были истреблены [Ливий, 27, 28; Полибий, 10, 33, 7; Апп. Ганниб., 51; Зонара, 9, 9].

Попытка хитростью взять Салапию не удалась, и Ганнибал спешно двинулся на юг, к Локрам, осажденным римлянами. Дела принимали там неблагоприятный оборот, и Магон, командир стоявшего в Локрах пунийского отряда, уже думал о сдаче. Но, получив известие о приближении Ганнибала, карфагеняне воспрянули духом и нанесли удар по римлянам. Им на помощь пришла нумидийская конница, и римляне, бросив осадную технику, устремились к своим кораблям и поспешно бежали [Ливий, 27, 28].

Итак, убив одного консула, Марцелла, и тяжело ранив другого, Криспина (который вскоре умер), Ганнибал если и не расширил, то, во всяком случае, удержал свои позиции на юге Италии. Он теперь мог спокойно дожидаться Гасдрубала Баркида. При этом римлянам сопутствовал успех на другом фронте: под командованием Марка Валерия Левина они совершили набег на африканские владения Карфагена. Была опустошена местность вокруг Клупеи и в морском сражении разбит карфагенский флот, после чего римляне с большой добычей беспрепятственно вернулись в Лилибей [Ливий, 27, 29].

Гасдрубал тем временем собрал в Галлии многочисленную армию и, не встретив, по-видимому, никакого сопротивления, подошел к подножию Альп. По дороге к нему присоединились какие-то галльские и альпийские племена, названия которых Ливий не приводит [27, 39]. Наступление зимних холодов помешало ему преодолеть Альпы, однако было ясно, что с приходом весны он появится в Италии.

Ганнибалу нужно было во что бы то ни стало соединиться с Гасдрубалом до того, как он войдет в соприкосновение с римскими войсками. В задачи римского командования, наоборот, входило, во-первых, навязать Ганнибалу продолжение вооруженной борьбы на юге и не дать ему уйти навстречу брату (решение этой задачи возлагалось на консула 207 г. Нерона, которого за четыре года до этого Гасдрубал так ловко обманул в Испании) и, во-вторых, разбить Гасдрубала на

севере, пока он не присоединился к Ганнибалу. Операцию по уничтожению Гасдрубала должен был осуществить Марк Ливий, впоследствии получивший прозвище Салинатор (от *лат.* *Salinator* — солевар или солеторговец; будучи в 204 г. цензором, он ввел налог на добычу соли). В распоряжение Марка Ливия были отданы войска, дислоцировавшиеся в Этрурии и Галлии, а также непосредственно в Риме.

С наступлением весны Гасдрубал перешел Альпы. Однако, вместо того чтобы двинуться на юг, на соединение с Ганнибалом, он приступил к осаде Плаценции. Намерения его были очевидны: захватив Плаценцию, он надеялся устроить другие города на севере Италии и заставить их перейти на сторону Карфагена. Однако взять Плаценцию ему не удалось. Бесплезная осада только замедлила движение Гасдрубала на юг и, что уже совершенно необъяснимо, внушила Ганнибалу удивительную мысль: пока Гасдрубал осаждает Плаценцию, оставаться еще некоторое время на зимних квартирах [Ливий, 27, 39].

В конце концов Ганнибал все же пошел вдоль границ Ларинатской области в страну саллентинов. На марше его войска подверглись неожиданному нападению римлян. Карфагеняне потеряли около 4000 человек, но продолжили движение. Избегая сражения, Ганнибал ушел в Брутиум, а оттуда в Луканию и подступил к Грументу. Сюда же из Венусии прибыл Нерон и стал лагерем примерно в полутора милях от Ганнибала; римляне всем своим видом показывали, что дальше карфагенян не пропустят. Между их позициями находилось открытое поле, и там постоянно завязывались мелкие стычки. Ганнибал изо дня в день выводил на это поле солдат, однако теперь уже римляне уклонялись от боя. Потом вдруг все переменялось: Нерон на рассвете вывел своих воинов из лагеря и построил их в боевой порядок. Дело в том, что перед этим, ночью, несколько своих когорт он расположил в засаде за холмами. Пунийцы устремились навстречу. И в тот момент, когда исход был неясен, римляне ударили из засады. Пунийцы бежали в свой лагерь. Несколько дней спустя Ганнибал ушел в Апулию [Ливий, 41—42].

Нерон пошел следом, достиг Ганнибала недалеко от Венусии и после еще одного сражения, в котором погибли более 2000 пунийцев, заставил повернуть на юг, к Метапонту. Вско-

ре, впрочем, карфагеняне возвратились в Венусию, а оттуда направились в Канусий. Нерон следовал за ними по пятам [Ливий, 27, 42].

Тем временем Гасдрубал, прекратив наконец осаду Плаценции, решил пойти на соединение с Ганнибалом и отправил к нему четырех всадников — двух галлов и двух нумидийцев — с письмом, где, насколько об этом можно судить, было указано время и место встречи. Послание не достигло адресата: галлы и нумидийцы, не знавшие дороги, были пленены римлянами. Ознакомившись с содержанием захваченного документа, Нерон принял смелое решение: в послании сенату он предложил отозвать из Капуи в Рим расквартированный там легион, а собственно римский гарнизон, пополнив его путем дополнительной мобилизации, поставить у Нарнии, дабы в случае необходимости оказать сопротивление Ганнибалу; сам же Нерон, отобрав 6000 пехотинцев и 1000 всадников, ночью ушел на соединение с Марком Ливием. Своим заместителем на юге он оставил легата Квинта Катия [Ливий, 27, 43].

В Риме действия Нерона вызвали большую тревогу. Опасались, что Ганнибал, узнав об его движении на север, уничтожит и римскую армию на юге, которая осталась без командующего, и самого Нерона, имевшего всего только 7000 воинов [Ливий, 27, 44]. Тем не менее Нерон не отказался от своего намерения. Когда он соединился с Марком Ливием, лагерь Гасдрубала находился примерно в полумиле от стоянки римлян [см.: Ливий, 27, 46; ср. у Фронтин, 1, 1, 9; Вал. Макс, 7, 4, 4].

По настоянию Нерона уже на следующий день консулы и претор Луций Норций Лицин, действовавший во взаимодействии с Марком Ливием, решили дать сражение. Римские войска были построены в боевой порядок. Карфагеняне уже были готовы к бою, но перед самым его началом Гасдрубал, заметив у римлян щиты, каких раньше не видел, заподозрил, что к Ливию прибыли подкрепления, и приказал играть отбой. Очень скоро худшие его предположения подтвердились: если раньше в римском лагере боевые сигналы подавались только один раз, то теперь сигналили дважды, один раз — для воинов Марка Ливия и другой — для воинов Нерона. Все стало ясно: Гасдрубалу противостояли оба консула.

Ночью Гасдрубал решил уйти, но обнаружил, что проводники бежали, а сами карфагеняне не знали ни дорог, ни бро-

дов. Бесцельно проблуждав по полям, он решил идти по берегу реки Метавр и провел целый день в безуспешных поисках брода. Римляне тем временем без труда его настигли. Избежать сражения было невозможно.

Гасдрубал развернул в боевой порядок своих утомленных длительным и бесцельным переходом солдат. Против правого фланга римлян, которым командовал Нерон, Гасдрубал выстроил галлов. Левому флангу римлян, где с основной массой пехоты находился Марк Ливий, он противопоставил иберийские части, которыми решил командовать лично. В центре, где находился Лицин, Гасдрубал поставил отряды лигуров. Позиция Гасдрубала, по-видимому чрезмерно растянувшего войска, была не очень удобна. Битва завязалась на левом фланге римлян. Гасдрубал двинул в бой слонов. Ни одна из сторон не могла добиться перевеса. В разгар боя Нерон, обойдя римские войска с тыла, перевел несколько своих когорт с правого фланга, где они стояли без движения, на левый. Одновременно римляне ударили с тыла. Иберы и лигуры оказались в почти замкнутом кольце. Гасдрубал попытался еще было сопротивляться, но, видя, что разгром неотвратим, пришпорил коня, понесся прямо в ряды одной из римских когорт и погиб [Ливий, 27, 47—49; Полибий, 11, 1, 2—12; ср. у Апп. Ганниб., 52; Орозий, 4, 18, 9—14; Зонара, 9, 9].

Нерон сразу же после сражения стремительным маршем (пройдя весь путь за шесть дней) вернулся в свой лагерь на юге Италии. Он не отказал себе в удовольствии бросить голову Гасдрубала в лагерь неприятеля и выставить перед вражескими солдатами связанных пленных пунийцев. Двух пленников он даже освободил и отправил к Ганнибалу, дабы они рассказали о происшедшем. Карфагенский полководец был потрясен. Брат погиб. Его надежды изменить ход войны рухнули.

Новые победы Сципиона

Уход Гасдрубала, казалось, должен был облегчить римлянам кампанию на Пиренейском полуострове. Однако карфагенское правительство прислало на Пиренеи еще одного командующего — Ганнона, который за короткое время на вербо-

вал в Кельтиберии много новых солдат в дополнение к армиям Магона Баркида и Гасдрубала, сына Гисгона.

Сципион, желая предупредить действия Ганнона, направил против него одного из своих помощников, Марка Юния Силана, приблизительно с 10 000 пехотинцев и 500 всадников. Силан напал на кельтиберов, затем в бой были втянуты карфагеняне, для которых в итоге все сложилось крайне неудачно. Магон Баркид с конницей и частью пехоты бежал к Гадесу, а Ганнон попал в плен [Ливий, 28, 1–2]. Развивая этот успех, Сципион быстро пошел на юг полуострова, чтобы выступить против Гасдрубала, который в тот момент находился в Бетике. Однако Гасдрубал внезапно двинулся оттуда к Гадесу, а армию свою разделил, разместив в различных пунктах, прилегающих к городу [Ливий, 28, 2; ср. у Фронтин, 1, 3, 5].

Весной 206 г. борьба возобновилась. Гасдрубал, сын Гисгона, и Магон Баркид набрали новую армию — 50 000 (по некоторым сведениям, 70 000) пехотинцев и 4500 всадников [Ливий, 28, 12]. Но Магон и бывший с ним Массанасса были разбиты при Бекуле [Ливий, 28, 13; Полибий, 11, 21], а Гасдрубал, сын Гисгона, — у Илипы [Ливий, 28, 14–15; Полибий, 11, 22–24]; после длительного и упорного боя он вынужден был спастись бегством и оказался в Гадесе. Туда морем направился Магон.

Таким образом, спор о господстве на Пиренейском полуострове был решен. Может быть, именно этим объясняется намерение Массанассы завязать тайные переговоры с Силаном, чтобы подготовить свой переход на сторону римлян. Окончательная договоренность была достигнута при личной встрече Массанассы и Сципиона [Ливий, 28, 35]. Некоторое время спустя к Сципиону явились перебежчики из Гадеса, ставшего главным опорным пунктом карфагенян, и предложили сдать город [Ливий, 28, 23]. Правда, Магон Баркид заговор раскрыл, а заговорщиков арестовал и отправил в Карфаген [Ливий, 28, 31].

Поступок Массанассы был для Сципиона чрезвычайно выгоден. Считая борьбу за Испанию в общем уже законченной, он мыслил перенести войну в Африку и крайне нуждался в союзниках. Подвергнув свою жизнь серьезной опасности, Сципион даже съездил в Африку, к царю масайсилиев Сифаксу, врагу Массанассы, чтобы привлечь его к союзу с Римом.

В это же время у Сифакса находился Гасдрубал, сын Гисгона, прибывший к царю с такой же миссией. Ливий рассказывает, что Сципион вынужден был не только присутствовать вместе с Гасдрубалом на царском пиру, но и возлечь с ним на одном ложе. В острой дипломатической схватке ему удалось победить карфагенянина. Хотя и очень ненадолго, Сифакс стал союзником римлян [Ливий, 26, 17–18].

В этой обстановке Магон Баркид обратился к карфагенскому совету с просьбой о подкреплении [Ливий, 28, 31], но вместо подкреплений получил приказание переправить флот из Гадеса в Италию, там на вербовать в армию сколько возможно галлов и лигуров и идти на соединение с Ганнибалом. Для этого ему были доставлены средства из государственной казны; кроме того, сам Магон ограбил городскую казну и храмы Гадеса, а также заставил всех частных лиц сдать золото и серебро. По дороге Магон подступил с моря к Новому Карфагену, однако взять его не сумел и, потерпев серьезный урон, вернулся к Гадесу [Ливий, 28, 36]. Но в Гадес его уже не пустили. Выманив из города магистратов и казнив их, Магон отправился к Питиусским островам, где находилась старинная карфагенская колония, а оттуда на Балеарские острова, где и перезимовал. Гадес сдался римскому командованию [Ливий, 28, 37]. Это был последний акт римско-карфагенской войны на Пиренейском полуострове.

О действиях Ганнибала в этот период источники ничего не сообщают; вероятно, он не сдвигался с места. Потеря Испании должна была еще больше углубить состояние безысходности, которое он ощутил после гибели брата Гасдрубала.

Весной 205 г. Магон Баркид высадился в Италии, имея 12 000 пехотинцев и 2 000 всадников, занял без боя Геную и заключил союз с лигурийским племенем ингаунов. Казалось бы, самое время было проявить активность Ганнибалу, но ничего подобного не произошло. Лето Ганнибал провел у храма Юноны Лацинийской. Там он воздвиг жертвенник с надписью на пунийском и греческом языках, в которой рассказывается о его деяниях. Может быть, Ганнибал сделал это, почувствовав, что для него уже наступило время подвести итоги своей жизни, целиком отданной борьбе с Римом. Во всяком случае, если экспедицию Гасдрубала Баркида Ганнибал ждал нетерпе-

ливо, надеясь на перелом в войне, то к высадке Магона Баркида он отнесся с видимым безразличием; скорее всего, он не верил уже, что ход войны переменится.

Несмотря на тревогу, которую вызвало появление Магона в Италии, экспедиция в Африку не была отложена. Правда, Сципиону пришлось столкнуться с сопротивлением старых врагов Корнелиев, когда этот вопрос рассматривался в сенате. Конфликт наметился сразу же по возвращении Сципиона из Испании. Его отчет о боевых операциях на Пиренейском полуострове (сколько раз победил неприятеля, сколько городов отнял у врагов, какие народы подчинил римской власти) сенат слушал в храме Беллоны за городской стеной, поскольку Сципион надеялся получить триумф и даже делал соответствующие намеки. Однако он, по-видимому, и сам не верил в такую возможность. Триумфа Сципиону не дали — может быть, под тем благовидным предлогом, что триумфальное вступление в город предоставлялось только магистратам, а Сципион магистратом не был.

Сенат хотел этим, несомненно, поставить Сципиона на место, умерить оценку его побед в Испании и, следовательно, его возможное политическое влияние. Но булабочные уколы не могли достигнуть цели. Успешное завершение трудной войны и покорение Испании принесли Сципиону огромную популярность. При небывалом до того стечении народа Публий Корнелий Сципион был единогласно избран консулом на 205 г. вместе с великим понтификом Публием Лицинием Крассом. На исход голосования решающее влияние оказала общая уверенность в том, что именно Сципиону суждено победоносно закончить войну; все говорили и действовали так, как если бы «провинцией» (то есть сферой деятельности) ему уже была назначена Африка [Ливий, 28, 38].

Когда распределялись провинции, Красс, который в качестве великого понтифика не мог покидать Италию, избрал для себя Брутиум и, следовательно, противостояние Ганнибалу. Сципиону досталась Сицилия, и все хорошо понимали, что он не ограничится действиями на этом острове. Сципион высказывался в таком духе, что он избран не для продолжения, а для завершения войны, что этого можно достигнуть, только если он переправится в Африку, а если сенат будет возражать, то он добьется своего с помощью народа [Ливий, 28, 40]. В се-

нате против Сципиона высказался Фабий. В своей речи, как ее передает Тит Ливий [28, 40–42], он предлагал сначала окончательно разбить Ганнибала, изгнать его из Италии и уже только после этого переправиться в Африку. Сторонники же Сципиона, по Аппиану [Лив., 7], говорили, что, пока война идет за пределами Африки и Карфаген чувствует себя в безопасности, он, конечно, будет цепляться за свои позиции в Италии; но если придется сражаться на собственной его территории, карфагенское правительство отзовет Ганнибала.

В конце концов сенат принял решение, которое вполне удовлетворило Сципиона: ему разрешалось переправиться в Африку, если этого потребуют интересы государства. Однако Сципиону не дали возможности набирать войска в Италии. Он должен был ограничиться добровольцами и военными судами, которые имелись в Сицилии. Денег из государственной казны Сципиону также не дали; следовательно, финансировать экспедицию ему предстояло из своих средств, а также прибегая к займам у частных лиц [Ливий, 28, 45–46; Апп. Лив. 7]. В общем, сенат сделал все, чтобы максимально затруднить предприятие Сципиона.

Борьба вокруг планов Сципиона была, по сути, одним из этапов длительной борьбы за власть между группировками Фабиев и Корнелиев. Репутация человека, который, как это выразил Энний, своим промедлением спас Рим [Энний, 370–372; см. также: Циц. Обяз., 1, 84], была важным для Фабия козырем во внутривосточной борьбе, не говоря уже о том, насколько такая репутация была важна сама по себе. И Фабий, естественно, не желал, чтобы такое же положение — победителя Ганнибала — приобрел и Сципион.

Прибыв в Сицилию, Сципион начал интенсивную подготовку к экспедиции в Африку. Для того чтобы обеспечить благоприятное к себе отношение сицилийских греков, он принял меры к возвращению сиракузянам потерянного во время войны имущества [Ливий, 29, 1]. Одновременно он послал в Африку Гая Лелия, который ночью подошел к Гиппону Царскому и навел страху в окрестностях [Ливий, 29, 3]. В Карфаген с перепугу было послано сообщение, что в Африке появился римский флот под командованием Сципиона, и это произвело на правительство тяжелейшее впечатление. Перспектива бороться с римлянами на своей территории в условиях,

когда сами карфагеняне не имеют боевой выучки, нумидийцы либо уже стали врагами (Массанасса), либо готовятся ими стать, действия Магона в Лигурии недостаточно эффективны, а Ганнибал в Брутиуме явно теряет силы, — эта перспектива приводила людей в смятение. Карфагенский совет решил ввиду смертельной опасности провести спешную мобилизацию, укрепить город, свезти продовольствие, заготовить оружие и послать корабли к Гиппону против римского флота. Все эти приготовления были в разгаре, когда выяснилось, что в Африке высадился не Сципион, а Лелий с войсками, силами которых можно было лишь разорить прибрежные территории, а не вести продолжительную войну, а тем более осаждать Карфаген [Ливий, 29, 4].

Тем не менее карфагеняне поняли, что ситуация висит на волоске, и развили бурную дипломатическую деятельность. К Сифаксу и другим соседним царям были направлены посольства для возобновления и закрепления союзнических отношений. Филиппу V было предложено 200 талантов серебра, если он вторгнется в Италию или Сицилию. Но об этом не могло быть и речи. Впрочем, македонский царь не хотел разрывать окончательно дружеских отношений с Карфагеном, которые могли пригодиться в будущем, и послал своим союзникам солдат, которые потом приняли участие в битве при Заме. Пройдет несколько лет, и римляне вставят этот поступок в счет македонянину.

Принимали карфагеняне и чисто военные меры. По свидетельству Аппиана [Апп. Лив., 9], Гасдрубал, сын Гисгона, был отправлен на поимку новых слонов. По возвращении он собрал отряд из 6000 пехотинцев (карфагенян и ливийцев) и 600 всадников, затем присоединил к нему еще 2000 всадников и, продолжая вербовать наемников, расположился лагерем за пределами Карфагена, на пути в Нумидию. В Италии карфагенские полководцы получили распоряжение всеми мерами задержать Сципиона. Магону прислали 25 военных кораблей, 6000 пехотинцев, 800 всадников и семь слонов, а также много денег для вербовки наемников; ему предписывалось идти на соединение с Ганнибалом [Ливий, 29, 4; Апп. Лив., 9].

Но не только карфагеняне готовились к новому туру войны. Исключительную заинтересованность в дальнейшем ходе событий проявил Массанасса, рассчитывавший с помо-

щью римлян восстановить свое положение в Нумидии. Когда Лелий находился на карфагенском побережье, к нему явился Массанасса и стал настойчиво внушать римлянину, что Сципион должен как можно скорее высадиться в Африке, пользуясь тревогой и смятением в Карфагене. Со своей стороны Массанасса обещал предоставить римлянам пехоту и конницу [Ливий, 29, 4]. Сципион с большим удовольствием выслушал пересказанные ему Лелием речи Массанассы. Однако пока его задерживали италийские дела.

Все началось [Ливий, 29, 6—7] с того, что римляне во время одного из набегов захватили недалеко от Локр пленных и доставили их в Регию. Среди них оказались локрские ремесленники. В то время в Регию было немало знатных выходцев из Локра, и эти ремесленники пообещали им в обмен на выкуп из рабства устроить сдачу без боя одного из локрских акрополей. Их тут же выкупили и отправили домой. Ремесленники сдержали слово: в условленное время они помогли римлянам подняться на стены, проникнуть в один из акрополей и перебить бывших в нем карфагенян. Теперь в одном акрополе сидел римский гарнизон под командованием пропретора Квинта Племиния, а в другом — карфагенский, который возглавлял Гамилькар; время от времени между ними происходили стычки.

Угроза потерять Локры заставила Ганнибала на какое-то время пробудиться от летаргического сна, в который он погружился после битвы при Метавре. Получив известия о происходящем, он спешно двинулся в Локры. Сципион, услышав о движении Ганнибала, отправился к Локрам морским путем. Ганнибал его опередил и уже собирался начать штурм, но тут во время рекогносцировки у городских стен выстрелом из метательного механизма «скорпиона» был убит стоявший рядом с ним воин. Ганнибал счел это плохим предзнаменованием и замешкался. Последствия этого решения не замедлили сказаться. Сципион успел подойти к Локрам, высадить солдат и войти в город. На другой день, когда Ганнибал повел армию к стенам города, ворота внезапно распахнулись, и из них во множестве появились римляне. Потеряв 200 человек, Ганнибал, для которого стало сюрпризом, что Сципион уже в Локрах, увел остальных в лагерь, а затем велел отступить. Бывшие

в акрополе карфагеняне подожгли все, что могли, и присоединились к Ганнибалу.

В нашу задачу не входит описание дальнейшей судьбы Локр. Заметим только, что Сципион, казнив вожаков прокарфагенской «партии», сам отбыл в Мессану, а горожанам велел отправить послов в Рим, чтобы сенат распорядился об их дальнейшей участи. И вскоре владычество карфагенян оказалось локрийцам сладким сном. Римляне принялись творить в городе нечто несусветное: они грабили и насиловали. Дело кончилось столкновением между самими римлянами, причем сначала по приказанию Племиния высекли розгами военных трибунов, а позже воины, находившиеся под командованием этих трибунов, избили Племиния и отрезали ему нос и уши. Сципион оправдал Племиния и оставил его комендантом, а трибунов приказал арестовать и отправить в Рим. Ободренный своей безнаказанностью, Племиний подверг трибунов пыткам, предал их казни и бросил без погребения. Так же он расправился с теми гражданами Локр, которые пытались жаловаться на него Сципиону. Только сакральное преступление — разграбление храма Прозерпины — да еще солдатский бунт заставили сенат вмешаться. Племиний был арестован и позже умер в тюрьме [Ливий, 29, 8–9 и 16–22]. По другой версии [Апп. Ганниб., 55], Племиний был казнен. Надо сказать, что на реакцию сената оказала определенное влияние открывшаяся в связи с преступлениями в Локрах возможность обвинить Сципиона [Ливий, 29, 19], однако представители горожан отказались поддерживать это обвинение [Ливий, 29, 21].

Лето 205 г. и зиму 205–204 гг. Сципион вел приготовления к африканской экспедиции, а в Карфагене готовились к обороне. Особенно важное значение для карфагенского правительства имел союз с Сифаксом, скрепленный династическим браком царя с Софонисбой, дочерью Гасдрубала, сына Гисгона. Под ее влиянием Сифакс отправил к Сципиону посольство с предложением римлянам воевать с карфагенянами где-нибудь подальше от Африки, чтобы не вынуждать его принимать чью-либо сторону. Если же Сципион вздумает переправиться в Африку, то Сифакс будет вынужден присоединиться к карфагенянам [Ливий, 29, 23]. Дион Кассий [фрагм., 64], вероятно, прав, когда пишет, что Сифакс, выдавая себя за

друга карфагенян, в действительности просто не хотел, чтобы кто-нибудь из противников стал хозяином всей Северной Африки.

Посольство Сифакса, естественно, не заставило Сципиона изменить своих планов. Точных сведений о количестве пехотинцев и всадников, которыми он располагал, нет; различные авторы, сочинениями которых пользовался Тит Ливий [см. 29, 25], дают цифры от 12 200 до 35 000. Стянув войска в Лилибей, Сципион погрузил их на 440 кораблей и приказал держать курс на Эмпорию. Высадились римляне, однако, у Прекрасного мыса [Ливий, 29, 27] и там на холмах разбили свой лагерь [Ливий, 29, 28].

Африканская экспедиция. Битва при Заме

Появление в Африке огромной римской армии во главе со Сципионом, хотя этого и ожидали давно, вызвало жгучую тревогу. Дороги заполнили толпы народа: люди уходили под защиту городских укреплений, пастухи угоняли скот. Положение Карфагена было достаточно сложным. Он не располагал на месте ни сколько-нибудь сильной армией, ни надежными полководцами. Единственный из них, Гасдрубал, сын Гисгона, стяжал известность главным образом тем, что проигрывал Сципиону одно сражение за другим. Поэтому, добавляет Тит Ливий [29, 28], как если бы Сципион намеревался сразу же идти к Карфагену, в городе призвали к оружию всех, кто мог сражаться, ворота заперли, на стенах и сторожевых постах расставили вооруженных стражей, всю ночь напролет бодрствовали, ожидая нападения. Однако Сципион несколько отошел от моря и расположился примерно в одной миле от Утики. Там с его постами столкнулись карфагенские всадники (1000 человек); несколько всадников погибли в сражении, многие были убиты при отступлении, и среди них командир отряда Ганнон [Ливий, 29, 29]. Сципион опустошил поля и занял один из ближайших ливийских городов. Тут в лагерь Сципиона прибыл Массанасса, в это время, по сути, ведущий жизнь предводителя полуразбойничьей бродячей шайки; он ожесточенно боролся за власть над массивными со своим родственником Лакумасой и его опекуном Макетуллом и как раз потерпел со-

крушительное поражение. Сципион получил прекрасную возможность вмешаться в нумидийские дела и поставить у власти всем обязанного Риму и, безусловно, покорного царя.

Рассказ Ливия о борьбе за власть в Нумидии кажется более правдоподобным, нежели версия Аппиана [Апп. Лив., 10–11], согласно которой события разворачивались совершенно иначе. Гасдрубал, сын Гисгона, пишет Аппиан, обещал отдать Софонисбу Массанассе, однако, пока оба они находились в Испании, карфагенское правительство без их ведома выдало Софонисбу за Сифакса. Узнав об этом, Массанасса заключил тайный союз со Сципионом, а Гасдрубал, хотя и был глубоко оскорблен за дочь и ее прежнего жениха, тем не менее решил устранить Массанассу, когда тот возвращался из Испании в Африку. Массанасса бежал от убийц и с тех пор вел жизнь бродячего разбойника. Карфагеняне и Сифакс намеревались сначала разгромить Массанассу, а уже потом начать борьбу с римлянами. Повествование Аппиана исключается уже по той причине, что брак Софонисбы вряд ли был возможен без согласия ее отца.

За первой стычкой последовали новые. Карфагеняне сформировали еще один кавалерийский отряд во главе с Ганноном, сыном Гамилькара, который, вербуя наемников, главным образом нумидийцев, быстро довел его численность до 4000 человек; этот отряд занял небольшой город Салеку примерно в пятнадцати милях от Утики. Но опять карфагенян подстерегала неудача. По приказанию Сципиона Массанасса выманил Ганнона из города, а затем, в самый разгар сражения, в дело вступили римские всадники и окружили карфагенян. Около 1000 из них, в том числе Ганнон, были отрезаны от своих и перебиты. Остальные пытались ускакать, но это мало кому удалось — почти 2000 человек погибли или попали в плен [Ливий, 29, 34; Орозий, 4, 18, 17].

Рассказывая об этом столкновении, Тит Ливий замечает, что не все авторы повествуют о гибели двух карфагенских военачальников, имена которых одинаковы, в двух кавалерийских сражениях, опасаясь совершить ошибку, дважды рассказав об одном и том же деле; к тому же Целий Антипатр и Валерий Антиат говорят не о гибели, но о пленении Ганнона [Ливий, 29, 35]. У самого Ливия, как можно видеть, была иная точка зрения (в своем изложении мы придерживаемся его вер-

сии), хотя он и не вступает в прямую полемику ни с этими историографами, ни с теми, чьих имен не называет. Ливий подчеркивает, что оба Ганнона — разные люди: в первом случае он называет Ганнона «молодым» и не указывает его отца, тогда как во втором называет «сыном Гамилькара». Совпадение личных имен военачальников само по себе не может свидетельствовать о чем-либо, если учесть исключительно широкое распространение у карфагенян, в том числе и в аристократических кругах, таких имен, как Ганнон, Гасдрубал, Гамилькар, Ганнибал.

Как бы то ни было, нанеся серьезный урон карфагенской коннице и позже, видимо, захватив город Лоху [ср. у Апп. Лив., 15], Сципион сосредоточил основное внимание на осаде Утики, которую он предполагал сделать основным своим опорным пунктом. Все свои надежды граждане Утики возлагали только на помощь из Карфагена. Однако в Карфагене войск не было, а Гасдрубал, сын Гисгона, и Сифакс действовали не очень решительно. Гасдрубалу удалось нанять 30 000 пехотинцев и 3000 всадников, однако он не решался приближаться к неприятелю до появления Сифакса. Нумидийский царь заставил себя долго ждать, но в конце концов подошел к Карфагену, ведя за собой 50 000 пехотинцев и 10 000 всадников. Оттуда быстрым маршем он двинулся к Утике. Прибытие Гасдрубала, сына Гисгона, и Сифакса заставило Сципиона снять осаду после сорокадневных безуспешных попыток овладеть городом [ср. у Апп. Лив., 16] и отступить к зимним квартирам, которые он устроил на мысе, выступающем далеко в море и легко обороняемом [Ливий, 29, 35].

Лагерь Сципиона находился недалеко от Утики, и она по-прежнему оставалась под угрозой. Однако и сам Сципион должен был считаться с присутствием армий Гасдрубала, сына Гисгона, и Сифакса, а также с карфагенским флотом, который пытался блокировать его лагерь с моря [Ливий, 30, 8]. С Сифаксом Сципион начал переговоры, рассчитывая перетянуть его на свою сторону. Однако царь упорно повторял: пусть карфагеняне уйдут из Италии, римляне из Африки и между ними установятся дружественные отношения [ср. у Апп. Лив., 17]. В свою очередь, Сифакс попытался заключить союз с Массанассой, обещая признать его царем массилиев и отдать за него одну из своих дочерей. Из этих попыток Сифакса, как

и следовало ожидать, ничего не вышло: союз со Сципионом сулил Массанассе гораздо больше выгод, чем мог ему предложить Сифакс. Для Сципиона предложения Сифакса также были неприемлемы. Не для того он организовывал экспедицию в Африку, чтобы возвратиться без победы с миром, который не принес бы Риму никаких осязаемых преимуществ. Сципион продолжал контакты с Сифаксом уже только с одной целью — дать своим людям возможность беспрепятственно появляться в нумидийском лагере и тщательно изучить его расположение [Полибий, 14, 1, 1–13; Ливий, 30, 3]. Он отправлял вместе со своими послами к Сифаксу под видом погонщиков вьючного скота переодетых в рабскую одежду центурионов, которые выясняли расположение постов и порядок караульной службы, определяли расстояние между стоянками Сифакса и Гасдрубала, сына Гисгона. Никто им не мешал: нумидийцы и карфагеняне, рассчитывая на установление в скором времени мира, ослабили бдительность. Между тем в один из дней римские послы заявили Сифаксу, что не могут явиться к своему командующему без определенного ответа; пусть царь примет решение. Если ему нужно посоветоваться с Гасдрубалом или с карфагенянами, пусть советуется; а вообще пора уже или мир заключать или воевать по-настоящему.

После совещаний Сифакса с Гасдрубалом (римляне использовали это время для того, чтобы уточнить собранные ими разведанные) союзники дали Сципиону ответ. Ни Полибий, ни Ливий не говорят, каковы были их предложения. Ливий замечает только, что, думая, будто римляне жаждут мира, они предлагали наряду с прочими и явно неприемлемые условия. Однако все это не имело значения: Сципион хотел прервать переговоры и, очевидно, придрался к какому-то пункту, содержание которого мы не знаем. Послы Сифакса внезапно для себя услышали, что Сципион доложил военному совету о результатах переговоров, но, несмотря на все его старания, никто из членов совета не одобрил заключения мира; царь может рассчитывать на мир с римлянами, только если перейдет на их сторону [Полибий, 14, 2, 5–14; Ливий, 30, 4].

Было бы, однако, несправедливым полагать, что карфагеняне, надеясь на мирный исход переговоров Сифакса со Сципионом, совершенно упустили из виду возможность возобновления военных действий. В этом случае предполагалось,

что царь двинет свои войска в сторону Утики, а Гасдрубал — на лагерь Сципиона [Апп. Лив., 18]. Тем не менее провести в жизнь эти замыслы они не успели.

Начиналась весна, и Сципион, спустив на воду корабли, погрузил на них осадные и метательные орудия, чтобы создать у противника впечатление, будто он собирается подступить к Утике с моря. Одновременно он послал 2000 воинов занять холм над Утикой, который раньше, до ухода на зимние квартиры, занимали римляне. Все это должно было отвлечь внимание противника и предотвратить нападение из Утики на римский лагерь, когда там будет оставлен слабый гарнизон [Ливий, 30, 4].

В первый же день, едва закончились все приготовления, с наступлением темноты Массанасса двинулся к лагерю Сифакса. Нумидийцы не ожидали нападения и спокойно спали. Воины Массанассы подобрались к их тростниковым хижинам и по сигналу их подожгли. Одни погибли в огне, другие были заколоты, третьи были раздавлены обезумевшей толпой.

Сципион тем временем подошел к лагерю Гасдрубала. Когда карфагеняне увидели пламя над стоянкой нумидийцев, они решили, что пожар возник случайно, и, безоружные, кинулись на помощь союзникам. Тех, кто выбежал за ограду, в мгновение ока перебили римляне. Сципион тотчас же ворвался в ворота, оставленные без охраны, и поджег ближайшие постройки. Огонь мгновенно распространился на весь лагерь. Карфагенские воины металась в огненном кольце; тех, кто не сгорел заживо, убили римляне. Ворота, ведущие из лагеря, были завалены трупами [Полибий, 14, 4–5; Ливий, 30, 5; ср. у Фронтин, 2, 5, 29].

Таким образом, одним решительным ударом в самом начале кампании 203 г. Сципион уничтожил обе противостоящих ему армии. Правда, и Сифакс, и Гасдрубал, сын Гисгона, уцелели, однако вместе с ними спаслось от побоища только 2000 пехотинцев и 500 всадников [Ливий, 30, 5]. Гасдрубал ушел в Карфаген, а Сифакс занял укрепленную позицию в восьми милях от своего сгоревшего лагеря.

Аппиан [Апп. Лив., 24] иначе изображает судьбу Гасдрубала, сына Гисгона. Будто бы в Карфагене его приговорили к смерти, а командование передали Ганнону, сыну Бомилькара. После этого, составив собственную армию, Гасдрубал начал про-

мышлять грабежом. Позже Гасдрубал потребовал будто бы от Ганнона, чтобы тот допустил его к участию в командовании, и предложил поджечь лагерь Сципиона. Ганнон согласился и даже нашел сторонников в самом римском лагере, однако Сципион узнал о заговоре и казнил заговорщиков. Ганнон использовал эту ситуацию, чтобы оклеветать Гасдрубала [Апп. Лив., 30]. Зонара [9, 12] говорит только о смещении Гасдрубала. Последующие события и в особенности умолчание о данном факте Полибия и Ливия свидетельствуют, видимо, против традиции Аппиана и Зонары.

В Карфагене, едва узнав о пожаре и гибели армий Гасдрубала и Сифакса, решили, что теперь Сципион прекратит осаду Утики и двинется против самого Карфагена. На заседании совета высказывались различные мнения. Одни предлагали начать со Сципионом переговоры о прекращении войны, другие — вызвать из Италии Ганнибала, третьи — воссоздать армию и убедить Сифакса продолжать войну. Это последнее мнение восторжествовало, и Гасдрубал и Сифакс спешно собрали новую армию, насчитывавшую почти 30 000 человек [Полибий, 14, 6; Ливий, 30, 7]. Скоро, однако, выяснилось, что эти меры далеко не достаточны.

Сципион, вернувшийся сразу после разгрома неприятеля к осаде Утики, узнал об этих приготовлениях и, оставив у стен Утики небольшие отряды, пошел со всей своей армией на встречу Гасдрубалу и Сифаксу. Сражение произошло на Великих Равнинах. Наспех собранные и плохо обученные, нумидийцы и карфагеняне бежали при первом же ударе римских легионов. Соппротивление оказал только отряд кельтиберских наемников, которые все до единого пали в бою [Полибий, 14, 8; Ливий, 30, 8]. Сципион поручил Лелию и Массанассе преследовать Сифакса и Гасдрубала, а, подчиняя по пути города [Полибий, 14, 9, 2–5; Ливий, 30, 9, 1], двинулся к Карфагену.

В этих условиях карфагенское правительство после долгих и бурных споров решило отправить свой флот к Утике и там напасть на римлян, а также вызвать из Италии Ганнибала. Одновременно пунийские власти озаботились подготовкой города к осаде и постановили рассмотреть вопрос о путях заключения мира [Полибий, 14, 9, 6–11; Ливий, 30, 9].

Морское сражение при Утике закончилось победой карфагенян. Пунийцы захватили несколько римских транспортных

кораблей и увели их в Карфаген [Ливий, 30, 10]. Но успех был не столь решительным, как можно было надеяться, — главным образом из-за того, что Сципиону дали время подготовиться к бою [ср. у Полибия, 14, 10, 9–11]. Аппиан [Лив., 25] вообще не считает, что Сципион потерпел поражение.

После битвы на Великих Равнинах непосредственные столкновения между Сципионом и карфагенянами прекратились. Пунийцы ожидали Ганнибала, а Сципион делал все, чтобы уничтожить Сифакса и утвердить в Нумидии власть Массанассы. После того как римляне в очередной раз разгромили и взяли в плен Сифакса [ср. у Ливия, 30, 11], Массанасса стал государем всей Нумидии [Ливий, 30, 12]. Ливий рассказывает [30, 12–15], что Массанасса женился на Софонисбе, но Сципион потребовал, чтобы среди других пленных он передал эту женщину римлянам, и тогда Массанасса ее отравил. Аппиан [Лив., 26–28] решающую роль в разгроме Сифакса приписывает самому Массанассе, который будто бы командовал всею экспедицией.

Пленение Сифакса поставило Карфаген в еще более затруднительное положение. Пунийцы лишились единственного союзника и все свои надежды могли возлагать либо на прекращение войны, либо на возвращение Ганнибала. Ливий [30, 16] пишет, что теперь уже не слушали предлагавших воевать дальше и что именно под влиянием этих настроений к Сципиону направили посольство. Мы не знаем, насколько достоверно изображает римский историограф мотивы, которыми руководствовался карфагенский совет; Аппиан [Апп. Лив., 31] не исключает, что карфагеняне хотели всерьез договориться, однако, судя по дальнейшему развитию событий, совет хотел главным образом выиграть время. В лагере Сципиона появились члены совета 30-ти — высшего органа власти, который руководил всей жизнью Карфагена, — и стали просить пощадить город, избавить его от разрушения и гибели. Сципион отвечал, что он явился в Африку не для заключения договоров; его цель — одержать победу над Карфагеном. Тем не менее Сципион не отказался от мира и предложил следующие условия: возвратить пленных, перебежчиков и рабов; вывести карфагенские войска из Италии и Галлии, отказаться от Испании, удалиться со всех островов между Италией и Африкой; выдать все военные корабли, кроме двадцати; передать римля-

нам 500 000 модиев пшеницы и 300 000 модиев ячменя, а также деньги — по одним сведениям, 5000 талантов, по другим — 5000 фунтов серебра, по третьим — двойное жалование войнам. Карфагеняне решили не отвергать этих требований, установить со Сципионом перемирие и отправить посольство в Рим. Они надеялись, что, пока будут идти переговоры, Ганнибал сумеет переправиться в Африку и тогда с римлянами можно будет говорить по-другому [Ливий, 30, 16].

В Италии к началу кампании 203 г. обе карфагенские армии — Ганнибала и Магона Баркида — действовали (а более всего бездействовали) независимо одна от другой. Перед Магоном по-прежнему стояла задача прорваться на юг, на соединение с братом, и, насколько можно судить, он пытался это сделать. Во всяком случае, мы его застаем в Галлии, в стране инсумбров, где произошло решительное сражение между ним и римлянами, которыми командовали претор Публий Квинктилий Вар и проконсул Марк Корнелий Цетег. Поначалу ни римлянам, ни карфагенянам не удалось одержать верх. Когда Квинктилий ввел в дело конницу, Магон противопоставил ей слонов, и всадники потеряли власть над перепуганными лошаадьми. Наконец, обе стороны бросили в бой пехотные резервы. И тут нападение римских метателей дротиков на слонов привело к решительному перелому. Раненые животные обратились в бегство, и тогда снова в бой вступили римские всадники. Пунийцы начали отступать, Магон получил тяжелое ранение в бедро, и после этого отступление превратилось в паническое бегство [Ливий, 30, 18]. Эта неудача заставила Магона вернуться к морю, в Лигурию. Там он застал карфагенских послов с приказанием спешно отплыть в Африку: положение Карфагена не таково, чтобы продолжать борьбу за Италию и Галлию. По дороге, недалеко от Сардинии, Магон Баркид умер.

На юге Италии, в Брутиуме, города один за другим сдавались римлянам. О действиях Ганнибала в этой связи известно мало [Апп. Ганниб., 57]. Около Кротона произошла битва, ни ход, ни исход которой точно не известны; как раз в этот момент к Ганнибалу явились послы карфагенского совета, спешно призывавшего его на родину. Ганнибал не мог и, вероятно, не хотел скрыть того тяжелого чувства, которое охватило его

при получении приказа отправиться в Африку. Ливий [30, 20] вкладывает в его уста горькие, хотя, вероятно, совершенно несправедливые обвинения, к которым восходит легенда о гениальном полководце, загубленном жадными торговцами и недальновидными политическими противниками: «Теперь уже не обиняками, а явно отзывают меня те, кто уже давно побуждал меня покинуть Италию, не давая присылать подкрепления и деньги, так что победил Ганнибала не римский народ, столько раз битый и обращенный в бегство, но карфагенский совет недоброжелательством и завистью, и этому моему позорному возвращению не столько будет радоваться и им хвалиться Публий Сципион, сколько Ганнон, который, не имея других возможностей, похоронил наш дом под развалинами Карфагена». Несправедливость этих обвинений очевидна: на протяжении всей войны в карфагенском совете господствовали сторонники Баркидов — противники мира, направлявшие все усилия государства на борьбу с Римом и на поддержку Ганнибала. Впрочем, карфагенянину приходили в голову и другие мысли: он горько упрекал себя в том, что после Канн сразу же не пошел на Рим. Разослав часть ненужных ему солдат в различные города Брутиума под предлогом несения там гарнизонной службы и обрекши их таким образом на верную гибель, ограбив союзников [Апп. Ганниб., 58], оставив также в Италии воинов италийского происхождения, которые отказались следовать за ним (позже укрывшиеся в храме Юоны Лацинийской, они были там перебиты [ср. у Апп. Ганниб., 59; Диодор, 27, 9]), Ганнибал покинул Италию.

О том, как велись переговоры между представителями карфагенского совета и римскими властями, античная историография сохранила два предания, которые резко противоречат друг другу. В изображении Тита Ливия [30, 22–23] римско-карфагенские контакты выглядят следующим образом.

По версии Тита Ливия, как мы знаем, карфагенское правительство вовсе не стремилось достичь положительных результатов. Это стало очевидно в тот момент, когда послы, которых оно направило в Рим, предстали перед сенатом. В своей речи они пытались вопреки фактам доказать, что пунийские власти не виноваты в развязывании войны, что виноват во всем один только Ганнибал. Это он без приказа совета форсировал

Ибер и перешел Альпы. Это он на свой страх и риск начал войну сначала с Сагунтом, а потом и с Римом, а совет и народ Карфагена дружбу и союз с римским народом вообще не нарушали и просят, чтобы можно было сохранить мир на условиях, которые в последний раз были заключены с консулом Гаем Лутацием Катулом, иначе говоря, в конце I Пунической войны. Можно представить себе, насколько циничными и лживыми должны были показаться эти речи сенаторам, хорошо осведомленным и о том, что в карфагенском совете господствовали сторонники Баркидов, и о том, что Ганнибал действовал с одобрения совета, если не по прямому его распоряжению. Дальше — больше: сенаторы начали задавать вопросы, видимо, главным образом в связи с содержанием договора, на который послы ссылались. Послы отвечали, что текста договора они не помнят. Наш источник объясняет такое их поведение непростительной молодостью, и этот факт, несомненно, имеет значение. Юные посланцы, хотя бы и облеченные дипломатическими регалиями, едва ли могли иметь полномочия принимать ответственные политические решения, которые им предстояли в Риме. Однако дело значительно серьезнее; отправляя посольство в Рим и поручая ему настаивать на мирном урегулировании, которое подтвердило бы результаты I Пунической войны, карфагенское правительство (в изображении Тита Ливия) не напомнило ему хотя бы в общих чертах содержания договора, заключенного почти сорок лет назад. Не удивительно, что в сенате восторжествовало мнение Левина, который предложил под стражей доставить послов на корабли, а Сципиону написать, чтобы он не прекращал войны.

В нашем распоряжении, однако, имеется, как уже говорилось, и другая версия, коренным образом отличающаяся от того, что рассказывает Ливий. Аппиан [Апп. Лив., 31–32] пишет, что обсуждение в сенате карфагенских мирных предложений выявило различные точки зрения. Одни сенаторы напоминали о вероломстве карфагенян, о несоблюдении ими договоров, о злодействах Ганнибала в Испании и Италии, другие вели речь о мире, который Риму так же необходим, как и Карфагену: Италия опустошена столькими войнами, а будущее опасно, так как на Сципиона двинутся сразу три армии — Ганнибала из Южной Италии, Магона из Лигурии, а также армия из Карфагена, командиром которой Аппиан, в соответствии

с принятой им традицией, называет Ганнона. Сенат не пришел к определенным выводам и, отправив к Сципиону советников, предложил ему окончательно все обсудить вместе с ними и поступить так, как он сочтет целесообразным. Сципион решил заключить мир. Он обязал карфагенян вывести армию Магона из Лигурии, не набирать наемников, не иметь более 30 боевых судов, не вмешиваться в чужие дела, ограничиваясь только своими владениями, выдать римлянам военнопленных и перебежчиков, а также выплатить контрибуцию в размере 1600 талантов. Массанассе гарантировалось господство над массилиями, а также над той частью владений Сифакса, которую он сумеет удержать в своих руках. Карфагенское правительство приняло эти условия, и его представители снова отправились в Рим принять клятву от консулов, а римские послы с аналогичной целью появились в Карфагене. Позже, когда договор был нарушен, римское правительство приказало послам покинуть Италию [Апп. Лив., 35].

К сожалению, до нас не дошел рассказ Полибия о переговорах, поэтому судить об его содержании мы можем только по косвенным указаниям. Говоря о вероломстве карфагенян и о нарушении ими договоренности с римлянами, Полибий [15, 1, 2] сообщает, что они преступили клятвы и договоры и что снова начинается война. Далее [15, 2, 2] он пишет, что большинство членов карфагенского совета «тяжело перенесли» условия договора. Показательно, что и Ливий [30, 25], в своем дальнейшем изложении следуя за Полибием и рассказывая об антиримском выступлении карфагенян, говорит, что преступление было совершено теми, кто просил мира и временного прекращения военных действий. Наконец, Полибий [15, 4, 8] прямо говорит, что сенат и народ утвердили договор Сципиона с карфагенянами и удовлетворили их пожелания; то же самое упоминание о заключении договора и о принятии его римлянами и карфагенянами мы находим в речи Сципиона [Полибий, 15, 8, 7–8]. С этим во многом совпадает и версия Диона Кассия — Зонары [Дион Касс., фрагм., 74–75; Зонара, 9, 13]: первоначально римляне вовсе не желали вести с карфагенскими послами мирных переговоров, заявляя, что не в обычае у них принимать послов и договариваться, пока вражеский лагерь находится в Италии. Узнав об уходе Магона и Ганнибала, сенат утвердил условия мирного договора. Дио-

дор [27, 11] говорит о нарушении мира и договора. Заметка Евтропия [3, 21] также в основных чертах соответствует версии Аппиана: сенат, приняв во внимание решение Сципиона, приказал заключить с карфагенянами мир. Сципион предложил условия, согласно которым пунийцы обязывались иметь не более 30 кораблей, уплатить 5000 фунтов серебра, выдать пленных и перебежчиков. Неизвестный нам, явно работавший до Полибия историограф, фрагмент из сочинения которого сохранился [Пап. Р., 491] и переписан до 130 г., говорит о том, что римляне, отправив послов, принесли клятву, скрепившую договор, и освободили пленных. Далее рассказывается, по всей видимости, следующее: сенаторы вместе с пунийцами, возвращавшимися на родину, отправили в Африку свою миссию, которая была уполномочена принести клятву за римское правительство и, в свою очередь, принять клятву от карфагенских властей.

Римляне прибыли в лагерь Сципиона; пунийская делегация вернулась в Карфаген и доложила согласованные обеими сторонами условия мира. От дальнейшего повествования сохранился лишь небольшой фрагмент, из которого ясно, что карфагенский совет отказался принести клятвы и объявил о своем намерении продолжать войну. Тенденция рассказчика [Пап. Р., 491] очевидна. Он стремится показать, что карфагеняне обманули простодушных и доверчивых римских сенаторов: они, ведя переговоры о мире и добившись согласия римской администрации четко сформулировать условия прекращения войны, тем не менее не скрепили договор клятвой и, следовательно, сорвали его заключение. Эта концепция, яркими красками рисуящая миролюбие римлян и их верность слову на фоне коварства и воинственных устремлений карфагенян, имела, конечно, первостепенное значение для Рима, когда в середине II в. шли споры о будущем Карфагена и после 149 г. нужно было объяснять и оправдывать уничтожение этого города.

Версия Ливия, таким образом, стоит в античной историографии изолированно. В пользу варианта, сохраненного с наибольшей полнотой Аппианом, свидетельствуют, по-видимому, и авторитетное указание Полибия, и единодушные указания других авторов, повествующих об интересующем нас эпизоде. Различия в деталях в данном случае несущественны.

Однако проблемы такого рода не могут решаться большинством голосов. Едва ли можно сомневаться в том, что версия, принятая Аппианом, была хорошо известна Ливию, тем более что она имелась уже у Полибия. Очевидно, римский историкограф сознательно воспользовался другой, собственно римской традицией, которую он считал более достоверной. Видимо, эта традиция больше удовлетворяла его и своими политическими мотивами.

Рассматривая оба повествования, нельзя не заметить их резкой антикарфагенской направленности, причем версия Аппиана еще более политически заострена, нежели вариант Ливия. И в том и в другом случае карфагеняне выступают как вероломные нарушители: по Аппиану — мирного договора, а по Ливию — перемирия. Очевидно, политическая тенденция интересующих нас традиций определяется внутриримской борьбой, и в связи с этим неизбежно возникает вопрос о роли Сципиона и сената, об их взаимоотношениях, как они проявились в данном случае.

Из традиции Аппиана и примыкающих к ней повествований очевидно, что сенат и Сципион действуют в полном единодушии, что сенат поступает в соответствии с предначертаниями Сципиона и поручает Сципиону довести переговоры до их логического завершения. У Ливия все обстоит иначе. Сципион принимает решение о заключении мира и формулирует его условия. Однако сенат, убедившись, что намерения карфагенян несерьезны, прерывает переговоры и приказывает продолжать войну, не считаясь с позицией Сципиона. Такое положение кажется вполне естественным, если принять во внимание напряженные взаимоотношения между Сципионом и сенатом, по крайней мере многочисленными сторонниками Фабиев. С другой стороны, важна роль, которую обе традиции приписывают Сципиону. У Аппиана Сципион — военачальник, диктующий неприятелю условия мира, причем неприятель этот мир принимает. У Ливия Сципион — политик, обманутый своими пунийскими контрагентами, оказавшийся не в состоянии распознать довольно элементарную хитрость, легко разоблаченную сенатом. Нетрудно понять, что Полибия, связанного со Сципионами, могла устраивать только первая версия. Что же касается Ливия, то его выбор определялся его политическими симпатиями и антипатиями. «Помпеянец»

(по оценке Августа) Ливий, глубоко симпатизировавший республиканским порядкам, отрицательно относившийся к Цезарю, естественно, представляет «божественного» Сципиона в невыгодном освещении.

Установив наличие двух политически противоположных версий — благоприятной Сципиону и враждебной, мы еще не приблизились к решению основной проблемы: насколько версии эти достоверны. Очевидно, ответить можно только одним способом — попытаться выяснить, до какой степени оба рассказа соответствуют известным в настоящее время фактам

Мы уже говорили, что рассказ Ливия соответствует тому, что известно о борьбе между Сципионом и сенатом, где видную роль в тот момент, а также в последние годы II Пунической войны и после ее окончания играли Клавдии, Фульвии и Фабии. Повествование же Аппиана не соответствует тому, что мы знаем об этом. С другой стороны, Сципион, конечно, был заинтересован в заключении мира, дабы предстать перед сенатом и народом в роли победоносного полководца, принудившего опаснейшего врага к капитуляции. Между тем сенату нужен был мир, но заключенный не Сципионом, а кем-либо другим. Легко себе представить поэтому, что сенат, обнаружив некомпетентность карфагенских послов, придрался к случаю и приказал Сципиону продолжать войну. Наконец, карфагенский совет, в основном пробаркидский, даже и в более тяжелых условиях, после битвы при Заме, не был склонен к заключению мира. В этой связи еще раз напомним слова Полибия [15, 2, 2] о враждебной Сципионовым условиям мира позиции большинства членов совета. Нетрудно видеть, что, ведя переговоры, они хотели выиграть время; труднее допустить, что при таких обстоятельствах, когда еще не были исчерпаны все возможности, они желали мира всерьез. Все эти соображения приводят к мысли, что прав Ливий и в срыве мирных переговоров одинаково повинны и карфагенский совет, и римский сенат. При этом какое решение примет сенат для карфагенского совета не имело значения. Главная цель была достигнута: удалось выгадать время, чтобы Ганнибал успел переправиться в Африку.

Появлению Ганнибала в Африке предшествовали и другие, более драматичные события, показавшие, что в Карфагене вообще не склонны считаться с перемирием. Все началось

с того, что карфагеняне захватили римские транспортные корабли, потерпевшие крушение у Эгимур, недалеко от самого Карфагена, и покинутые командой [Ливий, 30, 24]. Аппиан [Лив., 34] добавляет чрезвычайно существенные подробности: тех членов экипажа, которых удалось захватить, заковали в цепи, хотя карфагенский совет всячески старался удержать народ от этого шага. Имеются в виду, очевидно, сторонники мира. Сроки перемирия еще не истекли, карфагенские послы из Рима еще не вернулись, и Сципион, возмущенный бесцеремонным нарушением соглашения, которого сами же карфагеняне так настойчиво добивались, отправил в Карфаген своих послов — Луция Бебия, Марка Сервилия (у Полибия — Сергия) и Луция Фабия. На заседании карфагенского совета, а затем и в народном собрании римляне напомнили пунийцам о том, с какой униженной покорностью они добивались мира и молили только о пощаде. Речи римлян были полны угроз. Если вас постигнет несчастье, говорили послы, то к каким богам вы будете взывать, какими словами будете умолять победителя о снисхождении к вашим бедствиям? Своим вероломством и безумием вы отняли у себя всякую надежду и на богов и на людей [Полибий, 15, 1, 5–14].

В ответ им были потоки брани, в которых тонули голоса многих ораторов, призывавших не отказываться от достигнутого урегулирования [Полибий, 15, 2, 2]. Возбуждение было настолько велико, что римляне чуть было не подверглись избиению, и магистраты (по Аппиану [Лив., 34], главы антибаркидской партии Ганнон и Гасдрубал Гед, то есть Козел) едва вырвали их из рук разъяренной толпы. Ни о каких переговорах уже не могло быть речи, да и народное собрание карфагенян постановило отпустить римскую дипломатическую миссию без ответа [Полибий, 15, 2, 4]; по версии Полибия [15, 2, 1], послы, произнеся речь, удалились с народного собрания, Бебий и его товарищи требовали теперь только одного: чтобы им дали охрану и возможность беспрепятственно возвратиться к своим. В сопровождении двух карфагенских триер они достигли устья реки Баграда, откуда уже виден был римский лагерь, однако затем, когда пунийский эскорт удалился, на римскую пентеру, где находились послы Сципиона, с открытого моря напали три неприятельские квадриремы, и римляне спаслись, только выбросившись на берег [Полибий, 15,

2, 14–15; Ливий, 30, 25]. Аппиан [Лив., 34] даже говорит, что большинство послов были убиты, но исходная версия имела в виду, очевидно, судьбу команды корабля. Перемирие, таким образом, было сорвано, однако Сципион не захотел применить насилие к карфагенским послам, вернувшимся из Италии, и дал им возможность беспрепятственно добраться до их родного города [Полибий, 15, 5, 9–10; Ливий, 30, 25; Апп. Лив., 35; Диодор, 27, 12].

Возвращение послов вызвало в Карфагене новый взрыв политической борьбы. Сторонники прекращения войны настаивали на возобновлении переговоров, к которым, казалось, открывал путь любезный жест Сципиона, однако народ не последовал этим призывам. Он все свои надежды возлагал на Ганнибала [Апп. Лив., 35].

Между тем Ганнибал уже заканчивал свое плавание. Приближаясь к берегам Африки, он велел какому-то моряку залезть на мачту и посмотреть, куда обращен нос корабля; узнав, что впереди видно разрушенное погребение, он счел это за неблагоприятное предзнаменование, приказал взять курс на Лептис и там сошел на берег [Ливий, 30, 25; Орозий, 4, 19, 1].

По-видимому, именно в Лептисе, а не в Хадрумете, как пишет Аппиан [Лив., 33], Ганнибал устанавливал контакты с нумидийскими племенами — арсакидами и масайсилиями; сын и преемник Сифакса — Вермина, еще остававшийся хозяином над частью земель, принадлежавших отцу, присоединился к нему, однако в битве при Заме, вероятно, не участвовал. Из Лептиса Ганнибал руководил и захватом городов, принадлежавших Массанассе. Для того чтобы овладеть ими снова, Сципион симулировал отступление. Ганнибал пустился его преследовать и вывел из городов свои гарнизоны; пока он без видимого результата гонялся за Сципионом, Массанасса легкомысленно вернул их обратно.

Кампания 202 г. началась с того, что Ганнибал выступил из Лептиса по направлению к Хадрумету, а Сципион занял своими отрядами сухопутные подступы к Карфагену. Известие об этом заставило Ганнибала ускоренным маршем двинуться к Заме, находившейся в пяти днях пути от Карфагена, а вперед отправить разведчиков, которые угодили в руки римлян. Сципион, однако, дал им возможность беспрепятственно осмотреть лагерь; по его приказу военные трибуны показали им все,

что они пожелали; затем Сципион самолично расспросил, все ли им удалось осмотреть, и отправил их к Ганнибалу [Полибий, 15, 4–7; Ливий, 30, 29; Апп. Лив., 39; Вал. Макс., 3, 6, 1]. Столь утонченное издевательство, которое мог позволить себе только уверенный в победе противник, произвело большое впечатление на Ганнибала, уже давно жившего под тягостным впечатлением непрерывных неудач; к тому же он узнал, что к Сципиону явился Массанасса с 6000 пехотинцев и 4000 всадников. Все это повлияло на его решение возобновить переговоры и обратиться к Сципиону с просьбой о личном свидании. Ливий, не принимая и не отвергая, приводит рассказ Целия Антипатра, будто, потерпев поражение в бою, Ганнибал явился к Сципиону в качестве посла; наиболее достоверна, по-видимому, та версия, которой следует сам Ливий. Встреча состоялась недалеко от Нараггары, однако ни к чему не привела. Ганнибал предложил отдать Риму все карфагенские владения за пределами Африки; Сципион требовал еще дополнительных уступок (по версии Полибия, безусловной капитуляции), и на этом обмен мнениями был прерван [Полибий, 15, 5, 8–8, 14; Ливий, 30, 29–32; ср. у Апп. Лив., 39]. Евтропий [3, 22], правда, говорит, что Ганнибал и Сципион договорились о мире, но карфагенское правительство договор отвергло и обязало Ганнибала продолжать войну.

На следующий день у Замы (по Аппиану [Лив., 40], при Килле) состоялось генеральное сражение. Сципион построил свою армию не сплошным фронтом; между отрядами тяжеловооруженных пехотинцев были оставлены проходы для пропуска боевых слонов карфагенян; проходы эти он заполнил легковооруженными солдатами, которые при появлении слонов должны были разбежаться. Животные, двигаясь по образовавшимся живым коридорам, попали бы под перекрестный обстрел дротиками [ср. у Апп. Лив., 41]. На левом фланге, которым командовал Лелий, Сципион поместил итальянских всадников, на правом — нумидийскую конницу Массанассы. Ганнибал перед своими войсками поставил 80 слонов, за ними вспомогательные отряды лигуров, галлов, балеаров и мавров, во втором ряду — карфагенян, ливийцев и небольшую группу македонян, присланных Филиппом V [ср. у Ливия, 30, 26], за ними — отряды италиков, большей частью брутиев, вынужденных навсегда покинуть родную землю [Ливий, 30, 33;

Апп. Лив., 40; Фронтин, 2, 3, 16], и, наконец, на правом фланге карфагенскую, а на левом — нумидийскую конницу.

Битва началась с того, что римляне криками, сигналами труб и рожков перепугали слонов и они, уже в который раз, принялись топтать своих, главным образом стоявших на левом фланге мавров и нумидийцев. Туда же направил свой удар и Массанасса. Те немногочисленные животные, которые устремились на врага, попали под удары римских дротиков и в конце концов повернули направо, на карфагенских всадников, куда двинул свою конницу и Лелий. Уже при первом столкновении римляне потеснили неприятеля. Второй ряд карфагенян стал отступать, бросив свои вспомогательные части без поддержки, и дошло до того, что между теми и другими начались стычки; в конце концов вспомогательные части Ганнибала были отброшены на фланги. После этого римский натиск несколько ослаб, и тогда Сципион, сначала велел вынести раненых, ввел в дело основные резервы, состоящие из копейщиков и триариев. Сражение возобновилось, а тем временем Лелий и Массанасса ударили по карфагенской пехоте с тыла, и карфагеняне побежали. По данным Ливия, в этом бою погибло более 20 000 карфагенян и их союзников, столько же попало в плен (по Полибию, более 10 000); римляне, по явно преуменьшенным данным, потеряли несколько более 1500 человек. Сам Ганнибал с небольшим отрядом всадников бежал в Хадрумет [Полибий, 15, 9–14; Ливий, 30, 32; ср. у Апп. Лив., 42–46, где ход сражения изображен несколько иначе].

Это был конец.

Глава шестая Ганнибал во главе карфагенского правительства

Заклучение мира

После битвы при Заме карфагенское правительство не могло больше надеяться на благоприятный поворот событий. Помощи ждать было неоткуда; армия была полностью разгромлена. Сам Ганнибал тоже потерял надежду, и, когда его срочно вытребовали из Хадрумета на родину [Ливий, 30, 35], он возвращался туда с единственным намерением — во что бы то ни стало и на любых условиях заключить мир.

Это была нелегкая задача. Те группировки карфагенского общества, которые все время шли за Баркидами и поддерживали политику военных авантюр, направленную на ниспровержение Рима, — эти группировки не считали даже теперь войну проигранной и требовали, несмотря ни на что, продолжать борьбу до победы. С другой стороны, в римском лагере очень хотели (и одно время это желание разделял и сам Сципион) завершить войну осадой и уничтожением Карфагена. Действия Сципиона, казалось, отвечали именно этой цели: разграбив немедленно после победы лагерь противника, он отправил Лелия в Рим доложить о блестящем успехе и, снача-

ла сосредоточив свои легионы возле Утики, затем послал их под командованием Гая Октавия прямым путем к Карфагену, а сам повел флот к карфагенской гавани. Таким образом, были приняты меры для блокады Карфагена с моря и с суши. Однако во время плавания ему повстречался корабль с карфагенскими послами — первыми лицами в государстве. Во главе посольства стояли руководители антибаркидской «партии» Ганнон и Гасдрубал Гед [Апп. Лив., 49]. Ганнибал добился того, что совет решил всерьез просить мира у победоносного неприятеля.

Сципион не пожелал разговаривать с послами и велел им прибыть в Тунет, куда он собирался переместить свой лагерь. По дороге римское командование получило известие, что на помощь Ганнибалу идет Вермина, сын Сифакса, с конницей и пехотой; решительным ударом Сципион уничтожил врага; сам Вермина бежал. Наконец римляне подошли к Тунету, куда явился и карфагенский совет 30-ти в полном составе.

Члены военного совета римской армии, которые должны были решить вопрос, продолжать или нет войну, склонялись к тому, чтобы разрушить Карфаген. Остановило их только одно обстоятельство: город нельзя было взять без длительной осады, а для такого предприятия нужны были дополнительные воинские контингенты, которыми Сципион не располагал [Ливий, 30, 36]. Возможно, что на него оказали влияние события в Риме. Сципион хорошо знал, сколько жадных и завистливых рук протягивалось, чтобы вырвать у него лавровый венок победителя. Он не мог не знать, например, что, когда Ганнибал покинул Италию, консул Гай Сервилий, будто бы преследуя уходящего противника, переправился в Сицилию, чтобы потом двинуться в Африку [Ливий, 30, 24], или что консулы 202 г. Марк Сервилий Гемин и Тиберий Клавдий Нерон добивались назначения им Африки в качестве провинции и только решение народного собрания сохранило ее за Сципионом [Ливий, 30, 27]. Пройдет год, и консул 201 г. Гай Корнелий Лентул снова потребует себе Африку [Ливий, 30, 40; Апп. Лив., 561]. Знал Сципион и о том, что старый недоброжелатель Фабий настойчиво предлагал отозвать его уже после первых побед в Африке, ибо, говорил бывший диктатор, столько счастья боги не дают одному человеку и Сципион удачу свою уже исчерпал [Плут. Фаб., 26].

Сципион предложил следующие условия мира: карфагеняне останутся свободными и будут жить, пользуясь собственными законами. Они сохраняют под своей властью города и земли в тех пределах, которые существовали до войны (очевидно, имелась в виду только территория Африки), и римляне перестанут эти области разорять. Всех перебежчиков, беглых рабов и военнопленных пунийцы выдадут римским властям. Все боевые корабли, кроме 10 триер, они передадут римлянам. Им же передадут они и всех прирученных слонов и не будут приручать новых. Ни в Африке, ни за ее пределами карфагеняне не будут воевать без согласия римского народа. Они возвратят Массанассе его имущество и владения в тех пределах, которые тот им укажет, и заключат с ним союз. До возвращения послов из Рима, то есть до окончательного урегулирования, Карфаген будет содержать римские войска в Африке; в течение пятидесяти лет он выплатит контрибуцию в размере 10 000 талантов. Кроме того, Карфаген должен был дать Сципиону по его выбору заложников — 100 человек (по Аппиану [Лив., 54], 150) не моложе четырнадцати и не старше тридцати лет. Наконец, Сципион потребовал, чтобы карфагеняне вернули транспортные суда, вероломно захваченные ими во время предыдущего перемирия [Полибий, 15, 18; Ливий, 30, 37; Дион Касс., фрагм., 82].

Условия эти были исключительно тяжелы, и дело здесь даже не в материальных или территориальных потерях. Провозглашая на словах независимость и суверенитет Карфагена, Сципион существенно ограничивал именно его суверенные права и тем ставил Карфаген в прямую зависимость от Рима в наиболее важном вопросе — объявлении войны и заключении мира. В варианте, который приводит Аппиан [Лив., 54], речь идет об абсолютном категорическом запрещении вести войну независимо даже от позиции Рима. Утрачивая свое положение великой державы, Карфаген оказывался связанным в борьбе с любым возможным противником. Сципион не предусмотрел каких-либо условий политического урегулирования между Карфагеном и Массанассой, а в переговорах между ними о союзе, которые он Карфагену навязал, ставил его в невыгодные условия. Пределов appetитов Массанассы установить никто, кроме римлян, не мог, а римляне делать этого не хотели. Возникла взрывчатая ситуация, при которой римское

правительство обрело возможность постоянно вмешиваться в африканские дела, выступая в роли арбитра и одновременно высшей инстанции при решении спорных вопросов, а при желании могло отнять у Карфагена любые территории. Правда, усиливая Массанассу, Рим выращивал в Африке для себя нового потенциального врага, что позже и сказалось во время Югуртинской войны, однако эта перспектива была слишком неопределенной и, по-видимому, даже не приходила Сципиону в голову. Своей основной и даже единственной задачей он считал всемерное ослабление и подчинение Карфагена.

Ганнибал, которого Ливий [30, 36] называет инициатором переговоров, не видел другого выхода, как принять условия Сципиона. Он понимал, что продолжать войну Карфаген не может, но, сохранив свое существование, сумеет восстановить силы для реванша. Поэтому все свое влияние он употребил на то, чтобы убедить сограждан принять римские условия. Торговцы и ремесленники («рыночная толпа», по выражению Аппиана), опасаясь потерять все, что они имели, требовали продолжать войну, угрожали грабить магистратов, отдающих римлянам хлеб, вместо того чтобы разделить его между гражданами. Они не желали слушать даже Ганнибала [Апп. Лив., 55], и полководец, не привыкший к возражениям, на какое-то время потерял выдержку. Дело дошло до того, что, когда некий Гисгон при стечении огромной толпы принялся рассуждать о неприемлемости мира, Ганнибал с солдатской бесцеремонностью стащил его с трибуны. Он тут же опомнился и долго извинялся перед собравшимися, объясняя свой поступок военными привычками и незнакомством с нравами и обычаями городской жизни, а потом внушал той же аудитории, почему договор, до такой степени невыгодный Карфагену, надлежит все же принять [Полибий, 15, 19; Ливий, 30, 37]. Этот случай запомнили, и, может быть, именно несдержанность Ганнибала оказала решающее влияние на совет и народное собрание. Делать было нечего: транспортные суда и людей возвратили римлянам; за то, что пропало, заплатили. И карфагенские послы в сопровождении Луция Ветурия Филона, Марка Марция Раллы и Луция Корнелия Сципиона, брата командующего, отправились в Рим [Ливий, 30, 37–38].

В отличие от предыдущего в карфагенском посольстве теперь участвовали знатнейшие и влиятельнейшие лица, и в том

числе противники Баркидов, а следовательно, всегдашние сторонники мира с римлянами. Среди них был и Гасдрубал Гед. Уже этот состав посольства показал сенату, что на сей раз карфагеняне действительно хотят мира. Во время переговоров произошел любопытный эпизод. Один из сенаторов спросил Гасдрубала, свидетельством каких богов пунийцы скрепят договор, если тех, кого призывали раньше, обманули. «Тех же самых, — отвечал Гасдрубал, — которые были так враждебны к нарушителям соглашений».

В конце концов сенат поручил Сципиону заключить мир на условиях, которые он сочтет подходящими. Римляне теперь были настроены в высшей степени примирительно: карфагенские послы просили разрешить им выкупить 200 пленных из знати; сенат велел доставить их в Африку и там после успешного завершения переговоров отпустить без выкупа [Ливий, 30, 42—43].

Мирный договор был скреплен подписями и печатями в лагере Сципиона (201 г.). Карфагеняне выдали Сципиону свои боевые корабли (как говорили, 500), а также слонов, перебежчиков, беглых рабов, освободили пленных. Корабли римский командующий приказал сжечь в непосредственной близости от Карфагена, перебежчиков-латинян обезглавить, римлян — распять [Ливий, 30, 43]. II Пуническая война, развязанная Гамилькаром Баркой, его зятем Гасдрубалом и его сыном Ганнибалом, завершилась победой римского оружия.

Политическая борьба в Карфагене. Реформы Ганнибала

Заключение мирного договора, которого Ганнибал так настойчиво добивался, знаменовало собой полное крушение всех его грандиозных планов и честолюбивых замыслов. Победителей не судят, но, побежденный, он не мог не выглядеть в глазах своих сограждан главным виновником всех бедствий, постигших Карфаген.

Мог ли Ганнибал рассчитывать на чью-либо поддержку? Безусловно. С именем Ганнибала прочно связывали идею реванша, и это привлекало к нему многих. Соотношение сил и группировок в Карфагене не изменилось. В Карфагене

по-прежнему сохранились влиятельнейшие круги — купцы и ремесленники, — заинтересованные в торговой экспансии и, следовательно, в установлении карфагенского господства на торговых путях. Известно, что в период между II и III Пуническими войнами карфагенские купцы торговали не только в странах Средиземноморья, но и в Причерноморье, а также в «стране ароматов», то есть где-то на путях в Индию.

Но на первых порах в основе политической борьбы был вопрос о виновниках поражения. В нашем распоряжении имеется хотя и испорченный, но реконструированный фрагмент Диона Кассия [фрагм., 86; ср. также у Зонары 9, 14], согласно которому Ганнибал был привлечен к суду за то, что не пожелал овладеть Римом и присвоил добычу, захваченную в Италии. За этим сообщением определенно просматривается попытка врагов Ганнибала возложить на него ответственность за поражение и таким образом навсегда избавиться от неудобного и опасного соперника.

Ганнибал не оставался в долгу. Как можно было видеть, уже покидая Италию, он стал распространять версию, что ему не дали победить мелочная скардность и противодействие карфагенского совета. Эту тему он варьировал при каждом удобном случае. Вот один из характерных и, по-видимому, многочисленных эпизодов. Карфагенское правительство собирало деньги на первый взнос в счет контрибуции. Для населения, истощенного войной, этот налог был в высшей степени тяжелым, да и направлялся он на удовлетворение не государственных интересов, а безмерных appetитов победителя. В совете господствовало подавленное настроение, но именно Ганнибала в этот момент видели смеющимся. Гасдрубал Гед позволил себе бросить упрек полководцу: ведь он сам виновник слез, проливаемых в городе. На это Ганнибал, по свидетельству Ливия [30, 44], отвечал: «Если бы у кого-нибудь душу так же можно было видеть, как видно выражение лица, то вы легко бы поняли, что этот смех, который ты бранишь, исходит не от веселого, а от почти обезумевшего от несчастий сердца. Он, однако, не до такой степени неуместен, как эти ваши нелепые и отвратительные слезы... Когда с Карфагена стаскивали победоносные доспехи, когда вы видели, что его оставляют безоружным и голым среди стольких вооруженных африканских племен, никто не рыдал; теперь, потому что нужно собирать

дань из частных средств, вы проливаете слезы, как будто на похоронах государства».

Подобными речами Ганнибал находил внимательную и сочувствующую аудиторию. Видимо, именно поддержка народных масс привела Ганнибала в 196 г. на высшую должность в государстве: он стал суфжетом [Корн. Неп., Ганниб., 7, 4; Ливий 33, 46].

Те речи Ганнибала, которые с большей или меньшей точностью воспроизводит Тит Ливий, показывают, что он стремился к реваншу. Да, собственно, и речей никаких не было нужно. Клятву, данную много лет назад девятилетним мальчиком, хорошо помнили и его друзья, и его враги. Имя Ганнибала само по себе было символом политики войны против Рима, который, конечно, не мог не увидеть в его избрании серьезную для себя угрозу.

Были ли у Ганнибала реальные шансы на успех в новой борьбе с Римом? В 200 г. Рим объявил новую войну Македонии; это в конечной перспективе могло привести к возникновению антиримской коалиции, и прежде всего союза между Филиппом V и Антиохом III, владыкой могущественного Селевкидского царства в Передней Азии. Но Антиох III опасался не только римлян, но и чрезмерного усиления Македонии и потому не вмешался в римско-македонскую войну. В 196 г. Филипп V был вынужден пойти на очень тяжелый для него мир. Только после этого, когда претензии Рима на господство во всем Средиземноморье стало очевидно, Антиох III ввел войска в Малую Азию, создавая тем самым угрозу римлянам, а затем переправился в Европу. В этих условиях, если бы удалось объединить силы Филиппа и Антиоха для совместного удара по Риму с востока, а Карфаген ударил с запада, можно было надеяться на победу. Этим, конечно, объясняются повышенная дипломатическая активность Ганнибала в первые годы после II Пунической войны и его тайная переписка с Антиохом III [Ливий, 33, 45].

Главное, что предстояло Ганнибалу, если он желал всерьез готовиться к новой войне, — сломить сопротивление все той же антибаркидской «партии мира». Ливий [33, 46] пишет, что в этот период господствовало в Карфагене «сословие судей». На протяжении длительного времени одни и те же лица непрерывно исполняли судейскую должность. Имущество, доб-

рое имя, сама жизнь людей находились в их власти, каждый, затронувший хотя бы одного из них, неизбежно сталкивался со всеми «судьями». Мы не имеем достаточного материала для суждения о том, что, собственно, Ливий имеет в виду, говоря о «сословии судей». По-видимому, речь идет о созданном в V в. совете 104-х, смысл существования которого сводился к тому, чтобы противодействовать узурпации власти военными лидерами. Такие попытки карфагенские полководцы делали неоднократно в V и IV вв., но, как правило, они кончались гибелью мятежников. Ситуация повторилась во II в., но теперь Ганнибал переиграл своих противников

Став суфкетом, Ганнибал среди многих распоряжений отдал одно, внешне совершенно незначительное, однако послужившее поводом к конфликту, — он приказал вызвать к себе магистрата, ведавшего городской казной («квестора», как его по аналогии с римскими порядками называет Ливий). Магистрат отказался: он принадлежал, объясняет Ливий, к враждебной партии и к тому же по истечении срока магистратуры должен был перейти в «сословие судей», то есть, вероятно, войти в совет 104-х. Конфликт приобрел характер пробы сил, и Ганнибал отреагировал соответственно: он послал «вестника» (очевидно, должностное лицо при суффете, исполнявшее полицейские функции) арестовать казначея и обратился к народному собранию, где говорил уже не столько о магистрате, сколько о «сословии судей», которые в своем высокомерии не подчиняются ни закону, ни властям. Народное собрание сочувственно встретило речи Ганнибала, и он тут же провел закон, по которому «судей» следовало избирать только на один год, так что никто не мог занимать эту должность два года подряд. Какова была судьба казначея, не известно, да это и не было существенно [Ливий, 33, 46].

Следствием закона, предложенного Ганнибалом и принятого народным собранием, должно было стать полное обновление совета 104-х. Прежде новые члены в совет кооптировались, причем делали это специальные коллегии — пентархии. Мы не знаем, сумел ли Ганнибал посадить в пентархиях своих людей, или же он изменил процедуру, тем не менее очевидно: он не пошел бы на такой шаг, если бы не был уверен, что в результате перемен «сословие судей» пополнится сторонниками

Баркидов и превратится в его опору. Таким образом, Ганнибал одержал важную внутриполитическую победу.

Основная проблема карфагенского правительства, кто бы ни находился у власти, была все та же — взаимоотношения с Римом. Готовясь к новой войне, ведя секретные переговоры с Антиохом III, Ганнибал должен был все время демонстрировать свою лояльность по отношению к Риму, если только он не желал преждевременного разрыва, и прежде всего пунктуально соблюдать условия мирного договора, а это значило — точно и в срок выплачивать контрибуцию. Горький опыт уже показал карфагенянам, что пощады ожидать не приходится. Когда в 199 г. карфагенские представители доставили в Рим серебро для уплаты первого взноса — то самое серебро, по поводу которого произошло столкновение Ганнибала с Гасдрубалом Гедом, римские квесторы заявили, что оно недоброкачественно: при взятии пробы, то есть при плавке, четверть привезенной суммы исчезла. Пунийцам ничего не оставалось, как сделать в Риме заем для покрытия недостающей части [Ливий, 32, 2].

Выплата контрибуции требовала соблюдения строжайшей, как мы бы сказали теперь, финансовой дисциплины. Между тем Ливий [33, 46] пишет, что поступления в государственную казну сокращались — частично из-за небрежности при взыскании податей, а частично из-за того, что их разворовывали магистраты и первые лица в государстве. Из-за этого правительство Ганнибала оказалось перед перспективой ввести дополнительный налог на граждан. Такая мера, конечно, сразу же сделала бы Ганнибала крайне непопулярным. Ему требовалось достать достаточно золота и серебра, но так, чтобы при этом не были нарушены имущественные интересы его сторонников. И Ганнибал целиком погрузился в решение этой проблемы. Он тщательно изучил бюджет карфагенского государства: какие пошлины взыскиваются на суше и на море, на что тратятся деньги, сколько утаили и украли те, кто раньше вел дел денежными поступлениями. Покончив с этим, Ганнибал объявил — опять-таки на народном собрании, — что, взыскав все недоимки, государство сможет заплатить контрибуцию, не прибегая к сбору денег у частных лиц. И все было исполнено в точности [Ливий, 33, 47; Корн. Неп., Ганниб., 7, 5].

Эти действия Ганнибала вызвали, как и следовало ожидать, недовольство в аристократических кругах, как будто, саркастически замечает Ливий, у них отняли имущество, а не наворованное добро. Для того чтобы остановить чересчур, по их мнению, ретивого государственного деятеля, аристократы обратились к римлянам. Основное обвинение, которое они выдвигали против Ганнибала, сводилось к тому, что Ганнибал тайком переписывается с Антиохом и принимает у себя его послов [Ливий, 33, 44; Юстин, 31, 1, 7—8]. Со своей стороны римское правительство искало только предлога, чтобы открыто выступить против Ганнибала и добиваться его устранения [Юстин, 31, 1, 9]. Возражал только Сципион: неприлично-де римлянам, победившим Ганнибала в открытом бою, теперь вмешиваться в карфагенские распри. Однако его аргументы во внимание не приняли, и очень скоро (а для Ганнибала, видимо, неожиданно) в Карфагене появились римские послы Гней Сервилий, Марк Клавдий Марцелл и Квинт Теренций Куллеон.

Задание, которое сенат им дал, было не сложно: обвинить Ганнибала в сношениях с Антиохом и подготовке войны; за этим логически должно было последовать требование выдачи. Юстин [31, 2, 1] иначе формулирует цели посольства: Сервилий и его товарищи должны были устроить дело так, чтобы Ганнибала тайно убили его противники. Когда послы прибыли в Карфаген, они, по совету врагов Ганнибала, предпочли сначала не обнаруживать своих истинных целей и говорили, что имеют поручение разобрать споры между Массанассой и карфагенским правительством. Очевидно, заговорщики опасались народного восстания. Однако Ганнибал понимал, что римляне добираются до него; пойдет ли речь о выдаче на законном основании, или же будет организовано убийство из-за угла — это уже были второстепенные детали.

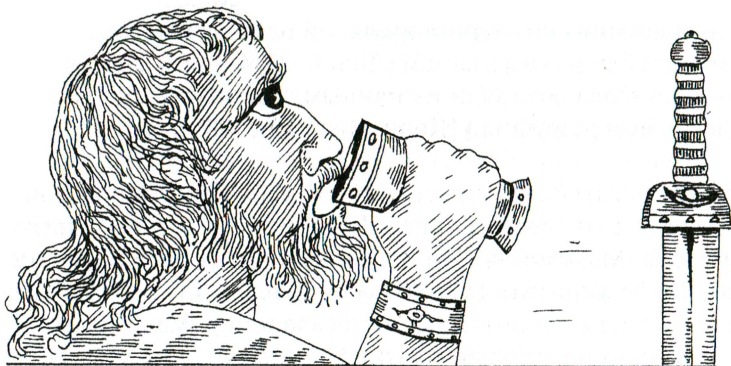
Конечно, он мог опять обратиться к народу, и, судя по всем предыдущим событиям, ему легко было расправиться со своими противниками. За этим, разумеется, должна была последовать война с Римом, но ведь она была неизбежна так же, как неизбежна была война Рима с Антиохом. Считал ли Ганнибал, что Карфаген еще не готов к войне, или он не захотел выступать в роли вожака народного бунта, мы не знаем. Каковы бы ни были мотивы его поведения, он не пожелал двинуть

в бой ту единственную силу, которая помогла бы ему сохранить власть, — народ — и предпочел бежать. Еще утром он показывался на улицах и площадях, а вечером с двумя спутниками ускакал в Бизаций. Там на следующий день он погрузился на корабль [Ливий, 33, 47–48; ср. у Корн. Неп., Ганниб., 8, 6–7; Юстин, 31, 2, 2–5; Апп. Сир., 4; Орозий, 4, 20, 13].

Он снова покидал Африку.

Глава седьмая Бегство на восток и гибель

Путь

Внезапное исчезновение Ганнибала вызвало в Карфагене смятение. Люди, собравшиеся рано утром у его дома, чтобы по традиции приветствовать могущественного господина, обратить на себя его внимание, получить от него подарки и иные знаки милости, неожиданно обнаружили, что его нигде нет. Народ стекался на площадь; одни говорили, что Ганнибал бежал, другие — что его убили римляне. Странники и противники Баркидов готовы были, казалось, воевать друг с другом; наконец выяснилось, что суффета видели на острове Керкине, и волнение мало-помалу затихло. Странники Баркидов могли бы поднять народ, чтобы отомстить убийцам. Однако мстить было некому и не за что: спасая свою жизнь, даже не попытавшись бороться, Ганнибал бросил своих приверженцев на произвол судьбы.

Сенатские послы могли уже не скрывать своего поручения. Выступая на заседании карфагенского совета, они обвинили Ганнибала в том, что если раньше он подстрекал царя Филиппа воевать против римлян, то теперь он сговаривался с Антиохом и этолийцами. Ганнибал, говорили они, бежал не ина-

че как к Антиоху, он не успокоится, пока не разожжет пламя войны по всему земному кругу. Если карфагеняне хотят дать законное удовлетворение римскому народу, они не должны оставлять подобные деяния безнаказанными. Совет покорно отвечал, что он сделает все, что римляне сочтут справедливым; иначе говоря, если Ганнибал появится в Карфагене или на принадлежащих ему территориях, он немедленно будет схвачен и выдан римским властям [Ливий, 33, 48—49]. Задним числом Ганнибала объявили изгнанным, его имущество конфисковали, дом разрушили [Корн. Неп., Ганниб., 7, 7].

Римские послы не ошиблись: Ганнибал действительно решил отправиться ко двору Антиоха III. Да и не было у него другого выхода. Македония? Но македонский царь был слишком слаб, чтобы защитить Ганнибала от римлян. Египет? Но египетские послы совсем недавно предлагали римскому правительству помощь в борьбе против Македонии, если у Рима не достанет собственных сил. Пергам? Но пергамский царь Аттал был одним из самых ревностных союзников Рима. Оставалась, следовательно, только селевкидская Сирия.

По пути Ганнибал зашел на остров Керкину. Там он застал в порту несколько финикийских торговых кораблей с товарами. Знаменитого полководца узнали; когда он сходил на берег, со всех сторон раздались приветствия. Такая популярность создавала Ганнибалу серьезные затруднения. Если бы на Керкине узнали, что он беглец, его могли задержать и препроводить в Карфаген; чтобы этого избежать, Ганнибал велел своим спутникам говорить, будто он послан в Тир послом от карфагенского народа. Ничего необычного в этом не было: карфагеняне постоянно отправляли в Тир своих посланцев и по обыкновенным повседневным делам, и для участия в храмовых и иных культовых действиях. В таких посольствах участвовали и высшие должностные лица. Но была и другая опасность: если бы один из кораблей покинул Керкину, отплыл в Тапс или Хадрумет и там стало бы известно, где Ганнибал находится, за ним обязательно снарядили бы погоню. Нужно было во что бы то ни стало задержать корабельщиков и торговцев, пока Ганнибал не уйдет из Керкины. Выход нашелся. Неожиданно для себя и те и другие были приглашены на торжественное жертвоприношение — обычное для северо-запад-

ных семитов, в том числе финикийян и карфагенян, священное пиршество, в котором, как полагали, незримо участвует божество. Ганнибал не поскупился на угощение и, пока участники трапезы приходили в себя после чересчур обильных возлияний, ночью тихо поднял якорь и вышел в море. Карфагенские и римские власти узнали о его стоянке на Керкине слишком поздно [Ливий, 33, 48]. В погоню за Ганнибалом карфагеняне отправили два корабля [Корн. Неп., Ганниб., 7, 7], но захватить беглеца так и не удалось.

Без новых приключений Ганнибал добрался до Тира. Там его встретили со всякого рода почестями. Отдохнув несколько дней в Тире, он отправился в Антиохию. Там он узнал, что царь находится в Малой Азии. Приняв участие в играх, которые царский сын устроил в Дафне (предместье Антиохии, славившееся роскошью и разгульным образом жизни), — вежливость и желание установить добрые отношения, а может быть, и любопытство помешали ему отказаться, — Ганнибал помчался в Малую Азию. Антиоха III он застал в Эфессе [Ливий, 33, 49].

Ганнибал при дворе Антиоха III

Ганнибал вовремя явился ко двору Антиоха. Царь, который после разгрома Филиппа V во II Македонской войне (200—196 гг.) остался главным противником Рима в борьбе за господство над Грецией и Малой Азией, готовился к неотвратимо приближавшейся войне, и, разумеется, присутствие столь прославленного воина, победителя при Тразименском озере и Каннах, возбуждало у Антиоха и его солдат надежду и уверенность в победе. По словам Юстина [31, 3, 5—6], Антиох теперь думал не о том, как готовиться к войне, а как воспользоваться удачей. А что будет удача, в этом он не сомневался. Римские политики весьма опасались нового вторжения Ганнибала в Италию [Ливий, 34, 60]; основания для подобного рода тревоги у них были.

Ганнибал торопился к Антиоху III, конечно, не для того, чтобы, заняв при особе царя почетное положение, наблюдать со стороны за развитием событий. Он хотел предложить царю свой план ведения войны и свои услуги в качестве полковод-

ца (ср. у Орозия [4, 20, 13], где Ганнибал изображен даже как инициатор войны).

План Ганнибала был очень прост. Вести войну, говорил он, следует в Италии: только там можно победить римлян. Италики доставят врагам Рима и воинов и продовольствие. Если же в Италии все будет спокойно и римлянам будет позволено вести войну за ее пределами, ни один народ, ни один царь не сможет их победить. Ганнибал просил у царя 100 кораблей, 10 000 воинов и 1000 всадников; с ними он направится в Африку и убедит карфагенян восстать против Рима. Если они откажутся, он сам переправится в Италию и победит. Царю, добавлял Ганнибал, достаточно переправиться в Европу или даже только делать вид, что он готовится к переправе, чтобы добиться победы или благоприятных условий мира [Юстин, 31, 3, 7–10; Ливий, 34, 60; Апп. Сир., 7].

Чтобы создать в Карфагене благоприятные условия для осуществления этого замысла, Ганнибал тайно отправил туда своего агента — тирийца Аристана, который должен был войти в контакт со сторонниками Баркидов. Однако скрыть его миссию не удалось. Враги Ганнибала добились, что Аристана вызвали в совет; там он не назвал ни одного имени, хотя и не смог удовлетворительно объяснить, зачем, собственно, приехал и почему вел беседы только с деятелями баркидской «партии». В совете начались споры; одни предлагали немедленно арестовать Аристана, другие говорили, что нельзя арестовывать чужеземца, да еще тирийца, без доказательств вины. Дело решили отложить на один день; тем временем Аристон, повесив на людном месте, где обычно заседали магистраты, таблички с надписями, бежал. В надписях говорилось, что Аристон был послан не конкретно к тем или иным людям, но ко всему народу; магистраты сочли за благо донести обо всем происшедшем в Рим [Ливий, 34, 61; Апп. Сир., 8; Юстин, 31, 4, 1–3]. Как бы то ни было, результат миссии Аристана показал Ганнибалу, что рассчитывать на карфагенских друзей он пока не может.

С этим событием связано еще одно повествование Корнелия Непота [Корн. Неп., Ганниб., 8, 1–2], который рассказывает, будто Ганнибал, чтобы лучше влиять на положение дел в Карфагене, явился в Кирену. Однако это сообщение сопровождается у Непота невероятными подробностями: Ганнибал

якобы вызвал к себе в Кирену своего брата Магона (умершего, как мы знаем, задолго до этого). Рассказ о дальнейшей судьбе Магона ставит под сомнение и все повествование Непота в целом. Но если даже признать, что поездка Ганнибала в Кирену состоялась, нельзя не видеть, что благоприятного результата она ему не принесла.

Неудача Аристона, по всей видимости, была одной из причин, которые заставили Антиоха III отказаться от предложения Ганнибала. Надежды на Карфаген рухнули, результаты же многолетней войны самого Ганнибала в Италии свидетельствовали против его замыслов. К тому же Антиох не мог не отдавать себе отчета в том, что Ганнибал станет завоевывать Италию для себя (или для Карфагена, что в этом случае было одно и то же) и, следовательно, в случае успеха вместо одного противника в борьбе за власть над средиземноморским миром появится другой, может быть, даже более опасный.

В 193 г. в Эфес прибыло римское посольство. Антиох III в это время воевал в Писидии, и послы, главным образом Публий Виллий, дожидаясь его, установили тесные контакты с Ганнибалом. По словам Юстина [31, 4, 4], они хотели внушить Ганнибалу миролюбивое отношение к Риму либо, если это не удастся, скомпрометировать его в глазах царя. Ливий несколько иначе объясняет поведение Виллия: он надеялся узнать, не грозит ли Риму от Ганнибала опасность. Одно, впрочем, не исключает другого. Римляне восхваляли доблести Ганнибала, и полководец часто и охотно говорил с послами [Юстин, 31, 4, 6–8]. Он, впрочем, и сам отвечал любезностью на любезность. Ливий [35, 14], Плутарх [Флам., 21] и Аппиан [Сир., 10] сохранили рассказ о том, будто в этом посольстве участвовал и Сципион; однажды Сципион спросил Ганнибала, кого тот считает величайшим полководцем. Ганнибал ответил: Александра Македонского, который с небольшим войском разгромил огромные полчища врага и проник в отдаленнейшие страны; вторым — Пирра, который первым начал устраивать воинский лагерь, а третьим — себя. «Что бы ты сказал, — продолжал Сципион, — если бы победил меня?» — «Тогда, — сказал карфагянин, — я считал бы себя выше и Александра, и Пирра, и всех других полководцев». Современники увидели в этих словах изощренную форму лести: Ганнибал дал понять Сципиону, что самым крупным полководцем призна-

ет именно его. Аппиан сохранил еще одно чрезвычайно важное замечание Ганнибала, опущенное другими источниками. Обосновывая в беседе со Сципионом свою самооценку, Ганнибал говорил о том, что он юношей завоевал Испанию, перешел через Альпы, а в Италии, не получая помощи из Карфагена, завоевал 400 городов, внушая римлянам страх за само существование их города. Оглядываясь на пройденный путь, Ганнибал в себе ценил прежде всего достоинства полководца. Повторяя свою версию о позиции карфагенского совета, он теперь представлял себя человеком, который, по сути, сам, на свой страх и риск затеял и вел войну и которому безраздельно принадлежат ее победы и поражения.

Во всяком случае, одна из целей, поставленная Публием Виллием перед собой, была достигнута: Антиох стал подозревать Ганнибала в измене и относиться к нему с явным недоверием [Ливий, 35, 14; Полибий, 3, 11, 2; Апп. Сир., 9; Корн. Неп., Ганниб., 2, 2; Фронтин, 1, 8, 7; Юстин, 31, 4, 8–9]. Правда, Ганнибалу удалось вроде бы рассеять тучи, собравшиеся над его головой: он напомнил царю о своей клятве, о том, что именно он — самый последовательный и непримиримый враг Рима. И пока Антиох борется с Римом, он всегда может рассчитывать на поддержку Ганнибала [Ливий, 35, 19; Полибий, 3, 11, 3–9; Корн. Неп., Ганниб., 2, 3–6]. Примирение было достигнуто, однако отчуждение осталось, и если Антиох еще приглашал своего гостя на совет, то не для того, чтобы учитывать его точку зрения, а чтобы не создавалось впечатления, будто Ганнибалом пренебрегают [Юстин, 31, 5, 1].

К тому же Ганнибал не считал, по-видимому, нужным скрывать от Антиоха своего отрицательного мнения о селевкидской армии и высказывал его при каждом удобном и неудобном случае, не очень заботясь о выборе слов и оборотов речи. Вот один из таких эпизодов [Гелл., 5, 4, 5]: Антиох устроил в присутствии Ганнибала смотр, на который многочисленное его воинство явилось с золотыми и серебряными значками, дорогим оружием и всякого рода украшениями. «Не считаешь ли ты, — спросил он Ганнибала, — что все это достаточно для римлян?» — «Достаточно, вполне достаточно для римлян всего этого, — последовал мгновенный ответ, — хотя они и очень жадны». Столь откровенное пренебрежение вряд ли могло прийти по вкусу царю.

Наконец, Антиох просто не желал делить с Ганнибалом лавры победителя [Юстин, 31, 6, 2; ср. у Зонары, 9, 8].

К началу войны между Антиохом III и Римом ситуация, казалось, вполне благоприятствовала осуществлению замыслов селевкидского правителя. Царь был уверен в победе. Напрасно Ганнибал предлагал ему заключить союз с Филиппом V или отвлечь его пограничной войной, напрасно советовал перенести войну в Италию [Ливий, 36, 7]. Осенью 192 г. Антиох высадился в Фессалии и уже в апреле следующего года был разбит у Фермопил; с ничтожными остатками армии царь бежал в Малую Азию, в Эфес.

Ганнибала, сколько об этом можно судить, царь до участия в боевых операциях не допустил. Только после разгрома при Фермопилах Антиох решил воспользоваться его опытом и назначил его командующим наскоро собранной флотилией в Восточном Средиземноморье. Даже теперь, когда возникла непосредственная опасность селевкидскому господству в Малой Азии, Антиох отправил Ганнибала на один из второстепенных участков. Однако Ганнибал не отказался от этого, несомненно, оскорбительного для него назначения — настолько сильным было его стремление драться с римлянами.

Деятельность Ганнибала в непривычной для него роли флотоводца не принесла ему успеха. Его противником был союзный Риму Родос; в битве при Сиде в августе 190 г., у берегов Памфилии, родосцы сначала потеснили правый фланг сирийцев, которыми командовал Аполлоний, один из придворных Антиоха, а затем обрушились на левый, где находился сам Ганнибал. Воины Ганнибала не выдержали натиска и побежали [Ливий, 37, 23–24; Корн. Неп., Ганниб., 8, 3–4; Зонара, 9, 20; Евтропий, 4, 4]. У Аппиана события излагаются иначе и, видимо, менее достоверно [Апп. Сир., 22]. Он сообщает, что сражение произошло между римским и селевкидским флотами; последним командовал Поликсенид. После разгрома и бегства селевкидских моряков Ганнибал был послан в Фоникию и Киликию набирать новый флот, но родосцы заперли его у берегов Памфилии и захватили несколько судов. Как бы то ни было, с того времени Ганнибал активного участия в войне не принимал

В самом начале 189 г. произошло решающее сухопутное сражение неподалеку от Магнесии, и наголову разбитый Антиох III вынужден был искать мира. Он согласился на все требования римлян, главным из которых был отказ от всех европейских и малоазийских владений. Среди условий мирного договора, заключенного в Апамее в 188 г., было и такое: «Выдать Ганнибала-карфагенянина» [Полибий, 21, 14, 7].

Смерть Ганнибала

Разгром Антиоха III круто изменил ситуацию во всем Восточном Средиземноморье. Рим, прежде не имевший здесь владений, стал на Востоке решающей политической силой, верховным арбитром во всякого рода спорах; постоянно вмешиваясь и властным своим словом улаживая конфликты, Рим исподволь подготавливал аннексию Малой Азии, Сирии и Египта. Ему, правда, понадобилось еще больше 150 лет: окончательное покорение эллинистических царств завершил Октавиан, однако фундамент был заложен в 188 г. апамейским договором.

Что же касается Ганнибала, то для него поражение Антиоха III стало катастрофой. Рушились последние надежды. Больше не с кем было искать союза, некого было побуждать к походу на Рим. Ненавистный враг предстал перед Ганнибалом как страшная громада, которую никто не мог разрушить, как могущественная сила, которой никто не мог противостоять. Полководцу, чей возраст перевалили за шестьдесят, оставалось, по всей видимости, только одно — искать убежища, где он мог бы провести в безопасности и покое те немногие годы, которые ему оставалось жить. Однако ни покоя, ни безопасности в условиях, когда повсюду господствовали римляне, когда римское правительство со всей определенностью потребовало его выдачи, никто ему гарантировать не мог. Да и сам Ганнибал не собирался сдаваться.

В нашем распоряжении имеется традиция [Плут. Лук., 31, 5; Страбон, 11, 14, 6], согласно которой Ганнибал побывал при дворе армянского царя Артаксия (Арташеса I) и основал для него город Арташат (Артаксату) на Араксе. Сомнения в достоверности этого предания не кажутся оправданными. Нет ни-

какой физической невозможности того, что Ганнибал отправился в Армению, например, в момент, когда происходили переговоры между римскими послами и Антиохом после битвы при Магнесии (так у Плутарха). Однако в Армении Ганнибал задержался недолго. Почему он покинул эту страну, мы не знаем. Может быть, ему не хотелось дожидаться смерти в далекой глуши, на окраине тогдашнего мира?

Вскоре после заключения апамейского мирного договора Ганнибал объявился в Гортине (остров Крит). Опасаясь за свои богатства (по острову прошли слухи, что Ганнибал привез с собой огромные ценности), он сделал вид, будто передал их на хранение в храм Дианы: наполнив многочисленные амфоры медью, он сверху прикрыл ее золотом и серебром, а затем поместил амфоры в святилище. На самом деле состояние свое Ганнибал спрятал в медных статуях, которые держал во дворе дома, где жил [Корн. Неп., Ганниб., 9; Юстин, 32, 3–4].

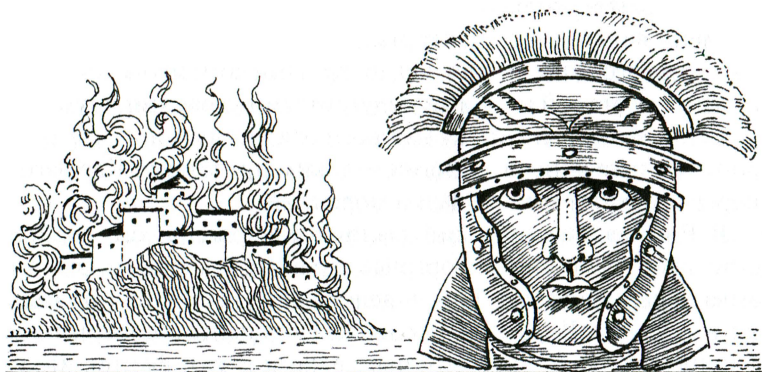
На Крите Ганнибал задержался недолго. Оттуда он отправился в Вифинию (у Корнелия Непота ошибочно — в Понт) ко двору тамошнего царя Пруссии. Последний как раз в этот момент вел — весьма неудачно — войну с пергамским царем Евменом, близким союзником Рима, которому римское командование в значительной степени было обязано своей победой при Магнесии. Ганнибал принял участие в этой, последней для него кампании и даже попытался, хотя и без успеха, организовать убийство пергамского царя. В морском сражении ему удалось обратить пергамские корабли в бегство, бросив на их палубы сосуды со змеями [Корн. Неп., Ганниб., 10; Юстин, 32, 4, 6–7]. Использовать этот трюк он раньше предлагал, хотя и безрезультатно, Антиоху [Фронтин, 4, 7, 10].

Между тем к Пруссии прибыл (в 183 г.) римский посол Тит Квинкций Фламинин. О том, что произошло дальше, имеются следующие рассказы. Согласно версии Корнелия Непота [Ганниб., 12, 2–3], Фламинин потребовал выдать Ганнибала римлянам; Пруссия заявил, что он не может нарушить законы гостеприимства, но римляне сами без труда могут захватить Ганнибала. По Ливию [39, 51], то ли Фламинин упрекнул Пруссию в том, что тот держит у себя опаснейшего врага римлян, то ли сам Пруссия вознамерился угодить Риму; во всяком случае, Ганнибал внезапно увидел, что его дом со всех сторон окружен вифинскими солдатами. Сомнений в их намерениях не

было. Ганнибал еще пытался спастись. В его жилище со всех сторон были выходы, всего семь, в том числе и потайные. Ганнибал послал мальчика посмотреть, можно ли бежать из дома, но известия получил неутешительные: у всех выходов стояли царские воины. Не ожидая, когда они ворвутся в дом, Ганнибал принял яд [Плут. Флам., 20; Корн. Неп., Ганниб., 12, 3–5; Орозий, 4, 20, 29]. По версии Аппиана [Сир., 11], Ганнибала отравил вифинский царь. Перед смертью он, как передавали, сказал: «Избавим римлян от их давней заботы, раз уж им не терпелось дожидаться смерти старика».

Похоронили Ганнибала в Либиссе [Знам., 42, 6; Плут. Флам., 20; Апп. Сир., 11; Зонара, 9, 21], на европейском берегу Босфора, в каменном саркофаге, на котором высекали надпись: «Ганнибал здесь погребен».

Глава восьмая Вместо эпилога

Последние годы скитаний Ганнибала и его трагический конец явились естественным завершением бурной, исполненной приключений, блестящих побед и горьких поражений и разочарований жизни солдата. Обуреваемый единственным стремлением — покорить и, если возможно, уничтожить Рим, Ганнибал последовательно поставил на карту в этой борьбе и будущее своей родины — Карфагена, и, оставшись уже совершенно один, собственную жизнь. Ею он заплатил за все свои стратегические и политические ошибки. Но приближалось время расчета и для Карфагена, которому всего на 37 лет суждено было пережить своего крупнейшего полководца.

Поражение во II Пунической войне, в общем, не отразилось на экономическом положении Карфагена. Он поддерживал торговые связи практически со всеми странами Средиземноморья и даже за его пределами: в карфагенских гаванях теснились свои и чужестранные купеческие суда, рынок ломился от товаров, стекавшихся буквально отовсюду; изделия карфагенских мастеров завоевали себе прочное место и в богатых домах, и в хижинах бедняков. В городе оседали огромные деньги — и в государственной казне, и в купеческих лавках, и в ремес-

ленных мастерских. Не случайно, когда началась III Пуническая война, карфагеняне сумели, как увидим, в кратчайший срок воссоздать флот и вооружить армию. Показателем благосостояния и процветания города была и численность его населения: по данным Страбона [17, 3, 15], в Карфагене в конце 50-х гг. II в. жили 700 000 человек. Роскошные, утопавшие в зелени виллы богачей, кварталы бедноты и «среднезажиточных» с их огромными многоквартирными домами в несколько (до шести) этажей и узкими полутемными улочками, шумный рынок и возвышающийся над всем этим холм Бирса с его акрополем и древними храмами — таким предстал Карфаген перед заезжими торговцами и моряками.

В Риме экономический расцвет Карфагена, его господствующее положение в торговле стран Средиземноморья вызвали серьезную тревогу, и дело было, разумеется, не только в том, что Карфаген продолжал оставаться соперником и конкурентом на мировом рынке, хотя и этот фактор играл свою роль. Италики сами поддерживали в первой половине II в. тесные торговые контакты с карфагенянами, многие селились в Карфагене.

В Риме очень хорошо помнили, как, пережив I Пуническую войну и восстание наемных солдат и ливийского крестьянства, карфагенское правительство в короткий срок восстановило свой военный потенциал и организовало сначала завоевание Испании, а потом и вторжение в Италию, поставившее Рим на край гибели. Теперь, после II Пунической войны, построить новые боевые корабли и выковать мечи и наконечники для копий, дротиков и стрел, изготовить шлемы и панцири было, разумеется, ничуть не сложнее, чем тогда. В Риме, конечно, хорошо знали и о воинственных настроениях карфагенского плебса, которому после бегства Ганнибала не хватало только вождя. Но ведь такой вождь мог явиться в любую минуту.

Одно время Рим выступал чуть ли не в роли защитника интересов Карфагена, ограждая его от посягательств нумидийского царя. В этом случае Карфаген, чье благополучие и само существование находились в прямой зависимости от усмотрения сената, оказывался крепко привязанным к римской колеснице. Такая зависимость, считали в Риме, устраняла опасность реванша со стороны Карфагена. Однако бы-

ла и другая точка зрения. Пока Карфаген существует, пока его стены возвышаются над безбрежной африканской равниной, а его богатства привлекают людей со всего света, Рим не может чувствовать себя в безопасности. Эти соображения в конце концов определили политику римского правительства по отношению к Карфагену, а следовательно, и судьбу его населения.

Мы упоминали о том, что, подводя черту под II Пунической войной, римские власти сделали все, чтобы, во-первых, поставить Карфаген в ситуацию непрерывного конфликта с Массанассой, территориальные претензии которого пунийцы должны были удовлетворить в размерах, установленных самим царем; во-вторых, лишить Карфаген возможности сопротивляться запрещением воевать без согласия римского народа; в-третьих, выступая в роли арбитра, вести дело к постепенному покорению или уничтожению Карфагена. Добиться своей цели сенат хотел руками Массанассы: нумидийский царь должен был постоянно давать повод к римскому вмешательству и либо в конце концов задушить Карфаген, либо создать условия, при которых Карфаген естественным путем оказался бы под властью Рима, либо спровоцировать карфагенян на войну без санкции Рима и, следовательно, на нарушение мирного договора, что дало бы римлянам повод к новой войне. Со своей стороны Массанасса охотно следовал предначертаниям своих римских друзей, его даже не нужно было особенно подталкивать. Он был глубоко заинтересован и в расширении своего царства, и в том, чтобы занять место Карфагена на морских торговых путях.

Причины и поводы III Пунической войны

Бегство Ганнибала и, того более, миссия Аристана, хотя и неудачная, но все же крайне для римского господства опасная, чрезвычайно скомпрометировали карфагенское правительство в глазах сената. С Аристом явно велись переговоры, а после того как дело раскрылось, агент Ганнибала не только не был арестован, но ему позволили бежать. Имея в виду эти обстоятельства, Массанасса мог быть твердо уверен, что римляне не дадут его в обиду, и, наоборот, все территориаль-

ные споры и конфликты между ним и Карфагеном разрешат в пользу Нумидии. Не очень ясная и в высшей степени подзрительная история с Аристоном создала, как полагал Массанасса, благоприятную для него обстановку, и он вторгся на принадлежавшую Карфагену приморскую территорию — Эмпорию, разорил ее, а некоторые города, в том числе Лептис, заставил платить дань Нумидии. Эти события произошли в 193 г. [Ливий, 34, 62; Апп, Лив., 67].

Не имея возможности ответить ударом на удар, карфагенское правительство поручило своему посольству, которое должно было объясняться и оправдываться в сенате по поводу Аристана, отстаивать права Карфагена на территорию, внезапно оказавшуюся спорной и фактически уже изъятую из-под власти Карфагена. Тогда же в Рим прибыла и дипломатическая миссия Массанассы защищать его права и обосновывать сделанные им территориальные приобретения.

Положение карфагенян на этих переговорах было в высшей степени затруднительным: они имели перед собой явно пристрастных и даже враждебных судей, к тому же озабоченных перспективой новой войны с участием Ганнибала. Тем не менее они попытались дать бой, ссылаясь прежде всего на то, что спорная территория находится внутри границ, определенных Сципионом при заключении мирного договора и очерчивающих территорию, которая по праву принадлежит карфагенянам. Кроме того, говорили они, и сам Массанасса признавал данную землю карфагенской: преследуя некоего Афтира, бежавшего из его царства и бродившего с отрядом нумидийцев вокруг Кирены, царь просил у карфагенян разрешения пройти через эту самую землю как, несомненно, по праву принадлежащую Карфагену. Нумидийцы почти не отвечали карфагенянам: разговоры об установлении границ Сципионом они с порога отвергли как лживые, а о неудобных для обсуждения поступках Массанассы предпочли умолчать. Зато они долго рассуждали о праве. Какое, вопрошали они, у карфагенян право на африканские земли, на чем оно основано? Пришельцы, они когда-то (тут нумидийские послы припомнили легенду об основании Карфагена [Юстин, 18, 5, 9]) получили из милости столько земли для постройки и укрепления города, сколько можно было окружить разрезанной на ремни шкурой быка. Бирса — вот их ис-

конное жилище; все, что за ее пределами, они захватили силой и несправедливостью. Даже по поводу той территории, о которой возник спор, карфагеняне не могут доказать даже то, что она принадлежала им в течение длительного времени. Ею всегда владели те, кто были сильнее, — иногда карфагеняне, иногда нумидийцы. Пусть же римляне все оставят так, как было раньше до того момента, когда карфагеняне стали их врагами, а нумидийский царь — другом, и не вмешиваются, чтобы отдать эту землю во владение менее сильным [Ливий, 34, 62].

Однако все эти жалобные от одних и лживые от других (нумидийцы, конечно, хорошо знали, что Эмпория находилась под властью Карфагена несколько сот лет) речи, в общем, не имели никакого значения. Сенат отвечал обеим сторонам, что в Африку будет направлено посольство, которое на месте решит спор. В его состав назначили Сципиона, Гая Корнелия Цетега и Марка Минуция Руфа, которые, однако, не стали принимать определенное решение [Ливий, 34, 62; ср. у Зонары, 9, 18]. Ливий не знает, сделано ли это было по приказанию сената, или же послы действовали по собственной инициативе; для него тем не менее бесспорно, что послы сочли целесообразным сохранить конфликт, иначе, конечно, Сципион одним кивком головы мог бы решить спор. Аппиан [Лив, 67] пишет, что римские представители должны были содействовать Массанассе. Между этими версиями противоречия нет: чтобы закрепить за Массанассой захваченную им территорию, вполне достаточно было сохранять нейтралитет, колебаться и в недоумении разводиться руками.

Позиция, которую заняло римское правительство в карфагено-нумидийском конфликте, показала карфагенянам, что над их головами собирается новая гроза; необходимо было срочно решить, каким путем идти дальше для того, чтобы сохранить хотя бы призрачную независимость и даже самое существование. Именно этим, а не длительным процветанием, как наивно полагает Аппиан, объясняется дальнейшее обострение внутривосточной борьбы в Карфагене. К прежним неразрешимым противоречиям добавилось еще одно; в жизни пунийского общества особое значение приобрел фактор, который прежде карфагенские политики вообще не принимали в расчет, — Нумидия. Наряду со сторонниками прорим-

ской политики, которых по-прежнему возглавлял Ганнон, тогда уже, очевидно, глубокий старик, в среде пунийской аристократии выделились приверженцы Массанассы. Нам трудно понять, на что, собственно, они могли рассчитывать: ведь и те и другие должны были понимать, что на этот раз речь идет о полном подчинении либо Риму, либо Нумидии. Может быть, они надеялись под властью сената или царя сохранить свои политические и экономические позиции и именно поэтому вели дело к капитуляции? Свои позиции, как и раньше, сохраняли прежние сторонники Баркидов; их руководителями после изгнания и смерти Ганнибала стали Гамилькар Самнит и Карталон. Именно они, дождавшись благоприятного момента, взяли в свои руки инициативу. По их настоянию командовавший вспомогательными отрядами карфагенян («бозтарх», как его называет Аппиан), тоже Карталон, напал на людей Массанассы, живших в шатрах на спорной земле [Апп., Лив, 68].

После этого еще одно римское посольство явилось в Африку. Однако и на этот раз послы не приняли определенного решения и передали дело на рассмотрение сената [Ливий, 40, 17]. Аппиан [Лив., 68] сохранил любопытную подробность: послы ничего не сказали, чтобы в ходе разбирательства Массанасса не потерпел ущерба, но, став между спорящими, протянули руки, как бы отделяя одних от других.

Этот жест должен был означать, что римляне требуют примирения сторон. Не исключено, что именно к этим событиям относится указание Ливия [40, 34, 11], датированное уже 181 г.: римское правительство возвратило Карфагену 100 заложников и гарантировало соблюдение мира за себя и за Массанассу. Здесь нет ничего невероятного: легко допустить, что на какой-то момент в Риме возобладали тенденции к сохранению Карфагена.

Таковыми действиями, однако, неравная борьба между Карфагеном и Массанассой могла быть лишь на какое-то время приостановлена; само молчание Ливия, который очень подробно и обстоятельно прослеживает все шаги римской дипломатии в Африке в связи с рассмотрением жалоб одной стороны и претензий другой, служит надежным свидетельством того, что в отношениях между конфликтующими государствами наступило затишье. Основные предпосыл-

ки споров не были устранены, и в 172 г. мы снова встречаем в Риме карфагенских послов и нумидийского уполномоченного — царского сына Гулуссу, сенат опять выслушивает жалобы карфагенян, объяснения нумидийцев и принимает решение, которое могло бы показаться примирительным [Ливий, 42, 23, 24].

Пунийцы говорили, что помимо тех земель, о принадлежности которых до сих пор происходило разбирательство, в течение последних двух лет (то есть в 174—173 гг.) Массанасса силой захватил 70 городов и крепостей. По-видимому, этому точно соответствует рассказ Аппиана [Лив., 68] о распрях, начатых Массанассой из-за Великих Равнин и области Туски (Тугги) с ее 50 городами. В этом ему, продолжали карфагеняне, нет преграды; ведь карфагенянам запрещено воевать против союзников римского народа. Карфагеняне уже не в состоянии терпеть высокомерие, жестокость и жадность Массанассы. Пусть сенат примет из трех возможных какое-то одно решение: или рассудит наконец, что кому принадлежит, или позволит карфагенянам защищаться, или, если для римлян дружба важнее правды, определит точно, что из чужого добра он хочет подарить Массанассе. Если же карфагеняне в чем-нибудь провинились, то пусть римляне сами их накажут. Они предпочитают безопасное рабство под властью Рима свободе, которая делает их беззащитными перед насилиями Массанассы. Лучше им сразу погибнуть, чем влачить жалкое существование по произволу жестокого палача.

Гулусса в своей ответной речи ничего определенного не сказал. Ему трудно, говорил он, объясняться по поводу того, о чем отец не дал ему поручений; его отцу также нелегко было дать ему определенное поручение, потому что он не знал, с чем карфагеняне после длительных тайных совещаний в храме Эскулапа (имеется в виду один из древнейших в Карфагене храм бога Эшмуна) отправляются в Рим. Отец послал его умолять сенат не верить наветам общих врагов, ненавидящих Массанассу только за его постоянную верность римскому народу. Ложь, содержащаяся в этих словах, очевидна: Массанасса должен был по обстоятельствам дела хорошо знать, в чем заключается существо конфликта между ним и Карфагеном. Посылая в Рим своего сына, он невольно показывал, насколько важным считает для себя предстоящее разбирательство:

только сыну он мог доверить принятие в достаточно сложной дипломатической обстановке ответственных политических решений.

Сенат велел Гулуссе немедленно отправляться в Нумидию и там передать отцу, чтобы тот как можно скорее прислал своих представителей для ответа на обвинения карфагенян; одновременно Массанасса должен был объявить карфагенянам, чтобы и они явились в Рим, то есть прислали новое посольство для повторного разбора дела. Впрочем, и при новом разбирательстве сенат уклонился от четкого ответа. Сенат заявил, что желает, чтобы каждый владел той землей, которая ему принадлежит; он не хочет устанавливать новых границ, а намерен сохранить старые; побежденным карфагенянам их город и земли были сохранены не для того, чтобы во время мира насильем отнять у них то, что не было отобрано по праву войны. Но Рим не хотел ущемлять и отталкивать от себя Массанассу, и именно поэтому назначили еще одно разбирательство, которое, очевидно, в конце концов привело к решению в пользу нумидийского царя. Гулусса и сенат великолепно подыграли друг другу.

В 171 г. в Риме снова появились карфагеняне и Гулусса [Ливий, 43, 3]. Сколько можно судить по изложению Ливия, на этот раз речь шла не только о карфагено-нумидийских спорах, но и о том, что обе стороны доставили своему арбитру вспомогательный флот для войны с Македонией. Гулусса предостерегал римлян от чрезмерного доверия коварным пунийцам: они легко построят флот будто бы для римлян, но, когда они его снарядят, в их собственной власти будет решить, кого считать врагом и кого союзником. Дальнейший рассказ Ливия об этом эпизоде утрачен, так что не известно, что говорили и делали карфагеняне и какой результат имели все дипломатические ходы Гулуссы. Мы знаем [Ливий, 43, 6], однако, что в 170 г. карфагеняне предложили Риму 1 000 000 модиев пшеницы и 500 000 модиев ячменя; при этом карфагенские послы говорили о заслугах римского народа. Чем вызвано это изъятие чувств, мы не знаем; скорее всего, их следует считать проявлением угодничества по отношению к могущественному победителю, во власти которого находился Карфаген. Показательно, что послы Массанассы, предложившие римлянам такое же количество пшеницы и сверх того 1200 всадников и 12 сло-

нов, ограничились только выражением готовности выполнить и другие пожелания сената.

К началу 50-х гг. II в. в Карфагене, где к этому времени были уже накоплены ресурсы, достаточные, как полагали, для войны и против Массанассы, и против Рима, возобладали демократическая «партия» и повела дело к новому конфликту. Для нее речь шла не о тех или иных прирезках территории в Африке, но о суверенных правах и свободе Карфагена.

Обстановка 50-х — начала 40-х гг. II в., казалось, давала пунийцам некоторые надежды на успех. В Македонии, совсем недавно покоренной, и в Греции росло антиримское брожение, а в 149 г. явился самозванец Лже-Филипп, выдававший себя за сына македонского царя Персея, и ему удалось на какое-то время закрепиться в Македонии и Фессалии. В 148–146 гг. римские войска сражались с Ахейским союзом и уничтожили его (один из крупнейших греческих торговых центров, Коринф, был в 146 г. разрушен до основания, а место, где он стоял, проклято). В этих условиях выступление карфагенских демократов можно рассматривать как звено в общем антиримском движении народов Средиземноморья.

Между тем в Риме, насколько мы можем об этом судить, вопрос об отношении к Карфагену был в 60-х гг. II в. объектом ожесточенной борьбы между представителями двух направлений — умеренного и крайнего, за чем определенно прослеживается борьба между Сципионами и их политическими противниками. Среди последних после смерти Фабия Максима выделялся Марк Порций Катон, прошедший всю II Пуническую войну от Тразименского озера до битвы при Заме. Против Сципионов он выступал еще в последние годы II Пунической войны. Во время своей нашумевшей цензуры в 184 г. Катон отобрал у Луция Сципиона коня, то есть исключил его из числа всадников [Плут. Кат., 18; Знам., 53, 3], и, следовательно, закрыл перед ним доступ в сенат. Ожесточенные дискуссии о судьбе Карфагена стали новой пробой сил между Сципионами, которых возглавлял теперь Публий Корнелий Сципион Насика, и Катоном.

Между соперниками не было принципиальных расхождений в том, что касалось основных направлений и целей римской внешней политики; речь шла исключительно о методах

ее осуществления. Сципионы полагали возможным превратить Карфаген в союзника Рима, тогда как Катон, опасавшийся чрезмерного могущества Карфагена, требовал стереть его с лица земли.

В 157 г. очередное римское посольство снова разбирало спор о земельных владениях между Карфагеном и Массанасой и возвратилось с потрясающим известием: оно обнаружило в Карфагене огромные запасы материала, необходимого для строительства кораблей [Ливий, Сод., 47]. Иначе говоря, Карфаген мог в любой момент восстановить свое могущество и превратиться в опасного врага. Мы не знаем, действительно ли карфагеняне собирались строить военный флот, или же речь шла о постройке торговых судов. Как бы то ни было, сведения, доставленные послами сенату, позволили Катону и его партии снова перейти в наступление.

К тому же в Риме стали распространяться слухи, будто на карфагенской территории находится огромная нумидийская армия, которой командует Ариобарзан, внук Сифакса. Катон, используя эту информацию, выступил с настойчивым предложением объявить Карфагену войну. Ему возражал Насика, и сенат решил направить в Африку посольство, чтобы разобраться во всем на месте. По-видимому, именно это и было то знаменитое посольство 153 г., в котором участвовал Катон.

Судя по описанию Аппиана [Лив., 69], могущество и многолюдство Карфагена произвели на послов устрашающее впечатление. Плутарх [Плут. Кат., 26] примерно так же изображает впечатление Катона: найдя, что Карфаген, вопреки мнению римлян, не терпит бедствий и не находится в тяжелых обстоятельствах (не совсем ясно, как могло сложиться в Риме такое мнение при наличии постоянных торговых и дипломатических контактов), но обильно населен, переполнен огромным богатством, буквально набит разного рода оружием и боевым снаряжением, Катон пришел к мысли, что, если город не будет захвачен, римлянам придется столкнуться с теми же бедствиями, что и прежде.

Однако при всем этом остается неясным, как обстояло дело с тем дипломатическим заданием или прикрытием, которое получили римские послы. У Аппиана и Плутарха миссия фактически не завершена; содержание переговоров не инте-

ресует ни того, ни другого автора. Иначе обстоит дело у Ливия [Сод., 48].

Выразив порицание карфагенскому совету за то, что вопреки соглашению о союзе пунийцы имеют и армию (речь, несомненно, об армии Ариобарзана), и материалы для строительства флота, послы в очередной раз выразили желание установить мир между Карфагеном и Массанассой, причем на Массанассу возлагалось обязательство отступить от земли, бывшей предметом спора. По Аппиану [Лив., 69], Массанасса выразил готовность подчиниться решению римских послов, тогда как пунийцы, подозревая римлян в том, что те, как и раньше, примут нумидийскую сторону, заявили о ненужности каких-либо новых решений. Достаточно строго соблюдать договор, заключенный в свое время Сципионом. По Ливию [Сод., 48], карфагенский совет высказался за то, чтобы подчиниться решению послов. Это было тем более легко, что решение было благоприятным. Однако тогдашний суфжет Гисгон, сын Гамилькара (может быть, Гамилькара, сына Гисгона, о котором говорилось выше), потребовал объявить Риму войну. Нам представляется, что Аппиан и Ливий в данном случае взаимно дополняют друг друга; видимо, Аппиан излагает содержание речей Гисгона, сына Гамилькара.

В связи со всем изложенным возникают по крайней мере два вопроса. Почему римское посольство явно пренебрегло интересами и претензиями Массанассы в пользу Карфагена? И почему карфагенские демократические круги, несмотря на это, пошли на разрыв с Римом?

Позиция римского посольства могла диктоваться нежеланием в данный момент осложнять положение Рима войной в Африке, которая обещала быть трудной и длительной, в условиях когда шла война в Испании и назревали волнения на Балканском полуострове. Не исключено также, что римское посольство, несомненно осведомленное о настроениях карфагенских демократов, ничем не рисковало, будучи заранее уверенным, что они не согласятся с какими бы то ни было предложениями римлян. Тогда Рим мог сохранить положение миролюбивого и благожелательного посредника, в то время как карфагеняне представляли в роли агрессивно настроенных людей, которые к тому же сами не знают, чего хотят.

Если римские послы рассуждали таким образом, то не ошиблись в прогнозах. Позиция карфагенских демократов определялась, несомненно, тем, что они вообще не хотели римского посредничества. Вот почему Гисгон, сын Гамилькара, с порога отвергал любое, даже благоприятное, решение, раз оно исходило от римлян и, следовательно, обозначало римское верховенство над Карфагеном. Замечания послов по поводу армии и строительных материалов были ясным предупреждением, что Рим не допустит усиления Карфагена, не потерпит его самостоятельности.

Легко представить себе настроение, с которым послы возвратились на родину. Полностью оправдались их самые худшие предположения. Карфаген достаточно силен, чтобы воевать; более того, решающую роль в Карфагене играют люди, открыто призывающие к войне с Римом, идущие на прямой разрыв. В этих условиях рассказы послов об устрашающем могуществе Карфагена приобретали особое звучание. Катон говорил, что Рим не сможет чувствовать себя уверенным и не опасаться за свою свободу, пока существует Карфаген [Апп. Лив., 69]. Рассказывали, что в сенате он высыпал оливки, привезенные из Африки; когда все стали изумляться их величине и красоте, Катон сказал, что земля, выращивающая такие плоды, лежит в трех днях плавания от Рима [Плут. Кат., 27; ср. у Плиния, 15, 75]. До нас дошел фрагмент речи Катона, где обосновывается законность и неизбежность войны с Карфагеном [Катон, фрагм., 185]: «Карфагеняне уже наши враги, ибо тот, кто все готовит против меня, чтобы, когда захочет, быть в состоянии начать войну, — уже мой враг, даже если еще не пустил в ход оружия». «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен» — этой формулой Катон заканчивал каждое свое выступление в сенате [Велл. Пат., 1, 13, 1; Плиний, 15, 74; Флор., 1, 31, 4; Знам., 47; Циц. Кат., 18]. Возражения Насики — в условиях, когда пунийские власти сознательно пошли на прямое обострение отношений с Римом, — звучали весьма неубедительно.

Массанасса со своей стороны делал все, чтобы закрепить антикарфагенские настроения сената. В 152 г. в Рим снова прибыл Гулусса с доносом на карфагенян, которые набирают войска, строят флот и, без сомнения, готовят войну. Сенат решил еще раз отправить в Карфаген послов, чтобы ра-

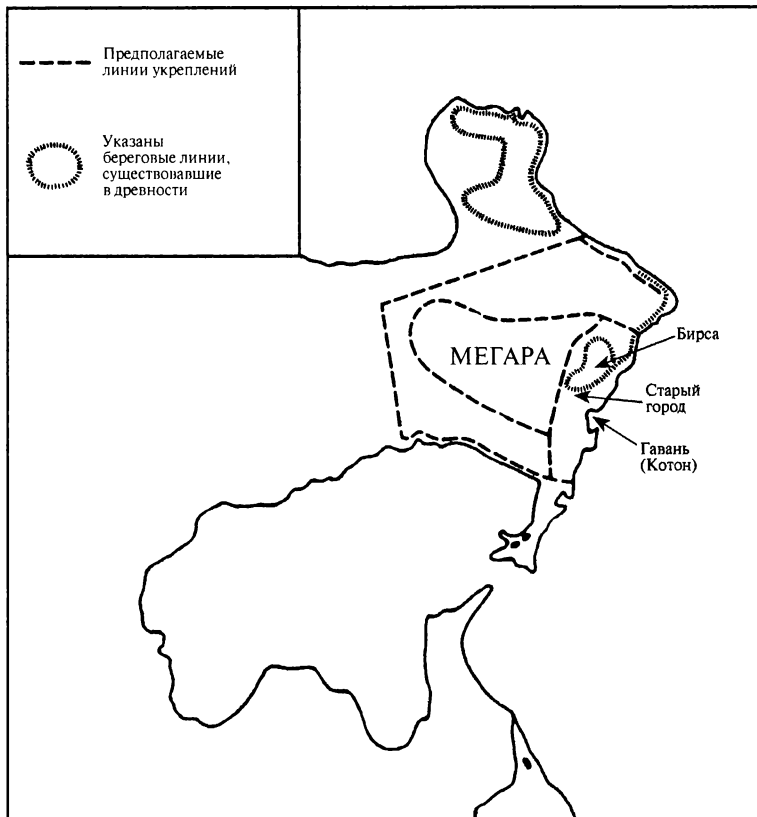
зобратъся на месте [Ливий, Сод., 48]. Возвратившись, послы сообщили, что действительно обнаружили в Карфагене армию и флот, после чего Катон и его сторонники с еще большей настойчивостью, чем прежде, стали предлагать отправить войска в Африку. Насика же продолжал повторять, что он не видит законного повода к войне. Сенат решил воздержаться от войны, если карфагеняне сожгут корабли и распустят армию; в противном случае консулы будущего года должны были формально поставить вопрос о новой войне с Карфагеном.

Тем временем карфагенские демократы сделали вполне логичный шаг — изгнали из Карфагена сторонников Массанассы. Те бежали к Массанассе и принялись убеждать царя начать войну с Карфагеном. Однако нумидийский владыка предпочел соблюсти приличия и отправил в Карфаген своих сыновей Гулуссу и Микипсу, но боэтарх запер перед ними ворота. Когда Гулусса возвращался обратно, на него напал Гамилькар Самнит. Массанасса использовал эти события как предлог для вторжения и осадил город Гороскопу. Когда туда же явился Гасдрубал, командовавший пунийской армией, Массанасса отступил и заманил Гасдрубала на пустынную равнину, окруженную со всех сторон холмами [Апп. Лив., 70]. Там в ожесточенном сражении карфагеняне были разбиты. Лишь немногие из 58 000 воинов Гасдрубала, в том числе и он сам, сумели пробиться в Карфаген [Апп. Лив., 72–73].

Разрушение Карфагена

Поражение в войне с Массанассой поставило Карфаген в исключительно трудное положение. Потеряв армию и оказавшись беззащитным перед лицом коварного и неумолимого врага, он явился к тому же и нарушителем римско-пунийского договора. Карфаген не только готовил армию и флот, но и без разрешения сената начал войну с Массанассой, союзником римского народа. Все это давало Риму достаточные основания объявить войну, и в Риме приступили к мобилизации [Апп. Лив., 74]. У карфагенского правительства было только два выхода: либо готовиться к войне, либо сдаться на милость

ПЛАН КАРФАГЕНА

римлян, желавших так или иначе привести Карфаген к окончательному порабощению или даже к гибели. Аристократическая проримская «партия», которую поражение Гасдрубала снова привело к власти, избрала второй путь.

Прежде всего карфагенские правители решительно отмежевались от участников войны с Массанассой. Гасдрубал, Карталон и видные их сторонники были приговорены к смертной казни; правда, исполнение приговора отложили. Затем, полагая, что они уже достаточно сделали, дабы представить злополучную кампанию как авантюру частных лиц, за которую государство не может отвечать, карфагеняне отправили в Рим очередное посольство. Оно обличало Массанассу и тех, кто, защищаясь слишком энергично и решительно, подверг город опасности быть обвиненным в ведении войны. Однако все разговоры были уже напрасными. В сенате окончательно победила точка зрения Катона. И если Карфагену немедленно не объявили войны, то лишь потому, что желали накопить как можно больше сил. На заседании сената карфагенским послам был задан единственный вопрос: как могло случиться, что карфагеняне приговорили виновных к смерти не в начале войны, а после поражения и явились в Рим не сразу, а лишь теперь? Карфагенскому правительству было велено передать, что оно недостаточно оправдалось перед римлянами. Послам оставалось только осведомиться о том наказании, какому карфагеняне должны подвергнуться, чтобы снять с себя вину, если римляне считают их виновными. «Удовлетворить римлян» — так сформулировал сенат свои требования [Апп. Лив., 74; Диодор, 32, 3].

Но что же могло удовлетворить римлян? Карфагенское правительство, готовое буквально на все, не знало, что предпринять. Одни думали, что римляне хотят еще денег, другие — чтобы Массанассе были отданы спорные земли. Снова запросили римлян и снова услышали: карфагеняне сами хорошо знают, что они должны делать [Апп. Лив., 74; ср. у Диодора, 32, 1] Судя по дошедшим до нас отрывкам из повествования Полибия [36, 3, 2–3], получив столь «исчерпывающее» указание и не видя никакого выхода, карфагенское правительство начало обсуждать вопрос о сдаче города римлянам. Речь шла не только о признании их господства: рассматривая Карфаген как добычу, римское государство становилось собствен-

ником земли и имущества, принадлежавших его гражданам, но и самих граждан. Именно так объясняет положение вещей Полибий [36, 4, 1–4]. Иначе говоря, речь шла о рабстве в прямом и точном смысле этого слова. Правда, римляне обычно «возвращали» сдающимся в большем или меньшем объеме их суверенные и имущественные права, оставляя за собой верховную власть. Такое решение давало пунийцам некоторую надежду сохранить свой город, в какой-то мере самоуправление и возможность по-прежнему обогащаться эксплуатацией крупных землевладений, ремеслом и торговлей.

Смятение и тревога, царившие в Карфагене ввиду крайней неопределенности положения и явно надвигавшейся беды, еще больше усилились, когда стало известно, что Утика, одна из древнейших колоний Тира в Северной Африке, старинная и, казалось, самая надежная союзница, на которую можно было положиться в любых испытаниях, пользовавшаяся в Карфагенской державе особенно привилегированным положением, — эта самая Утика сдалась римлянам [Полибий, 31, 3, 1; Апп. Лив., 75; Ливий, Сод., 49]. Дело было, конечно, не только в том, что Утика опередила карфагенян и тем лишила их некоторых преимуществ, на которые пунийцы рассчитывали [Полибий, 36, 3, 4]. Решение Утики показало римскому правительству, что Карфаген не может больше полагаться на своих африканских подданных и союзников, в том числе и на самых близких. Оно подстрекнуло сенат ускорить формальное [Апп. Лив., 75] объявление войны (ср., однако, у Ливия [Сод., 49], где послы из Утики являются в Рим сразу же после сенатского решения), и в Карфагене хорошо понимали, что действия Утики развязывают римлянам руки. Именно поэтому после длительного и тяжелого обсуждения совет решил придерживаться прежней линии поведения и отправил в Рим посольство с неограниченными полномочиями; послы должны были самостоятельно принимать на месте решения, исходя из обстановки и учитывая положение и интересы своей родины. Однако в Рим послы прибыли слишком поздно (по Аппиану [Лив., 76] и Диодору [32, 6], посольство было отправлено в Рим уже после того, как в Карфагене узнали об объявлении войны).

Вопрос об отношении к Карфагену и о его судьбе до самого последнего момента оставался объектом острой политиче-

ской дискуссии между Катонем и Насикой [Ливий, Сод., 49]. Катон еще более настойчиво требовал уничтожить Карфаген. Насика по-прежнему возражал, но его мало кто слушал. Карфагено-нумидийское столкновение, поведение карфагенских демократических магистратов по отношению к римским посольствам и их отказ от посредничества при решении территориальных споров подтвердили в глазах сенаторов правоту Катона. Сенат постановил: объявить Карфагену войну. Один консул, Маний Манилий, получил под начало пехоту, другой, Луций Марций Ценсорин, — флот. Тайные инструкции, полученные Манилием и Ценсорином при отъезде, заранее отвергали любую возможность мирного урегулирования: они должны были стереть Карфаген с лица земли и только после этого имели право считать свое задание выполненным. Какое-либо другое решение исключалось [Апп. Лив., 75].

Карфагенские послы, явившиеся в Рим уже после этих событий, конечно, не знали о секретных указаниях, которыми окончательно и бесповоротно решалась судьба города. Однако они видели, что в условиях, когда война уже начата, совещаться не о чем. Все еще надеясь мирным путем удовлетворить сенат, посольство объявило о полной и безусловной сдаче Карфагена [Полибий, 36, 3, 8; Ливий, Сод., 49; Диодор, 32, 6, 1]. Потребовать что-либо еще сверх этого, казалось, было уже невозможно. Но послы жестоко просчитались. Правда, доводя до сведения пунийской миссии ответ римского правительства, претор, имени которого источники не называют, объявил, что сенаторы, принимая во внимание решение карфагенян, предоставляют им свободу, законы, всю страну, а также обладание всем имуществом, как общественным, так и частным. Но, добавил претор, все это карфагеняне получат, если в течение 30 дней доставят в Лилибей 300 заложников, сыновей членов совета и коллегии 30-ти, а также выполнят другие требования консулов [Полибий, 36, 4, 5–6; Диодор, 32, 6, 1; Апп. Лив., 76].

Получив такой ответ, карфагенское правительство могло испытывать некоторое облегчение. Конечно, неопределенность сохранялась, так как не было известно, чего потребуют консулы; очень беспокоило и умолчание о самом городе. Но главное — заверения в том, что карфагеняне сохранят свою жизнь, свободу, имущество, — было получено. При этом сенат

по настоянию Катона тайно подтвердил консулам свое прежнее решение — вести дело к уничтожению Карфагена [Апп. Лив., 76; Ливий, Сод., 49; Диодор, 32, 6, 1].

Карфагенские власти поспешили отправить заложников в Лилибей. На улицах и в гавани матери с воплями цеплялись за детей, хватались за корабли, разрывали паруса; некоторые сопровождали суда, увозившие их сыновей, далеко в открытое море [Апп. Лив., 77; Полибий, 36, 5, 7; Диодор, 32, 6, 2].

В Утику, куда уже прибыли римские войска, явилось очередное карфагенское посольство. На сей раз консулы предложили выдать все оружие, которое хранилось в пунийских арсеналах. Нерешительные возражения карфагенян (вокруг города рыщет Гасдрубал, предводитель демократов, главный виновник войны с Массанассой, и от него нужно защищаться) были категорически отвергнуты под тем предлогом, что римское командование само обеспечит безопасность Карфагена; римляне получили 200 000 комплектов пехотного вооружения и 2000 (по Страбону, 3000) катапульта [Полибий, 36, 6; Страбон, 17, 3, 15; Диодор, 32, 6, 2; Апп. Лив., 79; Орозий, 4, 22, 2]; согласно Зонаре [9, 26], часть оружия карфагеняне припрятали.

И только теперь, когда Карфаген добровольно разоружился, Манилий и Ценсорин решились предъявить главное требование. Пригласив в свой лагерь герусиастов, они объявили, что карфагеняне должны покинуть город и поселиться на принадлежащей им территории в любом другом месте, но не ближе 80 стадий (то есть около 15 километров) от моря [Апп. Лив., 81; Диодор, 32, 6, 3; Ливий, Сод., 49; Зонара, 9, 26].

Карфагенские герусиасты надеялись смирением и покорностью задобрить беспощадного врага. И вот им предстояло объявить согражданам смертный приговор. Не имея выходов к морю, в стороне от важнейших судоходных путей, карфагеняне, жившие морской торговлей, работавшие на мировой рынок, были обречены на неминуемую гибель. Все попытки объясниться или хотя бы разжалобить консулов ни к чему не привели. Приказание сената следовало исполнить без проволочек, оно не подлежало обсуждению и не могло быть изменено. Единственное, чего добилась эта дипломатическая миссия: Ценсорин поставил у входа в карфагенские гавани свои

корабли, чтобы уstraшенный народ легче покорился своей участи...

На улицах, у ворот, на городских стенах послов ожидали огромные толпы народа. Многие выбежали им навстречу, однако герусиасты молча продолжали свой путь. Они должны были сообщить о требованиях римлян прежде всего совету [Апп. Лив., 91; ср. у Диодора, 32, 6, 5]. По мрачным лицам герусиастов, по тому, как они воздевали руки к богам и били себя кулаками по голове, люди догадывались, что произошло нечто ужасное. Перед зданием совета в нетерпеливом ожидании толпился народ. Внезапно услышали люди страшный вопль, ворвались внутрь, и... началась поистине безумная оргия отчаяния. Одни бросались на вестников несчастья, другие убивали тех, кто в свое время предложил выдать заложников и сдать оружие, третьи рассыпались по улицам и истребляли италиков, случайно оказавшихся в городе. Кто-то побежал в храмы, кто-то — к опустошенным арсеналам, кто-то — к верфям и гаваням [Полибий, 36, 7, 3–5; Апп. Лив., 92; Зонара, 9, 26]. И лишь немногие, сохранившие способность трезво рассуждать, заперли ворота и начали сносить на стены камни.

Совет решил воевать. Первой его мерой было освобождение рабов, которых, таким образом, можно было включить в армию [ср. также у Зонары, 9, 26]. Командующим вооруженными силами, действовавшими за городскими стенами, совет избрал Гасдрубала, совсем недавно приговоренного к смертной казни. Его просили не помнить зла, когда отечество находится в крайней опасности. Гасдрубал уже имел в своем распоряжении 20 000 воинов; организацию другой армии, предназначенной для защиты городских стен, поручили Гасдрубалу, внуку (по дочери) Массанассы. Одновременно совет обратился к римскому командованию с просьбой о перемирии на 30 дней, чтобы иметь возможность отправить в Рим новое посольство, но получил отказ [Апп. Лив., 93].

Карфагеняне, полные решимости претерпеть что угодно, лишь бы не покидать родины, готовились к борьбе. Все государственные и храмовые участки, все вместительные и удобные помещения они превратили в ремесленные мастерские, где непрерывно днем и ночью работали мужчины и женщины; они изготовляли каждый день по 100 (по Страбону, по

140) щитов, 300 мечей, 1000 стрел для катапульта, 500 дротиков и копий, а также катапульты — сколько удастся. Канаты плели из женских волос. Для строительства кораблей переливали медные статуи и брали деревянные балки общественных и частных зданий. Никто не уклонялся от этой работы [Апп. Лив., 93; Страбон, 17, 3, 15; Дион Касс., фрагм., 71; Орозий, 4, 23, 4]. Женщины отдавали золотые украшения на покупку вооружения и продовольствия [Диодор, 32, 9].

Между тем консулы медлили. Не исключено, что они рассчитывали на сдачу Карфагена. К тому же у римлян вышли неприятности с Массанассой, который без всякого энтузиазма наблюдал, как союзники уводят у него из-под носа богатейшую добычу. Он, правда, в конце концов предложил свою помощь, но консулы ответили, что обратятся к нему в случае необходимости [Апп. Лив., 94]. Лишь через несколько дней, которые прошли в переговорах с Массанассой и в хлопотах о доставке продовольствия, консулы придвинулись наконец к Карфагену и попытались взять его штурмом.

Манилий двигался по перешейку, соединявшему Карфаген с материком, рассчитывая, что сможет засыпать там ров и овладеть сначала небольшим передним укреплением, а потом и стенами. Ценсорин с суши и с моря продвигал лестницы к слабо укрепленному углу стены. Однако, натолкнувшись на сопротивление, римляне отступили. Пока шел бой, с тыла подошел Гасдрубал и расположился за болотом; опасаясь внезапного нападения, консулы принялись укреплять собственные лагеря [Апп. Лив., 97]. По завершении этой работы Ценсорин отправил солдат за лесом для постройки осадных машин; там на них напал во главе отряда пунийской конницы Гамилькар (у Аппиана, Гимилькон) Фамея. Римляне потеряли в ожесточенной схватке 500 человек, однако лес Ценсорин все-таки добыл. Снова римляне, уже с осадными машинами, пошли на штурм города и снова отступили. Манилий отчаялся взять город со стороны перешейка [Апп. Лив., 97], и тогда был разработан другой план.

Засыпав землю часть болота вдоль косы, выдающейся глубоко в море, Ценсорин придвинул к стене два больших тарана. Они снесли часть стены, и уже можно было видеть дома и улицы города. Но карфагеняне бросились к пролому и, отеснив противника, принялись ночью спешно заделывать сте-

ну; часть их — вооруженные и безоружные, с одними только факелами в руках, вышли за городскую стену и сожгли или привели в негодность осадные машины. Утром у пролома завязалось новое сражение. Римляне пытались прорваться в город. Карфагеняне противопоставили им шеренги вооруженных воинов, за которыми толпился народ с кольями и камнями в руках. Многие пунийцы ожидали неприятеля на крышах. Карфагенянам удалось вытеснить римлян за городскую стену [Апп. Лив., 98; Ливий, Сод., 49; Орозий, 4, 22, 7; Зонара, 9, 21].

С наступлением лета в лагере Ценсорина из-за ядовитых испарений начались болезни, и он счел за благо перебраться к морю. Между тем пунийцы, используя затишье, решили нанести удар по римскому флоту. Они хворостом и паклей нагружали небольшие парусные лодки, подтаскивали их канатами вдоль стен к тому месту, откуда ветер гнал бы их к римскому флоту, насыпали серу, заливали смолу, поджигали и пускали. В результате римляне потеряли почти все свои корабли. Осенью 149 г. Ценсорин уехал в Рим проводить очередные выборы магистратов. Руководство осадой целиком перешло к Манилию. На его лагерь карфагеняне предприняли вылазку, подойдя глухой ночью к оборонительному валу. Им помешал Сципион Эмилиан, ударивший по карфагенянам с тыла и заставивший их отступить [Апп. Лив., 99]. После этого события Манилий построил вокруг лагеря стену [Апп. Лив., 100].

Беспрестанные неудачи, с которыми Ценсорин и Манилий столкнулись при попытках штурмовать безоружный, но хорошо укрепленный город, и решительное сопротивление карфагенян заставили римское командование отказаться от продолжения борьбы у городских стен. Манилий главные операции перенес в Ливию — против отрядов Гасдрубала и Гамилькара Фамея. В особенности тревожил римлян Фамея; своими налетами он почти парализовал действия римских фуражиров. Правда, он делал исключение для подразделений, которыми командовал Сципион Эмилиан; они отличались высокой дисциплиной и организованностью, и Фамея не стал рисковать [Апп. Лив., 100–101].

Не принес Манилию удачи и поход против Гасдрубала к Неферису. Там римляне, окруженные крутыми склонами,

занятыми неприятелем, вынуждены были пробираться через заросли, ущелья и горные потоки и едва не попали в ловушку. Ожесточенное сражение не дало перевеса ни одной из сторон. Гасдрубал засел в неприступном укреплении и, когда римляне, ничего не добившись, начали отступление, напал на уходящих. От полного разгрома римскую армию спас Сципион Эмилиан [Апп. Лив., 102–103; Ливий, Сод., 49; ср. у Зонары, 9, 27].

Кампания 149 г. не увенчалась сколько-нибудь заметными успехами римского оружия. Вопреки всем ожиданиям война затягивалась, и сенат, обеспокоенный таким развитием событий, отправил в Африку специальную комиссию. Картина, которую сенатские уполномоченные застали, была неприглядной: единственным римским военачальником, добившимся некоторых, правда, пока не слишком ощутимых побед, да к тому же в оборонительных боях, был Сципион Эмилиан [Апп. Лив., 105]. Наверное, неслучайно старик Катон уже на краю могилы отличил Эмилиана, характеризуя его стихом из «Одиссеи»: «Он лишь с умом; все другие безумными тенями реют» [см. об этом: Полибий, 36, 8, 6; Диодор, 32, 9а; Плут. Кат., 27; ср. у Ливия, Сод., 49, а также у Плут. Апоф., 3].

Неудачи подвигли сенат напомнить Массанассе о союзе. Однако сенатские послы уже не застали царя в живых. В память о прежних дружественных отношениях со Сципионом Массанасса просил Эмилиана разделить наследство между его сыновьями [ср. у Евтропия, 4, 11; Орозий, 4, 22, 8]. Политическое значение этой миссии и для Рима, и для самого Эмилиана очевидно. Эмилиан сделал все, чтобы максимально ослабить Нумидийское царство и еще крепче привязать его к Риму. Он сделал царский титул, как говорит Аппиан, общим достоянием всех трех претендентов — Микипсы, Гулуссы и Мاستанабала, причем Микипсе он предоставил обладание Циртой и царским двором, то есть формальную верховную власть, Гулуссе — ведение войны и заключение мира, а следовательно, и командование армией, а Мастанабалу — суд над подданными, то есть гражданское управление [Апп. Лив., 105–106; Ливий, Сод., 50; Зонара, 9, 27]. Таким образом, все они были лишены реальной власти; особенно комическое зрелище должен

был представлять верховный правитель Микипса, не имеющий никаких полномочий.

Вскоре после этого Эмилиан нашел случай вступить в личные переговоры с Фамеей и предложил спастись ему самому, коль скоро он не может спасти государства. Фамея подумал, подумал и с частью своего отряда перешел на сторону римлян [Апп. Лив., 107–108; Диодор, 32, 17, 1; Ливий, Сод., 50; Зонара, 9, 27].

Тем временем в войска прибыл новый консул — Луций Кальпурний Писон Цесоний, которому сенат поручил ведение африканской войны. Командовать флотом назначили Луция Гостилия Манцина. Манилий должен был возвратиться в Рим; туда же он отправил и Эмилиана вместе с Фамеей. Сенат щедро наградил Фамею за предательство, пожаловав пурпурное одеяние с золотой пряжкой, коня с золотой сбруей, полное вооружение и 10 000 драхм. Обещали ему и еще больше, если он будет и в дальнейшем помогать римлянам. Фамея, в свою очередь, заверил недавних врагов в преданности и, воодушевленный открывшимися ему блестящими перспективами, воротился в Африку, в римский лагерь.

Кампания 148 г. сложилась для Писона неудачно. В течение целого лета он безуспешно осаждал Гиппону Диарриту и в конце концов, потеряв все осадные орудия, удалился на зимние квартиры в Утику [Апп. Лив., 110; Зонара, 9, 29]. Такой ход военных действий, естественно, внушил карфагенскому правительству уверенность в своих силах и надежду на победу, тем более что к Гасдрубалу перебежал от Гулуссы нумидиец Бития с 800 всадниками [Апп. Лив., 111].

В самом Карфагене возобновилась и приняла чрезвычайно острые формы борьба за власть, теперь уже в демократической партии. На одном из заседаний совета Гасдрубал внезапно обвинил начальника городского гарнизона Гасдрубала, внука Массанассы, в том, что тот фактически помогает своему дяде Гулуссе. Обвиняемый в смятении не нашел, что ответить, и члены совета тут же забили его скамьями насмерть. Вся карфагенская армия перешла после этого под командование Гасдрубала [Апп. Лив., 111; Орозий, 4, 22, 8].

Полибий [38, 2, 7–12] дает Гасдрубалу как полководцу и государственному деятелю, просто как человеку резко отрицательную оценку. В его изображении карфагенский командую-

щий выступает в облике тщеславного труса, который набивает свое брюхо пищей в то время, когда его сограждане гибнут от голода, и способен только на хвастливые речи, но отнюдь не на подлинно героические поступки. В этом портрете, очевидно, много преувеличений. Тем не менее единственный успех, который Гасдрубал мог поставить себе в заслугу, — это его действия против Манилия у Нефериса. Трагическая гибель Гасдрубала, внука Массанассы, обнаружила в нем властолюбивого демагога и интригана.

Одним из консулов на 147 г. избрали Сципиона Эмилиана, хотя он и не достиг возраста, позволявшего ему претендовать на такую должность, и выставлял свою кандидатуру всего лишь в эдилы [Знам., 53, 5; Евтропий, 4, 12; Диодор, 32, 9а; Ливий, Сод., 49; Зонара, 9, 29]. Ему же решением народного собрания, несмотря на противодействие другого консула, Марка Ливия Друза, требовавшего жеребьевки, было поручено вести войну в Африке [Апп. Лив., 112]. Решающую роль здесь, конечно, сыграли его репутация и общая уверенность в том, что только он сможет победоносно завершить войну, ход которой все больше тревожил римлян.

Когда Эмилиан, уже в качестве консула и римского командующего, прибыл в Утику, он застал пехотные части ведущими осаду нескольких африканских городов, а флот — атакующим Карфаген. Попытка Манцина прорваться в город провалилась, и лишь корабли, своевременно посланные Эмилианом, спасли его десант от гибели [Апп. Лив., 113–114].

Свое внимание Эмилиан решил сосредоточить на осаде Карфагена. Первую атаку он направил против Мегары — окруженной стеной северной окраины города. Удар был нанесен ночью с двух флангов. Нескольким римлянам удалось взобраться на стену, откуда они спрыгнули на улицу и, взломав небольшие ворота, впустили остальных. Карфагеняне в смятении бросились в Бирсу, но и Эмилиан спустя некоторое время оставил Мегару — переполненный огородами и садами, деревьями и кустарниками, перерезанный во всех направлениях оросительными каналами, этот район был неудобен для ведения боя и не имел значения как плацдарм для ведения дальнейших боевых действий [Апп. Лив., 117] (Зонара [9, 29] приписывает операцию в Мегаре Манцину).

Несмотря на отход римских отрядов из Мегары, успех Эмилиана имел большое значение. Римляне впервые ворвались на территорию Карфагена, они сумели преодолеть, казалось, неприступные стены. И Гасдрубал, несомненно для «поднятия духа» своих сограждан, а также, как справедливо замечает Аппиан, чтобы исключить всякую возможность мира, ответил на действия Эмилиана актом бессмысленной жестокости. По его приказанию на стены, чтобы враги хорошо видели, вывели пленных римских солдат и подвергли их всякого рода истязаниям: вырывали глаза, язык, жилы, половые органы, отрезали подошвы, отрубали пальцы, сдирали кожу. Умиравших сбрасывали со стены. Однако Гасдрубал достиг противоположного результата. Бесчеловечная расправа не только ожесточила римлян, но и вызвала возмущение в самом Карфагене. Гасдрубал силой подавил сопротивление, кое-кто из недовольных поплатился жизнью. В Карфагене окончательно установилась военная диктатура [Апп. Лив., 118; ср. у Полибия, 38, 2, 12–13].

Эмилиан тем временем продолжал действия по усилению осады; римляне выкопали поперек перешейка два рва от моря до моря и таким образом отрезали Карфаген от материка. Кроме того, была воздвигнута высокая каменная башня, а на ней четырехэтажная деревянная. Теперь Эмилиан мог следить за всем, что происходило в Карфагене [Апп. Лив., 119].

Неожиданно Гасдрубал предпринял странный шаг: он попытался завязать через Гулуссу переговоры с Эмилианом. Первая реакция Эмилиана была резко отрицательной, и только под влиянием Гулуссы, который предупреждал, что на следующий год сенат может прислать новых консулов и поэтому следует поторопиться, он согласился гарантировать Гасдрубалу, его семье и десяти близким к нему семьям жизнь и возможность унести с собою 10 талантов денег или увести всех своих рабов (по Диодору, 100 рабов). Гасдрубал отказался принять такие условия [Полибий, 38, 1, 1–2, 9; Диодор, 32, 22].

Пока шли переговоры, Эмилиан осуществил еще одну важную операцию: римляне построили каменную дамбу, которая перекрыла все выходы из Карфагена в открытое море. Но блокировать город им не удалось. Одновременно с их работами пунийцы в глубокой тайне вырыли канал, который связал

карфагенские гавани со Средиземным морем. Тогда же они приступили к постройке новых кораблей, и в один прекрасный день, к немалому изумлению римлян, из портов вышел флот из 50 триер и множества мелких судов [Апп. Лив., 121]. На третий день после этого события произошло морское сражение.

Бой продолжался до заката; ни одна из сторон не получила сколько-нибудь ощутимого преимущества, и карфагеняне решили отступить. Однако у входа в гавань, где мелкие пунийские корабли перегородили дорогу своим же крупным судам, сражение возобновилось, и теперь римляне таранными ударами смогли вывести из строя большую часть карфагенского флота [Апп. Лив., 122–123]. Таким образом, отчаянная попытка карфагенян прорвать морскую блокаду закончилась неудачей.

После зимнего затишья, с наступлением весны 146 г., Эмилиан нанес Карфагену решающий удар, атаковав Котон, одну из его гаваней, и Бирсу. Овладев стеной вокруг Котона, он занял и прилегающую к нему рыночную площадь. Первое, что римляне сделали, ворвавшись в город, — бросились грабить храм бога огня Решефа, которого греки отождествляли с Аполлоном. Их особое внимание привлекла позолоченная статуя божества и ниша, покрытая золотыми пластинами. Пока солдаты не поделили между собой золото, а его было много, 1000 талантов, никакие приказы не могли заставить их двинуться дальше [Апп. Лив., 127].

Со стороны рыночной площади к Бирсе поднимались три улицы, застроенные множеством шестиэтажных домов. Каждый дом римлянам приходилось брать штурмом. Захватив один, они по бревнам и доскам перебежали на крышу другого, и там резня возобновлялась. Внизу на улицах города, тоже шла яростная сеча. И атакующие, и защитники города гибли в рукопашных схватках, падали с крыш, иногда прямо на копья врагов. Наконец римляне пробились к стенам Бирсы, и Эмилиан приказал поджечь город и рушить дома, чтобы расчистить проходы [Апп. Лив., 123]. «Следствием этого, — пишет Аппиан [Лив., 129], — было другое зрелище иных бедствий, так как огонь сжигал все и перекидывался с дома на дом, а люди не постепенно разбирали здания, но, навалив-

шись все разом, обрушивали их. От этого грохот еще более усиливался, и вместе с камнями вываливались на середину улиц вперемежку и мертвые и живые, в большинстве старики, и женщины, и дети, которые прятались в укромных местах домов; одни раненные, другие полубожженные, они испускали жуткие вопли. Другие же, сбрасываемые и падавшие с такой высоты вместе с камнями и горящими балками, испытывали огромные страдания, ломая кости и разбиваясь насмерть. Но этим их мучения не кончались; сборщики камней, которые топорами, секирами и крючьями оттаскивали упавшее и расчищали дорогу для пробежавших солдат, одни — топорами и секирами, другие — остриями крючьев выбрасывали и мертвых, и еще живых в ямы, таща их и переворачивая железом, как бревна и камни. Люди, точно мусор, заполняли рвы. Одни из выбрасываемых падали на голову, и их ноги, торчавшие из земли, еще долго содрогались; другие падали вниз ногами, и их головы высывались над землей. Лошади на скаку разбивали им лица и черепа, не потому что всадники этого хотели, но из-за спешки. По этой же причине так делали и сборщики камней; трудность войны, уверенность в близкой победе, быстрое передвижение войск, глашатаи и трубные сигналы, возбуждавшие всех, военные центурионы, пробежавшие мимо со своими отрядами, сменяя друг друга, — все это делало всех из-за спешки безумными и равнодушными к тому, что они видели».

Кровавая оргия продолжалась шесть дней. Наконец из Бирсы к Эмилиану пришли жрецы храма Эшмуна*, прося сохранить жизнь тем, кто пожелает выйти из Бирсы. Эмилиан согласился. Более 50 000 мужчин и женщин (по Орозию [4, 23, 3], 25 000 женщин и 30 000 мужчин) покинули крепость и тут же были взяты под стражу. Их ожидало безысходное рабство. Надо заметить, что порабощение свободного населения города, взятого штурмом или сдавшегося после длительной осады, во II в. до н. э. обычно уже не практиковалось и, во всяком случае, оценивалось как проявление чудовищной жестокости.

---

* Греки отождествляли его с богом врачевания Асклепием; это было центральное и самое богатое святилище в Карфагене.

Лишь 900 перебежчиков-римлян бежали в храм Эшмуна и оттуда продолжали борьбу; с ними укрылись Гасдрубал, его жена и двое его маленьких детей [Апп. Лив., 130]. Однако последнего испытания Гасдрубал не выдержал. Тайком от жены и защитников храма Эшмуна он бежал к Эмилиану; в позорнейшем положении, сидящим у ног победителя и вымаливающим себе жизнь, запомнили его современники и потомки. Перебежчики, которых ожидала неминуемая расправа, подожгли храм. В его пламени погибла жена Гасдрубала, зарезавшая на глазах у потрясенного Эмилиана своих детей [Апп. Лив., 131; Полибий, 39, 4; Ливий, Сод., 51; Диодор, 32, 23; Зонара, 9, 30, Орозий, 4, 23, 1–5].

Эмилиан долго смотрел на пылающий город. Рядом с ним стоял Полибий — когда-то один из руководителей Ахейского союза, а теперь, после 167 г., один из 1000 заложников, близкий к семейству Сципионов, величайший историограф своего времени. Внезапно Полибий услышал, что его покровитель и ученик вспоминает греческие стихи — Гомера:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя;
С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама.

Илиада, VI, 448. Перевод Н. И Гнедича

«Что ты хочешь этим сказать?», — спросил Полибий. «Хорошо, — ответил Эмилиан, — но я боюсь, что когда-нибудь такую же весть принесут и о Риме» [Полибий, 39, 5, 1; Апп. Лив., 132] (ср. у Диодора [32, 24], где этот эпизод рассказан несколько иначе).

Мрачные мысли недолго беспокоили победителя. Захватив Карфаген, Эмилиан разрешил своим солдатам в течение нескольких дней грабить город. Им было запрещено касаться только золота, серебра и посвящений в храмах. С вестью о победе он послал самый быстроходный корабль, нагруженный богатой добычей. Взрывом восторга встретили римляне эту новость. Всю ночь никто не ложился спать, а наутро принесли благодарственные жертвы, устроили процессии и игры [Апп. Лив., 133–135].

Для устройства новых земель сенат послал к Эмилиану комиссию из десяти «отцов». Союзникам Рима, прежде всего Утике, они предоставили обширную территорию на побере-

жье, часть карфагенских земель отдали Нумидии, а остальное превратили в римскую провинцию, которой должен был управлять специальный магистрат в ранге претора. Римляне уничтожили города, помогавшие Карфагену, а развалины самого Карфагена буквально стерли с лица земли. Место, на котором он стоял, прокляли, распахали и никогда больше не заселяли [Апп. Лив., 135; Орозий, 4, 23, 6]. Римскую колонию Карфаген, основанную Августом по завещанию Юлия Цезаря примерно через полтора века, построили по соседству.

Сокращенные обозначения источников

- Апп. Ганниб. — Appianus, Hannibalica.
Апп. Лив. — Appianus, Libya.
Апп. Исп. — Appianus, Hispanica.
Апп. Самн. — Appianus, Samnitica.
Апп. Сир. — Appianus, Syrica.
Апп. Сиц. — Appianus, Sicelica.
Апулей — Apuleius, Apologia.
Арист. — Aristoteles, Politica.
Вал. Макс. — Valerius Maximus, Dictorum factorumque memorabilium.
Велл. Пат. — Velleius Paterculus, Historia Romana.
Гелл. — A. Gellius, Noctes Atticae.
Диодор — Diodorus, Bibliotheca historica.
Дион Касс. — Cassius Dio, Historia Romana.
Евтропий — Eutropius, Breviarum historiae Romanae.
Знам. — De viris illustribus.
Зонара — Zonaras, Annales.
Катон — Cato.
Колумелла — Columella, Res rusticae.
Корн. Неп., Гам. — Cornelius Nepos, Hamilcar.
Корн. Неп., Ганниб. — Cornelius Nepos, Hannibal.
Ливий — Livius, Ab Urbe condita
Ливий, Сод. — Livius, Ab Urbe condita, Periocha.
Орозий — Paulus Orosius, Historiae adversus paganos.
Пап. Р. — Papyrus Rylands.
Плиний — Plinius, Naturalis Historia.
Плут. Апоф. — Plutarchus, Regum et oratorum apophthegmata, Scipio
junior.
Плут. Деян. римл. — Plutarchus, Acta Romanorum.
Плут. Кат. — Plutarchus, Cato Maior.
Плут. Лук. — Plutarchus, Lucullus.

- Плут. Марц. — Plutarchus, Claudius Marcellus.
Плут. Пирр — Plutarchus, Pyrrhus.
Плут. Фаб. — Plutarchus, Fabius Maximus.
Плут. Флам. — Plutarchus, Flaminus.
Полибий — Polybius, Historia.
Сервий — Servius, In Aeneidam.
Сил. Ит. — Silius Italicus, Punica.
Страбон — Strabo, Geographica.
Флор. — Florus, Epitome rerum Romanorum.
Фронтин — Frontinus, Strategemata.
Циц. Госуд. — Cicero, De re publica.
Циц. Кат. — Cicero, Cato Maior.
Циц. Обяз. — Cicero, De officiis.
Циц. Предв. — Cicero, De divinatione.
Циц. Туск. — Cicero, Tusculanae disputationes.
Целий — Caelius Antipater.
Энний — Ennius, Annales.
Юстин — Justinus, Trogi Pompei historiarum Philippicarum epitoma.

CIL—Corpus Inscriptionum Latinarum.

CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum.

KAI — H. Donner, W. Röllig, Kanaanäische und aramäische Inschriften,
Bd. I—III, Wiesbaden, 1966.

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	
КЛЯТВА ГАННИБАЛА	15
Очерк истории Карфагена (825–247 гг. до н.э.)	17
Завершение I Пунической войны. Восстание наемников	41
Глава вторая	
ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ. ПОХОД В ИТАЛИЮ	57
Гамилькар Барка и Гасдрубал	57
Ганнибал у власти. Захват Сагунта	64
Переход через Альпы	75
Глава третья	
БЕСПОЛЕЗНЫЕ ПОБЕДЫ. ОТ ТИЦИНА ДО КАНН	92
Битва при Тицине	92
Битва при Требии	96
Тразименское озеро	105
Диктатура Фабия Максима	112
Битва при Каннах	130
Глава четвертая	
НА ПУТИ К ЗАКАТУ. ОТ КАНН ДО ПАДЕНИЯ КАПУИ	140
В поисках союзников	143
Рим после катастрофы	158
Захват Ацерр, Касилина, Локр и Кротона	163

Союз с Филиппом V. Война в Южной Италии	170
Война на Сицилии. Осада Сиракуз. Архимед	184
Тарент. Взятие Сиракуз. Положение в Испании	203
Осада Капуи. Ганнибал у ворот Рима	220

Глава пятая

НА ПУТИ К ЗАКАТУ. ОТ ПАДЕНИЯ КАПУИ ДО ЗАМЫ . .	230
--	-----

Публий Корнелий Сципион Младший	231
Победы римлян на Сицилии и в Испании	237
Взятие Тарента. Поход Гасдрубала	242
Гибель Марцелла. Битва при Метавре	245
Новые победы Сципиона	250
Африканская экспедиция. Битва при Заме	258

Глава шестая

ГАННИБАЛ ВО ГЛАВЕ КАРФАГЕНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.	276
---	-----

Заклучение мира	276
Политическая борьба в Карфагене. Реформы Ганнибала	280

Глава седьмая

БЕГСТВО НА ВОСТОК И ГИБЕЛЬ	287
--------------------------------------	-----

Путь	287
Ганнибал при дворе Антиоха III	289
Смерть Ганнибала	294

Глава восьмая

ВМЕСТО ЭПИЛОГА	297
--------------------------	-----

Причины и поводы III Пунической войны	299
Разрушение Карфагена	309

<i>Сокращенные обозначения источников.</i>	326
--	-----

Кораблев И.

К66 Ганнибал / Илья Кораблев. — М. : Ломоносовъ. — 2015. — 336 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-272-1

В девять лет один из величайших полководцев древности Ганнибал поклялся сокрушить Рим. Ради этого он развязал Вторую Пуническую войну, перешел — со слонами! — через Альпы, разбил римлян в нескольких сражениях. После победы при Каннах, величайшего его триумфа, Рим висел на волоске, однако римляне устояли, и клятва Ганнибала осталась невыполненной. Потом были еще годы войны, и тяжкий для Карфагена мир, и бегство Ганнибала на Восток, и командование флотом селевкидского царя Антиоха III — опять-таки в войне с Римом, а затем, после поражения, скитания от Крита до Армении и наконец самоубийство в Вифинии, когда местный правитель заключил с римлянами сделку о его выдаче. Недолгое время спустя после смерти Ганнибала Карфаген был разрушен римлянами до основания, а место, где он стоял, распахано, чтобы ничто более не напоминало о бывшем здесь великом городе.

Илья Кораблев (наст. фамилия Шифман; 1930–1990) — антиковед, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Академии наук.

УДК 94(397.3)

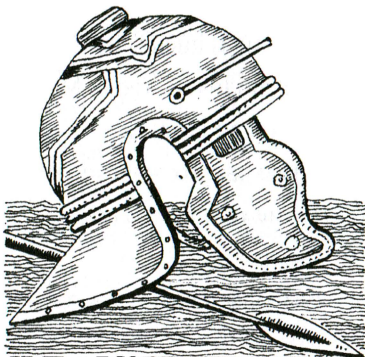
ББК63.3(0)32

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Илья Кораблев

Ганнибал

Редактор Н. Макаров
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 28.04.2015.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 21. Тираж 1000 экз. Заказ 2334.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. Земля — вид СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, ИЛИ ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ
И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 МОСКОВИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ ГЛАЗАМИ ИНОЗЕМЦЕВ
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. ЗАЛОЖНИКИ ПЕТРА I И КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ
И РУССКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА

- 74 Александр Васильев. Византия и крестоносцы.
ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ
И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ
СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ:
СХВАТКА ЗА ЛИВонию
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. Гунны
- 95 Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- 96 Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- 97 Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Илья
Кораблев
Ганнибал

В девять лет один из величайших полководцев древности Ганнибал поклялся сокрушить Рим. Ради этого он развязал Вторую Пуническую войну, перешел — со слонами! — через Альпы, разбил римлян в нескольких сражениях. После победы при Каннах, величайшего его триумфа, Рим висел на волоске, однако римляне устояли, и клятва Ганнибала осталась невыполненной.

Потом были еще годы войны, и тяжкий для Карфагена мир, и бегство Ганнибала на Восток, и командование флотом селевкидского царя Антиоха III — опять-таки в войне с Римом, а затем, после поражения, скитания от Крита до Армении и наконец самоубийство в Вифинии, когда местный правитель заключил с римлянами сделку о его выдаче. Недолгое время спустя после смерти Ганнибала Карфаген был разрушен римлянами до основания, а место, где он стоял, распахано, чтобы ничто более не напоминало о бывшем здесь великом городе.

Илья Кораблев (наст. фамилия Шифман; 1930–1990) — антиковед, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Академии наук.

ISBN 978-5-91678-272-1

9 785916 782721